

ФАНТАСТИКА

77

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

Сканировал и создал книгу - vtmakhanov

Составитель
В. Щербаков

Редакционная коллегия:

*Александр Казанцев
Алим Кешоков
Василий Захарченко
Виталий Севастьянов
Север Гансовский
Сергей Павлов
Аскольд Якубовский
Юрий Медведев*

Ф 70302—304
078(02) — 77 267—77

НАШИ АВТОРЫ

О. Алексеев
Б. Балашевичус
Л. Булыгин
Г. Вачнадзе
В. Волин
С. Гагарин
С. Гансовский
В. Григорьев
М. Грешнов
Д. Де-Спиллер
И. Дручин
Н. Дубинин
И. Ефремов
Р. Колонайтис
Д. Карасев
В. Колупаев
П. Липатов
Г. Максимович
М. Мамонова
А. Мархабаев
В. Мелентьев
В. Михановский
И. Мынекуртэ
А. Осипов
С. Павлов
А. Петрин
Л. Поспелов
В. Рыбин
С. Смирнов
Г. Тарнаруцкий
Д. Шашурин
В. Щербаков
Л. Эджубов

Абакан
Алма-Ата
Вильнюс
Кишинев
Краснодар
Красноярск
Ленинград
Москва
Саратов
Свердловск
Ставрополь
Тбилиси
Томск
Челябинск

ПРОГРЕСС И МЕЧТА

(Предисловие составителя)

Фантастика, как и литература вообще, должна затрагивать все струны сердца. Писатель-фантаст, пожалуй, обязан быть внимательным и к творению рук человеческих, ко «второй природе», к ее влиянию на нас, и к миру нерукотворимому с его картинами планетных стихий, с пейзажами, сиянием сполохов и полетом радуг. От фантаста чаще всего требуется умение одинаково свободно живописать «миофабриллы» человеческой души, вечно молодую неумирающую природу и откровения науки.

Но человек — главный объект исследования в литературе. Чтобы высказать научную догадку, сформулировать гипотезу, вовсе не обязательно прибегать к жанру фантастики. Это можно сделать значительно проще, в популярной статье, например. Гораздо больший интерес, нежели сама гипотеза или догадка, представляет сам поиск, процесс ее зарождения и становления. А это уже немыслимо без человека, без героя, на худой конец — без персонажей. Интересно проследить и влияние вызванных человеком сил на его судьбы, на развитие общества.

И вот в фокус внимания писателей-фантастов все чаще попадает внутренний мир человека, его переживания, его привязанности, его судьбы в преображенном фантазией мире.

Конечно, научная фантастика более близка к науке, чем другие жанры. Но она ничуть не дальше их от искусства. Ученого или инженера, соблазнившегося фантастическими видениями будущего, подстерегают подводные камни. Популярность фантастики и ее несколько особое положение не позволяют выявить своевременно известные просчеты творческого характера. И тогда, случается, ученый подавляет писателя. Уместно вспомнить высказывание ученого и писателя И. А. Ефремова:

«Популяризаторский рассказ о науке — не путь научной фантастики, которая должна оставаться художественной литературой, как бы близко ни подходила она к научно-популярным произведениям и какими бы фантастичными ни казались смелые предположения ученых... Не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени».

Научно-техническая революция принесла с собой невиданные темпы развития науки и промышленности, качественные изменения их структуры. Заметная часть наблюдений, накопленных данных, экспериментальных фактов на каждом этапе исследований остается «не уложенной» в рамки строгих теорий и не находит продолжения в систематическом продвижении вперед, словно дожидаясь случая. Быть может, говорил И. А. Ефремов, именно те

находки, которые пока лежат втуне, не дав начало планомерным исследованиям, хранят в себе возможности заманчивых взлетов науки. Привлечь внимание к этим возможностям — одна из главных задач научной фантастики.

И наконец, еще одно положение известного ученого и фантаста, с которым также трудно не согласиться:

«Однако придется разочаровать писателей. Для того чтобы идти в научную фантастику этим путем, надо быть ученым, стоящим на переднем крае исследований, широко образованным в области истории науки и накопленных ею фактов. Следовательно, надо работать сразу в двух областях, то есть находиться в наш век узких специализаций в самом невыгодном положении».

От фантаста требуется умение верно подметить и детали мира будущего, и его «типовую интерьера». Непозволительно надеяться на то, что можно выдумывать, не сообразуясь ни с какими закономерностями. Если уж писатель берется за нелегкий труд фантазирования, он должен владеть элементами мироощущения будущего. Прошлое изучают кропотливо, анализируя его с помощью самых изощренных технических средств. Совсем другой арсенал средств применяется для изучения будущего. Разница, кроме того, состоит и в том, что ответы на вопросы о будущем носят вероятностный характер. Долгосрочное прогнозирование, относящееся к какой-либо конкретной области человеческой деятельности, напоминает стрельбу по невидимой цели. Но и такая стрельба подчиняется определенным правилам, законам, которые не следует игнорировать.

Эти закономерности фантаст может найти, нащупать, но для этого надо уметь обобщать факты, уже известные.

Простой, казалось бы, пример: жилище человека. Каким оно будет через десятки, сотни лет? Найдется ли, право, такое волшебное зеркало, которое позволит заглянуть в его будущее?

Такое зеркало, по-видимому, существует. Поскольку в нашем примере речь идет не о зданиях вообще, не об вавилонской башне, не об абстрактных сооружениях, предназначенных неизвестно для какой цели, а о жилище человека. Прежде всего отметим странную на первый взгляд закономерность: наземное строительство и техника летательных аппаратов развиваются как бы во взаимно противоположных направлениях. Последние модели загородных дач, надувных павильонов, гаражей чем-то похожи на воздушные шары зари воздухоплавания. Но летательные аппараты со временем значительно потяжелели, а вот строения становятся в среднем все легче и легче (если, конечно, размеры сопоставимы, иначе нужно учесть еще «фактор масштаба»). Железобетонное здание, например, легче кирпичного здания того же объема вдвое, но, в свою очередь, в восемь-десять раз тяжелее дома из стекла и пластика. И мимо этой линии развития вряд ли может пройти фантаст: ведь человеческому жилищу будущего совсем не обязательно походить на утес из стекла и бетона, старательно разделенный на ячейки-квартиры. Мыслимы и иные методы тепло- и звукоизоляции, а пластмассы или материалы, им подобные, в недалеком, быть может, будущем сделают линии наших проспектов и улиц живописней, стремительней.

Но вернемся к нашей исторической параллели и попытаемся перебросить мост из прошлого в будущее. Вспомним, что до воздушных шаров были миф о Дедале и Икаре, проекты механических птиц, эскизы Леонардо да Винчи.

Не будут ли в полном соответствии с подмеченной параллелью знакомые контуры природы повторяться в строительстве? Вопрос нелегкий. Фантаст может принять и продолжить параллель между летательными аппаратами прошлого и домами будущего (и это не просто формальная аналогия — скорее закономерность, одна из возможных «статистических моделей», во всяком случае). Но поиск в этом направлении, конечно, индивидуален, без чего нет подлинного творчества.

Другой пример. Нетрудно понять, что обтекаемая форма первых ракет, созданных человеком, обусловлена тем, что ракеты эти предназначены для ближнего космоса, что они вовсе не оптимальны с точки зрения дальних путешествий (о которых главным образом и идет речь во многих современных произведениях фантастического жанра). Разве не ясно, что у звездолета будущего возникнут гораздо более серьезные препятствия, чем атмосфера планеты, протяженность которой ничтожна по сравнению с галактическим пространством? Эти-то препятствия и будут учиться в первую очередь.

Без поиска, без фантазии, вообще говоря, нет и науки. Фантастика — своеобразный полигон мысленных экспериментов и ученого и писателя. С ее помощью можно проанализировать то, что едва различимо у дальней черты научного поиска. Открытия последнего времени чаще рождаются на стыках наук. От открытых — к мечте, от мечты — к новым открытиям — вот самая краткая схема развития науки. Подлинной науки.

Фантастика никогда не будет «удаляться» от науки. Наоборот, ее роль состоит в повышении научного потенциала общества, в ускорении вторжения наук во все сферы жизни общества.

Прогресс немыслим без мечты. Хотелось бы, чтобы именно с этой мыслью читатель раскрыл новый сборник фантастики.

Имена Севера Гансовского, Дмитрия Шашурина или Георгия Гуревича, несомненно, хорошо известны читателям (не обязательно даже по одним лишь фантастическим повестям). Сергей Смирнов, Борис Липатов, Георгий Вачнадзе выступают в сборнике со своими первыми рассказами. А пятнадцатилетняя московская школьница Маша Мамонова представляет на суд любителей фантастики свое четвертое произведение.

Новый раздел сборника «Границ будущего» открывает статья, посвященная 70-летию со дня рождения классика советской научной фантастики Ивана Антоновича Ефремова.

Думается, что, несмотря на все различия в решении проблемы видения будущего средствами фантастики, авторов сборника объединяет главное: стремление раскрыть то новое, что привносит в нашу жизнь неустанный поиск человеческой мысли.

И, конечно же, вольно или невольно авторы повестей и рассказов художественными средствами решают и важнейший вопрос об отношении науки и морали, о моральном совершенствовании человека и общества в целом.

Наука ныне пронизывает все области человеческой деятельности и сама является одной из таких областей, а потому не может не затрагивать сферу человеческих отношений, сферу морали. Сама научная деятельность людей неизбежно является объектом моральной оценки. Наука возникла в обществе классовой морали, однако это еще не означает, что отсутствует

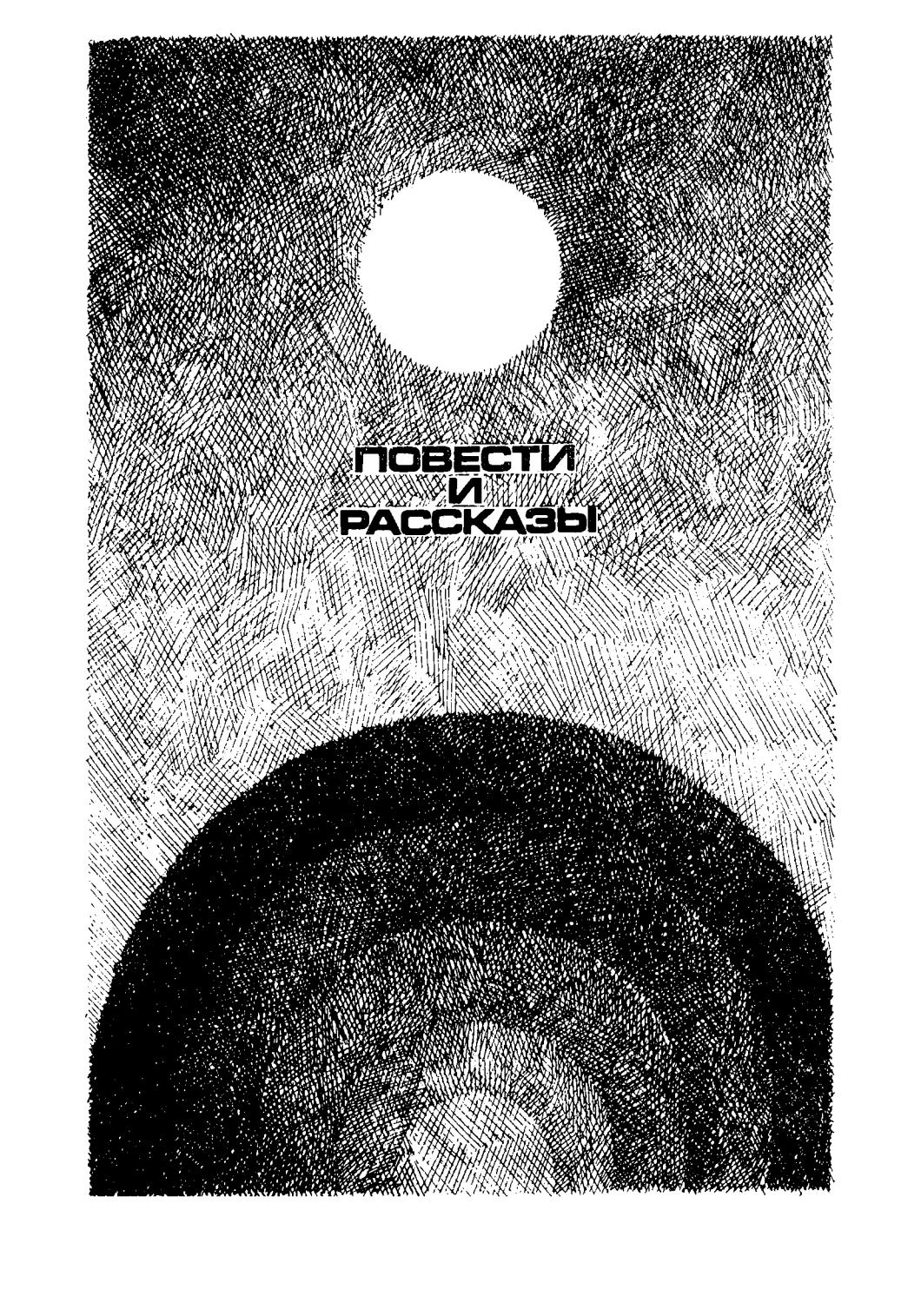
объективный критерий моральной оценки научной деятельности людей. Способствовать росту познавательной способности человечества, применению знаний в интересах общественного прогресса — вот высокая моральная цель науки в целом и отдельных ученых. Аморально, заслуживает осуждения то, что мешает познавать истину, те силы, классы и группы, которые иска- жают истину, подменяют ее ложью. «...Но человека, — писал Карл Маркс, — стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая по-черпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю «низким».

Известнейшего ученого К. Тимирязева серьезно беспокоила будущность науки, получающей подачки «с роскошной трапезы капитализма». «Разделяя с сегодняшними победителями их добычу, не будет ли она вместе с ними как-нибудь призвана к ответу?» — спрашивал ученый.

Ныне вряд ли объективный наблюдатель может противиться неизбежному выводу: по мере развития науки возрастает ее роль в общественной жизни, возрастает и моральная ответственность за характер и цель применения новых научных результатов. А безразличие к вопросам применения открываемых наукой во множестве новых эффектов и явлений само становится явлением аморальным: всем памятна война с применением изощреннейших орудий агрессии и уничтожения людей.

То «внутреннее чувство правды», о котором говорил еще Гёте, указывает на точку соприкосновения науки и морали. Ни наука, ни мораль не могут считаться истинными, подлинными, если они опираются на искаженное понимание действительности и ложные фактические данные. Убежден, что «внутреннее чувство правды», о котором говорил великий поэт и мыслитель, столь же необходимо и для научной фантастики.

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

РАТНЫЕ ЛУГА

1

Теплым летним вечером возвращался я в родные места. Возвращался издалека, в памяти еще дымилась степь, слепило сияние саянских снегов, летели в пыли диковатые кони, пенились студеные потоки Тувы и Хакасии, а за стеклом автобуса уже проплывали холмы и леса псковской земли.

Мой дом был в городе, а торопился я в деревню, рядом с которой прошло мое детство. Деревни, в которой я жил, не было: ее сожгли фашисты, людей — кого убили, кого угнали: нашу семью тоже гнали в неметчину, но мы дважды бежали и остались жить там, где бежали в последний раз, потом переехали в город.

Когда я в первый раз приехал на родное домовище и вместо деревни увидел дикое поле — упал, покатился по траве. Я даже не смог говорить с людьми, молча уехал. Со временем боль притупилась, но не прошла. Неведомая сила тянула меня сюда, я стал приезжать все чаще. Каждый приезд был словно возвращение в прошлое. В войну я полюбил свой край, стал свидетелем его подвига и старался узнать как можно больше. Люди охотно рассказывали о былом, и я дивился памяти народа. Люди помнили не только то, что видели сами, но и то, что им передали деды. Передо мной неожиданно открылась бесконечная даль, я запоминал, записывал, и тетрадь записей все росла...

Автобус медленно плыл по мягкой дороге. Лесистые холмы в сумерках были похожи на древние городища. Вечерние тени, огнистая заря и туман делали все вокруг суровым и таинственным. Темнел у дороги лес, глухой и густой, как в древние времена. То и дело в разрыве хвойной нависи вспыхивало озеро, на полянах огненно цвел иван-чай, светлел мох-белоус, чернели пни и колодины.

Вдруг показалось, что я возвращаюсь в прошлое, в давнее незапамятное время...

Прямо из автобуса я нырнул в темноту и туман. Тропа с трудом пробивалась сквозь заросли ольхи, петляла, кружила. В чаще сновали звери, гомозились птицы, глухо шумела сырая трава.

Показалось наконец поле. Над полем, будто зарево, стояла заря. Становилось все темнее и темнее, но заря не гасла. От-

крылись два озера, одно рядом с другим, от зари они были багряными.

Я заторопился. За вторым озером на холме была деревня, где меня ждали. Прежде была деревня и между озер, я жил в ней, но на ее месте с войны росли одичавшие яблони, клены и рябины...

Неожиданно я увидел деревню. Она стояла на том же месте, но это было не мое, совсем другое селенье. Вместо домов по прибрежью тянулись крытые соломой хижины. Я ничего не понимал. Туман и заря преобразили все вокруг, сделали диким, дремучим. И снова мне показалось, что я вернулся в древнее незнакомое время. Увидел вдруг высокую городьбу, крытые камышом шалаши, черные бани, овины. Возле хижины паслись косматые деревенские кони. По спине прошел холодок, я остановился...

Меня обманул туман: на пустыре стояли копны и зароды соломы. Туман колдовал, волхвовал. Облака тумана казались то пылью, то дымом. Заметил вдруг всадников в малахаях. Потерялись хмурые ели, у дороги стояли великаны в островерхих древнерусских шлемах. На могильнике, где прежде горбился обгорелый пень, нахоляясь, сидел огромный ворон. Под берегом виделись колья камыша, темнели комяги. Они были такие же, как в древности. В полутьме было не видно, что лесины выдолблены, а не выжжены, стянуты болтами, а не крученым лыком. Показалось, что в комягах сидят молчаливые люди.

Наваждение не проходило. Громко загудело болото, видно, вырвался газ. Подумалось вдруг: так вот гудели древние военные трубы...

Я вспомнил, что болото зовут Поганым. Русичи называли погаными врагов. Но враги не могли прийти в болота, они могли лишь отступить в трясину, утонуть в ней, пропасть без следа.

Я вправду очутился в прошлом. Что-то произошло, открылось необычное и неожиданное. Даже когда я подошел к деревне на холме — к настоящей деревне, — прошлое не ушло, не пропало. Я увидел, как красиво стоят дома в венце холма — дом над домом, словно бы стараясь не заслонить соседей и оберегая друг друга. Так ставили деревни в давнее время, сотни лет тому назад.

Сумрак стер мелкие черты нового, осталось только самое основное, самое главное...

Я знал, что меня ждут, в деревнях всегда ждут кого-то... Но было совсем поздно, все огни погасли, и деревня лежала молчаливая и по-старинному темная.

Темнота не пугала, я был сыном, хозяином этой земли, видел войну, чудом остался живым на войне. Земля, по которой я шел, была сотни лет военной, трусы на этой земле жить не могли никогда...

Показался крытый соломой дом. Построили его сразу после

войны — без единого гвоздя, без пилы, без рубанка — топором и самодельным долотом. Форточки в окнах не открывались, а сдвигались, пол, потолок и стены хранили косые следы топора. Печь с полатями, прялка, тяжелые лавки, ступа с пестом — все словно пришло из древности. Старой была и хозяйка дома — тихая старуха в черном салопе и валенках, которые она не снимала и в летнюю межень.

Дом накренился к озеру, оконца прятались под нависью соломы.

Света в окнах не было, я не стал будить хозяйку, поставил на завалину чемодан, подтащил к сараю лестницу, взобрался наверх, на сеновал. Это было мое любимое привычное место.

Старуха жила одна, радовалась каждому моему приезду. Меня она помнила мальчишкой, я был для нее живым осколком прошлого, потерянного навсегда времени...

Хозяйку совсем не волновали мои дела, она без конца спрашивала про погибшего моего отца, про умерших дедов, называла меня их именами, и я легко привык к этому.

На сеновале было как всегда — темно, тепло, душно. Я легко нашел на ощупь тулул, словно он лежал на сене тысячу лет. Лег и захмелел от запаха привядшей лесной травы — древнего и дремучего. Трава будит память, помогает колдовать — я читал это в старых книгах. В ночь на Иванов день люди в прежнее время клали под подушку двенадцать трав, а накануне Петрова дня — пушистые богатки.

Сон не шел: сквозь щели в стрехе было видно огромную луну, она тревожила меня и пугала.

И вдруг вернулось наваждение. Я увидел огонь, холмы плескучего багрового огня!

— Пожар! — отчаянно закричали внизу. Словно с сугроба, скатился я с сеновала, увидел бегущих полуодетых людей. Хотел бежать следом, но упал — помешала длинная полотняная рубаха. Встал, поднял подол рубахи, бросился следом за людьми. Рядом пронеслись всадники на гравастых конях, в руках у всадников были кривые сабли, плети и факелы. Громко закричала моя сестра, она была в такой же полотняной рубахе. Всадник схватил сестру за косу, остановил, рванул к себе. На помощь бросился отец — без рубахи, в портах, на груди медный кованый крест. Вырвал из ограды еловый стяг, ударил всадника, сшиб, добил на траве. Пропела стрела, и отец упал, из груди у него торчал железный наконечник стрелы, за спиной темнело оперенье. Сестра схватила меня за руку, поволокла в заросли ольхи.

Горела вся деревня, над косматой травой колыхался дым, было светло, страшно. В воде я увидел себя самого: маленького беловолосого мальчишку. Люди садились в комяги, отплывали от берега, всадники были уже рядом, рубили бегущих.

Ничком упал старик, белая его рубаха стала красной. Кричащая женщина билась в руках конника, кусала его руки...

Тяжелая комяга выплыла на середину озера. Вокруг было не меньше сорока комяг, на воде покачивался огромный деревянный остров.

— Наши! — вскрикнула сестра и вскинула руки.

Зарево ярко осветило подоспевшую дружины. Конные копейщики надвигались плотной стеной между холмом и озером; я отчетливо видел красную полосу сомкнувшихся щитов, тяжелые копья, красные флаги-яловцы на шлемах, частокол конских ног. Конные лучники заняли позицию чуть впереди, по берегу Лиственки. Пешее войско чуть отстало, торопливо занимало скат холма. Впереди плечом к плечу двигались пешцы с копьями, позади цепь за цепью бежали лучники.

Вражеская конница была уже рядом, по холмам катилась черная живая лава.

Первыми в бой вступили лучники; стаи стрел повисли над Лиственкой, гулко застучали по шлемам и щитам. Русское войско не дрогнуло под страшными стрелами, замерло, готовое к атаке. Степные полудикие кони врагов ловко увертывались от стрел. Когда они были еще стригунками, в них были стрелами без наконечников, кони знали, как можно спастись от стрелы.

Лава накатилась на строй конных дружиинников, от треска ломаных копий затрещало в ушах, дико заржали кони...

Копья в сшибе стали мгновенно ненужными, резко скрестились кривые сабли и мечи. Русские воины били расчетливо, неторопливо, со страшной силой. Пошла рукопашная, жестокая сеча с криками, храпом коней, с громом подков, стенами и звоном оружия.

Вражеская конница дрогнула, начала вдруг отступать. Но отступать было некуда, пешие копейщики отчаянно ударили с холма, оставив открытым лишь путь к огромному болоту.

Вовсю пылала деревня, освещая поле страшным кровавым светом. Крики воинов слились в глухой звериный рев. От страха я прижался к сестре.

— Наши! Наши! — радостно закричала сестра.

По скату холма бежали пешие воины с рогатинами, копьями и дубинами. Они были в тылу врагов, торопились перекрыть им дорогу. На помощь дружине пришли смерды...

Я очнулся, потрясенный огненным сном. В глаза ударили резкий холодный свет луны. Она, казалось, висит над самой крышей.

Вдруг я понял: битва была ночью, днем враг не отступил бы к болоту, издали увидел бурую топь. А ночью в туман болото похоже на сенокосное поле. Битва была жестокой, окруженный враг пытался вырваться, но не смог.

Мальчишкой я часто играл на могильнике, курган был огромным, отец говорил, что там лежат сотни воинов...

Решительно закрыл глаза и, словно наяву, увидел вдруг мертвое поле боя, убитых и раненых коней, погибших людей. Стало страшно древним, позабытым страхом...

Убитые лежали так тесно, что местами не видно было травы. Ярко блестели шлемы, кольчуги, мертвое поле боя дышало ужасом. Рослый дружиинник навалился на врага и застыл с обломком стрелы в междуглазье. Казалось, и мертвые еще продолжают биться. Кричали и стонали раненые. Над раненым дружиинником склонился чернобородый старик в порванной кольчуге, жарко шептал слова наговора:

Кровь руда, не точись,
Кровь руда, запекись.
Красный камень глубоко,
Красный камень далеко,
Он не в поле, не в борах.
Он не в море, в горах...
Кровь руда, остановись...

Над елками кружили черные вороны — черные, словно головни на пожаре. Провели пленных — мокрых, в болотной тине, с серыми от страха восточными скуластыми лицами...

Люди несли лопаты, поднимались на холм. В венце холма стоял священник с тяжелой книгой, нараспев читал молитвы.

Несколько дружиинников мечами рубили ольшины, готовили кладины для переноски убитых. (В нашей округе до сих пор гробы приносят на кладбище на кладинах.)

Сон не уходил, мучил меня, уводил за собой. В детстве, после того как я впервые увидел убитых партизан, меня долго мучили кошмары, я видел наяву окровавленных людей, но те видения были смутными и краткими, этот же сон тянулся, словно бесконечное страшное кино. Снилось то, о чем я слышал, читал, то, о чем думал и писал в тетради...

Сестра была на холме, работала заступом. Рядом с ней копал песок дружиинник в белой нательной рубахе. Кольчуга, шлем и меч лежали наверху. Яма была глубокой, как высохшее озеро. Я с трудом поднялся на песчаный отвал...

Убитых хоронили вечером, несли на кладинах, по цепи передавали в яму. Могильный холм насыпали уже в темноте, он рос на глазах, люди с лопатами словно бы хотели подняться в небо...

Врагов хоронили под горой в овраге, несли почти бегом, сбрасывали вниз. Грязная эта работа была поручена холопам.

Сестра и дружиинник бросили застулы, отошли в сторону, о чем-то долго говорили. Потом дружиинник подошел ко мне, подхватил на руки, посадил на белогривого коня, надел на меня кольчугу и шлем, опоясал мечом. Шлем был тяжелым, придавил голову, в кольчуге я чуть не утонул, меч, казалось, стянет меня вниз, но я не подал и вида, что мне неудобно.

Я ехал по просеке, дружиинник вел в поводу коня, а правой

рукой держал под локоть мою сестру. Рубаха ярко белела в лесной полустье. В чаще трещало, кричали птицы и звери, но верхом на коне, в кольчуге и шлеме с мечом на поясе, рядом с сестрой и дружинником мне не было страшно...

Словно туча, над лесом выросла гора. На вершине горы стояла деревянная крепость. Я обрадовался, что буду жить в крепости...

Сон погас. Открыв глаза, я не увидел луны, на сеновале было тихо и полуутемно. Вспомнил вдруг, что в тот год, когда началась война, на могильнике брали песок и, когда копали яму, нашли кусок изъеденной ржавью кольчуги. Находку отнесли в школу, там она лежала, пока школа не сгорела во время боя.

Мой отец, учитель этой школы, считал, что битва между озерами была в XIII веке. Ни отец, ни я ни в одной книге не нашли упоминания о ней. То, что было после, узнать оказалось легче...

Когда я научился читать, отец принес мне книги о Псковской земле. Край мой был невелик, но истории его могла бы позавидовать иная страна. Псков не боялся бороться с Литвой и Ливонским орденом, ссорился с Великим Новгородом, был одной из первых республик. Москва верила Пскову, считала его самым надежным союзником. О храбости и честности псковичей ходили легенды...

Утром я обо всем рассказал хозяйке.

— Видно, так и было, — не удивилась тетя Проса.

И вдруг прищурилась лукаво:

— А лица-то, лица? Запомнил? Сам-то на себя похож? А отец? А сестра?

— Похож, и лица вроде знакомые, виданные...

— Еще бы... Рода это нашего, мы от них пошли — и обличьем, и речью.

За окном, совсем рядом голубели утренние холмы — Сигорицкие горы, или, по-местному, Синегорье. В древности маленький этот край был черным, военным. Из семнадцати псковских крепостей здесь было сразу четыре: Дубков, Выбор, Котельно и Володимирец. Рядом, на Синичьих горах, еще пять — добрая половина псковских крепостей.

Среди тетрадей в моем легком чемодане лежала карта древней Псковской земли. Крепости Дубков, Выбор, Котельно и Володимирец образовывали почти правильный треугольник. Все они стояли на высоких лесистых холмах и вместе представляли тогда грозную силу. В летописях Дубков впервые упоминался в 1408 году, Выбор — в 1430-м, Володимирец — в 1462-м, Котельно знали еще в XIV веке. Все эти крепости были деревянными, назывались пригородом Пскова. Отец считал, что еще до постройки крепостей на их месте были укрепления.

Время стерло почти все следы прошлого. На месте Дубкова остались лишь Дубковские горы — цепь высоких холмов, в войну там был большой бой — бились с фашистами партизаны. До Дубковских гор от наших озер было километров шесть, столько же до маленького сельца Владимирец, чуть побольше — до деревни Котельно, и вдвое дальше — до большого села Выбор.

С гордостью подумал я о том, что про нашу местность слава гремела уже полтысячелетия тому назад.

В окно был виден высокий холм Городок, на котором когда-то стояла знаменитая крепость Володимирец. Казалось, холм рядом — брось палку, и она долетит...

Из окна многое не увидишь, и я вышел на улицу, встал возле изгороди из окоренных, связанных лыком жердей.

Прекрасный и богатый край лежал передо мной — холмистая равнина с моренами и звонцами, с чернолесьем, с бесчисленными овальными озерами.

Я узнавал и не узнавал до боли родные места. Даже за мою короткую жизнь край четырежды переменился. До войны и в начале войны это была густонаселенная местность, по холмам лепились бесчисленные дома под камышом и соломой, ярко желтели нивы, золотом горели зароды соломы. Холмы казались мне тогда огромными, словно горы...

Потом я увидел дикое поле — заросшие травой пожарища, опаленные сады, узкие хлебные поля и вокруг них бесконечную зеленую пустыню... В лесу, между елками, прятались землянки и хвойные шалаши.

После войны Синегорье отстроилось, но дома были невысокими, чаще всего крыты соломой, и деревень стало меньше вдвое. Сердце радовали густые хлебные поля, первые, еще не успевшие потемнеть столбы электрических линий.

Теперь же я видел иной — богатый и удивительно красивый край. Старые дома рядом с новыми показались бы неказистыми и убогими. Лишь изредка попадалась на глаза крытая дранкой крыша, все шифер, шифер, цветной, серый, ровными плитами, волнистый. Возле каждого дома на высоченном шесте — телевизионная антenna, тонкий медный провод громоотвода. Даже бани и те нарядные, со светлыми окнами, под цветным шифером. Нивы стали вдвое шире, потеснили ольховые заросли, вплотную подошли к озерам.

Были и недобрые перемены: вода в озерах упала, узкая Лиственка местами пересохла...

— Любушься, — подошла ко мне вдруг хозяйка. — Что любоваться попусту, придумал бы дело... Хочешь, сети принесу, на болотном озерке можно сетью ловить — рыбный инспектор приезжал, сам говорил...

Сети были старые, из льняных сученых ниток, крепкой ручной вязки. Ярко белели гладкие берестяные поплавки, грузила

были самодельные, глиняные, несильного печного обжига. Я развесил сети по изгороди, не спеша начал чинить...

Рядом вдруг остановился запыленный зеленый «уазик», открылась дверца. И прямо передо мной вырос человек, одетый как обычно одеваются люди из колхозного руководства.

— Сети налаживаете, — улыбнулся нежданный гость.

Я посмотрел внимательно и сразу узнал его: в детстве мы жили в одной деревне, вместе ходили за ягодами, купались в озере, ловили на мшаринах гадюк.

— Здравствуй, Леня. — Я протянул руку давнему своему другу и недругу.

— Саня? — удивился неожиданный гость. — В гости к нам, значит? Живешь-то как?

Я ответил, сказал про работу.

— А я вот здесь в начальстве, заместитель председателя... Ну, мне пора. Отдыхай, места здесь хорошие, сам знаешь.

«Уазик» укатил куда-то, я остался один, но вскоре заметил, что за мною наблюдают сразу двое: ворона с крыши сарая и мальчуган лет десяти-одиннадцати. Голова мальчугана была забинтована, курносый нос припух.

— Подрался? — спросил я мальчугана.

— Не-е... Дерутся только маленькие. Я с велосипеда упал.

— На Слепце бывал? Карасей много?

— Не-е... Слепец пересыхает, всю почти рыбу вычерпали.

Я на Лиственное озеро хожу.

— Удочкой ловишь, переметами?

— Не-е... Руками ловлю... И рыбу под корягами, и раков, что хочется...

Когда я был мальчуганом, в Слепце водились караси величиной со сковороду, а раков не было ни в одном озерё... Рассказ мальчугана меня заинтересовал.

— Что же сегодня-то не рыбачишь?

— Донарялся — уши заболели.

Я не удивился, когда узнал, что мальчугана зовут таким же именем, как меня, он даже похож был на меня десяти-одиннадцатилетнего.

— Саня, а во Владимирце ты бывал?

— Бывал, бегали за орехами. Потом в газете читал про Владимирац. Там крепость была, пишут, что скоро будут раскапывать... В Острове целое подземелье откопали, и здесь что-нибудь такое найдут.

Вдруг глаза Сани хитро скосились:

— Вы что, новое что-нибудь узнали?

Я отрицательно покачал головой.

— Жаль, я кого только про крепость не спрашивал, никто ничего толком не знает...

Я сказал, что кое-что все-таки знаю...

Владимирац был, казалось, совсем рядом, он звал, манил

нас, но пошли мы с Саней все-таки на Слепец. Озерко было видно с холма, лежало оно вблизи деревни, но пошли мы не напрямик, через топкое болото, а кружным путем — через прибоготицу, орешник и еловый лес. Первым шел Саня, он ни разу не ошибся, вел меня по известным ему одному приметам.

Когда я был мальчишкой, болото считалось почти непроходимым, к Слепцу пробивались только отчаянные охотники. Про Слепец ходили всевозможные легенды: говорили, что озерко бездонное, что в непогоду оно гудит, потому что в воду когда-то был опущен колокол.

Лес кончился, открылось болото, и прямо перед собой я увидел торную тропку: к Слепцу ходили все, кто хотел...

Через несколько минут мы были на берегу Слепца. Правда, берегом то, на чем мы стояли, назвать было нельзя — под ногами прогибалась зыбкая подушка из торфа, корневищ и травы.

К кусту была привязана текучая обитая жестяными заплатами комяга. Саня сказал, что комяга общая, мы решительно устроились в ней, положили сети и выплыли на середину озерка.

В детстве Слепец казался мне небольшим озером, теперь же он напоминал заброшенное мочило. Прежде было два зеркала воды, их соединяла короткая протока, но вместо второй половины я увидел заросли камыша, бурую торфянную жижу и зеленые окна — настоящий утиный и гусиный рай.

Неожиданно грохнул выстрел, другой, и над зарослями, над чистым озерком с бешеным свистом пронеслись четыре перепуганные кряквы...

— Браконьеры, — вздохнул мой спутник. — Не поймаешь их тут, вот и балуют...

Мне захотелось посмотреть, кто стреляет, я прикалил к берегу, выбрался на сплавину, но не сделал и трех шагов — тотчас увяз... Попробовал проплыть по протоке на комяге, но не повернувшись комяга тотчас чуть не опрокинулась...

— Браконьеры на лыжах, — снова вздохнул мой спутник.

Мы быстро высыпали сети, поставили на место комягу, решили выбраться на скат холма, чтобы все-таки увидеть людей, самочинно открывших осенний охотничий сезон.

Сразу за лесом лежало ячменное поле, по полю медленно двигался грохочущий комбайн. По пожне катался взад-вперед колесный трактор с копнителем, ставил огромные скирды соломы. Мы с Саней забрались на скирду, но и оттуда не увидали браконьера. На огромной бурой равнине болота, словно лиловое бельмо, тускло светилось крохотное озерко.

— Скоро совсем заастет, — невесело сказал Саня. — В учебнике написано, что болота образуются из озер...

— Много в округе браконьеров? — спросил я у Сани, до боли в глазах вглядываясь в болотный пейзаж.

— Хватает... И свои, и из города наезжают.
Помолчали.

— А в древности браконьеры были?

Я рассказал все, что знал, про браконьеров древней поры — тех, кто взламывал чужие борти, вынимал птиц из чужих певесищ, поджигал богатые зверем и дичью леса, чтобы потом голыми руками хватать обезумевших от страха животных... Чаще всего делали это во время набегов всевозможные враги. Даже нападать они старались тогда, когда люди были заняты работой: в покосную страду, в жатву, в путину...

— А правда, что тогда птиц было столько, что, когда летели стаи, темно, словно от тучи, становилось?

Я не знал, что сказать в ответ новому другу, и, словно зимой со снежной горы, скатился со скирды, зашагал к озерку.

Тихий и росистый наступил наконец вечер.

Шатаясь от усталости, я еле доплелся до деревни, поднялся на сеновал и словно провалился в бездонную темную яму...

Темнота растаяла, я увидел знакомый скат холма, лес и узкие ржаные полосы. Низко наклоняясь, женщины и девушки жали серпами спелую рожь. Стояла жара, над полем колыхалось марево, но каждая из жниц работала, не разгибая спины. Только моя сестра с тую обтянутым животом, с темным лицом роженицы жала и вязала снопы, сидя на маленькой скамеечке: наклониться она уже не могла. Работа была в разгаре: на по-жне; словно золотые терема, всюду поднимались высоченные стойки...

Я обрадовался: скоро будет молотьба, снопы положат на льняное веретье, начнут без жалости бить цепами. Цеп дадут и мне, на каждый сноп я буду набрасываться, словно на сбитого с коня бронированного ливонца.

Потом зерно веяли на ветру, и самые крупные зерна — бридок — падали впереди других, а мелкие — осыпка — ложились месяцем возле веяльщиков. Бридок мололи, а из духовитой теплой муки пекли огромные хлебы...

Я торопился на лов, с трудом волок мешок с тяжелой режевою сетью. С холма было видно сразу три огромных озера — Лиственное, Черное и еще одно, что лежало на месте мохового болота, леса и Слепца. Третье озеро было самым большим, в нем легко уместились бы первое и второе. Вода в озере была такой прозрачной, что в солнечный день казалось, что ее вовсе нет, а рыбы, как птицы, парят над желтым песчаным дном.

Идти было тяжело, сети оказались тяжелыми. Когда приезжал с заставы зять, он и носил и ставил сети сам, а я только помогал. Отпускали зятя не часто, но, когда его не было, все тяжелые работы делала сестра, не хуже парней пахала, косила и трепала лен. Когда ставили дом, сестра по-мужски орудовала теслом и топором, даже комяга, приткнувшаяся к берегу, была

выдолблена сестрой. Утром я стал помогать сестре на поле, но она вдруг сказала, что хочет свежей рыбы.

От жары на деревьях таяла смола, лес словно вымер, рыбы забились в береговые норы и под коряги. Высыпав сети, я принялся ширять в камышах шестом, долго бил возле берега боткой. И все попусту: в сетях даже ерш не запутался, не дрогнул ни один берестяной поплавок.

Когда сети ставили на ночь, случалось, поплавки тонули в воде, а сеть, набитая рыбой, оседала на дно. Даже дикие утки и гуси попадали в резку, запутывались в грубом поплотне.

Уток, гусей и лебедей на озере было множество, стоило их вспугнуть, как они взлетали со страшным шумом. От великого множества птиц становилось вдруг темно, жара сделала солнными даже лебедей: рядом, на плесе, дремала целая их стая, бодрствовал только один, остальные покачивались на воде, будто белые пуховые подушки.

Я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Одурев от жары, к озеру по сожженной траве пробились волки: вожак хмуро косился на меня, тяжелое его «полено» было тревожно вытянуто. Птицы не испугались волков, лишь утиный выводок отплыл подальше от берега.

От волков веяло страхом, я застыл на месте, боясь пошевелиться. И вдруг волки отпрянули от воды, пропали в траве. В бору резко закричала какая-то птица, над еловой гривой поднялось кодло ворон, гремя, взлетели утки, гуси и лебеди. Птицы закружились в непонятной тревоге.

И вдруг я услышал резкий рокот.

— Набег?.. — понял в ужасе.

Но это были еще не враги: пастух в страхе гнал в лесную чащу табун, конь в деревнях был дороже одежды и оружия, за одного коня давали несколько коров, целую гору зерна.

Заволновалось стадо на луговине: заблеяли овцы, грозно заревел бык.

И тут я увидел огромного черного ворона. Спокойно пролетев над озером, ворон опустился на высокую сухостойную лесину, застыл, внимательно всматриваясь в даль.

Снова послышался топот — глухой, тяжелый, такой, что в озере закачалась вода. На луговину вылетели бесчисленные всадники.

В страхе я увидел, что наши отступают, мчатся на конях, закинув за спину щиты. Потерять щит значило погибнуть: вдогонку летели железные стрелы, болты от арбалетов. Вылетев на берег озера, отступающие стали бросать в воду все тяжелое: кованые кольчуги, шлемы, оружие. Многие из бегущих были в белых нательных рубахах.

Враги неслись по пятам, их было во много раз больше.

По шлемам, похожим на железные миски для супа, я сразу понял, что это меченосцы. Вместо лиц почти у всех всадников были страшные черные личины из металла.

Вспыхнул зарод соломы, с криками бросились врассыпную жницы. Тяжелые кони сбивали людей, сносили ржаные стойки, яростно ржали...

Всадники были совсем близко от меня: я видел даже бронзовые уши, приклепанные к личинам.

Влетев в деревню, враги торопливо спешивались, вбегали в дома, выводили молодых девушек, выносили и приторачивали к седлам узлы с вешами. Меченосцы торопились: они разбили лишь заставу, а рядом было сильное, готовое к битве войско.

Тroe рыцарей подлетели к стаду, стали его заворачивать на дорогу. К меченосцам бросился пастух, в руках у него была дубина с налобком. Двоих рыцарей он успел оглоушить дубиной, но третий в ярости обрушил на пастуха двуручный меч. Подпасок успел добежать до леса, нырнуть в чащу.

Во второй раз я увидел, как горит деревня, но меченосцы спешили: подожгли лишь три дома и овин...

Не помню, как я добрался до своей избы. Все двери в избе были распахнуты настежь, в сенях перекатывалась опрокинутая кадка. Я не решился даже войти, словно в избе все еще были враги.

Вдруг рядом тревожно заржал конь нашего зятя. Я не раз пас коня, приносил ему хлеб и легко узнал по голосу. Обернулся и застыл в ужасе: в седле лежал мертвый муж сестры, потемневшее лицо утонуло в гриве коня, белые руки бессильно свесились. Подбежали люди, молча сняли зятя с коня, внесли в избу, положили на ветловый стол. Кольчуга дружинника была порвана, меч и шлем потеряны, на виске алым цветком смоловки запеклась кровь.

Не помня себя, я выбежал из избы, прижался к корявому дереву и увидел, что женщины несут на руках сестру. Стало нестерпимо страшно, но сестра повернула голову, и я понял, что она живая. Раздался детский крик, следом за сестрой старуха соседка неслася на подушке новорожденного...

— Ухи... Рыбки свежей... — в бреду, в забытьи шептала сестра.

Я побежал сквозь дым к озеру, столкнул на воду тяжелую комягу, поплыл туда, где белела цепь поплавков.

Над озером облаком стоял дым, в воде тускло, словно огромные рыбины, поблескивали брошенные мечи. Возле подводного камня лежал шлем с барсучьим подшлемником-прилбицей и сломанным навершием. Не раздумывая, я нырнул вниз, в прозрачную воду. Оружие было дороже и нужнее линей и лещей...

Сон вдруг оборвался, и я увидел, что лежу на сене, дверца сеновала приоткрыта, через постенное бревно заглядывает Сания. Мне показалось, что я видел во сне его лицо, вспомнил, что старуха с младенцем на подушке была вылитая тетя Проса, а дружинник как две капли воды был похож на заместителя председателя Леню.

В доме я достал толстую тетрадь для заметок, нашел выписанное из археологического свода описание доспехов и оружия русского воина. «Воины никогда не передвигались в кольчугах, панцирях и шлемах. Это тяжелое вооружение везли особо и надевали только перед лицом опасности... Полевой бой являлся основным проявлением вооруженного противоборства...»

Прочитав, я задумался. Нет, не разливы рек и озер остановили татаро-монголов, и Голубая Русь осталась непобежденной. Умелые в полевом бою, дети пустыни не умели воевать среди лесов и холмов. Крутой холм сам по себе — готовая крепость. В венце холма выкапывался вал, вырастал частокол из острых бревен, по-местному — островья. Называлось это «обострожиться на бую...».

Когда изобрели огнестрельное оружие, доспехи перестали быть верной защитой, полевой бой стал иным, но малые крепости не потеряли своего значения, наоборот, их роль стала серьезнее: защитники крепости имели огромное преимущество перед наступающим врагом. Недаром Иван Грозный заложил на псковских холмах еще добный десяток таких укреплений, и в летописи эти малые крепости упоминаются не раз и не два.

Чаще других упоминалась крепость Володимирац. Она знала поражения, была сожжена, снова отстроена. Взяв карандаш, я стал рисовать крутой холм и крепость из бревен — с узкими бойницами, с воротами и сторожевыми башнями.

— А это что? — раздался за спиной голос Сани. Помолчав, Сания негромко попросил: — Расскажите еще про Володимирац. — Сания не сводил глаз с моего рисунка.

Наш род пошел из Володимираца. Там жили прадед, дед, отец, родился я сам. От отца и деда я слышал множество рассказов и преданий. Крепость несколько раз горела, была разбита. Однажды ливонцы сожгли ее дотла и перебили всех защитников. Люди говорили, что на Городке зарыта сорокапудовая бочка с золотом. От крепости до речки Лиственки шел подземный ход, но потом он обвалился.

Люди находили на месте крепости чугунные и каменные ядра, на дворе церкви стояла древняя медная пушка, из которой стреляли в пасху, когда выходил крестный ход.

Мой отец мальчиконкой нашел медный крест с вмятиной от стрелы или копья, откопал на огороде темную от времени берцовую кость. Поставленная на попа кость была ему по грудь.

Я верю отцу и не верю тем, кто утверждает, что в древности люди были невысокого роста. В нашей местности люди и сейчас высокорослы и, видимо, были такими пятьсот лет назад.

Из истории я знал, что Володимирац выдержал много осад, защитники его проявили редкую отвагу, здесь был пленен Ламошка — один из ливонских воевод...

— Айда во Владимирец *, — предложил вдруг Саня.

Идти к Владимирцу можно было по-разному: проселками, берегом Лиственки и прямо по мшарам и лесу. Мы пошли лесом. Бор был таким, как и в древние века, — сумрачным, диковатым. На старой осине темнело дупло, из дупла вылетела желна. Гудели дикие пчелы, промелькнул рябчик. На мшарах белели лосиные погрызы, там, где спали лоси, был примят мох. Я подумал, что и отец, и дед, и прадед видели этот же лес таким же, каким его увидел я. И давным-давно в чаще было вот так же темно, тревожно.

Шли молча, Саня уже ни о чем не расспрашивал меня, цепко смотрел по сторонам. Я бывал во Владимирце, поднимался на Городок, но рядом с Саней мне показалось, что я иду туда впервые, и не удивился бы, увидев настоящую крепость.

Саня шел бесшумно, как умеют ходить только охотники и деревенские мальчишки. Изредка мой спутник оглядывался, словно спрашивал меня о чем-то...

Открылись заросли ольхи, увитые хмелем, я понял, что рядом вода.

Это была Лиственка — река, на которой люди нашего рода веками ловили рыбу, брали воду, поили коней. Вода в Лиственке была быстрая и морозная. Темнели коряги, огромные валуны и выворотни...

На береговом камне был выбит непонятный знак, на белой известняковой куче кто-то высек следы подков. Я вспомнил предание, рассказанное отцом: за русским воином гнались враги, уже настигали, но верный конь слетел по отвесной скале и не разбился, а погоня не смогла остановиться, обрушилась на валуны.

Подняться на Городок оказалось непросто, мы шли наклоняясь, выбились из сил, но не передохнули, пока не достигли вершины.

От крепости остались только заросшие травой земляные валы и темные, почти черные камни.

Я взобрался на вал, и вдруг стало видно далеко-далеко: увидел бесчисленные холмы, лес на холмах, провалы озер, зеленую пойму Лиственки, деревни, поля, белеющие в дымке города. Дозорные видели врага, видимо, за много-много верст, и защитники крепости дружно готовились к его приходу...

* Современное название.

Рядом со мной темнел заросший травою окоп. Когда партизаны разбили все фашистские гарнизоны в округе, фашисты превратили Городок в крепость, поставили на его скатах землянки, вырыли окопы и траншеи, густо заминировали лес. Работая лопатами, немцы находили каменные ядра, но думали, что это просто обкатанные водою камни. Городок не выручил фашистов, наша армия выбила их и оттуда.

Я отвернулся от окопа, думать о фашистах не было охоты, я снова ушел в давнее-давнее прошлое. Я только что совершил дальнее путешествие, но то было путешествие в пространстве, теперь же я стал путешественником во времени. Желание это не было праздным, до боли захотелось вдруг сберечь бесценное, все то, что еще можно сберечь. Я решил продолжать свои поиски и записи.

В том, что я надумал, не было ничего нового. Вспоминая, возвращается в прошлое каждый из нас. Правда, мне захотелось вспомнить и то, чего я не знал. Рядом с памятью человека живет огромная память народа — в преданиях, песнях, названиях деревень. Точна и подробна память самой земли. Бесконечно повторяются лица, характеры. В глухих местах, где жизнь проста и медлительна, прошлое живет наяву. Однажды я сравнил язык пожилых женщин с языком летописи и был потрясен сходством.

Прошлое можно понять, угадать. Поэты и дети, читающие древние сказания, видят ушедшее так же ярко, как настоящее. Вдруг ни с того ни с сего я вспомнил деда Ивана. Когда он, готовясь к охоте, заряжал патроны, то, стоило упасть на пол картечина, дед становился на колени, ползал по полу, пока ее не находил. Потерянная и найденная потом дробина считалась самой убойной.

— Рассыпать дробь — рассыпать кровь, — говорил дед Иван.

Когда же дед лил пули, то обязательно врал, чтобы пули, по его словам, получились тяжелые, обманные...

Было совсем темно, когда я перебрался через Лиственку, вошел в лес. Чтобы не заплутать, пошел берегом. В древности реки были самыми надежными дорогами.

— Смотрите, что это? — в руках у Сани была какая-то позеленевшая от времени медная вещь, по виду — обломок гильзы от крупнокалиберного пулемета.

Я взял находку и увидел, что это не обломок гильзы, а обломок древней пулелейки.

— В школьный музей отнесу, — радостно сказал Саня. — У нас музей в школе. Маленький, правда.

Я не удивился: музей в наши дни можно найти в каждой школе. И не удивительно: те, кому надо думать о будущем, охотно думают и о прошлом.

— Люблю находить, — признался вдруг Саня. — Нашел в

огороде гильзу, радуюсь, а мать смеется: «Я подумала — клад попался, золото...»

Я сам был мальчишкой, сам любил находить, охотно поддакнул юному спутнику.

— Разные бывают взрослые, — негромко молвил Саня. — Начнешь говорить, а они тебе: «Да что ты понимаешь-то?»

Я снова согласился с Саней. Мальчишкой я видел войну и запомнил все, что видел, так крепко, что крепче и быть не может, но стоит начать рассказ в кругу старших, как многие засомневаются: «Неужель помнишь? Да что ты тогда мог?» Дети всегда любопытны, чувства их порой ярче чувств взрослого человека, а память чиста, как будто лесной снег, не хватает им только опыта и силы. Потому они и подражают взрослым, потому они стараются побольше узнать.

— А правда здесь татаро-монголы были? — Саня пристально посмотрел мне в глаза.

— Видимо, были. Хан Батый, когда шел к Смоленску, высыпал в эти места конную разведку, да разведчики не вернулись; были татаро-монгольские отряды и на службе у Запада.

— Вы учитель истории, — решительно заявил Саня.

— Нет, инженер, строю животноводческие комплексы...

— Зачем же вам все это?

— А тебе зачем? — ответил я вопросом на вопрос.

Саня весело рассмеялся.

Мне захотелось сказать Сане, что для того, чтобы любить Родину, каждому из нас надо знать ее историю, но слова эти показались мне громкими, я ничего не сказал.

Вспомнил вдруг: перед самой войной отец пообещал сходить со мной во Владимирец. Отец погиб на войне, я вырос, я выполнил то, что обещал отец...

Возвращаться я хотел прямой крепкой дорогой, но Саня резко замотал головой.

— По Лиственке! Опять по Лиственке...

— Поздно вернемся...

— И пусть поздно... — выдохнул Саня.

Лиственка кружила по лесу, и моя дорога получилась длинной, в деревню над озером я пришел еще позднее, чем накануне.

На сеновале меня ждал хозяйствский тигровый кот, у которого не было имени. Я взял кота к себе, укрылся шубой и снова увидел прямо перед собой огромную луну.

Засыпая, я думал о Владимирце. Все четыре крепости были построены в трудную пору и громкую свою славу получили в грозное время Ливонской войны. Мне захотелось увидеть то время, тех людей, те события... Наваждение повторилось, я снова стал мальчуганом. Чудо — рядом со мною был мой младший брат Володя. Я узнал его, хотя он был пострижен «под горшок» и лишь нос торчал из-под колпны густых русых волос. И мой брат, и я сам были одеты в грубые посконные рубахи и порты.

Мы сидели за столом из дубовых плах. В глиняной латке дымилась каша, поволженная льняным маслом. Брат резал хлеб, прижав его к груди. В избе с бревенчатыми смолистыми стенами было полутемно, свет с трудом пробивался сквозь оконце со слоистой слюдой. Наверное, так же полутемно бывает зимой подо льдом. Топилась печь, гудела, дышала зноем. Возле печи на коленях стоял отец, но, даже встав на колени, он оставался высоким, и ему приходилось нагибаться, чтобы достать из печки медный ковш с расплавленным свинцом. Рядом с печкой стоял чан с водой, лежала пулелейка — медная, как и ковшик. Отец лил пули и весело шутил, врал, потому что, когда льют пули, нужно врать, чтобы пули выходили тяжелыми.

— Слыхали, Саниха живого крокодила зрела? Зеленый, кожа аки кора дубовая...

— Где? — братишко перестал резать хлеб.

— Знамо, на Лиственке, ошуюю Дроздовой лавы...

Отец опустил пулелейку в воду — зашипело, густо повалил пар, светлая, точно серебряная, пуля покатилась по полу. Я торопливо поднял ее и чуть не обжег ладонь. На столе, в кожаной кисе, словно орехи, лежали готовые, уже холодные пули.

За окном стояли елки, теснились избы и терема, видно было рубленную из дубовых бревен крепостную стену со сторожевой башней.

Открылась дверь, вошла мать — грузная, в домотканой поневе. Мать несла решето, в решете горою лежала малина.

— Мальцы наши кашу дегтем воложили, — весело-лукаво прищурился отец.

— Пасаки, срамники, ироды! — мать чуть не выронила решето.

В чане снова зашипела вода, закурился пар, по полу покатилась новая пуля. Мать все поняла, рассмеялась, поставила решето на стол, обняла сыновей. Я почувствовал крепкую, горячую грудь матери.

Отец снова нагнулся у печи, лицо его озарил огонь. У отца были густые темные волосы, дремучая борода, нос с горбинкой, зеленые лесовые глаза.

— Сказывают, Дарья четверню принесла...

— Ври-ври! — отозвалась мать.

— Зачем врать, Похомец приходил, сам говорил. Третьеводни... Вон, погляди-ка...

Договорить отец не успел — гулко ухнула пушка. Мать вскочила, чуть не опрокинув стол, по столешне покатились ягоды и пули. Отец бросил пулелейку, схватил тяжелое кремневое ружье, рог с порохом, суму с пулями...

Вдруг я увидел себя возле елок, рядом с крепостной стеной. По посаду бежали стрельцы, над елками, будто черные тетерева, проносились ядра. Отец был уже на стене, просунул ружье в бойницу, выпалил, закричал. Нам с братом захотелось к от-

цу, но мать подхватила обоих под мышки, поволокла к склону. Там, в темноте и духоте, уже сидели немощные старики, больные и дети. Все остальные уже защищали крепость. Древняя старуха держала на груди темную тяжелую икону, люди горячо шептали молитвы.

Сверху хлынул свет, кто-то поднял кованый люк. Я оглянулся и угадал темную бороду отца — он звал нас с братом...

Теперь я увидел себя в темной угловой башне. Меня и брата обступили разгоряченные боем люди. Отец, словно перед печью, встал перед нами на колени.

— На вас надежда... Бегите, аки вепри бешеные. Молодший — в Котельно, в крепость, старшой — на озера, там наши братья с неводом.

Подземный ход был тесным, словно барсучья нора, пахло землей, гнилью. Первым во тьме полз братишка, я послевал за ним, изо всех сил работал локтями. Ползли долго, устали, выбились из сил. Но отдохнуть было нельзя: в крепости осталась лишь половина защитников, врага не ждали, лучшие бойцы уехали на лов на Лиственное озеро, богатое снетком и лещом.

Наконец тускло забрезжил свет, и прямо перед собой мы увидели воду. Братишка припал к воде губами, жадно напился. Мы были словно в выдрином гнезде, выйти откуда можно было только через воду. Я нырнул первым, чуть не задохнулся, но вдруг увидел яркий густой свет...

Брат вынырнул полуживой. Мы стояли по грудь в воде. Рядом был берег. Я не раз ставил здесь переметы и не знал, что рядом подземный выход. Лиственка текла по лесу, как по ущелью, свет падал сверху, высвечивая каждую песчинку. Русло было завалено валунами и почерневшими колодами. Под камнями и колодами отец не раз руками ловил огромных налимов...

Некогда было выжать мокрые рубахи и порты — бегом бросились к лесной поляне, где паслись кони. Брат остановился, чуть не закричал, но успел ладонью зажать рот. Под елью, в брусничнике, лежала немая пастушка. Платье ее было сбито на голову, на ногах застыла кровь, груди искалочены чем-то острым... Пастушка мычала, пытаясь стянуть платье с головы. Словно во сне я развязал узел, увидел дикие, потемневшие от страха глаза.

— Палаца! Палаца! — закричала она вдруг. Я понял, пастушка хотела сказать слово «палачи».

Коней на опушке не было — всех увели ливонцы. Брат нырнул в чащу, побежал по солнцу туда, где на холмах стояло Котельно. Он мог и не бежать, ветер дул в ту сторону, в Котельно, видно, уже услышали пальбу. Я бежал из последних сил — озера лежали за лесом, за холмами, там пушечного грома наверняка не было слышно.

Наверно, я бежал быстро, потому что вдруг неожиданно

увидел равнину воды с зелеными шапками островов. Я молил бога, чтобы стрельцы с неводом оказались на моем берегу, до другого берега еще целая верста.

Рослые, раздетые до пояса парни тянули крепкий льняной канат, взваламученная неводом вода бурлила, словно кипяток в котле. Я вбежал в воду, закричал не своим голосом.

Стрельцы закружились, словно на карусели, схватили ружья, бросились на луг, где паслись кони. Огромные леши перепрыгивали через поплавки брошенного невода.

Рядом, между озер, была большая деревня, я побежал туда. Услышав страшную весть, люди хватали ружья, рогатины, выводили коней.

Потом я увидел себя возле крепости. Стена ее была проломана, башня разбита. Возле пролома валялась опрокинутая, брошенная ливонцами пушка. На откосе холма лежали убитые ливонцы — в тяжелой кожаной обуви, в коротких куртках со стальными защитными пластинами, в шлемах — саладах, похожих на печные судки.

Одна из сторожевых башен почти целиком сгорела, на ее месте костром лежали черные обугленные бревна, все вокруг было засыпано пеплом. Головни чадили, летела сажа, черная и зернистая, будто порох. Я стал искать мать и отца, но меня остановили, не пустили, кто-то сказал, что наутро будут похороны, и тогда я увижу родителей, а пока они со всеми убитыми лежат в часовне. Я попросил, чтобы меня пустили в часовню, но меня не пустили, я лишь узнал, что отец весь обгорел...

Задыхаясь от запаха гари, я побрел вдоль крепостной стены. Шел, пока не наткнулся на Володю. Лицо его было в саже, с белыми потеками слез.

Братишка стоял, утираясь рукавом. К нам подошла немая, обняла обоих, повела к дому. Подошел стрелец, отдал отцовское ружье, пустой рог из-под пороха и сумму без пуль — отец все расстрелял...

Вернулись в дом. Немая собрала рассыпанную малину и пули. Возле чана лежала та, которую отец отлил последней, я поднял, положил за пазуху.

После ужина легли спать, немая на нашу с братом кровать, мы на ту, где спали отец и мать. Среди ночи брат вскочил, убежал к немой, прижался, обнял.

Я подумал, что, когда вырасту, женюсь на немой...

Наконец я очнулся. Луны не было, сквозь разрывы в стрехе сочился утренний свет. Послышались шаги, хозяйка подошла к сараю, позвала завтракать.

На столе в чугунке дымилась вареная картошка, стояла плошка с льняным маслом, которое тетя Проса по-старинному называла алеем. Хозяйка вообще была ходячим словарем ста-

ропковского языка. Подвал она называла подызицей, брюк-
ву — калицей, морковь — барканом, метель — веялицей, ков-
шик у тети Просы был корцом, аист — калистом, а журавль —
жоровом.

Садясь за стол, хозяйка весело сообщила:

— Ну, вчера в магазине и битва была!

Когда заговорили о молодой вдове из соседней деревни, тетя Проса оживилась вдруг:

— Во, боек-баба... А я в болезнь попала.

Я нелестно отозвался об одном из соседей, но старуха меня не поддержала.

— Возьмем Миколая нетель резать: он старый боец.

Не согласилась она со мной и когда я похвалил одного из здешних парней.

— Ничего парень, да горло емкое!

Выслушав новый мой сон, тетя Проса призадумалась.

Вдруг улыбнулась лукаво:

— Когда молодой — в темнозорье девки снятся...

Я попросил хозяйку рассказать, как ставили ее избу, кто рубил, кто помогал.

— Костя Цвигузовский рубил, пулеметчиком был в войну, рука пораненная. Работал ладно, а я помогала. Под угол по закону полтинник серебряный положили. И потом — все по закону...

Я попросил объяснить, рассказать по порядку.

— Закон простой, — улыбнулась тетя Проса. — Когда в новый дом входишь — первым кота пускаешь, кот листлив, марьяжен, живо хозяина уговорит.

Я знал, что хозяином прежде в деревне называли домового.

— Потом петуна несешь, — продолжала тетя Проса, — петун сердитый, как закричит, затопает — хозяина на печь загонит... Огонь в доме зажигать не положено — огонь приносят. Угли горячие из другой печи, из другого дома... Деревню немец пожег, домов не было, так я в костре углей набрала...

Я сказал, что слышал об этом, что это языческие обряды.

— Еще не все, — улыбнулась старуха. — Вечером по закону вино было, сама чарку пригубила. Костя поднесла. Он быстро хмелел, песню запел, а потом на сено, на свое место убрался. Немного винца, правда, я оставила, налила в чарку — для хозяина. Если не выпьет — беда, значит, и дом не по нраву, и жильцы не по нраву... Легла я, заснула сразу. Подглядывать-то нельзя, и двери закрывать нельзя — обидится...

Хозяйка помолчала, уйдя в милое ей прошлое.

— Проснулась — чарка пустехонькая. Радуюсь, а Костю спрашивала: «Уж не ты ли, борзун полосатый, в рот опрокинул?» А Костя мне в ответ: «Не помню, тетя Прос, не помню...»

Увидев, что я записываю ее слова, тетя Проса весело похвалила меня:

— Пиши, пиши, плохие чернила лучше самой хорошей памяти...

3

Люди порой угадывают будущее, я старался угадать прошлое. Пожалел, что рядом нет матери. Она родилась в глухой лесной деревне Подлешье. Люди в деревне жили вольным промыслом и охотой, никогда не знали крепостного права. Непроходимые болота охраняли их лучше любой крепости.

В Подлешье верили в домового, лешего, водяного, в шишиг и «ржаных девушек». Зимой возле прорубей втыкали в снег вееровые лапы, пугали водяного. Лешего и шишиг запугивали стрельбой — по весне, в духов день, когда выгоняли скот на молодую траву. Летом, в купальскую ночь, жгли буи — связки смоленого корья и соломы, девушки голыми купались в озере.

Мать вспоминала гулянье, когда на холмах горели костры и девушки прыгали через огонь.

Я легко представлял эти костры, перед самойвойной мать и отец водили меня в цыганский табор, и мы засиделись у огня до ночи.

В деревнях жил обычай жечь костры в вешнюю ночь. В первую военную весну костры вспыхнули на каждом холме. Фашисты испуганно смотрели на огни, но не стреляли. В огненную ночь двое молодых полицаев подожгли мост, который охраняли, и ушли в партизаны. Фашисты увидели пожар, но гасить не стали, думали, что это огромный костер.

Помнил я и другие костры — почти бездымные, потаенные, заметишь, лишь когда обожжешься.

Вспомнив войну, я понял вдруг, что видел прошлое наяву. Весной и летом сорок третьего года, кто мог держать оружие, ушли в партизаны, и в ярости фашисты выжгли Синегорье дотла, не осталось даже целой изгороди. На месте деревень чернели пожарища, вокруг лежала дикая зеленая пустыня, лишь местами виднелись узкие нивы. Люди, спасаясь от угона, прятались в лесах, жили как в глубокой древности.

Когда горел наш дом, наша семья — мать, братишка, сестра и я сам — едва успела убежать в лес. Почти целый день мы плутали по мшарам, пока не вышли к густой еловой гриве.

В чаще под елками прятались шалаши, я впервые увидел шалаш, сплетенный из ивовых прутьев. В шалашах был постлан еловый лапник, устроены моховые постели. Скот — чудом уцелевшие коровы и овцы — стоял под елками в выгородках.

Когда поспела рожь, ее жали по ночам серпами, как в старое время. Снопы молотили цепами, зерно провевали на ветру. Пищу готовили на кострах, хлеба не было, мяса не было,

только молоко, картошка и рыба. На болоте собирали ягоды, в лесу рвали орехи. По ночам зуб на зуб не попадал от холода. Чтобы согреться, люди стелили мешковину на месте прогоревшего костра, ложились словно на печь.

Когда появилось зерно, партизаны придумали строить мельницу. Пил не было — деревья валили топорами. Сруб сделяли без единого гвоздя и без скоб. Мельница оказалась не больше бани. Громадным вышло только колесо с крепкими плищами. Плотину построили так, как строят ее бобры, — завалили речку вековыми осинами.

Рядом с мельницей срубили из неокоренных бревен нескользко подслеповатых хижин, в них и жили в морозы.

Когда потом, после войны, увидел я в книге рисунок древней деревни, то удивился: слишком он был похож на лесное наше стойбище.

Когда ставили мельницу, партизанам понадобились инструменты и металл.

— А вон его спросите, — показала на меня пожилая женщина. — С железом только не спит, видать, кузнецом вырастет.

У меня и вправду, чего только не было напрятано в окопах и в лесу: с радостью передал партизанам станок от пулемета, жестянную патронную коробку и целую торбу гаек и винтов с разбитого танка.

Когда партизаны устанавливали жернова, я не отходил от них ни на шаг, старался помочь.

Если партизаны давали мне разряженное оружие, я не играл им, я старался понять, как оно действует, как устроен спусковой механизм и затвор.

Мать говорила, что любовь к металлу передалась мне по наследству. Мой отец в молодости был слесарем в Ленинграде, дед чинил замки и ремонтировал охотничьи ружья, а прадед Вася Хохлатый был кузнецом редкого таланта. Мать говорила, что он готов был работать от зари до зари. Чтобы заставить прадеда переодеться, прабабка варила яйцо всмятку, знала, что работливый муж не откажется от лакомства, а в награду требовала снять темную от пота прожженную рубаху.

От матери же я слышал, что в древности в нашем роду было много мастеров кузнецкого дела. Вообще тихий лесной край славился кузнецами и оружейниками, недаром самое большое село в округе называлось Славковичи — то есть славные ковачи.

Видимо, и название Котельно дано было крепости неспроста, рядом в селе, видимо, делали котлы.

Тому, что я стал инженером, механиком, ни мать, ни родственники не удивлялись: я просто продолжил начатый предками путь...

Вдруг захотелось снова увидеть себя в давнем времени, представить пусть не искусством кузнецом, но, по крайней

мере, его учеником или сыном. И снова, едва показалась луна, я сбежал с крыльца, поднялся на сеновал.

Закрыв глаза, увидел темную городьбу, кольцо хижин, белые медвежьи черепа на кольях ограды.

Похожая на черный гнилой стог кузница стояла на отшибе. На дверях кузницы висел огромный замок, но из трубы валил дым, там взаперти работал отец. Люди говорили, что отец не кует, а колдует. Готовясь к работе, отец собирал на огнищах лесные травы. Жег смолу, влезал в кузницу через окно, шептал наговоры, спал в копне сена, ел только кутью и толокно.

Когда отец ковал оружие, я становился свободным.

— Подрастешь — всему научу, — не раз обещал отец...

Светлая теплая ночь стояла над борами. Я подбежал к городьбе, уцепился за выступ, подтянулся, перевалился через требень, легко спрыгнул вниз, в глухую траву.

Ограда защищала деревню от зверей, но не могла защитить от медведей: их не пугали даже черепа их убитых собратьев...

Вокруг грозно шумел лес, я замер от страха, огляделся. Между елок поднялась луна, залила чащу косым призрачным светом. Я увидел свою одежду, темные босые ноги.

Пересилив страх, двинулся вперед. Была купальская ночь — короткая ночь, когда открываются клады и цветет папоротник. Взрослые говорили, что увидеть цветущий папоротник можно, лишь когда останешься один, двое или трое ничего не увидят.

Я наконец увидел...

По темным листам, казалось, течет холодный зеленоватый огонь, в получьме роились таинственные вспышки... Но клада не было, золото не открылось.

Рядом, на опушке, горели костры, люди жгли обмазанное дегтем соломенное чучело. Возле костров шумело гулянье... Мальчишки потащили меня в хоровод, но я вырвался, встал в тени под огромной, как зарод, старой елью.

Девушка, на которую я смотрел, стояла возле костра с племистым стрельцом. Белая его рубаха от огня казалась багряной, на поясе у парня висел короткий трофеинный меч. Стрелец прискакал из крепости, чубарый его конь пасся на поляне рядом с деревенскими конягами. Девушка рвалаась в хоровод, но стрелец крепко держал ее за руку.

Стрельцы не раз увозили девушек в крепость, уводили до утра в чашу.

Весело кружил хоровод, веселились, дурачились девушки.

Хоровод вдруг рассыпался, люди бросились врассыпную. От леса к кострам летели всадники, земля задрожала от гулкого конского топота. Я в ужасе прижался к корявому еловому стволу, рядом замелькали конские гривы, похожие на горшки ливонские шлемы. Стрелец выхватил меч, но не успел ударить — его сбили конем. Кто-то бросился к костру, голой рукой схватил головню, бросил на соломенную крышу хижину.

Отчаянного срубили, огонь сбили плащами. Ливонцы боялись пожара: его увидели бы в крепости.

Всадники спрыгивали наземь, хватали женщин, волокли к хижинам. Огромный, весь в броне, похожий на громадного железного рака детина поймал мою девушку, потащил, словно бьющуюся рыбину.

Не помня себя, я попятился, метнулся к поляне...

Конь дружинника спокойно щипал траву.

— Штой! Штой! — закричали рядом.

Я вспрыгнул в седло, натянул поводья. Чубарый от неожиданности присел, закружился, не желая слушаться незнакомого человека. Ливонцы уже летели наперерез. Ни нагайки, ни шпор у меня не было, спасти могло только чудо. В ярости я наклонился, впился зубами в горячую шею коня. Рядом сверкнул меч, но ливонец промахнулся, словно в сук, ударил в луку седла. Обезумев от боли, конь галопом сорвался с места, врезался в заросли.

Погоня летела по пятам. Ливонцы кричали, палили из пистолей, резали шпорами коней. Конь стрельца стоял всего нашего табуна. По лесу он летел, словно росомаха — перемахнул через ручей, пронесся по трясине, на полный мах покатил по покосному лугу...

Впереди, словно тучи, синели заросшие лесом холмы. На самом высоком была крепость. Казалось, она уже совсем рядом.

Конь так и стелился над травой, но погоня не отставала. Я слышал, как храпят всадники и кони, от стука подков гремело в ушах. Врезались в густую хвойную чащу, выкатились на огнище, пронеслись по поляне...

Вдруг прямо перед собой я увидел огромное небо. Где-то далеко внизу была земля. Меня сбило с коня, швырнуло вверх. Мелькнула белая круча, прямо перед собой я увидел черную глубокую воду...

Оглушенный, разбитый, мокрый, я с трудом выбрался на отмель, пополз по песку. Под кручиной на камнях лежали разбившиеся кони и всадники. Я попробовал встать, но не смог. Вдруг кто-то тронул за плечо, я повернулся и увидел мокрую морду чубарого коня. Зубами, руками я вцепился в повод, перевернулся на спину.

Конь послушно пошел, поволок меня по луговой траве, и я снова увидел костры, хороводы, веселых и шумных людей. Костры горели на покатной липовой горе, там, где всегда гуляли владимирецкие... Грустно и тонко, как ночной дрозд, пела берестяная дуда.

Вдруг стало тихо: люди увидели меня. Ко мне бросились парни, подняли на руки, понесли.

— Ливонцы, — с трудом выдохнул я.

Все парни были с оружием: в порубежье всегда ходят с ору-

жием за стенами крепости. Кто-то оглушительно свистнул, и по лугу рассыпался тяжелый топот: военные кони всем табуном бросились к кострам, закружились, как вода в омуте. Парни смело бросались в этот омут, вскачивали на оседланных коней.

Меня понесли девушки. На щеку упала чья-то слеза, и я сам чуть не заплакал.

Лава с грохотом унеслась в огненную ночь, по полям покатился грозный раскатистый гул...

Я очнулся. Сон обрывался всегда не там, где нужно. Пели петухи, я понял, что уже скоро утро.

Я не увидел возмездия: как в ужасе убегали ливонцы, как, обманутые огнями, влетели в трясину, как отчаянно, «в пень» рубили их русские воины...

Тетя Проса, увидев меня на пороге, лукаво прищурилась.

— Опять сон расскажешь? Говори, говори...

Выслушав рассказ, хозяйка пытливо глянула на меня.

— А не сочиняешь ли ты часом?

Задумалась, негромко добавила:

— О чём думаешь, то и снится. Наверно, ты наперво придумываешь сон, а потом смотришь его... Угадала?

Конечно, мои сны были просто грезами. Все началось еще в детстве. Шел второй год войны, стояла лютая и ветреная зима. Валенок у меня не было, в полях стреляли, мы с сестрой и братом совсем не выходили из дома. К нам тоже никто не приходил: дом стоял на отшибе, по крышу утонул в сугробах. Читать я еще не умел, игрушек, кроме пулеметных гильз, у меня не было, по дому гулял холод, и почти все время я сидел на печи. С печи немного увиديшь, да и смотреть было не на что. Я лежал на печке, на красной, как знамя, подушке, смотрел на неоклеенный потолок. Узоры древесины мне казались то лесом, то озером, то пашнями и холмами.

Когда надоедало смотреть, я начинал грезить: представлял, как партизаны возьмут меня с собой, дадут маузер в деревянной коробке и увезут с собою в санях — рядом с тяжелым пулеметом.

Часто я представлял лето, как я бегу по траве, врываюсь в лес, а в лесу — забытое орудие со щитом. Я заряжаю орудие, бью через озеро по немецким машинам.

Грезы были легкими и летучими, как утренние облака тумана. Когда я болел, рядом со мной ложилась мать, рассказывала про свое детство, и я начинал представлять, что был тогда словно бы рядом с нею, бегал на мшары за ягодами, дразнил табаком гадюк, стрелял из тяжеленного шомпольного ружья.

Мать была партизанкой-проводницей. Часто она уходила, и в доме утверждался страх. Возвращалась мать только к утру.

На войне всегда страшно. Страшно было и в давние времена, хотя воевали тогда мечами, топорами, стреляли из неудобных пищалей и пушек...

Взяв тетради, я присел к столу, а хозяйка негромко запела старинную песню:

Наша крепость, наша крепость,
Наша крепость на горе,
Белый кречет, белый кречет
Прянул в небо на заре.
И неведомо откуда
Войско грозное пришло.
Только чудо, только чудо,
Только чудо нас спасло...

Я задумался: сколько же раз приходили сюда враги?

Но люди выстояли, сберегли себя, жизнь, озерный и лесной край.

В дверь вдруг постучали. На пороге стоял Саня — в новой сатиновой рубашке, в черных сатиновых брюках и новеньких башмаках. Густые волосы Сани были неумело зачесаны, в руках негаданный гость держал карандаш и толстую тетрадь.

— Вот и я решил записывать. Записал, как в войну муку в озере прятали, — опустят в мешке, сверху мука намокнет, корой покроется и лежит себе, сколько надо.

Присев к столу, Саня полистал тетрадь, что-то зачеркнул карандашом.

— И Костю Цвигузовского записал. Он про Дубковский бой рассказывал. Партизаны на холме были, а фашисты внизу. Бежать вниз с горы плохо, партизаны просто сели и стали съезжать. Фашисты перепугались: партизаны с неба падают...

Саня вздохнул, закрыл тетрадь.

— Жаль, что про древнее никто не помнит... Обидно, про другие города и деревни в книгах написано, а про нашу — ни слова.

— Запиши про себя... — предложила, орудуя ухватом в печи, тетя Проса.

— Про себя неинтересно, родился, в школу хожу, вот и вся биография.

— Напиши, как конюшня горела и ты прибежал да коней выпустил...

— Так ведь их жалко было, они живые, все бы в огне сгорели.

— Вот так и запиши...

— Тетя Прос, лучше про революцию расскажите, — решительно попросил Саня.

— Про какую же тебе революцию: пятого года или семнадцатого? Я ведь и пятый год помню...

— Расскажите! — воскликнули мы с Саней в один голос.

— Слухайте, коли просите... Ярмарка была во Владимирце.

Я и пошла на ярмарку. Иду, ягоды собираю. Каких только ягод нет: черничинка моховая, брусничинка боровая, земляничинка низовая. Опоздниться боюсь, заторопилась, на небо глянула, а на горе полымя, флаг кумачовый... Народ вокруг шумит, смотрят люди, дивуются... Урядник рубль на водку давал, чтобы сняли флаг, — никто не полез, сосна высоченная, пилой пришлось лесину валить, еле свалили... Флаг-то Матвей Рассолов повесил. Отчаянный был.

Хозяйка совсем забыла про утренние дела.

— Хорошо помню Матвея, как сейчас вижу. Землю в бояснадцатом по весне делил, сколотил шагомер и отмеривал. Земля, говорит, теперь общая — народная... Нам целую десятину дали. Земля черная-черная, что лесное огнище. Матушка моя не выдержала, бросилась к Матвею, обняла его. Рассолушко ты наш, говорит... И Митрофанова помню, сто раз видывала.

— Какого Митрофанова? — не понял Саня.

— А того самого, в честь кого наш сельсовет Митрофановским называется. Вместе с Рассоловым он тут у нас и устанавливал Советскую власть. Когда продотряд приезжал, так они по домам ходили. В продотряде все больше латыши были, по-русски плохо говорят, ничего толком не объяснят, народ серчал даже... А в девятнадцатом белые пришли, во Пскове Булак-Балахович стоял, Митрофанов и наш Рассол стали называться красные партизаны.

Тетя Проса присела к столу, подперла голову руками, глаза ее молодо засверкали.

— Помню, ой как помню... Будний день был, а во Владимирце большой колокол дон-дон-дон... По озерам будто бочки серебряные катятся... Белые билибонили. Расстреляли вол-исполком, на продотряд напали, кого побили, а кого в озере потопили. Матвей с продотрядом был, вон тут в озере, на краже, его и ранило. Сначала потопить белые его хотели, потом раздумали, повезли во Владимирец...

Хозяйка умолкла, закрыла глаза ладонью, Саня перестал записывать, отложил в сторону тетрадь. Не сговариваясь, мы с Саней встали, вышли из избы, во второй раз зашагали к Владимиру. Мы знали, что там стоит памятник Матвею Рассолову.

Про Матвея Рассолова рассказывал мне мой отец. Стояла вторая военная зима, отец болел, мы голодали, жили в страхе, за окном грохотали небывалые бои, но лишь выдавалась тихая минута, как отец начинал говорить про войну, но не про новую, а про старую — гражданскую, про девятнадцатый год, когда сам отец был еще маленьким мальчуганом, Матвей Рассолов

виделся мне похожим на партизан, что приходили к нам, ночевали в нашем застуженном доме...

Отец рассказывал так ярко, что вскоре мне стало казаться, будто я знал Матвея Рассолова, разговаривал с ним, и это меня, а не моего будущего отца он вытащил из вешней Лиственки, когда я сорвался с лавы. Отец рассказывал, что ходил с Матвеем по ягоды, вместе они искали на полянах гнезда полосатых шмелей.

В деревню Матвей вернулся после революции: работал на заводе, чтобы прокормить семью, — так поступали многие. Жили Рассоловы очень бедно, и, завидев Матвея, подкулачники не раз весело запевали:

Коммунист, коммунист,
Рубаха зеленая,
Не у тебя ли, коммунист,
Хата разваленная?

Матвей ходил в серой шинели и военной папахе, носил бороду, отец говорил мне, что Матвей был «вылитый Пугачев».

Жил Матвей в деревне Степаново. Была она бедной, дома крыты камышами и соломой. Рядом — погост Владимирец, богатое село Жерныльское — с кожевенным заводом и четырьмя мельницами.

Отец Матвея бедствовал от века. В наследство от него осталось только прозвище — Рассол. Однажды старик выпил в лавке огромный ковш огуречного рассола. На огурцы денег не хватило, а рассол был бесплатным. Волостной писарь переделал прозвище в фамилию.

В округе каждый имел прозвище. Моего деда и его брата Василия дразнили Ершами, а моего отца и его двоюродного брата — Ершенятами, даже припевку сочинил кто-то:

Сколько песен, сколько басен,
Про тебя, Ершонок Васин?
Сколько басен, сколько песен
Про тебя, Ершонок Петин?

Каких только прозвищ не было: Шпандор, Бододай, Аэроплан, Фунт, Орел, Борода, Колупай, Дрозд.

Белобандиты искали Матвея, но найти не могли. Белый офицер Романовский объявил, что все земли и лес возвращаются их прежним хозяевам. Началась мобилизация людей и лошадей в белую армию. Парни убегали в лес, уводили коней, уносили самое ценное. Страшное и непонятное время пришло в Синегорье.

Едва выбравшись на сеновал, я увидел себя маленьkim мальчуганом. Я был такой, каким себя помнил, но называли меня почему-то именем отца. Увидел вдруг бабушку, бросился к ней, прижался, ласково назвал ее мамой...

— Беда, сынок, горе у нас. Коней бандиты уводят. Гони мерины в лес — подальше, в самую гущару. Скорее, сынок, мальчишки уже погнали.

Я вырвался, забежал в дом, вытащил в чулане из-за ларя огромный и тяжеленный «смит-вессон» с единственным патроном в барабане. Патрон был от японского карабина, в барабан я заколотил его молотком.

Вдруг я увидел лес, заросшую иван-чаем поляну, коней на поляне, молчаливых мальчишек под елью. Я был вместе с мальчишками.

Нахлынула ночь, черная, как дымный порох. Мои сотоварящи забились под елку, легли рядом на сухую иглицу. Лег и я сам.

Вместе было не так страшно. Один из мальчишек лежал с одностольным ружьем, с сумкой, полной патронов. Другой достал из-за пазухи огромный, еще теплый каравай. Хлеб ломали, уплетали за обе щеки. Кто-то привез тесак. Нарубили еловых лап, натягали охапку мягкого мха. Легли рядом, прижимаясь друг к другу, укрылись старой попоной.

Мальчишка с ружьем шепотом рассказывал новости:

— Белые в Ловнях четырех мужиков расстреляли... Мужики ходили в лес, елки рубили, пришли в мокрых сапогах. Романовский говорит: «Партизан искали». Расстреливал сам из маузера...

— А нас... расстреляют? — спросил кто-то из темноты.

— Не... Вздуют только что надо. Романовский говорит: «Шомполов на всю Россию хватит».

Нахлынула дрема, но вдруг дико заржали кони. Было уже утро, солнце стояло над огромной елью, слепило, словно горящий порох. На поляне носились кони, сбились в кучу, теснили друг друга.

— Та-та-та-та-та... — залился очередью невидимый пулемет.

Рядом, совсем близко шел настоящий бой. Стреляли за деревьями, за покатым холмом.

Я побежал, потом лег, пополз, докарбкался до вершины холма, до огромного белого камня. На лугу шла рукопашная. Белые полотняные рубахи перемешались с зелеными, военными. Люди топтали покос, били друг друга прикладами, палили в упор. Обрезы грохотали, будто пушки. В медоцветах лежали убитые. Убегал, зажав лицо руками, боец в зеленом френче. Его был чем-то тяжелым огромный бандит. Сбил, принялся топтать сапогами.

Слышались хриплые, злые голоса. Отчаянно, как подбитый заяц, завопил раненый...

Потом я увидел себя среди коряевых, заросших лишайниками елей. На самой высокой сидел черный, как головня, белоклювый ворон, смотрел туда, где шел бой. Я слышал,

что вороны живут сотни лет. Может, этот ворон не раз видел битвы, кружил над мертвыми, выклевывал раненым глаза. В ярости я вырвал из-за пазухи «смит-вессон», нажал скобу...

Глухо щелкнул выстрел, пуля клюнула темную еловую кору, ворон лениво поднял крылья, перелетел на маковку соседней ели.

Потом я увидел, что бегу по покосному полю.

Перебегая лог, услышал хриплую песню. По дороге строем шли бандиты.

Поле было изрыто окопами, желтели сугробы песка. В гору тащился обоз. На телегах громоздились сундуки, мешки с мукой, овчины, ульи и самовары. За телегами брели привязанные к ним коровы. Бандиты пьяно ругались, хлестали плетками коней и коров.

В деревне хозяинчиали белые. Бородатый бандит самодельным аршином мерил штуку светло-синего ситца. Дымила полевая кухня, пахло вареной барабанной.

— Рассола везут! — закричали вдруг белые.

Все было словно в страшном кошмаре. Пегий конь тащил в гору рогулю. В рогуле лежал Матвей. Голова свесилась, волосы текли по песку. Матвей был босой, голый до пояса. Серая с огромным красным пятном рубаха висела на «свече». Размахивал карабином бандит в шапке с белой лентой. Бросая косы, бежали к дороге косари, голосили бабы, молча смотрели мальчишки...

Я пробился к самой дороге. Матвей был ранен в бок — сочилась темная кровь. Через грудь наискось тянулась ярко-красная лента — бандиты ножом вырезали полосу кожи. Голубые глаза Матвея были открыты — раненый смотрел вверх, на небо.

Меня пихнули прикладом, оттеснили, но я снова оказался рядом с Матвеем. Партизан молчал, зло закусил губы. Кровь текла и текла. Орали конвойные...

Посреди Владимирца рогуля остановилась. Бандиты стащили Матвея на землю, бросили вниз лицом. Партизан с трудом перевернулся, он тяжело дышал, глотал воздух открытым ртом. Какая-то женщина подбежала с ковшом воды, ее оттолкнули, выбили ковш. Кто-то притащил вонючую шкуру, споротую с убитого коня, бросил на Матвея. Рослый бандит поставил раненому на грудь ногу в тяжелом сапоге.

— Что, откомиссарил? А? Откомандовал?

Бандиты шумно обступили лежащего, заорали пьяными голосами:

— Пограбили народ, и хватит!

— Хорьком! Хорьком его в нос!

Матвей молчал, смотрел вверх, в небо. Бандиты осатанели, начали его бить сапогами, прикладами — зло, отчаянно. Матвей не стонал, не кричал, только глядел...

Молча подошел Романовский — глаза спрятаны под козырьком черной шапки, рука на деревянной коробке маузера. Нахлынула жуткая тишина... Улучив момент, я подхватил, поднял ковш — в нем на дне еще была вода. Матвей взял ковш, прижался к ковшу разбитыми губами.

— Чей мальчишка? — прохрипел Романовский.

— Из Степанова, сосед его... — отозвался рослый бандит.

— Кончайте. — Романовский постучал пальцами по коробке маузера.

— Жаль патрона, — ощерился рослый бандит.

— Живьем! — махнул рукой Романовский.

Крича, бандиты потащили Матвея под гору, к темным хмурым елкам — на моховое болото...

Я бросился к лесу, побежал что было мочи: по лицу били ветки, щеку обожгло еловой лапой, но я все бежал и бежал.

На поляне паслись кони, под шатровой елью сидели мальчишки. Я лег в траву, долго не мог отдохнуться.

Вдруг во Владимирце зазвонил колокол — показалось, что по лесу катятся тяжелые медные ядра. Заиграли, зачастили вслед за большим колоколом малые колокола, оглушительно грохнула возле церкви древняя пушка.

— Что это? — спросил кто-то из мальчишек.

— Победу празднуют, — отозвался другой негромким, но звонким голосом.

— А может, убитых хоронят?

— Может, — согласился тот же мальчишка.

Колокола умолкли, и я наконец проснулся.

Лежа с открытыми глазами, я стал вспоминать все, что отец рассказывал про второй бой и про свое возвращение из леса...

За мальчишками пришли их матери, повели мальчишку и коней в деревню.

Мой будущий отец не узнавал такие знакомые места: все вокруг стало тревожным, суровым. От пожарищ веяло гарью, в низине, как туман, колыхался дым. Всюду — на дороге, за дорогой — лежали убитые, лица их были темнее ольховой коры. На еловых лапах белели бинты, ветер шевелил страшные белые полосы.

— Матвея хоронят, — почти шепотом сказала одна из матерей.

На кладбище грянул салют из карабинов.

Вернулась тишина. Лето стояло теплое, ясное. Но в поле, в лесу таился страх, не радовали ни ягоды, ни грибы, ни рабалка.

Матвея больше не было, и вместе с ним ушло что-то, о чем Леша не мог еще сказать словами.

Гришановские мальчишки нашли диких пчел — в дупле старой осины, на поляне, где мальчишки прятали коней.

Они принесли матери и Леше туес меда — крепкого, рушеного — пополам с пчелиным хлебом. Но и мед не обрадовал, почему-то горчил...

Матвея похоронили на древнем погосте, где рядом с крестами темнели камни с непонятными буквами и знаками. Ограда кладбища почти сровнялась с землей. Когда копали могилу, в песке нашли кусок кольчуги — четыре ржавых кольца.

Матвея положили рядом с древними воинами.

К будущему моему отцу подбежал товарищ, показал на темнеющий под горою лес. Обрывистой тропинкой, среди камней сбежали вниз, нырнули в тишину, в запах хвои и холод. Среди обросших мохом черных елей была неглубокая яма. Повеяло сыростью, страхом, яма была до половины залита бурой тяжелой водой.

— Здесь он лежал, — зашептал товарищ. — Живым закопали. Плясали на нем. Потом, говорят, земля колыхалась.

В чаще прохрипел филин. Мальчишки бросились туда, где за елками золотились поля, где не было так страшно.

В чемодане вместе с моими записями лежали тетради с записями отца, вырезки из старых журналов, выписки из летописных сводов. Многое я успел записать и со слов деда...

Это было настоящее богатство. Я без конца перечитывал летописные предания, хотя многие из них помнил наизусть. Стоило закрыть глаза, как в темноте вспыхивали неровные огненные буквы.

Язык летописей напоминал язык «Слова о полку Игореве», только записи летописцев были сдержаннее и строже...

Впервые Володимириец упоминается в летописи в 1462 году. «Того же лета псковичи заложиша иные городок новый на Володчине горе, и нарекоша ему имя Володимириец; и церковь поставиша святого отца Николы...»

Грозной была судьба маленькой крепости, в летописи Володимириец встречается не раз. «И в Володимирице Иван Васильевич Ляцкой... перевозился через Великую реку и через Синю реку.

И услыша их Иван Васильевич Ляцкой, что литовцы обострожились на Ключицах, а полоненных наших в церкви заперли, и приехав Иван Ляцкой к Ключицам, где они обостростились на бую, и услыша полонянные наши и запрошася извну...»

Воображение легко дорисовало картину, я сам был вместе со многими людьми заперт в сарае, когда нас гнали в немеччину: к стене сарая подходили люди, негромко говорили с нами, пытались помочь, выручить нас, и мы бежали...

Выручил полоненных и воевода Ляцкой: «взяша острог, а

полоненных своих из церкви выпустиша всех, а Черкаса воеводу... изымаша...»

Слова летописи переливались словно камни-самоцветы...

«Суть же скверные мольбища их лес, и камение, и реки, и блата, источники и горы... и проста речи всей твари поклоняхуся яко богу».

«А Немецкая вся земля бяше не в опасе, без страха и без боязни погани живяху, пива мнози варяху».

«Отрядили с войском князя Василья Борбошина к Володимирцу... В сие время нечаянно пришед туда... немецкий воевода, называемый Ламошкой».

Из истории я уже знал, что воевода был взят в плен, отослан в Москву и там казнен.

«Под Володимирцем немцы были побиты посылкою князя Дмитрия Овчины сына. Того же лета (1065 г.) князь Александр из Володимирца воевал Юрьевские волости один день до обеда и повоевал верст на 50, а было их с полдвытысячи...»

Я осторожно открыл тоненькую тетрадь с записями, выписки из старинных книг. Многие из них я знал наизусть.

«Для защиты от врагов кривичи устраивали укрепления, или городки, которые строились обыкновенно на вершинах гор, по течению рек и на берегах озер, на местах, способных к самозащите, и сверх того они укреплялись еще стенами, валами и рвами. Это орлиные гнезда по своей неприступности».

Были, конечно, и записи про Володимира.

«Гора Володчина, на которой был построен пригород, находится в 50 верстах от города Острова. Вершина горы в длину имеет 54 сажени, в ширину 29 саженей, по форме четырехугольная. Поверхность площади ровная, обретая вокруг валом... Вход на городище с севера. Внешние укрепления насыпного вала сохранились и поныне: на востоке, в углу, находится насыпной курган, возвышенный не более как на сажень, в виде батареи, а на юге в настоящее время образовался ров... В прежние времена тут был со сводами из плиты тайник, из которого брали воду, на западе же спуск с крыльцами...»

От отца я знал, что тайник и крыльцы разобрали на материал для каменной церкви.

Одну из выписок отец аккуратно подчеркнул угольком.

Я готов был перечитывать это место без конца...

В Новгородской летописи сказано, что славяне на берега реки Великой и ее притоков пришли из Иллирии и Фракии. Татищев утверждал, что Изборск и Володимира — самые древние псковские поселения. Татищев заключил, что Изборск построен в честь князя Избора, а Володимир (потом — Володимира) во имя Володимира, тоже древнеславянского князя.

Один из холмов на берегу Лиственки до сих пор именуется Дунай.

Чуть пониже этой записи я прочел всего два слова: рукою отца, неумелыми печатными буквами было выведено: «Ратные луга!»

Я бывал на Ратных лугах, косил там траву, слышал предание о великой битве, которая там была в седой древности. Отец был прав, вычерчивая восклицательный знак.

Далее шли записи про Котельно.

В летописи Котельно упоминалось уже в начале XV века. В 1406 году «месяца августа... прииде мастер Рижский (мастер ливонский) со всею силою своею... и ходиша по волости две недели и под Островом и под Котельном».

Сражалось Котельно и с войсками литовского князя Витовта. «И посадник Силиверст Леонтьевич и другой Федор Шибалкинич со Пскова ехаше под город под Котелен и он неверный князь Витовт услыша Псковскую рать, послана на них своей рати 7000... И псковичем того неведающим, пскович мужей 400. Удариша псковичи на них под городом под Котельном, и убиша псковичей 17 изымаша 13 муж, а литовской рати и татар побиша псковичи много, а число их не вемы...»

«Пригород Котельно получил свое название от формы горы — опрокинутый котел... Верхняя площадь горы имеет 35 саженей в длину и 23 сажени в ширину. С восточной, северной и южной сторон окружена оврагами (крючами), с северной же стороны, кроме оврага, имеется еще и вал, который продолжается и на западной стороне, с искусственным рвом... На самом спуске лежит плоский камень, 2 аршина длины и 1½ аршина ширины, на котором высечено изображение рыбы...»

Перечитывая записи, я вдруг задумался: сколько же событий может случиться на одном клочке холмистой земли? Не сочтешь войн, набегов, боев и пожаров, не напишешь обо всем даже в огромной книге. Отец рассказывал, что когда его родители во Владимирце надумали выкопать яму для картошки, то никак не смогли найти места: чуть поглубже копни — всюду человеческие кости. А участок-то был огромный — целая десятина.

Перед войной отец отдал мне ящик старинных монет, собранных во Владимирце на огороде. Многие из монет были совсем древние — с неровными краями, со стершимися знаками — тяжелые медные лепешки.

Отец говорил мне, что однажды он с дедом откопал древний штоф водки. Кому ни показывал, даже седобородые старики не смогли вспомнить, в какое время водка была в таких штофах. Когда штоф открыли, дом наполнился душистым запахом, похожим на запах еловой смолы.

Выписки и записи отец делал уже после войны. До войны, по словам отца, у него был добрый пуд таких вот тетрадей, но все сгорело, когда горел наш дом.

В конце одной из тетрадей отец торопливо записал: «В середине прошлого века во Владимирце, близ городища во время копания подвала вырыт небольшой глиняный горшок, величиной с чайную чашку, в котором находились медные и серебряные монеты... Нашел горшок крестьянин из деревни Подмосковье (граничит с Владимирцем) Иван Алексеев. Уж не наш ли это предок?»

Больше всего записей и выписок было про Остров. Выбор, Котельно, Дубков и Владимирец, хоть и считались пригородами Пскова, подчинялись, однако, Острову, до которого было от Синегорья пятьдесят верст.

Отец учился в Острове, любил этот маленький зеленый город.

В Острове была крепость, стены и башни которой построены из сероватого плитняка и красноватого известняка... «Против самого города, на реке Великой, есть небольшой островок в длину до 320 с небольшим сажень и в ширину около 100 сажень».

«Как в народных преданиях, так и у местных историков упоминается про существование в крепости подземных ходов».

«Время построения крепостных стен, точно так же как и самого города, — неизвестно...»

В крепости были Спасские ворота с колокольней... К югу от ворот была полуразвалившаяся башня. Рассказывают, что под нею в прежнее время (теперь засыпано) по каменной лестнице был ход к железной двери, с большим висячим замком, за которым будто находятся богатства. В начале прошлого столетия один из купеческих сыновей вместе с товарищами попытался было достать этот клад. На Иванов день пришли они к сказанной двери и начали сбивать замок, но вдруг из-за двери их охватило как будто пламенем. В страшном испуге бросились они бежать. Двое из них уже перебежали по лавам через реку, а третий отстал от них и, когда перебегал лавы, увидел плывущих по воде в погоню за ним двух колossalных черных собак. В беспокойстве он вбежал на соборную Троицкую колокольню и начал трезвонить, а потом сошел с ума и умер...

«Пригород Остров, имея своего посадника, имел и свое вече... Местное вече не могло казнить смертию без разрешения Пскова, точно так же не могло предпринимать каких-либо военных действий. Вече собиралось по звону вечевого колокола. Ухо горожан отличало звук вечевого колокола от звука церковных колоколов...»

«Где собиралось в Острове вече и где висел вечевой колокол, неизвестно... Когда вече разделялось на партии, приговор

вырабатывался насильственным способом, посредством драки: осилившая сторона и признавалась большинством».

«Остров, как пригород, имел свою казну, свою волость и свое войско...»

На полях бисерным почерком отца были выписаны еще две цитаты.

«Народонаселение Островского уезда чисто русское, рослое и имеет строгий выговор со своими местными словами, но без чужеземной примеси...» «...Почти все памятники островской старины уничтожены пожарами, наводнениями и руками невежественных людей».

Я взял ручку, приписал: «Остатки крепости Острова уничтожены фашистами в 1943—1944 годах, нужен был камень для строительства дороги».

В одной из тетрадей была записана мальчишеская дразнилка, и я прочел ее вслух:

Гришановские воры,
Не ходите в наши горы.
Если будете ходить —
В колья станем проводить.

Так сурово пугали мальчишек из Гришанова их владимирецкие сверстники...

— Вот здорово! — послышался из окна голос Сани.

Мой новый друг, стоя на завалине, заглядывал в тетради. За окном в зелени листвы плыли, словно маленькие планеты, спелые наливные яблоки.

Лицо Сани показалось мне суровым и взрослым.

— А вас дядя Леня искал. Узнал, что вы комбайн починить помогли, что инженером работаете, все спрашивал.

Вместе с Саней мы пошли на Слепец, вернулись, только когда стало нестерпимо жарко. Подходя к дому, я не удивился, что рядом с сараем стоит «уазик». В горнице было дымно, хозяйка угощала гостей блинами и пересказывала мои сны. На столе стояла непочатая бутылка хорошего вина.

Мой приход не испугал старую Просу, она продолжала рассказывать слово в слово все, что слышала от меня.

— Записать бы все это, — сказал задумчиво Леня. — При школе у нас маленький музейчик имеется, поможете ребятам? А?

— Пусть приходят — расскажем, — весело ответствовала Проса.

Я охотно поддержал хозяйку.

— Без памяти и человека нет, — добавила тетя Проса. — Говорят, душа, а что это — душа? Да память наша!

Леня налил в стопки вина, лукаво прищурился:

— И еще один серьезный разговор имеется.

Снова нежданный гость заговорил, лишь когда мы выпили и закусили.

— Хорошая у вас профессия, нужная... Не каждый, конечно, понимает. Но возьмем нашу местность. Населения здесь никогда не было много, а после войны стало еще меньше. Кругом холмы, пашня на холме — не пашня, а гора... Вроде пустодол, посадить лес, и делу венец... Пусть зарастиает лесом.

Хозяйка, хлопотавшая у плиты, присела к столу, подперла щеку ладонью.

— В нашей стороне вовек не живали богато... Военная земля, горевая.

— Другое время, хозяйка, — наш гость даже встал от волнения. — Техника есть? Есть! Сельхозстрой работает? Работает! Видели новые овчарни? Да это не овчарни — дворцы... Засуха в Поволжье была — привезли к нам овец. А у нас засухи не бывает, режим увлажнения пойменный, вокруг заливные луга. Тыщи овец прокормить можно!

Леня присел, налил по второй.

— Говорят, на ловца и зверь бежит. Услышал инженер и в гости приехал — своим ушам не поверил. Бросайте все, приезжайте сюда... Романовские овцы — да это же чудо! По горам, по долам ходят шуба и кафтан... На базе овцеводства в районном центре новое производство налаживается: дубленки шить будем... Слово даю: первая дубленка — ваша...

— Дельный разговор, — поддержала нашего гостя тетя Проса. — И дерево в родном бору красно...

5

Вот уже несколько дней жил я у тети Просы, но все не решался пойти днем на то место, где была моя деревня. Хозяйка легко поняла мою тревогу:

— Все никак не насмелишься? Я тоже на старое домовище редко хожу. Памяти страшно...

Прищурясь, тетя Проса добавила:

— Дело молодое, на гулянье слетал бы. Хорошая девушка — что брусника. Что молчишь-то? Была утром в магазине, одна спрашивала: когда приехал да каков собой... Такой, как и был, ответила, все еще маленький...

Вдруг старая Проса нахмурилась.

— А ведь ты и твоя мать — последние, кто из той деревни остался... Иди, иди на гулянье, пусть девки посмотрят, какой долгой вырос. Да и старым интересно: местного человека увидят.

От матери я знал о местном обычаяе, по которому сами девушки выбирали на гулянье провожатых. Приглядывается девушке парень, захочется, чтобы провел до дома, — не раздумывая шлет надежного «посла» — лучшую свою подружку, и не прямо к парню, а к первому его другу. Если переговоры приводят к согласию, клуб покидают одна за другой две пары: сначала выхо-

дят парни, после девушки. «Послы» вскоре возвращаются, но это случается не всегда: обычай разрешает и такое.

Быстро поужинав, я пошел в соседнюю деревню в клуб, вернулся, конечно, только на рассвете, по колена промочил ноги росой...

Все, что было в войну, я помнил удивительно ярко, но со временем краски потускнели, многое стерлось, и каждое мое возвращение в родные места было праздником памяти: прошлое вдруг словно приближалось, оживало забытое, краски вновь удивляли яркостью.

Пробиваясь по лесу к Слепцу, я вспомнил вдруг, как ходил с матерью за орехами. Орешины были такие высокие, что я с трудом на них забирался. Лезть приходилось в сапогах, потому что без сапог во мне не хватало весу, чтобы пригнуть орешину и мать, ухватясь за ветки, смогла нагнуть их до самой земли...

На маленькой поляне вспомнилось, как в детстве я пошел в лес и испугался налетевшего на меня зайца. Он показался мне тогда огромным и свирепым зверем.

Мне хотелось побывать одному, я встал чуть свет и думал, что приду на озеро первым. Но я ошибся. В утренней тишине далеко разносились голоса: детский, звонкий — это был голос Сани, и хриплый, взрослый — незнакомого мне мужчины. Незнакомец и Саня сидели на комяге и негромко разговаривали.

— Дядь Кость, а в бою очень страшно? — голос Сани дрогнул, когда он спрашивал.

— Страшно, особенно в первом... — глухо отозвался мужчина.

Я догадался, что это тот самый Костя Цвигузовский, партизанский пулеметчик, про которого говорила тетя Проса.

— Я в первом бою шибко растерялся... — неторопливо продолжал мужчина. — Пулемет в снег бросил, ташу из-за пазухи гранату... А пулемет молчит, наши лежат, боятся пошевелиться. Немецкий пулеметчик так и шьет, так и шьет!

Я знал от взрослых эту историю, заминка была минутной, молодого пулеметчика даже не поругали, лишь политрук пожурил, но оказалось, сам человек винит себя жестоко и строго, никак не может простить себе растерянность, живет с ясным сознанием вины.

Я остановился, боясь помешать доверительному разговору.

— А Петю Баранова помните? — спросил после короткого молчания Саня.

Я невольно вздрогнул: Петра Баранова я видел множество раз — до войны, в войну. Плечистый, рослый, настоящий деревенский богатырь, Петр приходил в наш дом, звал отца на охоту. Когда ложилась первая пороша, я твердо знал, что утром раздастся громкий стук в дверь, в комнату, пригибаясь, втиснется Петр, поставит ружье рядом с ухватом, весело глянет на отца, торопливо набивающего патроны...

Осень в сорок втором была короткой, снег выпал в октябре, и утро первой пороши началось, как всегда, богатырским стуком в дверь. Это был Петр Баранов — в меховой шапке, в вальенках, в полушибке, в белом охотничьем халате, только вместо ружья у Петра был автомат...

— Знавал я и Петра... — не сразу ответил Костя Цвигузовский. — Рослый был парень, вон как та береза... Один из самых первых партизан... Сначала предсельсовета Егоров в отряд ушел, потом его помощник Павлов, он у нас политруком был, потом Петр со своим братом. Я-то молод был, ждал своего часа...

— Храбрые были братья Барановы?

— Отчаянные. Они меня и воевать учили. Когда с врагом один на один оказался, первый стреляй, а в бою торопись не спеша — оглядеться надо. Стреляй только по делу, пустой стрельбой врага не напугаешь, а обрадуешь...

Костя опустил голову, принялся перебирать сети. По боргам комяги застучали глиняные грузила.

— Погибли братья Барановы, — голос Кости вдруг стал громким и хриплым. — Сами под пули бросались, не щадили себя. Петр на бронепоезд ходил, как на медведя... Погибли, одним словом... Не с кем сходить на охоту.

Слова Кости больно ранили меня... Страшными, огромными были потери тихой лесной стороны. По подсчетам нашей матери, около одной нашей деревни за три года было убито двадцать восемь человек. В бою под деревней Житница партизаны в одну ночь потеряли до ста человек...

Снова заговорил Сания.

— Я книжку про партизан читал, там пишут, что поначалу партизанский край был не здесь, а на Моховщине.

— Правильно пишут... — согласился Костя. — Только партизан было тогда мало, базировались в лесу. Фашисты выжгли тот край дотла, а партизаны через линию фронта ушли. По-настоящему все потом началось здесь вот, у нас, в нашем Синегорье...

— Кость, ты в Первом полку воевал? — долетел вдруг голосок Сани.

— В Первом полку, потом в Первой бригаде, потом в армию попал, и все пулеметчиком... Так-то, брат.

Костя взял весло, комяга двинулась к берегу, и я решительно вышел из болотных зарослей.

Мое появление Костю ничуть не обрадовало — осмотрел меня с ног до головы, словно на допросе, спросил в упор:

— Кто такой? Откудова? Документы покажь!

Сания рассмеялся, сказал, кто я такой, откуда приехал...

— Точно, на отца вроде похож, — голос Кости снова стал мягким. — Выходит, наш, тутошний... Что ж, отдыхай, рыбу лови.

Вечером я увидел Костю снова. Он был в нарядной рубахе, с кожаной почтовой сумой на боку. Завидев меня, Костя полез в суму, я думал, что он подаст мне письмо, но новый знакомый протянул мне огромного карася.

— Бери, бери... Проса зажарит. У неё и горшок-муравочка есть, и сметана.

Костя ушел, и тотчас прибежал Саня. В руках у него был все тот же карандаш и знакомая мне тетрадь.

— Теперь про эту войну расскажите.

Я растерялся, ответил, что про войну куда лучше, чем я, может рассказать тот же Костя.

— Так ведь он парнем был тогда, а вы мальчишкой были, таким, как я, маленьким...

Место, где была моя деревня, было рядом, но путь к ней давно стал для меня самым тяжелым. Когда после войны пришел в первый раз — не выдержал минуты, повернулся, ушел, уехал...

Потом я бывал на пепелище много раз, наперед зная, что увижу, и все равно становилось больно...

Деревню свою я видел как наяву: в ней было четыре дома, пекарня и школа, наш дом стоял на опушке леса между озер. В большом озере вода была прозрачная, родничная, в малом — бурая, торфяная. В светлом озере брали воду для самовара, в темном — для огорода.

Возле дома стоял вишневый сад. Деревья были старые, в наплывах затвердевшего красноватого сока. Я откусывал вишневую смолу зубами: она была упругой, духовитой.

Озера соединял копанный канал, из темного озера вытекала река, на ней, в глубокой пади в лесу, пряталась мельница.

Посреди деревни росли елки, постройки тонули в зелени, наш невысокий дом казался деревянным кораблем, плывущим по зеленому морю...

Шла первая военная весна, когда нашу деревню захватили фашисты, а людей выселили. В школе разместилась комендатура полевой жандармерии, в домах поселились полицаи и солдаты.

Мы стали жить в соседней деревне. С холма было видно, что делалось в нашем сельце, озерная вода приносила каждый крик, каждое слово. Важный, словно гусь, ходил по сельцу комендант. Почти всегда его сопровождал обер-лейтенант Хорст, на голубоватом его мундире серебрились узенькие погоны, на поясе висел «валтер» в коричневой кобуре.

Комендант чувствовал себя барином. Увидев его рядом, я, маленький мальчуган, цепенел от страха.

Став взрослым, я понял, что комендант и в самом деле был страшен — он хотел стать хозяином всего вокруг — людей, леса, озер, тишины, травы...

Люди говорили, что Хорст хотел, чтобы комендатура была на холме, но комендант выбрал это сельцо, хотя оно лежало в низине, а к домам с двух сторон подступал лес. Комендант был уверен, что победит партизан...

Целые дни кипела работа. Старостам деревень было приказано предоставить рабочую силу, полицаи пletками гоняли народ.

К школе пристроили балкон из сырого леса. Выкопали глубокую яму, оборудовали погреб. Возле нашего дома появился огромный огород, на грядках зазеленел салат. На лугу паслись кони и коровы, гоготало шумное стадо гусей.

Хорст не охотился, лежал в стороне с пулеметом. Он всегда был уверен, что партизаны рядом. Я видывал, как Хорст стреляет: тремя очередями он перепилил елку. Русских Хорст не-навидел и словно не замечал. Полицаи говорили, что он чуть не попал в плен.

Комендант изучал русский язык, носил в кармане разговорник, но изучение продвигалось плохо — он ошибался и путал слова.

Через сельцо проезжали подводы с сеном, случайно отбился от кобылы жеребенок. Он бегал возле елок, тоненько ржал, помчался на луговину, подбежал к немецким коням. Хорст вынес из школы пулемет, дал короткую очередь. У жеребенка подломились ноги — упал, утонул в траве.

Ночью я подслушал разговор отца с матерью. Отец говорил шепотом, что фашисты расстреливают на жальнике людей, убитые лежат рядом с древними богатырями.

Страшное, непонятное пришло время, про партизан совсем стало не слышно, но одна за одной появлялись фашистские комендатуры. Везде — в Горбове, в деревне Морозы, в Пажеревицах, в Выборе. По большаку вереницами тащились фургоны с награбленным добром, гудели крытые брезентом грузовые машины...

Я вспоминал, и прошлое словно бы приближалось, краски становились ярче, громче слова, воображение дорисовывало забытое. Я был уже совсем рядом с самым главным, с самым страшным событием...

Вдруг я увидел себя самого — маленького, прижавшегося к мокрой траве. Рядом бешено били пулеметы. Над полем, над озером, над моховым болотом ярко белели полосы от трас-сирующих пуль.

Вспыхнула комендатура, над озерами встало огромное зарево. Пламя отразилось в воде. От зарева стало светло как днем. Партизаны ползли по глубокой траве, перебегали дорогу, били из автоматов.

Страшную, окрашенную красным светом пожара видел я картину. Люди кричали, падали, пропадали в дыму. По фашистам с двух сторон били партизанские пулеметы, на комендатуре лежал косой огненный крест.

На рассвете за озерами загудели машины, гулко ударило орудие, и партизаны стали отходить. Стало вдруг тихо, так тихо, что давило уши, словно я нырнул глубоко-глубоко в озеро.

К догоравшей разбитой комендатуре хлынули люди. Мать заперла меня в омшанике, но я выбрался через соломенную крышу, бросился следом. Было страшно, но я бежал, мне нужно было видеть самому, своими глазами.

Наша деревня стала полем боя. Я увидел убитых. В траве лежали немцы, мундиры слились с травой, лица стали темными, словно земля. Оружия рядом с фашистами не было, солдаты застыли, но и мертвые они были страшны.

На месте комендатуры лежало пожарище, тлели головы, вился дым, нестерпимо пахло гарью, кружил пепел. Уцелел только балкон, срубленный из сырых лесин. На нем лежал офицер в калянном дождевике, правая рука убитого свесилась вниз. Словно головня, чернел ствол пулемета.

Рядом с огнищем среди корявых валунов лежали двое: полицай и обер-лейтенант Хорст в незастегнутом мундире. У полицая обгорело лицо, обуглилось плечо. Земля вокруг была засыпана гильзами, валялись кассеты от ручного пулемета, пустые ленты от станкового — полицай и немец бились до последнего патрона.

Потом я увидел убитых партизан. Парнишка в зеленом ватнике застыл посреди покоса. Вместо правой руки у него был красный рукав, лицо белое, словно из парашютного полотна...

По лугу ходили люди с лопатами, поднимали убитых, относили к глубокому окопу. Все вокруг стало чужим, непонятным, страшным. В траве лежали гранаты, патронные коробки, пустые фляги. Под елью стоял еловый ящик, полный куриных яиц. В саду на ветках змеились пулеметные ленты, вились на ветру белые бинты.

С этого все началось.

По книгам, по рассказам отца, матери и бывших партизан я хорошо знал историю создания второго — непобежденного партизанского края, расположенного на стыке Порховского, Островского, Дедовичского и Новоржевского районов. В июне 1942 года через линию фронта перешли Четвертая партизанская бригада и полк «За Советскую Латвию». Позже появилась Третья бригада и Первый отдельный полк. Они и били врага в нашей холмистой стороне.

Это было настоящее народное восстание. В партизаны шел каждый, кто мог держать оружие.

Подростки убегали из дома, даже я, девятилетний мальчишка, раз двадцать просился в отряд.

В нашей округе воевал Первый отдельный полк, в нем было вначале почти триста человек, но желающих воевать оказалось столько, что из полка выросли две огромные бригады — Первая и Восьмая.

Заполыхал пожар народной войны, да так, что партизаны вышвырнули из Синегорья врага, вплотную подошли к Пушкинским Горам, Острову и Пскову...

Тихое и светлое стояло утро. Пролетели дикие голуби, словно черные пули промелькнули стрижи. Я сидел на скате холма, смотрел на дорогу. Проселок сбегал под гору, взлетал на пригорок, опускался к Лиственке и снова взбегал вверх — к заросшему деревьями сельцу.

Мальчуганом я сотни раз проносился по этой дороге бегом, помнил на ней каждую выбоину.

Теперь же, чтобы пройти короткую эту дорогу, я должен был собраться с силами. Вспомнить — значит увидеть снова, снова пережить...

А вспомнить я должен был самое страшное из того, что видел и знал...

Я лег лицом в траву, закрыл глаза и вдруг с удивительной яркостью увидел дымящееся пожарище, черные головни, клочья пепла. Пепел кружился, падал в сухую траву.

Я снова увидел страшный обгорелый сапог.

За дорогой возле рябинового куста золотистой горкой лежали гильзы от автомата. Я не взял ни одной, убыстряя шаг.

По дороге, по полю шли фашисты, их было много — столько вооруженных людей я видел впервые. Покачивались карабины и черные пулеметы, похожие на головни. Одежда у фашистов была цвета пепла, а маленькие значки на пилотках казались тлеющими угольями. На нас фашисты смотрели мутными дымными глазами.

Каратели не стреляли, но готовы были стрелять в каждого, кто шевельнется. Люди, пришедшие на пожарище, застыли словно вкопанные...

Словно из-под земли появились трое чудом ущелевших полицаев. Они бежали навстречу немцам и что-то кричали, показывая на ржаное поле.

Осторожно, словно в ледяную воду, фашисты вошли в рожь. И вдруг заволновались, поволокли к озеру что-то тяжелое. Я подумал, что они нашли пулемет. Но фашисты волокли раненого. Партизан был без шапки, густые светлые его волосы, разеваясь, смешались с травой...

Раненый лежал на спине, смотрел мимо солдат на синее небо, словно видел там такое, чего не видел никто. В траве кровенел широкий размотанный бинт. На рукаве гимнастерки

была красная матерчатая звезда. Пуля вошла в спину, вышла через горло, партизан задыхался и громко хрюпал.

Автомат раненого был без патронов, россыпью лежали во ржи залитые кровью бумаги. Партизан засыпал их, видно, сам, чтобы фашисты не смогли прочесть...

Хрипло крича, полицай ударили раненого прикладом в грудь. Я сжался от боли, словно били меня самого. Удары были резкими, яростными. Полицай тяжело дышали от злобы и страха. Лицо раненого стало огромным красным пятном, но партизан был еще живой. Голова его опустилась, но партизан увидел меня и с трудом кивнул в сторону леса.

Полицай бросились ко мне, я совсем близко увидел окровавленные кованые приклады...

Наваждение прошло, я лег на спину, прямо перед собой увидел небо. Кудрявые белые облака, колыхаясь, будто волы с сеном, проплывали, казалось, совсем рядом...

Погибших партизан сначала похоронили там, но потом, после войны, перевезли в другое место. Увезли истлевшие кости, все остальное навсегда осталось у озер, погибшие растворились в земле, стали травой, листьями, деревьями...

Комиссар погиб на том же месте, где был когда-то ранен Матвей Рассолов. Матвей точно так же лежал в траве и смотрел на небо, и враги стали бить его прикладами и добили потом уже во Владимирце.

Я решительно встал, двинулся в путь.

Когда подошли к Лиственке, сдавило сердце. Каждый раз, когда я шел по этой дороге, начинало казаться, что я возвращаюсь домой, дом уже совсем рядом, и на крыльце — маленькие брат, сестра, совсем еще молодая мать, живой, не убитый отец. Я как наяву видел суконную гимнастерку отца, его смуглое лицо, черные волосы, нос с лукавой горбинкой, синие-синие глаза.

Показалась кленовая роща, что выросла на месте сада.

Я опустил голову, пошел медленно-медленно, глядя под ноги, на дорогу. Поднял голову и остался. Впереди был дым, целая туча дыма. Клубясь, дым катился по полю, набегал на дорогу, стекал по скату к озеру. Ослепило пламя, яркое, резкое, густое. Вился пепел, в траве рдели раскаленные угли. Все было как тогда, когда фашисты зажгли наш дом...

С трудом пришел в себя. Дымом мне показались заросли ольхи и рябин, огромные шапки кленов. На рябинах тяжелыми невиданными гроздьями висели спелые ягоды. Ягод было столько, что ветви рябин гнулись, словно луки. Спелые ягоды бесшумно падали в траву.

На месте дома зеленел чертополох, там, где была наша печь, кустилась калина. Мое деревни не было и быть не могло.

Вдруг я почувствовал, что со мною рядом кто-то стоит. Оглянулся и не удивился, увидев тетю Просу.

— Брось, не майся, — негромко заговорила хозяйка. — Нельзя только назад смотреть, посмотри-ка, орелик, вперед. Глаза молодые, цепкие, увидишь ой немало!

Проса подняла руку и показала на зеленый холм, где стоял Владимирец — древний храм и три покосившихся дома.

— Ваш род владимирацкий, все жили либо во Владимирце, либо рядом...

— Так ведь и Владимирец нежилое место, прежняя дорога тропинкой стала, травой заросла.

— Дорогу мостят в однолетье, да и сруб срубить долго ли? Люди-то что говорят... Пришла бумага из Пскова, велено Владимирец поднимать, огромный поселок теперь тут будет. Краше, чем в древности.

Слова Просы были словно гром среди ясного неба.

— Видишь там что-нибудь? — прищурилась Проса лукаво.

— Нет, не вижу, — признался я откровенно.

— Не умеешь, значит, смотреть вперед. А я вот белые-белые дома вижу. Не дома — невесты нарядные. И речка вчетверо шире, и дорога раскатная, и цветы садовые, и сады молодые — глазам радость и утешение!

Я посмотрел туда, куда показывала старая Проса, и вдруг вправду увидел поселок — строгий, удивительный, не поселок, а город на зеленом холме.

— Вон там твои дед и прадед жили, фундамент даже целехонек, ставь дом — сто лет простоят. Подбирай жену, заводи сына, живи у нас круглый год. Историю любишь? Так у нас тут каждый камушек — история! Вон около Красиков мельницу сняли, речка пошла по новому руслу, подмыла горку, а там сваи древние, черные. Говорят, ученые копать приедут. Нету на свете краше наших мест — держись за них, орел, оберуч!

— А это что у вас, тетя Проса?

— Это-то? Да валерьянка, ляд ее возьми. Захватила на всякий случай. Сердце-то у меня, что наша гора Дунай, горем и войной ранено, морозом-холодом тронуто. Только, правда, добрые мысли лучше всякого лекарства... Радостное время идет!

ПОБЕГ

I

Он очнулся, а в ушах все еще бушевал тот жуткий рев, который заполонил мир до отдаленнейших звезд, Галактику и бросил его куда-то в неизвестность. Сначала Стван не мог пошевелиться, и на миг его объяло новым страхом. Что они со мной сделали? Вдруг мне оставлено только сознание, а тела уже не существует? Ведь они властны поступить и так.

Но рев всплескивал. Стван дернул ногой, убедился, что она есть. Двинул кистью, сжал-разжал пальцы, приподнял голову, затем разом встал.

Недоуменно оглядел себя — что-то не так. Ах да — одежды нет, ее забрали! Оставили только короткие трусики. Но тело при нем — тощие белые руки, тощие белые ноги...

Сделал несколько нетвердых шагов и лишь тут осознал, что темный зал с аппаратами исчез. (С теми аппаратами, что все были нацелены на него.)

Над головой небо, под ступнями песок, а впереди голубое — вроде озера или моря. Глянул по сторонам. Небо было не только сверху. Кругом, до низкого, теряющегося в сумерках горизонта, оно стояло огромной, нематериальной, уходящей в бесконечность чашей. Ни стен, ни вешней, ни предметов.

Всходило солнце красным шаром — Стван оглянулся на протяжную, отброшенную им самим тень.

Полная тишина. Тепло. От мгновения к мгновению становилось светлее.

Где же он?

Стван вдруг заметил, что его трясет от пережитого шока, а глаза до сих пор наполнены боязливой мученической слезой. Судорожно вздохнул-всхлипнул. Ладно, теперь все позади. Его признали виновным и осудили.

— Плевать! — Он поразился, как громко прозвучал здесь его высокий голос. — Значит, они меня выслали. Могло быть и хуже.

Пошел, сам не зная куда.

Оказывая легкое сопротивление, под ногами ломалась утренняя корочка смоченного росой, а потом подсохшего песка. Вода приблизилась — другой берег лежал в двух десятках метров. По теплому мелководью Стван перешел туда. Он шагал неловкой, подпрыгивающей походкой горожанина, которому довольно

пяти километров, чтобы закололо в боку. Желтая равнина простиралась далеко, Стван подумал, что это уже настоящая земля. Однако минут через пятнадцать впереди опять блеснуло. Переbralся на новую песчаную косу, на следующую. Хоть бы деревце, кустик или травинка! Слева было море, позади отмели, которые, после того как он их миновал, слились в бурую низкую полосу.

На середине очередной протоки Стван погрузился по пояс. Дно устилали темные водоросли, проплыла розово-красная медуза, на длинных стеблях качались не то морские цветы, не то примитивные животные. Два больших карих глаза внимательно глянули снизу. Стван отшатнулся. Глаза покоились на желто-коричневой голове размером в кулак, которая была увенчана горсткой недлинных щупалец, а сама высовывалась из конусообразной раковины. Стван нагнулся, вытащил моллюска из песка. Тот был веским, килограмма на два. Вяло шевелились повисшие в воздухе щупальца.

Никогда Стван не видел таких чудищ. Брезгливо отшвырнул диковинное существо и тут же обнаружил, что все дно усеяно глазами, которые, не мигая, уставились на него. Одни принадлежали таким же конусовидным, другие расположились на блюдечках, сложно устроенных, с гребнем посерединке и двумя верткими усиками.

Стало не по себе, он рванулся к берегу, гоня перед собой бурунчик. Потом остановился — в чем дело, разве кто его преследует? Просто нервы, просто не может успокоиться после того зала с аппаратами, откуда в течение долгих дней передавали миру ход судебного процесса.

Озадачивала неестественная тишина. Абсолютная, она двигалась вместе с человеком, постоянно позволяя слышать собственное дыхание. Затем его осенило — птицы! Над морем всегда кричат, а тут ни одной. Какая-то полностью бесптичья территория.

Солнце уже давно катилось по небу, но поднялось невысоко, припекало несильно. Стван вспомнил, как в ходе расследования социогигиенист сказал, что, если преступление нельзя оправдать, оно частично объясняется тем, что обвиняемый неделями, порой даже месяцами не выходил на солнечный свет.

Усмехнулся. Получается, что его заодно приговорили и к солнцу. Укрыться здесь негде.

Еще отмель не перешел, открытое море явилось теперь справа. А в общем-то пейзаж был во все стороны одинаков.

«Однаков...» Стван не успел перечувствовать это и похолодел. Как же найти теперь дорогу обратно, она ведь затерялась среди неотличимых протоков? Пропал, сказал он себе. Руки задрожали, потом дрожь оборвалась. А что, собственно, значит, в его положении «обратно»? Теперь уж там у него и дом, где сам находится.

И тотчас новая мысль озадачила. А питаться?.. Здесь не город, не возьмешь тарелку с конвейера.

— Эй, постойте! Минутку! — он вслух обратился к небу, пескам, как будто там где-то невидимыми могли сидеть и слышать его судьи. — Смертной казни в законе нет, и голодом вы не имеете права убивать.

Убежденный во всемогуществе тех, кто бросил его сюда, Стван подозревал, что с помощью непостижимо сложных приборов они действительно способны слышать и понимать его.

Небеса и твердь молчали. Значит, он должен сам себя обеспечивать — например, ловить рыбу.

Бросил взгляд в сторону моря и сообразил, что ни разу в протоках не увидел и крошечной рыбешки. Только раковины, медузы.

Опять он ступил в воду, присмотрелся к студенистой кромке у песка. Возле самых ног она была непрозрачной, коричневой, подальше белесой, а с дальнего края, где ее колебала легкая волна, — напоминающей жидкое стекло. Криль, что ли, мелкие микроскопические ракчи... Прижмет, так и за криль возьмешься.

Побаливали лодыжки, поясница. Плечи покраснели от солнца.

Прежде Стван редко рассматривал свое тело и теперь быстро установил, что любоваться нечем. Вялые мышцы висели бессильно, если вообще можно было определить там или здесь наличие мышц. Дряблая кожа оттягивалась в любом месте и, оттянутая, оказывалась тонкой, словно бумага. Грудь вогнута, спина выпуклая.

Впрочем, он и раньше понимал, что его физический облик слабее духовного.

Поднял взгляд к едва различимой голубой черточке горизонта. Ладно. А вот сколько ему приговорено тут загорать и купаться? Если он станет идти, идти в одном направлении, придет же к какому-нибудь городу. Сначала увидит высоко в небе сверкание, потом будет шагать еще неделю, приближаясь к опорам. Начнутся чуть заметные тропочки, едва обозначенные на травах личные посадочные площадки, и вот, пожалуйста, первые лифты...

Но где он сейчас? В какой части света хоть?

Подумав, Стван ответил себе, что в умеренном поясе уж точно. Ибо солнце, начавшее склоняться, было вовсе не над головой, а много ниже.

Ему представилось, что окружающая местность — Нидерландские отмели между гигантами Гаагой и Флансбургом, где простерлись тысячи квадратных километров без единого человеческого поселения. Но мог он быть и в Канаде или даже на южном конце Американского континента. Если Канада, то ближайший мегаполис Гудзон-Сити, а если Огненная Земля, то Мегельянес.

Он успел предпочесть Канаду Огненной Земле, потом их обоих — Балтийским отмелям у Риги, но тут ему пришло на ум, что самой идее умеренного пояса уж слишком не соответствует море — жаркое, с явно тропической фауной.

— Трилобиты, — сказал он мрачно. Словечко из программы, которую школа всовывает в человека методом суггестивного импрессирования, так что хочешь не хочешь, а в голове на всегда остаются периоды развития Земли, Александр Македонский, Александр Пушкин и Александр Гумбольдт, изотопы, ирокезы, таблица умножения, таблица Менделеева, логарифмические таблицы — энциклопедия, куча сведений, которые в жизни никогда не требуются, а в разные непредсказуемые моменты сами собой вылезают наружу.

Трилобиты, повторил он про себя. Нечто тровожное было в том, что название животных с усиками и гребнем пришло не-произвольно и верно. Будто Стван знал что-то неприятное о трилобитах.

И тишина тоже беспокоила. Совсем мертвая.

Потому что нет мух, предположил он робко. Посмотрел на подгнившую коричневую пленку планктона. К удивлению, и в самом деле ничего над ней не жужжало, не мелькало.

Все это уже складывалось в систему. Нет птиц, рыб, насекомых и растений на песке. Есть трилобиты и мелкое тропическое море под солнцем умеренной широты.

Но ведь трилобиты — ископаемые существа! Из кембрия, что ли, из палеозойской древнейшей эры!

Оглушающая истина неотвратимо обрисовывалась перед Стваном.

Он упал на одно колено.

Его выкинули! Отшвырнули из той современности, в которой он родился и жил. На миллионы лет назад.

Он поднял руку к губам, закусил палец.

С минуту преступник смотрел прямо перед собой. Затем на коленях проворно подполз к самой кромке планктона, зачерпнул, бросил себе в рот.

— И что?! — крикнул он равнодушно сияющим небесам. — Считаете, вы меня удручили?.. Так нет же! Я доволен. — Да-ясь, он набивал рот жидкой массой и проглатывал. — Эй, слышите, там! — Он обращался к бесстрастным водам и пескам, за которыми укрылись судьи. — Вы думали, я стану плакать, что мой след — единственная замета живого на этих берегах? Но я смеюсь. Так не наказывать нужно, награждать — чтобы весь земной шар и одному... Пропитаться здесь можно.

Неожиданно упавшим голосом добавил:

— И вообще, судьи неправомочны судить. Кто знает, не таков ли мир с самого начала. Если да, то разве я виноват в том...

Опустил голову, окончательно уставший, перекатился по-

далше от воды, секунду ерзал, уминаясь, укладываясь. Чисто, как ребенок, вздохнул и упал в сон.

Солнце зашло. Планета плыла в свете созвездий, совсем не-похожих на те, что Стван знал в бытность среди людей. Большая Медведица была еще щеночком, она запустила лапу в волосы Вероники. Гончие Псы бежали пока рядом, голова в голову, готовые вцепиться в хвост Льва, на спину которого уселись вовсе даже не Дева, а Девочка еще.

Далекие созвездия, которые пока никто никак не назвал.

Когда Стван открыл глаза, ему показалось, что он в воздухе и летит. На боку было так мягко, что ложе почти не ощущалось. А справа налево текла многоцветная процессия, струилась в море карнавальное шествие оттенков. Стогами, снопами стояли над горизонтом сизые, лимонные, апельсиновые облака. Ветер теребил гладь вод, казалось, что отражения бегут, бегут.

Мир этого утра был жемчужным и перламутровым, дальний план тонул в атласной переливчатой голубизне, а вблизи, в песчаных ямочках, тень синела густо, как намазанная, как вытканная парчой.

Он вскочил.

— И это все мне?.. Может быть, сон, гипноз?

Схватил на ладонь грудку сырого песка. Она была тяжеленькая, хрупко держала форму, готовая, впрочем, тут же рассыпаться. Хлопнул рукой по воде, вода отзывалась упругой твердостью. Копнул босой ногой почву, и почва уперлась навстречу усилию.

Все в порядке. Действительно, кембрий. Начало начал, когда простенькая жизнь еще не выбралась на сушу.

С размаху бросился на песок, проехался животом, перевернулся на спину. На память пришли жаркая мостовая, толпы на городском транспорте. Только сравнить с окружающей свежестью и простором!

На кой дьявол тебе вообще быть, если ты, твой внутренний мир, не более чем комбинация веществ, которые и в пробирке получаются? Зачем такое знание, которое оставляет тебя ободранным да и все вокруг тоже?

Стван сжал кулаки, сердце стучало лихорадочно. Потом стер пот с лица. Какого дьявола, на самом деле, он? Теперь-то все позади.

Обычно утренняя злоба тлела в нем по несколько часов, заходя далеко в день. Но здесь, едва окинул взглядом голубые дали, его всего омыло прохладой и свежестью.

Хотелось есть. Подошел к воде. Студенистая масса, взятая на ладонь, была похожа на протоплазму. Что-то биологическое, но так, что отдельных маленьких существ не рассмотреть. Пер-

вичная жизненная материя, из которой природа позже станет лепить классы, отряды, виды.

Несмело взял на язык. Холодец и холодец!

А морская вода вполне годилась для питья. Чуть-чуть солоноватая, но только чтобы не напоминать дистиллированную.

Им вдруг овладела сумасшедшая радость. Как хорошо, как счастливо! Хоть ляг, хоть иди, никому никакого отчета, ничто не изменится ни от его безделья, ни от его трудов. Все связи не то что оборваны и болтаются, а просто не существуют. Без долга, ответственности, обязанностей он будет встречать новый день острым чувством наслажденья, провожать тоскуя, ибо сон теперь не убежище от забот, а досадный перерыв бытия.

Пойду к югу, сказал он себе. Или к северу, если я брошен в южное полушарие. К полуденному солнцу так или иначе. За несколько лет доберусь до тропиков, а там либо на запад, либо на восток. Путешествия хватит на сотню моих сроков.

Просто жить! Без оправданья со стороны.

Выше поднялось солнце. Прохладу сменила мягкая теплота. Шоколадно-коричневый песок был ласково податлив, его шелковые отливы звали ступить. И манила потонувшая в мареве полоска горизонта.

— Интересно, весь ли земной шар таков — море по пояс и отмели без края. Или где-то большая суша, бездонный океан?

Полтораста раз день сменялся ночью над безмолвием вод, а может быть, двести или сто тридцать раз — Стван намеренно сбивал себя со счета. Шел на полдень, со вкусом ощущая каждый миг абсолютной свободы. Сначала по утрам еще вспоминались старые обиды, он отдавался привычным злобным монологам. Но, прожаренный солнцем насквозь, насижившийся в цепелных лагунах, он стал уравновешенней. Улыбался ни с того ни с сего, шутил и смеялся собственным остротам. От ходьбы все мышцы развились, руки и ноги уже не висели неприкаянными при корпусе, а принадлежали ему. Загорелая кожа утолщилась, плотней прилегла к плоти. С удивлением он отмечал, что это приятно — физически быть. Пейзаж все менялся: равнина, мелко налитая водой, или скорее море с часто насыпаными отмелями. Но внутри все было разнообразно. То на небольшой глубине огромный луг огненно-красных, густо переплетенных водорослей, длинных, без начала и конца. То задавало загадку непонятно откуда взявшееся течение, и Стван долго смотрел, как кишит жизнь по берегам своеобразной реки, струящейся в толще вод. Научился ценить малое. Можно было обрадоваться, обнаружив, например, полоску крупнозернистого песка среди мелкого — отметим, что есть и такое. Когда Стван нашел первый камень, овальный, обтертый, величиной с яблоко,

это стало событием. Стван нес камень с собой несколько дней, перебрасывал из руки в руку, просто кидал и подбирал.

Но однажды в небе собралась гроза. Стван сообразил, что на необозримой территории его голова представляет собой высочайшую вершину — Джомолунгму этого мира. Поспешно выкопал яму в песке — она тотчас заполнилась пенистой водой — улегся, пережидая. Гроза, к счастью, прогрохотала вдали.

Другой раз было куда страшнее. Ночью, проснувшись, он увидел, что местность переменилась, еще обмелела, и его окружает не море, а бескрайнее мокрое поле, где там и здесь рассеяны пятна луж с отраженными звездами. Сделалось зыбко и неуверенно, трагически маленьким он ощущил себя перед лицом какой-то гигантской катастрофы в природе. Предчувствуя несчастье, бродил до утра взад-вперед, перешагивая через груды водорослей, через темные кучи молча копошащихся моллюсков. С рассветом вода начала прибывать, как бы выступая из почвы. Лужи объединились, превратились в озера. Резко похолодало, будто что-то сломалось и в климате. Озера сошлились, острова-отмели исчезли один за другим, и, когда пришел день, Стван оказался стоящим по щиколотку в безбрежном океане. Во все стороны было не высмотреть ни клочка суши, и вода, теперь не теплая, поднималась. Она достигла колен человека, пояса, потом груди. Стван не умел плавать. Провел несколько страшных часов, не в силах справиться с дрожью, замерзая, ожидая, что дальше. Не позволил себе кричать и плакать только потому, что твердо определил: это большой, исключительный прилив, вызванный тем, что Солнце и Луна выстроились на одной линии с Землей и вдвоем тянут на себя земную воду. Он упорно рисовал себе эту картину и в некий момент озарения решительно убедился, что так оно и есть. Вот полуденное солнце, он его видит, вот укрывшийся под ним незримый тяжкий каменный шар земного спутника, масса вод, поднявшихся этим двум телам навстречу, и сам он, стоящий где-то на окраине поднятия. Хотя и не каждодневный, но разумом постижимый феномен космического порядка. Если даже он погибнет, смерть будет почетной, включающей его судьбу в величественную механику мирозданья... Целых двести минут — он считал по пульсу — вода недвижно держалась ему по грудь, потом все море стало разом опускаться, отдавая сантиметр за сантиметром. Холод ушел через сутки. Мириады издохших медуз, морских лилий, губок и трилобитов усеяли пески. Поднятый и сметенный наводнением планктон лег на водоросли, смешался с ними, и Ствану пришлось подбирать себе новую пищу. Попробовал открывать маленькие серебристые раковины, нашел их съедобными.

Теперь движение к тропическому поясу приобрело деловой смысл — уйти оттуда, где возможно наступление холодов. От-

спавшийся за первые недели Стван стал совершать свой переход и ночью, ориентируясь по крутящемуся театру звезд. До саждала щекотавшая шею борода, Стван острый краем раковины подпилил ее. Ногти на руках можно было обгрызать, на ногах — оторвать полосками, предварительно размочив.

Началась заметная прибавка тепла, в безветренную погоду было зноно. Морская живность делалась гуще, разнообразнее. Порой дно лагуны устилали тела, тела, приходилось шагать в обход, чтобы не ступать прямо по шевелящемуся. Иногда Стван натыкался на области, где вода была почти полностью замещена прозрачной кипящей кашей — гидры, червячки, медузы, крошечные водоросли, какие-то бойкие личинки, просто клетки, еще не знающие, во что им обратиться. Все двигалось, пожирало друг друга, оставляя новое и меняющееся, вероятно, потомство. Видно было, что жизнь геологически скоро выплеснется-таки на сушу — не от чего-нибудь, а оттого, что некуда деваться. Огромная энергия, химическая, электрическая и еще бог знает какая, была аккумулирована в таких бассейнах. Искупавшись там, Стван пробегал целые километры, нарочно зацепляя песок босой ногой, разбрасывая его веерами. Прягал вверх и жалел, что нечем измерить высоту. Научился отличать солнце на коже избирательно — каждый отдельный лучик его. И воздух тоже и мягкую ласку воды, когда она лукаво наступает некрупной волной, оплескивает живот и грудь, бросая там и здесь блестящие капли — крошечные линзы, сквозь которые концентрированный световой поток колет озорными иголочками. Три стихии — свет, влага, воздух, — не задерживаясь, ощущимо проходили в поры, внедрялись ионами в красную плоть мускулов, слаженную неразбериху внутренних органов, делая там свою оздоровляющую работу. Накопившаяся сила требовала исхода, Стван мощно бил кулаком в земную твердь и знал, что хоть немного, но проваливает своим ударом эллипс вращения планеты вокруг светила.

Временами он спрашивал себя, почему бы вообще не рассыпать людей в разные секунды палеозоя — не преступников, а просто всех, уставших от городской тесноты, обилия проблем и вещей. Сюда их, в теплое, озаренное голубизной одиночество!

Он соображал, что в формулировке приговора были слова: «...отвечая желанию». А разве многие не пожелали бы?

Так радостно было Ствану, что далеко позади он оставил отмель, которая первой открылась ему, затерялся, почти растворился в забвении синих трепещущих далей.

Где он сейчас?.. То ли под его стопой великий праматерик Пангея, которому разойтись на пять частей света? А может быть, южный сверхконтинент Гондвана, дочь Пангеи, или безбрежное древнейшее море Тетис?

Он шагал, шагал и добрался до конца отмелей. В три стороны чистый морской горизонт.

Лежал на животе, раскинув локти, положив подбородок на скрещенные пальцы. Смотрел прямо перед собой.

Почти неизменная поза в течение трех дней.

Соскучился здесь. Но не мог назад — это было как отдавать завоеванное. Кроме того, ближе к месту, где Стван пла-кал после суда, он становился наказанным, несамостоятельным. А чем дальше, тем вольнее.

Но некуда было дальше.

Вспоминая суд, он впервые без раздражения подумал об эпохе, которую его заставили покинуть. Да, в будущем врашает-ся этот шар Земли. Население сосредоточилось в протянутых вверх мегаполисах, пространства суши возвращены лесу, лу-там, саванне. Чертил небо Башня, через которую его низвергли в прошлое.

Он схватился за горло.

— Меня низвергли! Но ведь...

Непонятно, как его прежде не осенило. В той прежней жиз-ни сколько показывали лент. Сюда, в начальные периоды па-леозоя, отправляют детские сады на оздоровление. Он сам сто раз видел на экране эти сценки — пухленькая малышня в бе-лых панамках и девушки-воспитательницы. Да и вообще, про-шлое вплоть до питекантропов постоянно навещается: палеобо-таники, художники, геологи, какие-нибудь там климатологи.

Стван даже оглянулся — сеть времен населена, может быть, и сейчас кто-то с горизонта шагает по отмелям. Потом опомнил-ся. Маленьких-то действительно отправляют, правда, позже: в ордовик либо в силур. Но даже если и в кембрий, который длится около ста миллионов лет, то, уж конечно, не к нему, приго-воренному. (Кстати, по миру наверняка распространен его портрет — в том числе на всякий случай и тот гипотетический облик, который Стван должен бы принять после долгого пре-бывания на песках.)

А кроме детей, других посетителей мало. В этой сфере то-же бесчисленные документы, согласования, увязки. Собствен-но, эта переорганизованность мира и вынудила его на преступ-ление. Вольнее себя чувствуют генетически одаренные, круп-ные предприниматели, миссионеры или те, которые, обладая дьявольским терпением, вцепились в какую ни на есть нудней-шую проблему, провисели на ней клещом двадцать лет, осталь-ному чужие, и тем завоевали право участвовать во всем, что данной сферы касается: симпозиумы, концерты, путешествия во времени, поездки в пространстве, соревнования, ралли, трали-вали.

— Ну а если я обыкновенный? Мне разве от этого меньше хочется вблизи увидеть, как выглядит извержение на Марсе, или усесться в первом ряду чемпионата по боксу?

Окружающий пейзаж молчал, но было ясно, что Ствану от-ветили бы там, впереди. Так и так, дорогой товарищ, местечко

у самого ринга займет сейчас бывший чемпион мира в полу-
среднем, на край марсианского кратера доставят с Земли зна-
менитого вулканолога, который, помните, спускался в жерло Ве-
зувия. А вы, будьте любезны, разверните пошире экран телеви-
зора, на котором либо покажут, либо нет — как уж комиссия
сочтет нужным.

Против такого он и восстал.

Несколько дней подряд Стван забирался далеко в море,
вглядывался в линию горизонта. Ничего.

Потом придумал. Гора из песка — оттуда он увидит.

На большой отмели выбрал место, сначала кинулся носить
сырой песок горстями. Остановился — куда спешить, впереди
жизнь! Подобрал раковину полуметрового диаметра. На нее на-
гружалось столько, что еле поднимешь. Работал до горной уста-
лости, потом отдыхал, валандаясь по лагунам.

А погода стояла, будто ее заказали такой прекрасной на
тысячелетия. Иногда Стван спрашивал себя, может быть, на
высоте и ураганы дуют. Но этого ему было не узнать. Даже де-
сять метров над почвой стали недоступны. Можно немного под-
кинуть тело силой мышц. А захочешь выше, строй башни, вле-
зай на деревья, на горы. Но ни гор тут, ни деревьев.

Его пирамида между тем поднялась большой площадью на
высоту ступни. Когда Стван бегал с очередной ношей на сере-
дину, края сооружения осыпались. Он стал тогда набирать
планктон, цементировать. Со стороны моря налепливал мелкие
ракушки — получался медленно растущий перламутровый
конус.

Самое первое человеческое сооружение на третьей планете.

Горьковато даже стало, что о его труде никто не узнает.
Но пятьсот миллионов лет — такая стена, что голой рукой ни-
чего не перекинешь. Суше, на которой он сейчас стоит, еще под-
ниматься и опускаться, быть залитой лавами на океанском
дне, выпущенной наверх в облака и выветренной. Бетонные бло-
ки перемелются, твердейший металл изржавеет в прах, и
только случай может взять да сохранить хрупкий панцирь от-
тиском в песчаниках, тонкую веточку рисунком в каменном
угле.

Приходили смешные мысли. Собрать в большую яму криля,
влезть туда и засохнуть — просто назло антропологам послед-
них столетий перед Башней. В начальных палеозойских отложе-
ниях целый скелет, причем современного типа! Вот засути-
лись бы на своих съездах. Или, например, вырезать на камне
слово, и пусть его найдут в антрацитовом срезе рядом с птеро-
дактилем.

Но все это было так — шутки. Собственным скелетом для
такой проблематичной возможности жертвовать не станешь —
так ли уж много у него тут имущества, кроме скелета. Да и
вообще Стван ничего не имел против тех мирных доатомных

ученых. Напротив, о них, застенчивых подвижниках научного поиска, вспоминалось с невольной симпатией. Не знали ведь, во что сложатся потом их труды, а все равно старались, ломали голову: «Что? Почему?» Вычисляли, чертили таблицы, клали, клали в какую-то копилку, а потом это все слилось, и стало возможным так скомбинировать силы природы, чтобы человек, как, скажем, он сам, птицей пролетел над бесчисленными сонмами веков. Молодцы, если вдуматься!

Пирамида росла, и наконец на шестиметровой высоте была прикреплена последняя раковина. Странно выглядело море сверху. Далеко раскинулись голубые и зеленые ровные пространства, коротенькие внизу волнишки соединились в длинные извилистые вали, белый криль окаймлял острова-отмели, как соль. Выложенная ракушками передняя стена была уже неприступна для строителя — он правильно делал, что инкрустировал ее постепенно.

Стван спустился, присев на корточки, издали осмотрел свое творение. Даже жаль было оставлять его позади лишь вехой. Стван отдал пирамиде кусочек самого себя и, как это бывает, получил взамен. Работа укрепила плечи, хватка ладоней стала жесткой, как у плоскогубцев.

И взгляд умнее — он это чувствовал.

С закатом лег у розово блистающей стены. Утром поел и двинул на солнце. За горизонтом ждали еще более жаркие страны, другие морские животные, а возможно, и суши иных материков.

Он прошагал пять часов подряд. Иногда было так мелко, что едва покрывало ступни, и на безбрежном просторе Стван чувствовал себя Гулливером, собравшимся увести вражеский лилипутский флот. Перламутровая гора осталась золотым пятнышком, но все не было намека на берег впереди.

Ничего, это не конец. Он вернулся на отмель, похлопал пирамиду по накаленному боку. Выспался, с восходом опять пошагал к горизонту, но под другим углом.

Несколько дней Стван так выходил. Однажды начало вечера застало его километрах в двадцати от песков. Вершина ракушечного конуса была только искоркой — почти как блестки на волнах. Сделай еще единственный шаг — и потеряешь свой ориентир.

Здесь на весы легла возможность вернуться к отмелям или, может быть, навсегда остаться в воде.

А море было всего по пояс.

— Надо рисковать. — Голос прозвучал хрипло, мужественно. Словно у такого героя из старинных фильмов, каким он всегда хотел стать. — Буду идти до ночи. На мелком месте сяду, голову на колени.

И началось новое. Двигаться приходилось иногда до самого подбородка в воде. Если попадалась большая глубина, обходил.

Но в целом дно понижалось, Стван начал учиться плавать. Сначала по-собачьи, потом, вспомнив виденные соревнования, — брассом. Попробовал дремать, неподвижно лежа на воде.

Полный месяц прокатился — было понятно по фазам Луны. Теперь уж речь не шла о возвращении — тех изначальных песков ему было никак не отыскать.

Механическое однообразное движение увлекало, исключая мысли о постороннем. Шаг, шаг, еще шаг... Помогаешь себе руками... Вот проплыла медуза, а под ногой трилобит... Нет, еще не хочется есть. Рано... А вот тут поплырем.

Грудная клетка его раздалась, легкие вдыхали, как два ведра.

Ночью, покойно лежа под звездами, он спрашивал себя: а живу ли в качестве личности? Может быть, не человек, а стал таким же существом, как дрейфующий анемон? Хотел уйти от людей и ушел, что дальше действительно некуда.

Шелестела в ушах вода, качался небосвод. Трудно было верить, что в будущем на этом самом месте воздвигнется город, толпы станут кипеть и перемешиваться на перекрестках. Что за то время, пока он тут в море, там, за промежутком в сотни миллионов лет, люди сталкиваются с проблемами, спорят.

Направление к экватору Стван выдерживал теперь лишь приблизительно. Когда спал на волнах, его относило неизвестно куда, и не было уверенности, что за сутки удается продвинуться.

Однажды пять дней он провел на плаву, не встречая мели. Дно исчезло, а с ним и жизнь. Под Стваном была, возможно, бездна. Волны круто бросали с высоты, гладь моря из голубой превратилась в синюю, почти черную.

Терзал голод, пульсация, находило отчаяние. Он, однако, упорно держал на полдень.

И был награжден.

На шестые сутки рано утром волна подкинула его. Увидел на горизонте облачко, под ним сероватую тоненькую полоску.

Берег!

Зафиксировал положение солнца, вписался в четкий ритм.

Часа через два полоска приблизилась. Стван опустил голову в воду, отсчитал сто гребков, тысячу, десять тысяч. Резко сжал ноги, выставился в воде по пояс.

И окунулся, пораженный.

Берег и берегом нельзя было назвать. Черная стена, абсолютно ровная, вставала из моря. Растирнувшаяся на километры, с обоих краев прямым углом обрезанная. Белой линейкой фундамент, а наверху все то же, не изменившее формы облачко-конус.

Что это?

Кембрийский мир вдруг изменил Ствану. То ли перед ним крепость чужой цивилизации, неизвестно откуда прибывшей, то

ли беженцы из еще более отдаленного будущего, чем его. А может быть, мстительные судьи швырнули Ствана на другую планету к далекому созвездию? Тогда нужно отбросить все, что думалось о море Тетис.

Но он затряс головой.

— Глупости! До созвездий мы еще не добрались. Только автоматы полетели.

Нахлынула усталость. Стван едва держался на плаву. Но ветер подталкивал.

К какой судьбе его несет?

Стена все-таки оказалась естественной. Метров за сотню Стван увидел, что верхний обрез обрыва иззубрен, а потом стали различаться неровности самой вертикальной поверхности. Убедившись, что никто со стороны не залез в наш мир, Стван и обрадовался и разочаровался. С одной точки зрения, так спокойнее. Однако вместе с тем...

Впрочем, то были более поздние мысли, пришедшие вечером, когда он, избитый, ободранный, сидел под стеной и смотрел на линию горизонта, туда, к песчаным отмелям.

А до этого надо было выбраться на берег.

Когда он плыл, издали послышался шум, который постепенно превращался в оглушающий рев. Волны, все ускоряясь, летели к каменным обломкам под обрывом, жертвенно разбивали об них свои упругие длинные тела, вскипая, грохоча, сливааясь в белый вал, сквозь который и не различишь ничего.

Ужаснувшись, Стван захотел назад, но было поздно. Очередная волна приподняла его легко, как бы одним дыханием, понесла.

...Сумятица движений и контрдвижений, ад бессистемных сил. Десятки ежесекундно меняющихся напоров и течений, рывки, толчки — все внутри шипящей, непроницаемой смеси. Негаданно бьют какие-то острые углы, каменные ребра набрасываются, как звери. Контроля над положением нет, утеряно, где верх, где низ, захлебываешься. На мгновение прижимает к чему-то, хватаясь, но уже рвет назад, увлекает, бьет...

В голове мелькало отчаянными вспышками: «Конец! Конец!» И вдруг грохот стал отдаляться. Животом протащило по грубоей гальке, толкнуло, мягко обняло и оставило совсем. Просто лежащим. Над ним отвесная стена, а злобный вал беснуется, уже не угрожая.

Проскочил!

Осторожно, как бы собирая себя по частям, сел. Омыл лицо от крови, поднялся, шатнувшись.

И сразу им овладело неизъяснимое блаженство.

Наконец-то быть на суще, где так легок каждый шаг. Ды-

шать, не замечая дыхания, — хоть опусти голову, хоть вбок ее, как придется. Стоять на неколебимой поверхности, которая держит, не требуя никакой заботы.

Нет, жизнь правильно сделает, когда выберется из моря. Какие возможности открываются, когда не мокро и не топко.

А сколь приятной была плотность вещества! Берешь камень, и вот он тут, обжатый пальцами, каждый квадратный миллиметр которых ощущает его шероховатую фактуру. И все вокруг на виду, все доступно взгляду в прозрачном, как бы несущем эфире.

Стvana мучил голод, он побрел узкой серой лентой пляжа. Сунулся в воду. Среди каменных глыб расположилась россыпь раковин «колумбела» — он знал их как вкусные.

Наелся, упал, заснул, даже во сне постоянно ощущая, что он на суше, и радуясь. Встал освеженный, пошагал вдоль стены.

Солнце уже покраснело. Нагретый за день камень лучил жару. Неумолчно ревела линия пены.

Стван обогнул скальный выступ и замер. Область абсолютной черноты зияла перед ним.

Конец света?

Потом, сообразив, рассмеялся. Просто тень. Большая, глубокая, от которой он отвык на плоских отмелях. Густая тень от черного выступа на черной же скале.

В тени лежало ущелье, врезавшееся в стену. Царство молчания, тишины.

Ущелье было длинным, а наверху, в узком коридоре весящеющего неба, висело все то же белое пятно. Стван понял, что это не облако, а вершина гигантской горы — может быть, того кратера, откуда излился весь берег. Когда-то, тысячелетия назад, выплеск лавы опустился на море, придавил дно, поддавшееся его неизмеримой тяжести, застыл, а после под действием волн и ветра ровно, отвесно обрезался.

Лава пришла сюда, а вершина кратера осталась на высоте, в холодном одиночестве, оделась снегами и отражает теперь солнечные лучи, меж тем как подножие и середина горы потонули в мареве голубых воздушных масс.

Было очень тепло. Темнело.

Тогда-то Стван взобрался на высокий обломок, сел, глядя в море. Он вспомнил нелегкий путь через воды и гордился решениями, которые привели его сюда: тем, что сказал себе строить пирамиду, потом оставить ее. Тем, как плыл четверо суток, все покинув дно. Он чувствовал, что можно будет много раз терпать из этого источника мужества.

Огненный шар склонился за горизонт, мгновенно потемнели зода и скалы. Стван соскользнул с глыбы, лег и прижался к ее спиной, испытывая острое ощущение безопасности, домашнего очага. Покойно было слышать рокот волн издали — их бе-

лые гребни, будто вовсе не связанные с шумом, возникали во мраке.

С края небес медлительным коромыслом заходили звезды.

Стван заснул и во сне очутился в человеческом будущем...

Раннее утро, он выходит из квартиры в небоскребе и тут же окунается в плотный людской поток. Воздушка — лифты, воздушка — лифты, еще раз воздушка. Сжатый в толпе, плывешь по переходам, желая, чтоб это скорее кончилось. Тысячи прикосновений, и от этого воспринимаешь людей только в качестве досадно мешающих объектов... Сошел на уровень третьего километра, стал на конвейер, перепрыгнул на второй. Там и здесь обрывками доносятся радионовости. Поток людей постепенно редеет. И вот Стван на пустынной улице, где слева деревья парка, справа море воздуха, а далеко внизу зелень леса. Парк огорожен древней литой решеткой, под ногами крытая булыжником мостовая. Запустенье, одиночество, тишина — один из тех уголков мегаполиса, который минуют текущие на работу человеческие реки. Улица поворачивает, переходит в крытую террасу в старом итальянском стиле. Невысокий борт из дикого камня, над головой свешиваются виноградные лозы... Мраморная скамья. Стван садится и знает, что через час на телекранах Земли появится изображение этого места, дикторы передадут новость о преступлении.

— Не надо! — крикнул он и проснулся.

Светила полная луна, вода приливом приблизилась к нему. У Стvana на глазах стояли слезы. Он отер их.

— Реакция, наверное. От усталости.

Нет желтого, а только синее и черное. Постоянный напор ветра. Волны скорые, с пеной... И всего получалось: черная стена, синее море, синее небо, резво бегущие пенные валы. Чего-то смелое, решительное, не как на песчаных отмелях.

Но не было выхода.

Ловушка!

Утром он беззаботно побрел на восход, интересуясь, как он будет отсюда выбираться. И через пять минут уперся. Стена скал отвесно обрывалась в море, в нагроможденье камня, где ревела сумятица водных ударов.

Еще не беспокоясь, пошел в обратную сторону и уперся опять. Здесь откос был даже нависающим.

Оставалось еще ущелье — может быть, там пологий путь наверх?

Оскользаясь на подводных камнях и частью вплавь, Стван пробрался в глубь длинной трещины. Но чем дальше он проникал, тем уже сходились стены. В какой-то момент они коснулись его плеч, и дальше не было пути.

Итого: впереди мельница прибоя, впереди и с боков — обрыв

высотой с добрый десятиэтажный блок в городе. Получалось, что на всем бесконечном просторе планеты он выбрал клетку. Провалился в колодец, где и должен провести остаток жизни.

А как с пищей?

За какой-нибудь час облазил весь пляж и убедился, что колония колумбела единственная. А больше ничего живого, никакого намека на щедрое, беспутное изобилие тех мест, где строилась пирамида.

Четыре десятка раковин, которыми можно поддерживаться месяца. Может быть, больше, так как к концу этого срока мелкие подросли бы.

Но даже если б их хватило на многие годы? Разве затем он плыл через океан, чтобы попасть в яму?

На мгновенье сердце сжало тоской — быть бы сейчас на ласковой берегности отмелей!

Задрал голову туда, где на страшной высоте кромкой отрезался край обрыва. Хочешь не хочешь, а здесь все равно надо уметь лазить по скалам. Наверняка вся местность такая же.

Пять дней Стван ждал, пока выболят до конца ушибы, растворятся под кожей кровоподтеки. Валялся на гальке, рассматривал в разных местах каменную стену и, отходя, успокоительно вздыхал: «Не сегодня». А скальная тюрьма уже давила теснотой. На шестое утро он подсчитал раковины. Странным образом их оставалось только на две недели.

Пора!

Подошел к стене, там, где она была слегка пологой. Первые метры одолелись незамеченными: было где поставить ногу, схватиться рукой. Стван карабкался нагнувшись, как бы по наклонной лестнице. Но подъем делался круче, пришлось прилечь грудью к камню. Затем скала стала совсем отвесной, и Стван потратил полчаса, осторожно двигаясь вбок, где приметил покатость. Случайно глянул назад вниз и сразу зарекся. Всего покрыло потом — такой жуткой оказалась бездна за спиной.

Теперь кверху шло несколько метров покатости. Он поднялся медленно. Отдохнул на уступе стоя, упервшись взглядом в слоистые трещинки у самого носа. Вверх опять простерлась крутизна. Приникнув к скале щекой, грудью, бедрами, слепо нащупывал наверху очередную неровность, подтаскивал тело выше. Не приходилось выбирать направления, а просто куда можно.

Выкарабкался еще на одну площадочку, сумел выпрямиться. Едва не потеряв равновесия, пошарил руками наверху, с боков и убедился, что все гладко. Вот это номер! Он стоял, не смея шевельнуться, ощущая, как легкий ветерок сзади холодит икры. Шум прибоя едва доносился.

Раз невозможно дальше, надо бы назад. Но как согнуться, присесть, если нет пространства, если на уступе не полностью помещаются ступни? Необходимо отклониться от скалы, а ему, балансирующему на самой грани, и голову страшно откинуть.

Отдохнуть?.. Но с каждой секундой он устает все больше, потому что стоит на носочках.

А тридцатиметровая пропасть манила, сосала!

Автоматически Стван слегка пригнулся, прыгнул. Правая рука скользнула по ровному, левой он попал наверху в ямочку с закраиной. Чудо, случай!.. Подтянулся на левой, отчаянно шаря правой, зацепился ногтями за трещинку. Еще несколько конвульсивных движений, он чуть не сорвался, почти сорвался. Серия дерганий, рывков, и Стван оказался на узком косом выступе. Все тело дрожало — все-таки нет ничего более бездушно-жестокого, чем высота.

Облизал губы.

— Тише! Не надо ничего говорить.

Полдень застал его в сорока метрах над морем, прицепившегося, как насекомое, к обрыву. Цель исчезла — только беспощадная стена, и он сам, висящий на ней. Был убежден, что погиб, подготовился в надсадный вопль вогнать свой ужас, когда будет падать, задевая беззащитной плотью глухие выступы.

Одно утешало — что кратко.

Еще несколько усилий — не потому, что хотел лезть выше, а оттого, что не мог стоять. Вдруг стало светлее, открылся смутно колеблющийся горизонт.

Он лежал грудью на самом плато. Тихо. Шум прибоя не в силах был сюда подняться.

Добрался. Влез!

Не поднимая головы, ни одного взгляда вдаль себе не позволив, пролежал ничком с полчаса, дыша в горячий камень. И начал спускаться.

Опять была бесконечность пути, непредсказуемые рывки. Но удалось как бы отъединиться от самого себя. Это не он как личность на стене, просто тело мучается, готовое упасть, а сознание-то свободно витает рядом. И если тело рухнет, сознание спокойно проводит его до самого конца, до груды окровавленного мяса на гальке.

— Поднимался на отчаянии, слезу на безразличии.

А тело кое-как спускалось. Опять попало на площадочку, где не согнешься. Одна нога сделала пируэт, другая сломилась в колене, корпус ринулся вниз.

— Э-э-х!

И пальцы зацепились за камень.

Солнце упало за горизонт, когда Стван почувствовал под ступней обкатанные кругляши пляжа. Без мыслей прибрел к прибою, долго пил прямо ртом, слыша, как глотки толчками поднимаются вдоль горла. Начал засыпать и застонал вдруг, подумав, какой страшный вызов предъявил ему этот берег.

Но отказываться не приходилось. Утром он опять был на стене, равнодушный, отключившийся. Добрался до верха и, не подняв головы, спустился. Так продолжалось неделю, и, посмот-

рев однажды на свое отражение в воде, он увидел, что иссох на половину. На лице резко простили кости черепа, только глаза смотрели фанатично.

Но дальше пошло обратным ходом. Перестали кровить пальцы, взялась наращиваться тугая округлость щек. Стван начал находить удовольствие в лазании, превращался на стене во что-то вроде хамелеона, способного зацепиться за любую мельчайшую неровность.

И наконец настал такой день, когда, нырнув глубоко, Стван достал со дна последнюю раковину. Поел, прошелся неторопливо узким пляжем. Ловушка перестала быть ловушкой, приветливым и ласковым все было здесь. Шагнул к стене и, не заметив даже как, очутился над бездной, куда не доходил грохот волн.

Стван преодолел его, встал, осмотрелся. Он был очень рад, что не соблазнился окинуть взглядом этот мир еще раньше, когда впечатление испортил бы страх перед скалами.

Гранитное плато лежало перед ним, полого снижаясь. Вдали слева возвышалось образование вроде половинки яйца, поставленного торчком, светлое, почти белое. Справа камень продержавился гигантской чашей. Затем полоска голубого моря, через нее перешеек, ведущий на другую равнину, а над той — снеговое облако-вершина в чистой небесной синеве.

И все. Яйцо, чаша, перешеек. В одном куске, монолите, неразломанное. Из-за этой цельности ансамбль можно было бы считать и маленьким, не теряйся безжизненная пустыня далеко в мареве эфира.

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

Стван постоял некоторое время — музыка звучала в ушах.

— Пойду, не боящийся скал, в глубь кембрийского материка!

Камень, черный под ногой, впереди неуловимыми переходами менял оттенки, краснел, растекался розовыми озерами, разливался коричневыми лугами. Здесь и там на темном возвышались белые округлые глыбы.

Ни песчинки, ни отломанного кусочка. Хочешь что-нибудь поднять — бери все плато разом.

Чем дальше Стван уходил от моря, тем жарче делалось. Пустыня постепенно превращалась в печь, лишь отросшая на ступнях толстенная кожа-подошва спасала Ствана от ожога.

Сильно хотелось пить. Горячий воздух охватывал волнами. Подумалось, что, если упадешь, вскочишь сразу с волдырями.

Он остановился, и тотчас все вокруг заволокло туманом, контуры местности потерялись. Дернулся головой, пелена рассея-

лась и сразу сошлась снова. Пошагал дальше. Туман разошелся, однако тотчас надвинулся на глаза, когда Стван стал.

Сам он создает туман, что ли?

Прыгнул в сторону, оглянулся и на том месте, где только что был, успел увидеть собственный зыбкий, с одного бока разорванный контур, который миг просуществовал и растаял.

Сделал несколько прыжков, на полсекунды всякий раз оставляясь, и сумел наставить целых три себя. Три призрачные фигуры, одна за другой растворившиеся.

— Значит, истаиваю я.

А жара обжигала снизу пальцы ног, икры, даже колени. Стван попытался плюнуть — зашипит ли слюна. Но рот пересох. Сдавливало виски, в ушах начинался колокольный звон.

— Бежать? Но куда?.. Лучше вперед, к другому краю пустыни.

Пустился бегом, однако воздух яростно ударил в грудь тяжело раскаленных игл... Ладно, пойдем шагом.

Приближался наплывной вал, окаймляющий чашу-стадион. Но Стван не решился свернуть со своего пути. Местность то закрывалась туманом, то возникала.

Впереди была белая глыба. Стван поднялся на нее и почувствовал, что сразу расслабились сложившиеся в страдальческую гримасу мышцы лица. Здесь, в метре над горячей плитой, господствовал другой климат.

Когда Стван, спустившись к морю, прыгнул в волны, он подумал, что вода вокруг закипит. Однако целебный первобытный океан знал свое дело — через час про ожоги забылось.

В мелкой заводи галька была истерта в крупный песок, прибой колебал кромку планктона. Сытый, отлежавшийся на волнах, Стван к вечеру опять взобрался наверх. Радостно было чувствовать, сколь вольным сделала его способность лазить.

Ветер с моря нес прохладу, близилось время заката. Пере-шеек вблизи лежал мостом к новому, более обширному плато. И там у самого горизонта высились четыре одинаковых прямогульных горы — будто вагоны огромного поезда.

Удастся ли туда дойти? Пылающий материк не место для долгих путешествий. Туда не углубишься в жесткую пустыню, не доберешься, оторвавшись от моря, до тех мест, где в будущем станут Париж или Заир.

Белый холм и отсюда напоминал по форме яйцо. Чаша была, пожалуй, жерлом потухшего вулкана — наверное, дополнительным кратером того, что вознесся за облака. Какой рев катился над водами, когда все создавалось тут! Какой огонь дохнул в небо, как страшно, гибельно растекался в светлой высоте кромешный дым!

Пройдут эпохи, если этим скалам не погрузиться в океан, они разрушатся в песок. Жизнь покроет дюны травой, будут вырастать и падать деревья, потом придут люди, испещрят мест-

ность своими сооружениями, все станет дробным, мелким, запутанным.

Но до такого еще сотни миллионов лет. А пока царствует одному ему принадлежащий кембрий — спокойное достоинство, чистота ничем не смущенных основ.

Стван лег на теплую скалу у самого обрыва.

Опускался к волнам шар солнца. Вот он, первобытный мир. Безмерность неба, земли. Немой голос гранитной тверди, тишина, которая будто что-то говорит. Торжественное величие самого обнаженного существования. Кажется, еще миг, и поймешь, зачем материя, время, вселенная, познаешь истины, не выражаемые словами, доступные, быть может, безъязыкой мудрости инстинкта.

Стван прижался грудью к шершавому камню, обнял его.

— Я вник. Принадлежу и слился. И если крикну от боли, мой вопль расколет плато пополам.

Но почему «от боли»?

Удивленный, встревоженный, он ссл. Какая боль, откуда она взялась?.. Что-то происходило в его внутреннем мире. Пришел к какому-то концу... или к началу.

Поднявшись на ноги, в волнении заходил взад-вперед.

— Ерунда! Отлично выдержу здесь... Хотя при чем тут «выдержать», когда я наслаждаюсь? Что может быть лучше одиночества под голубыми небесами?.. Есть чем заняться. Удивителен мир воды, великолепна твердь. Завтра двину в глубь материка.

Едва слышным голосом внизу соглашались волны.

Но Стван пошел только на третий день. Готовился. Высушеными водорослями оплел пустую раковину-рог, наполнил водой, сверху замазал подсыхающим планктоном, сделал лямки. Решил еще до жары осмотреть ближний кратер, подойти к четырем горам — может быть, там река. Если так, тогда можно далеко забраться внутрь континента.

Ночью он влез на плато и с первым лучом восхода подошел к кратеру.

Гигантская лавовая чаша еще тонула в тени. Стены полого сходились книзу, и там в центре зияло черное пятно колодца.

— Может быть, подземные залы, лабиринт? Вход в тайное тайных, самое чрево планеты.

Стван перепрыгнул через невысокий вал, сел на склон и вдруг немножко съехал вниз.

Черт возьми! Камень здесь был как бы отшлифован, полирован. Темно-коричневая, слегка взябленная поверхность, которую именно рябь делала неудержимо скользкой.

Всего лишь сантиметров на тридцать его утянуло; еще не понимая, что происходит, повернулся, чтобы схватиться рукой за вал. Но это движение еще увело его вниз. Плавно, как по воздуху.

Теперь несчастных нескольких сантиметров не хватало, чтобы

вытянутой рукой достать край склона. Стван лежал на боку в беспомощной позе. Раковина с водой мешала. Он осмотрелся, выискивая поблизости шершавое место. Но не было. Укрытый от ветра и воды склон застыл, как стекло.

Стван стал осторожно освобождаться от лямок своей фляги, снял ее и, будучи совершенно не в силах помешать этому, скатился еще на метр. Затаил дыхание, простертый на спине. Быстро-быстро становилось жарко. Он почувствовал, что потеет спина, и, как только подумал об этом, ощущил, что едет. Спустился еще на какое-то расстояние, пока не вытерся пот. Попробовал сесть, упираясь ладонями. Они тоже были мокрыми, и новое движение спустило его дальше вниз.

Вот и все. Так просто и без трагедий. А казалось, будущее сулит ему долгую жизнь.

Внизу ждала черная яма колодца. Какова его глубина? Метр, пять метров, пятьдесят — на мгновенную смерть или на муки?

Он подумал, что теперь нужно быстро обозлиться на что-нибудь. Вытеснить ужас злобой.

— Ловко вы меня прикончили, — сказал он, глядя в небо. — Никакое это не правосудие, взяли да убили по-бандитски. Ну пусты, я не жалею. Тут я хоть сильным стал, смелым.

Стван снова вспотел, поехал и остановился. Туманом заловокло глаза, в ушах накатывал и наступал колокольный звон.

— Цивилизация дала людям достаток и безопасность. Но почему же они завидуют отчаянию Ван Гога, нищете Бальзака, зачем им снятся трудности и лишения?

Рот пересох. Колокол в мозгу как вколачивал что-то.

Стван заторопился.

— Эй вы, судьи, слушайте! И я тоже мечтал о борьбе. Причем лично — я да враг, и кто кого. Слышите, вы меня обманули. Не было никакого «отвечая желанию». Мне противника недоставало, здесь, в кембрии, как и в том торгашеском обществе, откуда меня выкинули.

Близился провал колодца. Белое утреннее небо над головой резко контрастировало с темной стеной чаши. Жутко неправдоподобным показалось Ствану, что вот он, совсем одинокий, завис на пустой планете на таком склоне, откуда не выберешься.

Закрыл глаза и пролежал на спине не зная сколько. Потом лоб и щеки охватило жаром, веки сделались ярко-красными.

Он открыл глаза и увидел ставшее над самым обрезом кратера слепящее око солнца. Пристально, строго смотрело оно.

— Скажи, для чего живут люди?

— Ого-го! Вот это да!

Чудище высунуло морду над поверхностью, с шумом выдохнуло — недолгий овал серебряной пыли около пасти. Зверь вставал, и было похоже, что вспучивается само дно. Вода скатывалась с плеч водопадами, обнажая коричнево-зеленоватое тело. На высоту пяти-шести этажей вознеслась голова, и тогда только над скатертью реки показался нижний край брюха. Рождая вовороты, переступила одна ножища. другая... Зверь жрал. Хватал траву целыми снопами, выдергивал. Морда напоминала лошадиную, но с невыразительным маленьkim глазом.

Приближалась гроза. Шквал пробежал, пригибая кустарник. Что-то лопнуло в небе, мощно раскатился гром. Один прозвенка, еще один... Ослепительные зигзаги торчком вонзались в землю.

Ударило так близко, что Стван, отшатнувшись, упал.

А животное продолжало жевать. Словно вылет подъемного крана, поднималась и клонилась шея, вытягивались черные резинчатые губы.

— Что за дьявольщина?

Молния стукнула чудище в самый хребет, но оно не обратило внимания. Все так же ходила шея, взлетали растрепанные снопы. И только минут через пять, когда на спине зверя поднялся полуметровый желвак, голова приостановилась на высоте, глаз равнодушно глянул. А потом все пошло прежним порядком.

— Нелепо! Совсем нечеловеческий масштаб.

Гроза удалялась стремительно. Сизая туча уже не была тучей, распадалась на белые облака. Открылся кусок голубизны, проглянуло солнце.

Стван облегченно вздохнул, переставая дрожать.

Он был здесь больше недели и все это время мучился от холода. Вернее, в тот первый миг, когда, очнувшись, увидел кустарники и пальмы, он бросился обниматься с шершавыми стволами. Даже испугался силы этого чувства, подумал, что сходит с ума. Заставил себя успокоиться и сразу стал мерзнуть. Покрылся пупырышками, посинел. То есть умом было понятно, что тепла не меньше двадцати градусов, но это понимание не грело его, привыкшего к тридцати на горячем море палеозоя. Бегать было невозможно в густой, по грудь траве, пища — он ел улиток — не согревала. Утешительным было лишь, что все живое вокруг тоже застыло оцепенелым. День за днем над вершинами деревьев лежала облачная пелена, не шевелились листы, дремала огромная черепаха, висел неподвижно темный мешок, прицепившийся к ветви пальмы, — Стван подозревал, что это летающий ящер. Тишина господствовала почти кембрийская, но дважды по ночам Ствана будил отдаленный могучий рокот, будто готовился стать на дыбы весь материк. Из-за тумана нельзя

было осмотреться, Стван так и не сходил с того клочка берега, где очнулся среди мешанины гниющих трав и каменных глыб.

Только с последнего вечера сделалось теплее, а утром после грозы освещенный солнцем мир стал пробуждаться. Черепаха упятилась в воду, то, что Стван принимал за скалу, оказалось гигантским голодным животным. Со всех сторон доносились плюханье, бульканье, треск, лай.

Стван взобрался на невысокий холмик. Было похоже, что он находится примерно там же, где чуть не погиб в кембрии. Но, конечно, через миллионы, через сотни миллионов лет. И все равно казалось, что пейзаж можно кое-как узнать. Высокое плато опустилось, разрушившись, разрез ущелья превратился в устье широкой медлительной реки. Малый зловещий кратер со скользкими стенами уже не существовал, но дальний, некогда увенчанный снежной короной, сохранился. Только стал мельче, ниже и пробудился, сделавшись действующим вулканом. Увидев клуб черного дыма, Стван сообразил, что вулкан-то и есть виновник' ночного рева.

Справа и слева от конической вершины тянулась цепь голых возвышенностей, а все пространство между рекой и горами было затоплено массой зелени. Разнообразными растениями, теснившимися неправдоподобно густо, как ворсинки в щетке.

Зачарованный, Стван уставился на изумрудный океан. Такова, значит, Земля в эпоху пресмыкающихся.

Синева неба, горячий солнечный луч, тысячи оттенков зеленого, желто-оранжевые холмы на горизонте, темнота речной воды и голубая поверхность моря, пальмы, стоящие корнями в грязевой жиже... Чья-то черная башка высунулась из болота, а вот и еще — они тут просто кишат, ящеры. Но самое главное — зелень: трава, кусты, деревья. Наконец-то голые материки оделись. Да еще как! Мать-звезда из бездны космоса щедро льет энергию, и планета принимает ее, вспучиваясь жизнью так, как, может быть, никогда ни до, ни после.

Столб дыма стоял над огнедышащей горой, огромный сам по себе и вместе с тем маленький по сравнению с необъятной чашей небес. Еще одна темная полоска прочерчивала синеву, начинаясь в середине зеленого ковра, истаивая над морем... Ладно, он еще узнает, что это такое...

МОЛЧАНИЕ

Мне нужно было увидеть их обоих. Но где? Я этого еще не знал. Я ходил по городу и ждал, что вот они сейчас появятся передо мной на шумной и огромной площади или на Аллее Космонавтов. Но они не появлялись. И тогда я садился на свободную скамью в тени деревьев, доставал сигарету, курил и снова ждал. Иногда мне вроде бы удавалось на мгновение увидеть их. Площадь замолкала, торжественно, чутко, радостно, как при долгожданной встрече, чуть грустно, как при расставании.

Они стояли на возвышении, видные всем издалека. Два космопутчика, парень и девушка. В сверкающих, легких и изящных доспехах-скафандрах. Они были молоды, сильны и счастливы. Они уходили в Далекий Космос на двух красавцах кораблях. Он должен был вести «Мысль», она — «Нежность». И вот они стояли передо мной и перед тысячами людей, намного возвышаясь над всеми, положив руки на плечи друг другу и широкими взмахами приветствуя всех, кто собрался вокруг. Они были героями. Это чувствовали и они сами, и все другие. Это чувствовал и я и страшно завидовал им. Они еще не взошли на борт своих кораблей, но слава уже несла их на своих стремительных крыльях.

Забрала их шлемов были подняты, и даже отсюда, где сидел я, можно было различить их счастливые улыбки. Такими они, по моему мнению, запомнились всем. Наверное, это была вершина их счастья. Всеобщая любовь и всеобщее уважение.

Видение исчезло. И люди снова шли по своим делам, и шумела площадь, и нещадно палило июльское солнце, а я вынужден был признаваться себе, что что-то еще не додумал, не дочувствовал, и начинал искать ошибку, но не находил. Так неслись дни, а у меня все еще ничего не получалось, и ничьи советы мне не помогали, потому что я, наверное, закуцлился в своих мыслях, и все внешнее, могущее дать толчок, отскакивало от меня, как от стенки горох.

— Ты хоть изучил их биографии? — спрашивал меня Островой, июльский руководитель нашей мастерской. Это руководство выжимало из него все соки, он высох — то ли от забот, то ли от жары.

— Изучаю, — отвечал я. — Хотя их биографии знают все.

— Да. Каждая минута их жизни была расписана заранее. И все же...

— Я буду узнавать еще.

— Узнавай. Но лучше почувствуй хоть одно их мгновение.

— Я уже пытался. Сегодня, например.

— Ну и что?

— Они стояли на площади и приветственно махали всем руками.

— Приветственно, — пробормотал Островой. — Ты так решил? А что за чувства переполняли их?

— Счастье, — ответил я, — восторг, радость.

Островой грустно покачал своей лысой головой на тонкой шее. И ничего не сказал мне больше. Наверное, говорить со мной было бесполезно. Я не обиделся. Менее всего, как мне искренне казалось, были нужны мне всякие советы, наставления и подталкивания.

Я снова шел бродить по паркам, площадям и скверам и все думал, почему мне удалось удержать ту картину на площади лишь мгновение? Ведь все было красиво, празднично, радостно. Нет, ошибка еще путалась где-то во мне. И просто волевым усилием мне не поднять ее из подсознания.

Вот проспект, по которому они ехали на космодром, когда вокруг стояли стотысячные толпы, и миллионы роз падали на асфальт перед ними, и все вокруг кричали что-то приветственное, ласковое, радостное, героическое. Все были празднично разнаряжены, и настроение у всех было радостное.

Остановившись на углу, я попробовал все это представить себе. И мне удалось. Удалось! Правда, всего на одно мгновение, как и тогда, на площади.

Ну какой я к черту мыследел? Ведь у меня же ничего-ничего не получается!

На ближайшей стоянке я остановил такси и поехал на космодром. В нагрудном кармане у меня был каплевидный ультразвуковой пропуск, и поэтому передо мной открывались все двери. Я мог проникать в святая святых этого огромного космодрома. Но сначала я просто побродил по залу ожидания с его парками и милыми уютными барами, с его солнечным прямолинейным пространством и его уже чуть не земным временем. Люди встречали и провожали родных и знакомых. Стойкие табунчики детей под водительством строгих взрослых смешно шествовали к посадочным площадкам, уже с очевидностью предвкушая приключения в кратерах Луны. Командированные и художники, туристы и неопытные отпускники — все они двигались вокруг меня, точно зная, что им предстоит делать. Одежды модниц привидливо менялись на ходу, обдавая встречных сиянием переливающихся цветов радуги.

Это, конечно, был космодром экстракласса.

Я вышел на смотровую площадь, с которой люди уже каза-

лись смешными черточками. И здесь кое-где сидели провожающие. И тот, кто хотел, видел перед собой лицо или всю фигуру отъезжающего человека и мог с ним говорить, пока люки корабля не закрывались наглухо. А сами корабли стройными стрелами пронзали золотисто-голубой воздух космодрома и чуть покачивались в струях разогретого воздуха. И время от времени какая-нибудь из этих стрел срывалась с места и стремительно, с легким свистом, исчезала в зените, словно растворялась в солнечных лучах. И тогда кто-нибудь из провожавших медленно вставал и шел к выходу.

Меня снова потянуло на Марс. До чего же просто мне было это сделать... А работа? Моя работа? Нет. На Марс мне еще рано.

Я обратил внимание на лица людей. За секунду до чьего-то отлета они были радостны и бодры, а теперь грустны и замкнуты. И тогда я понял, что эта грусть и замкнутость присутствовали на их лицах и во время разговора, только они тщательно, хотя и не нарочно, скрывались.

Меня это заинтересовало, как чуть отдернувшийся край завесы какой-то тайны. А впрочем, подумал я, что же тут особенного: люди провожают своих близких, и им грустно. Все правильно.

Забравшись повыше, где было пусто, я снова представил себе момент их отлета. Вот они стоят на подъемниках своих кораблей. А тысячи людей на этой смотровой площади, и еще десятки и сотни тысяч на ближайших холмах, и еще миллионы у телевизоров приветственно машут им руками... Фу, черт! Далось мне это «приветственно». С этим «приветственно» я не мог удержать картину и на мгновение. Впрочем, эта картина мне и не была нужна. И все-таки в ней было что-то, что так неуловимо ускользало от меня, без чего я не смог бы сделать главного.

Люди тогда провожали двух близких. Я сосредоточился. Картина получилась, я удержал ее. Но это были не сотни тысяч провожающих. Сначала я увидел девушку, стройную, в переливающемся голубыми оттенками платье. Она была очень красива, и она плакала. Она сама не замечала этого. Но почему? Кого ей жалко? Этих двух? Себя? Я думал снова и снова. И лицо девушки придвигнулось ко мне вплотную, остались лишь два больших черных, широко открытых глаза. И в уголках каждого — слезы. Я смотрел в эти глаза. Я, кажется, понимал ее. Она смотрела на этих двух, которые любили друг друга. Любила и она. Сейчас она была той девушкой, которая улетала на «Нежности». И любовь, и нежность, и горе были в ее глазах, в ее взгляде, в ее слезах. Это провожали ее. Пусть на мгновение, но и навсегда, надолго. От этого мира, в котором прожиты первые двадцать лет, от этих людей, чувств, улыбок, пустячных разговоров, ласковых взглядов, прикосновений. А что будет там, впереди? Все время был порыв, страсть, стремление вперед, в поиск, в неиз-

вестность, и вот теперь на мгновение боль и горе, что все прошлое остается здесь и через несколько минут с ужасающей скоростью останется позади.

Все-таки я приблизился к чему-то.

Я чуть сдвинул картину. Передо мной был парень. Он держал за руку ту девушку, в *огромных глазах которой были слезы. Их руки застыли в каком-то неестественном напряжении, и я боялся, что он сломает хрупкие пальцы девушки... Только ни он, ни она этого не замечали. Я развернул лицо этого парня так, что он смотрел на меня. Да... Конечно... Он провожал самого себя. И лицо его было смелое, чуть жесткое, внешне решительное. В нем не было колебаний, только чуть заметное «Прощай-те!..». Я сдвинул картину еще, все так же крупным планом. Женщина... Она провожает своего ребенка, уже взрослого, но для нее все еще ребенка. И гордость в ее лице, и неистребимое желание вернуть все назад, не прощаться, прижать его к груди и никогда, никогда не пускать больше, никогда.

Картина сдвигается вправо, влево, вверх, вниз... Стариk, женщина, девчонка, мужчина, девушка... человек, и еще, и еще. Лица, фигуры и души, души людей, раскрытых сейчас тем двоим, которые стоят на подъемниках «Мысли» и «Нежности».

Ну что же, я, кажется, пусть чуть-чуть, совсем немного, но понял тех, кто провожал. И мысленно создал теперь общую картину. Это удалось с трудом, но все же удалось. Стыдно стало за «приветственные» взмахи руками. Ну да! Люди, конечно, махали им руками, но каждый по-своему, с радостью, с болью, с нежностью... Одни были со слезами на глазах, как та девушка с огромными черными глазами, другие что-то кричали, смеялись, улыбались, смотрели сурово или сдержанно, спокойно.

И невозможно было удержать в мыслях эту картину долго, силы моей и воли было слишком мало для этого. Я бы разорвался на тысячи частей, если бы попробовал продолжать удерживать ее своим сознанием. Да это теперь уже мне и не нужно было.

Я понял, что каждый здесь был самим собой и еще немного одним из них. Я расслабился, и картина ускользнула. Ну и хорошо! Они меня уже многому научили. Я приблизился к решению своей задачи и устал. Я сидел, откинув голову на спинку кресла, и ни о чем не думал... Стрелы кораблей устремлялись в зенит, кто-то из людей улетал, оставляя частицу своей души на Земле в тех, кто оставался. А кто-то оставался, отдавая себя космосу, которого он, может быть, никогда и не увидит.

Прошел час. Ну что ж. Надо продолжать работу. Я вызвал картину их кораблей, потом приблизил к себе и сделал так, что лица двух космонавтов сблизились. Они улыбались. Потом она украдкой взглянула на него. На моей картине это получилось неудачно. Ведь тогда они стояли на расстоянии ста метров друг от друга. Ее взгляд и был направлен туда, к «Мысли», и

поэтому прошел сквозь него. Всего секунду длилось это, и картина смазалась и растаяла.

Нет, я еще не понял их. И тогда я ужаснулся. А вдруг никогда и не пойму?! Я встал и пошел вниз, потом долго бродил по всяkim службам космодрома. Двери комнат и залов открывались передо мной, но дверь души тех двоих оставалась закрытой.

Много ли я о них знал? Посещение библиотек, встречи с людьми, которые хорошо знали их, просмотр лент хроники. Всему этому я отдал много времени. Я знал почти каждый день их жизни. Ведь они всегда были на виду. Во всяком случае, начиная со школы космонавтов и кончая отлетом с Земли.

Я не помню момента, когда они улетали. Я тогда был совсем в другом месте. Но, может быть, именно поэтому я и взялся за эту скульптуру, что был уверен, будто смогу все увидеть своими глазами.

Ох, как это было важно для меня!

И все-таки я сбылся. Эти «приветственные» взмахи рук, эта гордость, радость, счастье и даже зависть — все это оказалось лишь верхним слоем, позолоченным и потому неглубоким и неглавным.

Они учились в одном классе. Потом поступили в одну школу космонавтов. И там, на третьем году обучения, им предложили полет в Далекий Космос. Они были абсолютно психологически совместимы. Это поразило ученых и вселило в них уверенность, что полет закончится благополучно.

Потом их начали готовить. Месяцы и годы, расписанные по минутам. Даже время отдыха было тщательно продумано учеными. Каждый их шаг был записан в протоколах и актах. Конечно, это делалось незаметно, ненавязчиво, необидно. Вряд ли они сами это знали, разве что чувствовали.

Я уже давно понял, что они любили друг друга. Но разве можно было из этого вывести, что они с радостью должны были лететь? Ведь они должны были лететь на разных кораблях и никогда не покидать их, не встречаться вплоть до посадки на планете Оранжевой звезды. Правда, у них была постоянная видеосвязь... Или они хотели когда-нибудь побывать одни, после стольких лет разлуки, находясь почти что рядом.

Стоп... Вот что пришло мне в голову. Они никогда не были одни. Что-то в этом было... Да. В записях распорядка их поступков и действий был один пробел. Всего на несколько часов, когда им удалось запутать, отвлечь опекунов.

Я сел на поезд и поехал на одну небольшую сибирскую станцию, а потом нашел заросший ивняком берег таежной речушки. А там я долго стоял над водой, крепко держась за гибкий, но крепкий ствол деревца...

Они не вернулись на Землю. В этом был какой-то абсурд. Это было невозможно, нечестно. Я даже не мог придумать

этому слов. Их корабли нашли далеко от намеченного курса. Они не дошли до своей цели.

Они были первыми, и им необходимо было поставить памятник, созданием которого я и занимался.

Я стоял перед рекой и думал. Почему я все время хотел запечатлеть вершину их славы, их почитания, их величия? Не потому ли я и не могу удержать мыслью эти картины даже на мгновение? Значит, не это было главным в них. Не подвиг, не слава. Это вообще поверхностное выражение поступков и стремлений человека.

С площадями и аллеями космополетчиков я покончил навсегда. Там они не согласятся стоять.

Вот здесь, где-то рядом, они были вместе. Сказал ли он ей, что любит ее? Или это она сказала ему?

Было тихо, очень тихо, и едва слышный плеск волн и шелест листьев на ивах только усиливали эту тишину, это молчание.

Я стоял и видел, как они шли по траве, с удивлением вслушиваясь в этот прекрасный и молчаливый мир. Это было у них впервые: далеко от всех людей. Они молчали.

Они ничего не говорили. Это молчание было красноречивее всяких слов. Они сейчас все, все говорили друг другу этим молчанием. В эти минуты для них ничего в мире не существовало, кроме них самих. Ни вселенной, ни времени, ни кораблей, ни Оранжевой звезды. Они впервые были одни и знали, что это не-надолго, возможно, единственный, последний раз.

Картина удерживалась легко, без напряжения. Значит, в ней не было лжи, значит, такими и были эти их минуты, пусть не в деталях, но в главном. Теперь уже начиналась легкая работа. Я мог остановить эту неосязаемую еще картину в любой миг, потом добавить детали, увеличить размеры. Я мог сделать ее с Эйфелеву башню, если скульптуру захотят поставить на огромной площади. А потом бы я сделал постамент и написал на его необычных формах: «Мысль» и «Нежность». И так бы они и остались на века, осозаемые, в камне или металле, знакомые миллионам людей, чуточку непонятные, потому что ведь для всех они были героями, а я хотел сделать их людьми, обычновенными, простыми, как все другие, как ты да я, как целующиеся на другом берегу речушки мальчишка с девчонкой.

Меня могли и не понять. Но это была правда. Эти минуты, это удивительное молчание составляли все существо их жизни. Я сделаю модель, покажу ее специалистам, пусть спорят, доказывают, у меня теперь перед ними преимущество. Я чуть понял их души, и никто, кроме меня, не сможет удержать картину своею мыслью, если только она не совпадет с моей. Никому не удастся сделать их только героями, потому что в них главным было это молчание, застенчивая любовь друг к другу, а уже через нее ко всем людям, ко всей Земле. И пусть они уходили в

Далекий Космос одни, своею любовью они уносили с собою всю Землю.

Молчание...

Они спустились к реке.

Он сел на корявое, выброшенное на берег дерево, замшелое и уже иструхшее. А она опустилась с ним рядом, положив голову на его колени, и протянула вверх руки к его лицу. А он нагнулся над ней.

Это был тот самый миг! Я понял. Я ничего более уже не хотел изменять. Пусть все будет так!

Без этого молчания им не вынести и года полета. Без этого молчания они погибли бы. Без этого молчания они могли бы не выдержать еще раньше, еще до отлета, а если и взлететь, то уже сломанными и покоренными.

Так! Так! Все так! Сейчас в этом молчании рождается их слава. Не нужно славы. Пусть будут людьми. Пусть любят друг друга.

Я остановил картину...

Я долго мучился. Я создавал скульптуры и ранее. Теперь я мог превратить эту картину в нечто осязаемое, в скульптуру. Я так и сделал.

Они замерли.

Я устал. Все-таки у скульпторов-мыследелов ужасно тяжелая работа. Я больше не глядел на них. Да. Я сделал свой шедевр. Я понимал это. Я никогда не делал такого и уже больше не сделаю. Словно тяжесть какая-то свалилась с души. Стало легко, но не совсем, не так, как раньше, не полностью.

Тут уже была не ошибка. Тут было что-то другое. Я бросил сигарету и подошел к ним. Все было, как я хотел. Я ласково потрогал рукой кожу ее лица. Счастье и мука были в ее глазах. Счастье и растерянность были — в его.

Да. Я правильно схватил миг. На них будут смотреть и плакать. Люди увидят гораздо более важное, чем геройство и подвиг. Они увидят боль, в которой еще только рождается их будущее, их смерть и слава... И молчание. Это тоже правильно. Ведь они и говорили друг с другом только в эти минуты молчания.

Они будут молчать всегда. Тысячи поколений будут рождаться, проходить возле них, а они все будут молчать, как тогда.

Я сел на камень возле них. Я мог сейчас разрушить эту скульптуру, а дома в своей мастерской воспроизвести вновь. Так я делал всегда. А сейчас не мог почему-то. Я знал, что все сделано правильно, но не мог показать ее людям. Слишком живыми сейчас они были для меня. И потом... эти тысячи лет молчания. Их молчание тогда было прекрасным, потому что оно было неожиданным, потому что длилось недолго. А теперь? Тысячи лет молчания!

Нет. Ее нужно было разрушить. Но я не мог.

Ее нужно было показать людям. Но и этого я не мог сделать.

А третьего пути не было. Вернее, был, но он запрещался: после этого я уже не был бы скульптором-мыследелом. Я не имею права это делать. Нужно было посоветоваться, хотя бы с Островым. Но это все равно означало отказ.

Я сидел возле них, которые улетели когда-то на «Мысли» и «Нежности» и не вернулись, и курил, пока не кончились сигареты. И солнце уже начало цепляться за верхушки деревьев. А я все ничего не мог решить. И вдруг солнце под каким-то странным углом осветило ее лицо, и в глазах девушки я увидел слезы. С этими слезами скульптура была еще естественнее, еще прекраснее. Я онемел, сжался внутренне, надеясь, что солнце сейчас прекратит свой световой эффект... А слеза вдруг покатилась вниз. Я потрогал лицо девушки рукой, слеза была настоящая; солнце здесь было ни при чем.

И тогда я встал, оглядел еще раз и сказал: «Ну что ж, живите...»

Я шел напрямик, куда глядели глаза, внушая себе, что оглядываться нельзя. Но не вытерпел и оглянулся. Они стояли у кромки воды, и отсюда я уже не мог слышать, говорят они или молчат, да это мне и не нужно было знать.

Сумерки упали на лес, а я все шел, и идти было легко и хотелось идти. И молчание было вокруг меня.

На другой день я был у Острового.

— Ну что у тебя? — спросил он. — Что-нибудь получилось?

— Получилось, — сказал я. — Вот что... Я больше не скульптор, я больше не мыследел. Я разрешил им... жить.

— Ты с ума сошел! Ты нарушил клятву! Что теперь с тобой будет?

— То же, что и с другими скульпторами-мыследелами, которые нарушили клятву, — сказал я. — Прощайте...

ИНДИЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ

Звери ревели требовательно и тревожно.

Звуки с трудом пронизывали хрусткий морозный воздух, и он, кажется, звенел.

Впрочем, звенел не воздух. Тихонько и надсадно ныл траде-вал — в нем, вероятно, отпаялся какой-то контакт. Андрею Сыр-цову не хотелось трогать поющий контакт. Его прерывистое зве-нящее нытье — тонкое, как комариный писк, — напоминало, что мир его не вымерз, что, кроме снега и потрескивающих деревьев, есть еще и другой мир — жаркий, влажный, ласко-вый.

И есть Индия.

Андрей давно собирался заказать комнатного сверчка. Пусть бы сидел в телевиде и пел свои нехитрые песенки. Приятно знать, что в комнатах есть живое существо.

Однако прибытие сверчка затруднялось тем, что сейчас они в моде. Человечество потянуло на бревенчатые избы, но почему-то не со старыми, добрыми русскими печами, а с модернизи-рованной литовской печью, с камином-лежанкой.

Можно было бы плюнуть на моду и заказать каких-нибудь певчих птиц. Но постоянная дежурная обслуживания третьего участка зоны Белого Одиночества слишком уж внимательна к Андрею. Она смотрит на него такими требовательными и, пожа-луй, красивыми голубыми глазами, словно умоляет: «Ну, пожа-луйста, разрешите соорудить вам что-нибудь приятное. Сделай-те мне одолжение, дайте такое поручение, чтобы я наконец могла проявить настойчивость, изобретательность, словом, почув-ствовать себя нужным для вас человеком».

Певчие птицы или сверчок, пожалуй, были бы в самый раз, но они принесли бы с собой новые заботы и новые включения дежурной из третьего участка. А ему сейчас не нужен никто. Поэтому приходится жить в обыкновенном балке из прессован-ных древесных плит со стандартными удобствами и стараться не думать об Индии.

Над балком опять прокатился древний звериный рев. Ему немедленно ответил второй, а потом и третий. В тайге творилось и в самом деле нечто необычное.

Весна...

Может быть, пожаловала стая тундровых волков, а может,

поднялся из берлоги косолапый. На участке Андрея шесть берлог. И каждая из них может ожить раньше времени.

Не зажигая света, Андрей включил внутреннюю систему телевизоров. На экране высветились хмурые ели, бревенчатая первая ферма, переделанная из барака строителей ЛЭП, и первое стадо лосей. Несколько самцов, шесть лосих и девять годовичков. Стадо стояло перед дверями фермы... Самцы тяжело дышали — пар густо валил из их горбоносых морд. Они ворочали сизыми, почти черными глазами, и иногда в них вспыхивали небольшие, злые огоньки — отражения ярких и холодных звезд.

У второй, стандартной, из плит, фермы собирались оба стада — третье и семнадцатое. Они стояли каждое у своих ворот, самцы впереди и отдельно лосихи. Эти сбились в кучу, чтобы прикрыть собой годовичков.

Так было и на остальных фермах. Стада стояли перед запертymi дверями и ждали. Время от времени лоси поднимали вверх свои горбатые добродушно-страшные морды и ревели тревожно и требовательно.

«Что с ними?» — озабоченно подумал Андрей и стал рассматривать снег на подступах к фермам. Он был чист и нетронут — ни волков, ни медведей, ни их следов. Обыкновенные марковские снега обыкновенной тайги. А лоси ревели и просились на фермы.

Андрей минуту подумал, потом включил прогнозатор погоды. На экране прошли последние, переданные с метеоспутников карты и показания приборов.

Температура падала. Падало и давление.

Нажав на клавиши и задав прогнозатору задачу, Андрей не стал ждать ее решения. Он и так понял, что накатывается предвесенняя волна арктического холода. Лоси почувствовали это и пришли к фермам. Они не желают мерзнуть попусту, не хотят бороться с пургой. Они хотят тепла, витаминного корма и соли. Перед весной они хотят покоя и питания.

— Черти горбоносые! — весело выругался Андрей. — Каким же вы образом узнаете будущую погоду? Тысячи ученых колдуют, колдуют, а вы на все на свете поплевываете. Живете себе и задаете загадки. Молодцы звери! Вам так и нужно — пусть ломают головы, кому это требуется. А вы просто живите, не мудрствуя лукаво и не слишком заботясь о далеком будущем.

Андрей подошел к пульте управления фермами и прежде всего включил общий подогрев воды. В помещении стадам потребуется много воды. Потом проверил, как работают кормотранспортеры и смесители. А уж после этого, нажимая на кнопки, стал открывать двери ферм, наблюдая, как степенно, словно они делают одолжение, звери заходят в помещение.

Первыми, конечно, выступали быки, за ними годовички, а уж потом коровы. Бока у них раздуты, и глаза смотрят тревожно и печально: пора отелов приближается.

Счетчики отметили, сколько голов прошло в фермы, и Андрей довольно улыбнулся: отходов нет. Волки не появляются, медведи спят добросовестно. А что еще может грозить лосю? Человек? Но он грозит только в период мясосдачи, выбраковки.

Налюбовавшись окутанными паром стадами, Андрей прикинул, что в этом году он сдаст, по крайней мере, сотню тонн мяса. Будут выбракованы лоси и три старых медведя. Можно будет пустить на заготовку и сотни две, а то и три коз. По всему видно, что отелы пройдут успешно. Лосихи, как правило, несут по два, а некоторые даже и по три теленка. Так что в целом головье увеличится.

И оттого что в его хозяйстве все идет хорошо, Андрею стало приятно. Он усмехнулся. Если бы в прошлом году ему сказали, что он оставит институт, кафедру, свои лаборатории, он ответил бы, что это бред. Однако он покинул все это и вот уже почти год живет в самой глухи зоны Белого Одиночества и честно, с удовольствием занимается откормом лосей и коз, выращиванием травы на сено, капусты и ячменя. Кроме того, он заготавливал лес, собирая грибы и ягоды.

Когда он читал и слышал о комплексном использовании леса и притундровой тайги, он посмеивался над энтузиастами. Он считал, что они мельчат. В расцвете атомного века человечеству под силу решение более сложных задач. Таких, которыми занимался Андрей. А эти чудаки доказывали, что заболоченный лес может давать столько же продукции, сколько и южные степи. Нужно только поставить его эксплуатацию на научную основу. Не вмешиваться в его жизнь, а помогать ей. Вот так появились лосиные фермы с их автоматикой и такие чудаки лесовики, как Андрей.

Нет, честное слово, побеждают всегда энтузиасты и романтики. Здесь, в тайге, под лентами и сполохами северного сияния, он дает больше мяса и растительных белков, чем целый совхоз. И каких белков! Великолепного лосиного мяса, отличных грибов и, главное, ячменя. А из северного ячменя получается лучшее пиво.

* * *

Лосиные стада устраивались на фермах. Андрей прикинул, что, поскольку понижение температуры неизбежно, как неизбежна последующая пурга, нужно именно в эти дни принадель на лесозаготовку. Он уже наметил деревья на выбраковку, и теперь все будет зависеть от соседа-летчика. Он, как и Андрей, приехал в зону Белого Одиночества около года назад, но с молодой женой — не то датчанкой, не то финкой — нежно-белой, полной и красивой. Честное слово, летчик был прав, когда влюблялся в нее. Она того стоила.

Андрей переключил телевид на ближнюю связь и набрал номер летчика. Он ответил сразу же — значит, не спал. Его крупное, не столько красивое, сколько мужественное скуластое лицо с резкими чертами было оживленно и озабочено.

— Здорово, старина! — пробасил он. — У тебя тоже лоси сошли с ума?

— Загнал...

— Ты думаешь, что это не каприз, а действительно?..

— Да. Прогнозатор показывает: снижение температуры до сорока двух — сорока шести. Потом пурга.

— Я тоже так думал. Вчера с Эстой мы разгадывали метеорологический буревод, и у меня вышел такой же прогнозишко. Но Эста утверждала...

«Ну понятно... Сейчас и, видимо, еще некоторое время Эста всегда будет брать верх. Таков закон неисправимой человеческой диалектики — чем мужественней мужчина, тем с большей охотой он подчиняется любимой женщине».

— Я думаю, Борис, нам нужно было бы поднажать...

— Я тоже так думаю, старина. Эста сейчас готовит затрак, а я... Ну, словом, жди меня через час. Поработаем!

Они отключились, и Андрей пошел готовить мотопилу. Свою грузовую машину Борис поднимает в воздух в совершенно невероятных условиях. А через час уже начнется еще робкий, как будто привыкающий к миру, приполярный рассвет. Значит, можно будет поработать как следует.

Однако до кладовки Андрей не дошел. Зазвонил телевид. Андрей нажал на кнопку.

— Слушай, старина, — пробасил Борис. — У Эсты взбунтовались соболи. Пойду помогу ей. А ты делай тэк: вали лес, а я подлечу не на вертолете, а на дирижабле. Затреплюем все до разу.

— Борис, но прогнозатор утверждает, что...

— Мы тут посоветовались... Эста считает, что пурга пойдет не раньше чем через десять часов. За это время знаешь сколько мы с тобой наворочаем!

Спорить бесполезно, — раз сказала Эста, Бориса не перебудишь. И кроме того, он из тех, кто верит не столько приборам и технике, сколько самому себе.

* * *

За дальним лесом встали вздрагивающие столбы северного сияния. Алые, зеленоватые, желтоватые, цвета листового золота и всякие иные, быстро меняющиеся краски, отчужденные столбы. Значит, на солнце и в самом деле началось возмущение, и Эста, может быть, и права: пурга начнется через десять часов.

Андрей встал на лыжи, заложил за спину топор, а пилу по-

весил так, как в детстве вешал сумку или в юношестве рюкзак: на одно плечо.

Лес стоял тих и торжественно. Голые, зыбкие лиственницы, темные ели в тяжелых нашлепках снегов — сейчас на них вспыхивали отражения сполохов и снежинки мерцали застенчиво и тревожно, как тысячи крохотных звериных глаз. Осины, кустарник, березки и всякое иное разнолесье притихли и даже не потрескивали от мороза. Идти на лыжах было сущим удовольствием, и Андрей поначалу прошел на самую дальнюю делянку, которую раньше всех следовало очистить от перестойных деревьев и ненужного подроста.

Делянка была ближе всех к дому Бориса — всего каких-нибудь километров пятьдесят. Когда Борис поднимет в воздух хлысты и повезет их на лесопункт, Андрей успеет перебраться на вторую делянку. Таким образом, за день он расчистит две самые дальние делянки. Весной и летом к ним не подберешься, а сейчас он сделает доброе дело.

Он повесил на сук свою личную рацию и поставил ее на прием. Потом обошел первый ствол и подрубил его топором. Пила, сладко подывая, вгрызаясь в древесину. Сразу запахло хвойей, скипидаром и еще чем-то удивительно пряным и вкусным. Таким, что голова чуть закружилась, а потом постепенно утвердилось состояние рабочего азарта.

Он валил деревья вершинками друг к другу, чтобы прихватить их одной трелевочной петлей, спущенной с дирижабля. Наготовив несколько пучков, Андрей присел отдохнуть на еще теплый на срезе свежий пень и закурил. Пахучий табачный дым повис в недвижимом воздухе, не смешиваясь с запахом свежего дерева, снега и горькой осины. Тело начинало приятно ныть, и вспотевшая спина медленно остывала. Удивительное состояние покоя после физического напряжения.

Нет, он все-таки тысячу раз прав, что послушался совета Норы и плонул на институт, свои проблемы, спорт и отдых. Человек может отдыхать только в том случае, если он меняет образ жизни, мыслей и деятельности.

Андрей выбросил папиросу — сигарет он не любил. Дым от них лез в глаза, а дымок от папиросы на длинном мундштуке никогда не мешал. Послушал, как, громко прошипев, огонек погас в снегу, и услышал легкий шорох. С высокой, вошедшей в рост ели полились снежные ручейки. На вершине сидела белка и смотрела вниз, на человека, который разрушал ее хозяйство. Поймав его взгляд, белка сердито фыркнула, потом стала что-то бормотать, словно разъясняла Андрею всю глупость его поведения. Андрей смотрел на нее и старался понять, чем же он обидел белку, и вдруг понял: белки хранят свои запасы как раз на старых, перестойных деревьях. Вероятно, он свалил какую-то кладовую, и белка не может простить его безжалостности.

— Ну что ж... Ошибки нужно исправлять, — сказал Андрей и подмигнул белке.

Она возмущенно фыркнула и перемахнула на соседнюю осинку. Андрей пошел вдоль сваленных деревьев, пока не нашел дупло.

В нем было около килограмма отлично высушенных грибов. Андрей выгреб их и положил на один из свежих пней: он знал, что белка следит за ним. И она поймет, что человек не виноват. У него свои заботы. Но он не забывает и о своих младших братьях.

* * *

Ему стало весело тихой, грустной веселостью. А кто помнит о нем? Кому он теперь нужен? Норе? Она не простит... Не должна простить его любовь к Ашадеви. Во всяком случае, он на ее месте не простил бы.

Ашадеви? Если бы он ей потребовался, она могла бы связаться с ним по международному традевалу. Хотя... Хотя у них все еще имеют значение деньги, общественное положение и, должно быть, существует «блат». Но телеграмму-то она бы могла прислать? Даже не пленочную — с изображением и голосом, — а самую банальную, какие посылали еще в прошлом веке. Или письмо... Простое письмо...

Письмо даже лучше. Как ни хороши современные средства общения между людьми, письмо — старинное, добротное письмо с многоточиями, пропущенными знаками препинания и даже буквами — все-таки лучше всего. За ним человеческий труд раздумий, сборов, решимость сесть и написать. Письмо — это память. Долгая и верная память. Его пишут, когда человек в самом деле нужен и дорог.

А телеграмму можно дать в момент вспышки воспоминаний. Или сравнений с проходящим мгновением, чтобы потом, в следующее мгновение забыть. Не говоря уже о пленке. Записаться на пленке, чтобы переслать ее, — значит позаботиться о своей внешности, голосе, подобрать нужные моменту слова... В этом есть что-то от кокетства, от желания не столько обратиться к другу, сколько от желания показать себя. Нет, письма, обыкновенные письма все-таки лучше всего. Над ними можно подумать, их можно перечитать... да просто разложить перед собой и, жак по следам, увидеть прошлое.

Ашадеви молчит.

Индия... Сейчас там цветут... Что там цветет в марте? Вероятно, все, что может цветти. Воздух пахуч и густ. И влажен. Вероятно, так влажен, что дышать приходится с усилием. И люди спят на крышах, двориках, на прогретых за день берегах рек и прудов...

Впрочем, сейчас десять утра, и, значит, Индия не спит. Она

работает, учится и борется с тем, что когда-то называли предрассудками. Далекая, незнакомая страна, которую он так полюбил и которая доставила ему столько горя, что загнала в зону Белого Одиочества.

А что?.. Честное слово, это все-таки здорово — зона Белого Одиочества. Сейчас он не жалеет о своем решении и даже благодарен Норе за ее совет. Интересно, что это было — женский расчет или и в самом деле то высшее проявление любви, когда для другого можно взять за горло себя? Он не забудет Норы и ее мягкой любви, но не забудет и...

Вот тут-то и закавыка. Он не забудет своей любви к Ашадеви. Вот... Своей! А была ли любовь к Норе? Наверное, была. Но не такая. Ту он забыл. Эту — никогда.

Андрей начал обтаптывать снег возле дерева. Тело опять налилось влажной упругой силой, и пила работала зло и весело.

* * *

После полудня прилетел Борис. Он остановил свой жесткий грузовой дирижабль над делянкой и стал спускать трелевочные тросы. Они извивались в мглистом сухом воздухе, как щупальца большой серебристой медузы.

Критоновые тросы были невесомо легки, и Андрей быстро справился с деталями. Борис стал потихоньку подтягивать пучки хлыстов. Сваленные деревья зашевелились — тяжело, неуклюже, с жалобными шорохами и потрескиваниями. Андрей нещестом помогал им улечься в плотный пук.

И в этот момент зазуммерила личная рация. Вытирая пот, Андрей подошел к ней и потоптался в сугробе, словно устраиваясь поудобнее. Звонила, конечно, дежурная обслуживания третьего участка.

— Андрей Николаевич, вас вызывают к восемнадцати часам к кольцевому традевалу.

— Благодарю. Постараюсь быть.

— Простите, Андрей Николаевич, может быть, это и назойливость... Но последние дни мне не нравились ваши глаза: в них усталость. Вам ничего не нужно? Идет пурга... Может быть...

— Нет. Благодарю. Мне ничего не нужно. И с глазами у меня все в порядке. Вероятно, отпаялся контакт.

— Какой контакт? — не поняла дама, и голос ее прозвучал подозрительно.

— На традевале. Он, знаете ли, поет, как сверчок. Или как комар. Вероятно, поэтому ухудшилась видимость.

— Вы так думаете? — грустно спросила дама.

Он так и не доставил ей удовольствия позаботиться о нем как-нибудь по-особенному, экстраординарно.

Что ж, ее можно понять. Но в зоне Белого Одиочества жи-

вут сильные люди. Они приехали сюда, чтобы в необычно трудной обстановке утвердить себя и, главное, отвлечься от всего того, что не давало покоя на людях. Для таких многого не нужно.

И тут Андрей подумал: «Вероятно, и дежурная из той же породы. И у нее, кажется, в самом деле грустные глаза. Интересно, почему она приехала сюда? Разбитая любовь? Неудача в науке? Просто желание увидеть несколько необычных людей, которые собираются здесь под северным сиянием?»

Первый раз за последний год Сырцова заинтересовало по-настоящему нечто не касающееся его участка. Но, как он понял сразу, это произошло потому, что ему просто захотелось отвлечься от главного — зачем его вызывают к традевалу, да еще к кольцевому? Его проект зарезан. Руководитель отраслевого совета науки Артур Кремнинг оказался на высоте — безукоризненно учтивым, холодным и безжалостным. Он не оставил надежд. А оставаться без надежд в институте, в большой жизни не хотелось. Можно смириться со многим, но не с ярлыком неудачника.

Борис поднял пучки и стал осторожно выруливать на курс. Андрей вздохнул, взвалил на себя пилу, рацию, встал на лыжи и пошел на вторую делянку. Он снова валил деревья вершинками друг к другу и старался не думать о предстоящем разговоре по кольцевому традевалу. В общем это удавалось.

* * *

Жужжание и взвизги пилы, веер опилок, последний жалобный и почему-то торжествующий хруст в комле падающего дерева, наконец, глухой удар в облаке сверкающей снежной пыли...

Как же это здорово — чувствовать силу в руках, в уже начинаящей ныть спине, чувствовать себя хозяином, властителем всего окружающего. Это древнее ощущение силы, могущества нельзя сравнивать ни с чем. Ради одного этого стоило удрать в зону Белого Одиночества.

Но было в этом, древнем, и нечто, что смущало Андрея. В его работе жили пусть укрошенные разумом, целесообразностью, но все-таки элементы разрушения. В данный момент он не созидал, а разрушал созданное природой.

Что из того, что он знал — сваленное им дерево все равно обречено на гибель, погибнув, оно отравит жизнь подросту, молоди, помешает лесу. Что из того, что, сваленное, оттrelеванное Борисом на пункт, оно отдаст человечеству накопленную за десятилетия силу и войдет в великий и целесообразный круговорот обмена энергии и веществ. Все это Андрей понимал разумом. А чувствами он наслаждался своей силой, могуществом и, если заглянуть поглубже, даже властью над деревьями, животными, всем этим сверкающим льдистым мирком.

Да, из человека не сразу уходит то, что пережили и закрепили в себе его предки. Иногда это прошлое прорывается и как бы изменяет человека. Тогда он находит радость там, где и не думал. Но все дело в том, что каждое новое поколение воспитывает в себе нечто новое и закрепляет его, чтобы передать дальше, по эстафете. И новое — сильное, молодое — всегда побеждает наследованное.

Вероятно, высшая радость и высшая мудрость в том и заключаются, чтобы ничего из того, что накопили предки и передали потомкам, не отдавать на растление. Нужно использовать все крепкое и все прекрасное. Прошлое никогда не мешает настоящему и будущему, если оно служит хотя бы одному человеку, не мешая другим. А если оно к тому же приносит пользу всем, так такое прошлое можно только холить и поддерживать.

И разве плохо, черт возьми, чувствовать себя вот таким сильным, могучим и разумно властным? Нет! Это не только не плохо. Это замечательно!

* * *

Андрей разогнулся, посмотрел, как, наращивая скорость, валится древняя, вся в белых потеках старческой смолы, с подсохшей ростовой верхушкой, суковатая ель, как она поднимает тучи поблескивающей звериными глазами снежной пыли, и ощущил, как под ногами вздрогнула, как от взрыва, земля, и понял: работать ему уже не хочется. Радость, наслаждение предельно простой и в то же время предельно разумной жизнью, видимо, кончаются. Ему опять хочется игры и страданий ищущего ума, взлетов и просчетов.

Но в этот раз он быстро справился с собой и поднял взгляд, чтобы отыскать очередное, выбракованное им дерево. И тут он увидел на вершине елки белку. Подняв хвост вопросительным знаком, она быстро и смешно терла мордочку лапкой и что-то бормотала.

Андрей прислушался. Теперь это бормотание не показалось ему брюзжанием. В нем слышалось что-то жалобное, просящее, и он с интересом и еще непонятной, неизвестно откуда взявшейся тревогой стал всматриваться в зверька.

Белка терла носик только одной лапкой, а другую держала на отлете, как поподгрившаяся женщина держит пуховку, рассматривая себя в зеркало.

— Ты на что жалуешься? — спросил Андрей и полез в карман за папиросой.

Но воздух был так густ, пахуч и остер, что курить расхотелось.

Белка неуловимо быстро повернулась к нему всем телом, и

ее глаза-бусинки вспыхнули и погасли. Она опустила лапки и стала принюхиваться, словно ожидая, что Андрей закурит.

В этом принюхивании, в напряженности ее маленького дымчатого с коричневатостью тельца было столько стремительной осмысленности, что Андрею на мгновение показалось, что белка разумна, что с ней можно говорить обычными человеческими словами и она поймет их.

Он мягко, расслабленно улыбнулся и, вздернув голову почти так, как это делала белка, когда она принюхивалась, с ворчливой ласковостью спросил:

— Ну что ты, дурочка? Тоже чувствуешь пургу?

Белка возмущенно фыркнула и сразу, как спущенная с тетивы, распластала свое ловкое тельце в воздухе. Огромный пушистый хвост обдуло встречным воздухом, и он стал тоньше.

Она упала на соседнюю ель, но почему-то не смогла удержаться на ее заваленной снегом ветке и скатилась вниз. Ей вслед посыпался неторопливый снегопад. Он подогнул нижнюю, тоже заваленную снегом ветку, и она, выпрямляясь, стряхнула свой груз. Теперь белку влекла маленькая, ослепительно белая, крупчато-сухая лавинка. Андрей невольно подался к елке, чтобы помочь белке, но рассмеялся — уж кто-кто, а она и сама справится с веселой бедой.

Белка и в самом деле справилась. Она выскочила из лавины и, обиженно, рассерженно фыркая, помчалась по деревьям в тайгу.

— До чего ж мила... — вслух сказал Андрей и, улыбаясь, все-таки закурил.

Дым висел плотно и чуждо, и от этого курить опять расхотелось. Он отшвырнул папиросу и взялся за следующее дерево.

К ранней ночи он разделялся и со второй делянкой. Борис последним рейсом под светом бортовых прожекторов стрелевал наработанное и поднял в воздух.

Мороз накалялся. Деревья стреляли уже не гулко, как обычно, а звонко. От острого, морозного воздуха иногда перехватывало дыхание, но холод подстегивал: белье стало влажным от пота, и сейчас мороз добирался до тела.

Андрей перешел на бег.

* * *

На плитке, установленной на вечернюю программу, стояли горячий кофе, антреюты с кровью и жгучей, вызывающей слезы аджией. Андрей поужинал и, когда наливал кофе, вдруг понял, что очень устал. Мускулы тихонько, но в общем-то приятно ныли. Обветренные, обожженные морозом губы, ноздри и даже веки набрякли и жгли.

Аджика вызвала испарину на затылке и темечке, и ему за-

хотелось спать. Но он встал, включил внутренние телевиды и проверил, как ведут себя лоси. Они стояли в помещениях и жевали корм. На дальних полянах возле стогов сена и веток сжались в кучи дикие козы. Они были копытцами и лизали брошенные в снег глыбы соли.

Странно, почему биологи не заинтересуются этой закономерностью: каждый раз, когда приближается пурга, козы обязательно приходят к глыбам соли-лизунца. Соль, видимо, помогает им переносить испытания ветром и снегом.

Через несколько часов, когда по вершинкам деревьев пройдется первый ветерок — жгучий, как аджика, и вкрадчиво-ласковый, как звук электролы, — козы уйдут в только им известные лощинки пережидать пургу.

Как это важно — не вмешиваться в жизнь зверя. Помогать ему в трудную минуту, но не вмешиваться. Древние, проверенные предками инстинкты сделают больше, чем самая добрая забота.

Хозяйство Андрея Сырцова, как и должно было быть, находилось в полном порядке, и сн, опять прикинув, сколько мяса ему предстоит сдать, сразу же подумал, что теперь, когда дальние делянки расчищены, следовало бы проверить сельскохозяйственные машины. Сев, правда, начнется еще через пару месяцев, но проверить нужно сейчас: мало ли какие дефекты могут выявиться. Лучше исправить их загодя и загодя же вызвать механика и его летучку с запасными частями.

Он задумался, а потом стал дремать, но вскоре встрепенулся и прислушался. По-комариному пищал контакт традевала. а с крыльца доносился странный шорох. Легкий, тревожный шорох. Как будто там, на морозе, метался и скребся в дверь мышонок. И этот шорох, и контактный зудящий писк насторожили Андрея, прогнали дремоту. Тело еще вяло, нехотя напружинилось, и тут только он вспомнил, что ему еще предстоит разговор по кольцевому традевалу.

Даже удивительно, до чего его захватили тайга, хозяйственные заботы. Никаких эмоций. А ведь кольцевой традевал — это всегда нечто из ряда вон выходящее. Может быть, такое, что взовнует тысячи, а возможно, и миллионы людей.

Но его, как это ни удивительно, почти не волновало. Вот как быть с пошалившими на уборке и мелиоративных работах тракторами — это его волнует. И возможность выращивания тростника и дикого канадского риса на не поддающихся осушению болотах его тоже волнует. Тогда можно было бы попросить завезти сюда несколько семей диких кабанов, и резервы леса будут использоваться полнее.

А традевал его не волнует.

— Да, не волнует! — вслух упрямо сказал он и понял: самому себе врать не стоит.

Волнует его предстоящий разговор. Волнует. Но можно обой-

тись и без него. Этот разговор еще не стал необходимым. Жизненно важным. Все, чем Андрей жил раньше, он сумел загнать вглубь, и теперь оно сидит там тихонько и покорно. А вот когда там, внутри, произойдет незримая и до сих пор не изученная работа и это загнанное окрепнет и станет главным в его жизни, тогда... Тогда к черту Белое Одиночество, лосей и белок, и да здравствует борьба умов—самая прекрасная и бескровная борьба, которая когда-либо существовала и будет существовать в подлунном мире!

Он походил по комнате и прислушался. На порожке крыльца явственно слышалось какое-то шебаршение.

Он вышел в сени. К шебаршению прибавились странное пофыркивание и непонятное бормотание. Смутно догадываясь и потому радостно и удивленно замирая, Андрей открыл входную дверь. Через порог скакнула белка. Щеткой распушив летящий хвост, она неуловимо проскользнула между ног Андрея и юркнула в щелочку дверей, в комнату.

Пока Андрей закрывал двери, пока потирал сразу схваченные морозом руки, белка исчезла.

Он походил по комнате, заглянул в туалет, кухню, прошел в спальню и, нагнувшись, посмотрел под кровать. Белки не было нигде.

— Чертенок...

От сознания, что в балке появилось живое существо, стало непривычно, растроганно-приятно. И сквозь эту растроганность пробились еще раздерганные, рвущиеся мысли: «Как же это она решилась? Вот чертенок... А кормить ее чем? — Вспомнились грибы, оставленные на еще теплом пне. — Надо было прихватить... Впрочем...»

Он стал перебирать в уме свои запасы и решил, что нужно немедленно заказать в бюро обслуживания орехи, но сейчас же вспомнил голубые глаза дежурной и поколебался. Что-то не совсем нравилось ему в этих глазах. А может быть, как раз наоборот — нравилось.

Нет, она определенно красива той особой, притомленной годами и пережитым, терпкой, зрелой красотой. Но она не для Андрея. Нет. Ему нужна Ашадеви. Одна только она, и точка.

— Заказы отменяются, — вслух сказал он и пошел на кухню, чтобы поискать что-нибудь для белки.

* * *

И тут раздался звонок телевида. Андрей нажал кнопку. Беспокоила дежурная. Она смотрела пристально и чуть укоряюще, как на человека, который не умеет понять самых простых вещей. В иное время Андрей наверняка бы нахмурился и стал бы отвечать отрывисто, чтобы поскорее избавиться от ее пристального внимания. Но сейчас ему почему-то стало смешно.

Чего она хочет? Неужели она всерьез думает его увлечь? Но, честное слово, в зону Белого Одиночества уходят не для того, чтобы заводить романчики. И все-таки... Все-таки...

— Как поживаете? Ждете пургу? — спросил Андрей и усмехнулся так, как он усмехался когда-то, когда говорил с нравящимися ему женщинами. Нора называла такую усмешку усмешкой тигра перед прыжком. Он и в самом деле невольно расправлял в такие минуты свои и без того широкие плечи, выпрямлялся и напружинивался.

— Да. Ждем, — коротко ответила дежурная, помолчала и потерла переносицу длинным пальцем.

Лак на ногте оказался модным — цвета морской волны. Он, как изумруд, выскривил на лбу женщины. И сразу вспомнилось ритуальное пятнышко на лбу Ашадеви. Андрей помрачнел, а женщина спросила:

— Вам не понравился мой ответ?

— Нет... Не в этом дело...

— У вас неприятности?

— Нет, что вы... Кажется, как раз наоборот.

— Вот как? — подняла брови женщина. — Но у вас усталый вид. Вы не переутомились? Давление не проверяли? Подвиньтесь поближе и посмотрите мне в глаза.

Начиналось обычное врачебное профилактическое обследование. Андрей не любил его. Захотелось, как всегда, резко отказаться, но опять неожиданно для себя он ответил мягко:

— Все в порядке. Просто... Просто ко мне забежала белка, а я... я не знаю, чем ее кормить.

— Но ведь вы собираете столько грибов...

— Понимаете, я их не люблю... — чуть улыбнувшись, поморщился Андрей. Нора называла такие гримасы проникновением в душу.

Дежурная улыбнулась мягко, устало.

— Но зато любят другие...

— Вот именно. И потом просто интересно собирать. Тихая охота. С азартом, с удовлетворением древних инстинктов.

— Возможно... Хорошо, я подумаю. Если не задержит пурга, завтра утром ваша белка получит все необходимое. — Дежурная помолчала, вглядываясь в Андрея. — Значит, у вас все в порядке?

— Да.

— А мне кажется, что не все...

— Почему?

— Вы слишком обрадовались белке. Вам еще не надоело одиночество?

— Нет.

— Верю. Но имейте в виду, весной человека, как птиц, тянет... Тянет то ли в дальние края, то ли, наоборот, в родные места. Вы знаете это ощущение?

Он рассмеялся.

— Наоборот. Сейчас я озабочен только подготовкой к севу. А вас не тянет?

— Тянет, — очень серьезно ответила женщина. — Но в мои дальние края я не попаду.

— Почему? В наше время...

— Именно в наше, — вздохнула она. — В будущем может быть. А сейчас... Нет.

Она говорила это так, что у Андрея пропала всякая охота вести этот разговор с подтекстом, а тем более шутить.

— У вас что-либо серьезное?

— Да. Так вот, Андрей Николаевич, меня предупредили, что через десять минут начнется кольцевая связь традевала. Приготовьтесь. Не сомневаюсь, что вы сумеете постоять за себя.

— Почему постоять? — удивился он.

— Кольцовка бывает не часто, а я дежурю уже давно...

Она выключилась не прощаясь, и это не то что обидело, а озадачило Андрея. Что-то он сделал не так. Во всяком случае, его легкие ухаживания не приняты. Так что щеславие, с которым он относился к дежурной, оказалось явно необоснованным.

И не нужно обольщать себя — одиночество есть одиночество. Ты хотел его. И ты получил. Так почему же тебе грустно?

Он походил по комнате, включил традевал и стал ждать. Потом поднялся, налил кофе, взял печенье и устроился в кресле, включив программу повторных радионовостей — целый день он не знал, что же произошло в мире.

Дикторы рассказывали о встречах министров и глав правительств, о севе в далеких южных областях, подчеркивая, что в этом году наплыв добровольцев на полевые работы настолько велик, что постоянные дежурные сельскохозяйственных предприятий обратились к гражданам со специальной просьбой — переключить свою энергию на ирригационные работы в пустынях и полупустынях.

«Что же, — подумал Андрей, — людей понять можно: весной в поле на ветерке поработать до устали — одно удовольствие. Один только запах оттаявшей земли чего стоит!»

И он опять стал думать о тех днях, когда и ему придется пустить свой трактор и вдыхать ни с чем не сравнимый запах земли.

* * *

— Андрей Николаевич, — сказал Артур Кремнинг. — Вы готовы вступить в беседу?

Андрей очнулся. Прямо перед ним было лицо Кремнинга — белое, удлиненное, невозмутимое. С не слишком толстыми,

но и не тонкими, в меру изогнутыми губами, вполне приличным носом и серыми холодновато-язвительными глазами. Лицо аскета и ученого.

— Здравствуйте, — привстал Андрей. — Я не знаю еще темы нашей беседы.

— Странно... — поморщился Кремнинг. — Я полагал, что вы догадаетесь.

— Моя работа? — не совсем уверенно и, должно быть, потому слегка краснея, спросил Андрей.

— А что же еще? Пока вы бегаете за романтикой, идеи живут и развиваются.

— Тогда... Тогда почти готов.

— Почему почти? — опять поморщился Кремнинг.

— Потому что мои идеи подморожены и еще не оттаяли, — ответил Андрей. Он уже овладел собой и мог позволить себе удовольствие подпустить шпильку: ведь именно Кремнинг окончательно добил его работу.

— Жаль. А я надеялся, что в одиночестве они у вас расцвели. Но дело не в этом. Мы тут без вас кое-что пересчитали, провели кое-какие опыты и, главное, по-деловому связались с целым рядом заинтересованных стран. Так что картина несколько изменилась, и я хочу, чтобы вы осмыслили ее. До включения международного кольца у нас есть три минуты. Вы хотите послушать информацию?

— Разумеется.

— Так вот, индузы все еще колеблются. Они не знают, как поведут себя в таком случае массы арктического воздуха. Обратная, так сказать, связь. Должен вам сказать, что это существенное возражение. Кроме того, по-видимому, их страна еще не готова к таким изменениям. Японцы возражают довольно категорично. Их беспокоят тайфуны. Их можно понять.

— Но ведь природа тайфунов...

— Вы хотите сказать, что наши работы на них не повлияют?

— Вернее, почти не повлияют. В данном случае следует считать и считать.

— Вы по-прежнему придерживаетесь своей теории образования тайфунов?

— А разве она опровергнута?

— Но...

— Она не подтверждена экспериментально, это верно. Но наблюдения в целом верны. Это знаете и вы и японцы. Все дело в океанском вулканическом поясе.

— Понимаете, Андрей Николаевич...

— Вы хотите сказать, что цунами не всегда сопровождает тайфуны и наоборот? Такой разрыв вполне оправдан. Морское землетрясение неминуемо порождает вертикальные перемещения воды. Следовательно, холодные, придонные воды подни-

маятся вверх и охлаждают воздух. Разность температур порождает движение воздушных масс и изменение давления. Создаются условия для зарождения тайфунов. Если в это время происходит новое землетрясение, тайфун совпадает с цунами. Но это вовсе не обязательно.

Кремнинг поморщился.

— Все это известно, и тем не менее... Тем не менее мы не можем быть уверены в том, что проникновение горячего и влажного океанского воздуха на север не вызовет каких-то нам еще неизвестных явлений. В данном случае возможно влияние такого огромного количества внешних и внутренних факторов, что... что мы еще не можем рисковать...

— Тогда зачем же нужна кольцевка?

— Но мы уже можем готовиться к риску, — твердо сказал Кремнинг. — Вот почему я очень прошу вас, Андрей Николаевич, не столько спорить, сколько слушать. Вы отдохнули, мозг очистился от всяких наносов. В нем, надеюсь, сейчас сидит только одна чистая идея. Присмотритесь к аргументации — ведь мы-то как раз находимся в очень тяжелом состоянии: наши мозги засорены спорами и сомнениями. Договорились?

— Н-ну... если так, — смутился Андрей.

В конце концов, Кремнинг прав. И то, что Артур сам, без его просьбы, все-таки ведет это дело, характеризует его...

А, да шут с ним, как оно там характеризует! Кремнинг — настоящий ученый: волевой, сильный, и если он суховат, так у каждого свой характер. А дело-то, в конце концов, общее. Чего ж обижаться? Посидим послушаем. Может быть, что-нибудь и придумаем. Не сейчас, так после...

* * *

Кольцевое совещание по традевалу началось как обычно. Его участники представились друг другу, хотя особой нужды в этом не наблюдалось. Все или почти все знали, кто есть кто. Но таков обычай, и его следовало выполнить. Затем представитель информационного телевидения попросил вкратце охарактеризовать проблему. Кремнинг поморщился — потеря времени. О проблеме писали и говорили столько... Впрочем, людская память не запоминающее устройство. А отрывочные, полузабытые сведения — то же незнание.

— Ну что ж... Предоставим слово Андрею Николаевичу Сырцову.

Андрей не ожидал такого поворота событий. В конце концов, он тоже не машина и кое-что может упустить. Особенно цифры. Но тут на экране появились знакомые лица сотрудников, мрачноватая, построенная в середине прошлого века комната его проблемной лаборатории с запоминающими блоками

ками. Ребята, как всегда, начеку и, как всегда, готовы прийти на помочь. Это обрадовало, но в то же время какая-то деталь, вернее, ее отсутствие встревожило Андрея. Но что это за деталь и почему ее отсутствие волнует, осмыслить он не успел: кольцовка не ждала.

Он вздохнул поглубже, мгновение словно прислушивался к самому себе — за время, проведенное в зоне Белого Одиночества, он отвык от подобных совещаний — и услышал ровный, слитный гул за стенами балка.

Шел ветер. Еще не пурга, а только ветер. Он прокатился по вершинам, и они зашумели — ровно и предостерегающе-властно. Так старые опытные бойцы перед боем, сплачиваясь, предупреждают молодежь и слабых, чтобы они прятались за их спины.

И эта такая своевременная поддержка промерзшей тайги отодвинула в сторону все сомнения. В конце концов, не кто-нибудь другой, а именно Андрей является сейчас представителем страны Белого Одиночества, просторов вечной мерзлоты. Он обязан говорить от их имени ради пользы всего человечества.

Мысли сразу, как при включении ЭВМ, обрели стремительную, математически точную отточенность. Но слова... Слова приходили не всегда нужные. Ему еще мешало то странное волнение, которое вызывала его лаборатория и старинная комната с запоминающими блоками.

— Переделывать климат нельзя и не нужно, но помочь Земле приобрести наиболее целесообразные черты необходимо. На нашей планете есть все, что нужно человеку, и все, что ему потребуется в будущем. Нужно лишь разумно пользоваться этим, разумно и последовательно изменять, главным образом смягчать климатические условия не всей планеты в целом, а лишь ее отдельных районов.

По экрану медленно проплывали лица ученых разных стран, государственных деятелей, консультантов. Они слушали Андрея вполне корректно, но так, что он чувствовал: они снисходительны к его общим словам. Они — люди дела. Но они понимали — вступление нужно и самому Андрею, чтобы собраться с мыслями, и необходимо для тех миллионов и миллиардов людей, которые слушают его по обычным телевидениям и радиопередачам.

За стенами балка шумели вершины деревьев, а в самом балке (Андрей это чувствовал — не слышал, не видел, а именно чувствовал) тоже происходило нечто такое, чего он не знал и не видел, но что могло и, кажется, уже начинало влиять на его выступление, а может быть, и все совещание. Во всяком случае, смотрящие на него со своих экранов люди реагировали на происходящее несколько странно. В их глазах вдруг мелькал веселый и острый интерес, как это бывает на всяком собрании, когда в зале или за окном происходит нечто прямо противоположное тому, о чем говорится в данный момент.

Андрей собрался и продолжил:

— Мне кажется, что наш проект, почти ничего не переделывая, поможет планете несколько улучшить свой характер, свой климат. Подчеркиваю — всего лишь несколько улучшить. Ведь до сих пор все проекты предусматривали коренное изменение климата в сторону повышения температурной кривой. Я считаю, что делать этого не следует. Серьезные и, главное, взрывные по времени преобразования могут привести к катастрофам. Смягчение же климатических зон приведет к разумному перераспределению благ, которые имеет наша мать-земля, но которыми люди по неумению своему еще не пользуются.

Он передохнул, и тут случилось нечто совершенно невозможное в условиях совещания по международному кольцевому традевалу. Постоянная дежурная третьего участка зоны Белого Одиночества отключила его от традевала и появилась на экране телевида. Ее большие голубые глаза казались заплаканными, и голос звучал глухо:

— Андрей Николаевич, вам обычная телеграмма: «Мадрас, 19.22. Я люблю тебя. Я жду тебя. Держись». — Дежурная подняла глаза со склеенными ресницами. — Я желаю вам того же, Андрей Николаевич.

Секунду, а может быть, две Андрей молчал. Мозг как бы разделился на две равные части, и обе действовали самостоятельно. Умиление, даже некоторая доля восторженной слезоточивости — у него зашипали веки — и в то же время необыкновенная собранность и острота внутреннего зрения, почти озарение.

Вероятно, участники совещания заметили его необыкновенное состояние. По проплывающим на экранах лицам пробегали не то чтобы улыбки, а скорее отсветы ласкового интереса, участия. Правда, показалось странным, что взгляд этих людей был направлен несколько в сторону, но Андрей принял это как обычновенную деликатность. Он сумел снова взять себя в руки и продолжить выступление.

— Таким образом, речь идет не о коренном, а о частичном изменении климата, и не всей планеты, а всего лишь Центральной Азии и прилегающих к ней районов. Расчеты, которые мы проводили в своей лаборатории, показали, что в случае осуществления нашего проекта средняя температура Индийского полуострова и прилегающих к нему районов понизится на пять-семь градусов. Наводнения сократятся не менее чем вдвое. Районы засух почти исчезнут. Северные же районы получат повышение температуры на пять-семь, а может быть, и десять градусов. Это позволит отодвинуть границу тайги примерно на двести пятьдесят — триста километров к северу. Но самое главное не в этом. Самое главное в том, что Центральная и Средняя Азия перестанут быть зоной пустынь.

А это, в свою очередь, повлечет за собой возрождение лесов, подъем почвенных вод и многое иное. В конечном счете все эти постепенные, но неизбежные изменения климата позволят этой части света не только прокормить несколько миллиардов людей, но и встретить во всеоружии надвигающееся как неизбежность очередное оледенение. Что же нужно, чтобы осуществить этот проект?

Андрей перевел дыхание и почувствовал, что кто-то тихонько теребит его за рукав.

На подлокотнике кресла сидела белка и, задрав голову, трогала его лапкой. Глаза-бусинки казались грустными и тревожными.

Андрей удивленно взглянул на нее, но понять, что ей от него требуется, не смог. Кольцовка не ждала, да и мысли уже скопились и ждали своего выхода.

— Как это, должно быть, известно многим, наш проект предусматривает расчистку путей для масс воздуха, которые идут на север с Индийского океана. Сейчас эти массы натыкаются на величайшие в мире горные хребты и, в сущности, возвращаются назад, принося приокеанским странам наводнения или засухи. Если же мы проведем необходимые взрывные работы, то в сплошной стене гор можно проделать несколько десятков коридоров, по которым влажные, теплые массы океанского воздуха потекут в иссушенные районы Азии.

Наши расчеты и испытания на моделях различных вариантов показали, что образование таких коридоров не такое уж сложное дело, если, разумеется, брать эту работу не в отрыве от общих задач, а в комплексе. Что мы имеем в виду? Дело в том, что ледники питают многие реки. Их нужно не только сохранить, но и умножить. Для этого в первую очередь следует взрывать не сплошной монолит, а определенную часть вершин и хребтов, которые, обрушившись, создадут дополнительные высокогорные плато, где неизбежно произойдет образование ледников. После сглаживания хребтов можно будет приступить к образованию коридоров.

Для выброса излишних горных пород следует использовать имеющиеся горные ущелья и долины. Естественно, некоторые из них станут вровень с новообразованными плоскогорьями и пополнят площади ледникообразования. По коридорам на север потекут массы влажного, горячего воздуха. Проходя в районах ледников, воздух несколько охладится, и влага в нем начнет концентрироваться. Таким образом, в Среднюю и Центральную Азию океанские массы воздуха поступят уже охлажденными примерно до средних температур этих районов и почти готовые к образованию осадков. Их последующее продвижение на север и встречи с более холодными токами местного и северного воздуха неминуемо приведут к выпадению осадков.

Здесь кроется первое слабое место проекта, из-за которого в свое время он был отклонен. Как вы видите, океанский воздух по этой схеме как бы проскаивает самые засушливые районы и выносит осадки дальше на север. Но наши критики не замечают существенной детали — образования площадей для ледников. А именно они, аккумулируя избытки влаги, в конце концов станут истоками новых рек и, следовательно, дополнительного орошения предгорных и прилегающих к ним районов. Таким образом, на обширных площадях появится возможность навсегда избавиться от безводья.

Второй слабой стороной проекта, как известно, были признаны обратные связи; вторжение арктических масс воздуха в приоceanские страны. В принципе такое вторжение возможно, и оно закономерно вызывает тревогу. Но не забывайте, что арктический воздух, проходя по просторам Азии, прогреется и на юг попадет относительно подогретым. Но он будет холоднее воздуха этих районов, и именно это и позволит ему сконденсировать влагу этих мест и, вызвав дожди в засушливое время года, улучшить общий водный баланс, смягчить климат. Поэтому такое вторжение ничего, кроме пользы, не принесет.

Третим возражением является неизученность последствий такого обмена массами теплого и холодного воздуха. И это тоже справедливо. Даже наши возможности моделирования — прямого и математического — еще не позволяют точно ответить на все вопросы. В самом деле, нам еще неясно, как поведут себя огромные массы воздуха на периферии в связи с тем, что в центре Азии несколько изменится климат. Однако предварительные подсчеты показывают, что существенных изменений климата на периферии района не предвидится. При этом наши критики забывают, что первым этапом осуществления проекта является образование горных плато под будущие ледники. Когда они будут образованы, можно будет с большей точностью просчитать возможности дальнейших изменений.

Четвертое возражение — огромный объем работ и их стоимость. Мне кажется, что это возражение наименее существенное. Взрывчатых материалов сейчас у нас вполне достаточно, они мощны и дешевы. Дополнительной техники создавать не следует, вполне достаточно и той, что есть. Ведь нам нужны всего лишь штольни для закладки взрывчатых веществ. А вот выгода от всего этого может быть колоссальная: вполне вероятны обнаружения полезных ископаемых, добыча которых окупит все работы. И наконец, будущие коридоры — это еще и пути сообщения между севером и югом материка. Даже отбрасывая в сторону наши климатические изыскания, такие коридоры свяжут воедино и наш материк, и почти весь земной шар транспортными артериями. Я имею в виду окончание строительства на Беринговом проливе.

Все материалы, касающиеся этого проекта, заложены в запоминающие устройства и могут быть немедленно воспроизведены. Дополнительных мыслей по этому поводу я, к сожалению, пока не имею. Благодарю за внимание.

Андрей откинулся на спинку кресла и жадно закурил. Белка на подлокотнике фыркнула и перебралась на стол, под самый традевал. По лицам участников кольцовки мелькнула улыбка. Но их взгляды опять прошли мимо Андрея, и он понял, что и в первый раз, когда он только начинал говорить, они смотрели не на него, а на белку.

И тут он сразу понял, что его взволновало, когда он увидел старинную комнату своей лаборатории: на столе у Норы не было цветов. А сколько он ее помнил, на ее столе каждый день стояли свежие цветы...

Сердце почему-то дало перебой, и он невольно взялся за левую сторону груди, но сейчас же оторвал руку: стареть не время. И не место. Просто в самом деле грустно, что с Норой у них ничего не вышло. Он знал — она любила. Или почти любила. А может быть, была готова любить. А если бы не Ашадеви...

Как она вошла в жизнь — сразу, залпом.

У нее была своя жизнь — она готовилась стать учительницей русского языка и поэтому жила в их городе. И познакомились они только потому, что ей захотелось узнать национальную интерпретацию международных терминов.

И он, честно говоря, не интересовался ее работой. Да и кто, в какие времена интересуется работой учителя? Это же само собой разумеющееся...

Теперь ее нет, а есть третий район зоны Белого Одиночества...

— Андрей Николаевич, — резко спросил Кремнинг, — вам не нравятся наши рассуждения?

Сырцов встрепенулся — он и в самом деле не слушал, о чем говорили на кольцовке. Он мягко, примирительно улыбнулся — Нора называла такую улыбку лисичкой — и потянулся рукой к белке.

— Я же сказал, что у меня нет новых мыслей. А то, что говорится, сразу не усвоишь.

Белка чуть отодвинулась и опять ухватилась зубами за рукав. Все так же пищал контакт на традевале, с экрана которого строго глядел Артур Кремнинг. Впервые Андрей как следует рассмотрел белку — ее усики, и крохотные кустистые брови, и блестящий, лакированный нос. Он все время дергался, и иногда казалось, что белка гримасничает. И лапы у нее были маленькие, темные, со светлыми коготками... Стоп. А что у тебя на лапке?

На той самой лапке, которую белка держала на отлете, словно припудривающаяся женщина, надулась большая — для

белки, конечно, — опухоль. Может, в крупную горошину, а может быть, и больше.

Андрей осторожно взял эту лапу пальцами и медленно развернул к экрану традевала — там светлее. Пожалуй, это нарыв. Самый обыкновенный нарыв. Вероятно, белка занозила лапу и не выкусила занозы, а потом легла спать. И во сне началось нагноение. И занозы в таком разе уже не выкусишь.

Впрочем, звери народ сильный. Они сами делают себе операции и зализывают свои раны. А эта... Эта, видно, слишком молода. Она еще боится боли. И она пришла к нему за помощью.

— Коллега, мне кажется, что нарыв нужно вскрыть, — прозвучал голос с традевала.

Ощущение общения с миром было настолько полным, что Андрей даже не поднял головы. Он только кивнул и ответил:

— Да, но чем покрыть взрез...

— Конечно, не бинтом. Обыкновенным антибиотическим пластырем.

Это сказал другой голос, и Андрей понял, что он отнимает время, драгоценнейшее время у людей, собравшихся у традевала. Он поднял взгляд и в проплывающих лицах увидел и интерес и сочувствие, но словно по инерции сказал:

— Извините, пожалуйста... Я отвлекаю вас...

— Что вы, что вы... Мы понимаем...

— Нет, вы действуйте.

— Такое симпатичное существо... (Ну, это, конечно, женский голос.)

Кто-то давал советы, но Андрей не слушал. Он поднял белку, посадил на ладонь и, осторожно придерживая, пошел к аптечке. Достал пинцет, пластырь, жидкость местной анестезии. Как обращаться со всем этим хозяйством, он знал отлично. Жизнь в тайге приучила его справляться с порезами и ушибами без посторонней помощи. Он зажег свет и хотел было приступить к операции, но новый голос с традевала посоветовал:

— Давайте поближе. Я вас проконсультирую.

— Андрей Николаевич, — спокойно предложил Кремнинг. — Может быть, стоило бы отложить ваш уход за домашними животными?

Сырцов посмотрел на его спокойное лицо и ощутил прилив холодного, как кремнинговские глаза, бешенства.

— Понимаете, Артур, это не домашнее животное. Это дикое животное. Оно живет в тайге. А в тайге начинается пурга. И животное, маленькое, беззащитное животное пришло ко мне за помощью! Я покажу вам сейчас, как живет тайга. Посмотрите, и вы поймете, почему ваши возражения, ваши споры — пусть правильные, пусть обоснованные — все-таки не самое главное.

Левой рукой он прижимал белку к груди, а правой включал обзорные телевиды, передавая их информацию в каналы

кольцевых традевалов. И все, кто был занят в кольцовке, и те, кто следил за ней у экранов своих телевизоров, увидели, чем живет в эти минуты тайга.

И первые космы поземки, и мглистые тучи снега над качающимися вершинами, и стада коз, уходящих от ветра и снега в лощинки, и прижавшиеся друг к другу лосиные стада на фермах, и все то огромное, из чего складывалась зона Белого Одиночества в эту страшную в своей ярости весеннюю пургу. Потом он подключил звук, и в миллионах домов завыл ветер, затрещали деревья и, как вопль о спасении, пронесяся далекий, всхлипывающий от ужаса и напряжений вой тундрового волка: он ушел от пурги под защиту деревьев и теперь звал своих отстающих сородичей.

Андрей между тем подошел к традевалу, сел в кресло и помазал беличью лапку анестезирующим раствором, потом вскрыл нарыв и заговорил:

— Вы сидите сейчас в тепле, за вашими окнами весна. У одних капель, у других цветение, третья изнывают от жары. А здесь белое безумие. От него страдают маленькие братья. Глупые и бессловесные. И уж если они поняли, что человек может их защитить и спасти, то я надеюсь, что и вы поймете, как важно то, что мы предлагаем. А мы предлагаем совсем немногое. Всего лишь поделиться тем, чего у каждого в избытке. У нас тут холода, у вас жары. У нас снегов, у вас теплого дождя. Всего-то и требуется отдать другому толику ненужного. А когда мы поделимся, каждому станет немного легче. Вот и все. Если вы поймете это, все остальное всего лишь техника.

Он наложил пластырь на лапку, устроился поудобней в кресле и положил белку на изгиб локтя. Она поворачивалась, несколько раз взглянула на него своими блестящими бусинками и вдруг сладко, по-детски беспомощно зевнула. Андрей погладил ее и сказал:

— Извините эту задержку кольцовки. Но у меня, право же, нет свежих мыслей.

Белка накрылась распушившимся хвостом и стала тихонько посапывать. Это был новый звук в балке. Новый и приятный. Пищал контакт, и сопела уставшая от боли, бессонницы и холода молоденькая белочка. А традевал молчал. На нем проплывали сосредоточенные и потому слегка грустные лица государственных деятелей, их консультантов, ученых, инженеров. И все они смотрели на маленькую, глупую белку, посапывающую на сгибе локтя Сырцова.

— Собственно, коллектив нашего института, — нерешительно сказал бирманец, — в принципе и не возражал. Нас интересует лишь техника... И окончательное направление коридоров. Наши предварительные подсчеты показали, что осуществление проекта позволит нам потеснить джунгли и, следовательно, болота.

Говорили другие, уточняли возможности и трудности, но ни-

кто, ни один человек не протестовал, собственно, против проекта. Кажется, и в самом деле начиналась техника. Но, странно, каждый, говоря и даже споря, смотрел не столько на собеседника или оппонента с экрана, не на Андрея, а на маленькую спящую белку. Она стала членом совещания, его неотъемлемой частью.

* * *

После окончания кольцовки Андрей сидел в кресле и курил, выдувая дым на сторону. Не хотелось двигаться и, кажется, думать. Просто было хорошо. В нем свершалась какая-то незримая и ему самому непонятная деятельность, мешать которой было бы смешно и неразумно. Пусть идет так, как идет. Но тут, как назло, зазвенел телевид.

— Поздравляю вас с успехом, — сказала дежурная. — Теперь вы не задержитесь в наших местах?

— Нет, почему же?.. Распахать поле, засеять его, подышать запахом свежеподнятой земли... Нет, этого я, пожалуй, не уступлю никому.

— Но ведь ваша главная работа... Она же для всех...

— А разве сев не для всех?

— Да, но уровень...

— В конечном счете всякий уровень зависит от того, куда его поднимет работник. Если я вернусь сейчас, я не столько помогу в главном, сколько помешаю: нет мыслей и идей. Так пусть решаются сложные теоретические и дипломатические вопросы. Пусть окончательно договорятся. А тогда... Тогда, вероятно, появятся идеи и у меня. Ведь самые лучшие мысли приходят неожиданно, ассоциативно. И, как правило, во время физической работы. Вы этого не замечали?

— Нет... Мне как-то не приходилось заниматься ею. Я ведь врач...

— Жаль. Тогда вы не используете возможностей Белого Одиночества. Главное в нем — ощущение своей значимости, своей силы в борьбе со... ну, скажем старинным термином — слепыми силами природы. И если вы... Кстати, а почему вы очтились здесь? И почему вас весной не тянет вдаль?

Она помолчала и потупилась.

— Я спрашиваю это по праву человека, секрет которого известен. Но если вы хотите...

— Семь лет я провела в космосе. Сейчас там муж. К нему я не долечу... Быть в космосе не могу: меня стал угнетать его лукающийся мрак.

— Вы очень любите мужа?..

— Да.

— И будете ждать... хоть всю жизнь?

— Да.

Они помолчали, и, когда оба поняли, что думают об одном и том же, женщина сказала:

— Она тоже будет ждать вас.

— Вы уверены?

— Да.

— Может быть, вы передадите телеграмму в Мадрас?

Она задумалась, потирая лоб пальцем с изумрудным ногтем. Потом тряхнула золотистыми волосами.

— Не нужно. Напишите обыкновенное письмо.

— Вы думаете, что она будет ждать?

— Да. Ведь она женщина. У женщины главное — надежда. Если есть надежда, есть вера — она будет ждать.

Он легонько прижал белку. Она поворочалась и вздохнула.

— Ну, вот видите... Значит, я обязан окончить сев... А уж тогда...

Она засмеялась. Впервые за все время их телевидного знакомства.

— Все-таки настоящие мужчины очень похожи друг на друга. Как только они обретают веру, так немедленно отходят от того, в кого верят. Мой такой же: «Если бы я тебе не верил, я не согласился бы на экспедицию».

— Настоящие мужчины бывают только тогда, когда они встречают настоящих женщин.

Андрей сказал это так назидательно, что сам рассмеялся. Она удивленно спросила:

— Чему вы смеетесь?

— Я изрекаю истины.

— Над добрыми истинами не смеются.

— А, полно! Смеяться можно над всем, если... если тебе радостно.

— Ах вот как... Ну что ж... Кончайте сев и занимайтесь земными делами.

— А вы все еще в космосе?

— Да. Пока его нет на Земле, я все еще в космосе.

Они распрощались, но сейчас же включился Борис:

— Старина, ты здорово использовал форсаж.

— Не понимаю...

— Белка сыграла великолепно. Ты ее долго дрессировал?

Что-то в настрое этого вечера нарушилось. Внутренняя деятельность прекратилась. Стало грустно, и Андрей поморщился.

— Значит, и в самом деле... — растерялся Борис.

Андрей пожал плечами.

— Ладно, старина, не сердись. Все равно здорово. Я рад за тебя, — Борис вздохнул, но добавил радостно, правда, несколько неестественно радостно: — А мы с Эстой решили возвращаться.

— Сеять не хочется?

— Оно бы... Но, понимаешь, Эста... Ну, словом.. в городе это как-то легче... спокойней. Да и мне уж хочется настоящих

рейсов. А то родится наследник, а батя потерял профессию.

— Ну ты даешь, — засмеялся Андрей, и все, что было хорошего и важного в этот вечер, стало возвращаться и становиться на свои места. Даже нарушенная было внутренняя деятельность опять возобновилась. — Доволен?

Борис яростно поворошил свои густые, иссиня-черные волосы.

— Не то слово. Обалдеваю...

— Давай-давай. Дом закроете?

— Что ты!.. Столько желающих. Сегодня мы связались, по крайней мере, с полусотней пар. Одна нам понравилась. Какая-то Нора с мужем. Так и рвутся сюда.

— Она, эта Нора, какая из себя?

— Красивая. Чуть хуже Эсты. Такая, знаешь... шатенка. Строгий взгляд — наверно, математик или инженер. Ну, только сильна! А муж у нее веселый парень — сразу предложил сыграть партию в шахматы.

Андрей помолчал. Кажется, это и в самом деле Нора. Вот почему на ее столике не было цветов. Она ушла от цветов. Она решила уйти в зону Белого Оиночества, чтоб раз и навсегда разорвать с прошлым и с ним. Ну что ж... Она права — ждать его бесполезно. У него есть одна мечта — далекая Индия. А жизнь идет.

Все было правильно. Все логично. И все-таки грустно. Он вздохнул.

— Слушай, Борис, я тоже хочу быть веселым парнем. Сыграем партийку?

— А что? Все равно эта чертова пурга не даст ничего делать. Прошлый раз, помнится, ты играл белыми?

Они играли в шахматы, курили и растянуто обсуждали события дня.

— Ты явно тянешь на ничью, — сказал Борис, делая ход ладьей.

— Молодых, начинающих отцов нужно беречь.

— А ты что ж?

— Вот я и показываю пример, как нужно будет обращаться со мной в будущем. В свой срок.

Они рассмеялись, и Борис потянулся так, что хрустнули кости.

— А мне и в самом деле хочется перегрузок, полетов и вообще всяческой чертовщины. Ну, давай спать?

— Давай, старина. Спокойной ночи.

Андрей выключил аппарат, проверил, как чувствуют себя лоси, и начал устраивать постель белке. Но потом раздумал — просто сделал вмятину на второй подушке, положил белку и прикрыл ее своим шарфом. Несколько минут он слушал, как она посапывает под ухом, потянулся, как это сделал Борис, и вскоре уснул.

ЛАБИРИНТ

Мы стояли у вывешенных списков и не верили своим глазам: вся наша пятерка зачислена на подготовительный курс Института космонавтики!

— Вот так, ребятки! Я же говорил, со мной не пропадете! — сказал Володя Мовшович, наш признанный лидер. Будучи на год старше, он уже имел опыт поступления в институт: это была вторая его попытка. — Хорошо подобранная пятерка всегда предпочтительнее кустарей-одиночек.

— Володя, а что такое лабиринт? — спросил Саша, задумчиво хлопая своими длинными ресницами.

Признаться, Сашку подобрал я. Меня всегда тянуло к таким вот незащищенным, не от мира сего личностям. Из них, наверное, во все времена получались хорошие педагоги или поэты, потому что никто, кроме них, не способен удивляться самим простым вещам.

Хотя первый тур конкурса каждый проходил, надеясь только на свои способности, готовиться вдвоем было удобнее, и мы с Володей Мовшовичем быстро нашли друг друга. Володя был высок, сухощав, с большими глазами навыкате. Он знал в принципе все задачи конкурса, и его советы, а главное, организованность очень помогали мне при моей расхлябанности. Тут же к нам присоединился Смолин. Мы сидели с Володей на садовой скамейке, перебирая возможные варианты задач предстоящего испытания. Смолин остановился, послушал и понял, что один из нас опытный кормчий в этом бурном море конкурсной лихорадки. Потом вставил словечко. Мовшович смерил его взглядом и, поскольку Сева не отличался завидным ростом, довольно убедительно выразил мысль, что некоторые еще не доросли до понимания этого вопроса. Но Смолин, видимо, привык к таким комплиментам и к тому же не хотел упустить важное для него знакомство.

— Командор, разведчику необязательно иметь большой рост. Достаточно, если у него острый глаз и аналитический ум. Кто знает, может, и вашему экипажу понадобится разведчик?

Обращение «командор» сразило Володю наповал, и он мило斯иво разрешил присутствовать при нашем разговоре.

Четвертым был Серега Самойлов. Это был атлет с широкой грудной клеткой и могучими бицепсами. Его где-то подцепил

Сева, который по совету командора присматривался к абитуриентам, успешно проходящим испытания. Спокойный, уравновешенный, он сразу пришелся по душе каждому из нас.

Мы все сравнительно легко одолели первый тур конкурсных испытаний. По условиям второй тур абитуриенты должны были пройти в составе экипажа из пяти человек, который подбирался самими участниками. Поскольку у нас стараниями Володи заранее сложилась дружная четверка и оставалось подобрать лишь одного достойного кандидата, мы сначала привередничали, считая, что нашему экипажу подойдет далеко не каждый. Пока мы глубокомысленно изучали этот вопрос, всех хороших ребят расхватали. Пришлось выбирать из последнего десятка. Когда я подвел Сашку к командору, тот лишь презрительно хмыкнул:

— Задумчивым кенгуру нечего делать в космосе!

— Это вы мне? Я, понимаете, не набиваюсь, — покраснел от обиды Саша.

Краснел он удивительно. Сначала у него вспыхивали уши, потом волна покраснения распространялась на щеки, и, наконец, красное смещение, или эффект Доплера, как выразился наш остряк Сева Смолин, захватывало шею.

— Брось, командор! У меня интуиция. Он нам пригодится.

Я проговорил это вполне убедительно, хотя мной руководила не столько интуиция, сколько антипатия к другим кандидатам. Правда, была еще Майка, но командор с самого начала решительно высказался против девчонок.

Саша, надо сказать, действительно выручил нас. Среди множества испытаний и тестов самым сложным для нашей команды оказался реохорд. Это нехитрое приспособление, когда за него усаживалось сразу пять человек, вело себя подобно неуправляемой плазме, грозящей в любой момент вырваться из своего магнитного заточения. Горит время, искрят нервные клетки, и никто не представляет, как управиться с этой стихией. Нас не знакомили с устройством прибора, но понять его принцип несложно: каждый реохорд, укрепленный на столике, отгороженном от посторонних взглядов пластиковыми щитами, снабжен вольтметром и соединен с другими в одну цепь. Задача — выгнать стрелку своего вольтметра на нуль. Каждый участник испытаний гоняет рукоятку реохорда по своему разумению то вправо, то влево, меняя сопротивление в общей цепи и тем самым нарушая равновесие всей системы. Стрелки скачут как ужаленные и, кажется, готовы выпрыгнуть наружу и помчаться сами по себе...

Не знаю, кто из нас первый понял, что не следует спешить с реакцией на информацию, но постепенно стрелки успокаивались и вдруг повели у всех в одну сторону. Оставалось не торопясь подогнать их к нулю. Естественно, во время испытаний мы не могли знать, что Сашка, чтобы вывести нас из ту-

пика противоборства, загнал на своем реохорде рукоятку вправо до отказа и тем самым вызвал согласованное движение нашей команды в противоположную сторону. Кроме сэкономленного времени, нам достались призовые очки за оригинальность решения. Командор, узнав об этом, хлопнул меня по плечу.

— Соображаешь, кого брать в команду! С призовыми очками можно кое на что надеяться!

И мы надеялись. Может быть, не все испытания второго тура команда прошла с блеском, но результат, как говорится, налицо: из сорока команд только семь сохранили свой экипаж без потерь, в том числе и наша. Из остальных отселялось по два-три человека. От избытка счастья мы тискали друг друга, заглядывали в списки, убеждаясь, что наши фамилии не испарились, и снова излучали радость, не обратив внимания на те несколько строк приказа, которые предваряли эти списки. Именно тогда Сашка, наш задумчивый кенгуру, и задал свой вопрос, спустив нас с небес:

— Володя, а что такое лабиринт?

Командор в недоумении оглядел Сашку с головы до ног.

— Ты о чем?

У Сашки началось Доплерово смещение, и он неуверенно ткнул в верхние строчки.

— Вот здесь сказано: «Зачислить до прохождения лабиринта...»

Четыре пары встревоженных глаз уставились на командора.

— Не знаю, ребята, — развел руками Мовшович. — Я тогда расстроился, сами понимаете... и не узнал, что было потом... Как-то не обратил внимания...

— Эх ты! — сказал Серега с сожалением. — Раз собирались повторно, надо было разведать все до конца.

Здесь подошла Майка и перебила нашу весьма содержательную беседу...

— Экипажу Мовшовича наш космический!

— Ты тоже прошла, Майя, — вставил я словечко. Почему-то мне приятно было первому сообщить ей об этом.

— Спасибо, Миша. Я знаю, — она откинула рукой прядь льняных волос и приязненно осветила меня своими огромными синими глазами, честно. Я как-то с общей школы побаиваюсь красивых девчонок. В них есть что-то завораживающее. Гипноз, что ли? Я не люблю, когда меня гипнотизируют, и сопротивляюсь всеми фибрами... А вот с Майкой ничего, хотя она покрасивее наших девчонок. Мы с ней познакомились в монорельсе, еще когда добирались сюда. Я в Москву попал с опозданием, еле поспел к отходу монорельса, минут пять оставалось. Выбегаю на перрон... Смотрю, стоит девчонка, такая растерянная, чуть не плачет. В одной руке серый, видимо, еще дедовский, чемодан; в другой — портфель, под мышкой учебники, и еще две книжки валяются у ног. Поднял, смотрю: «Вари-

ции полетного веса при субсветовом разгоне». Вещь чисто теоретическая... Зачем это нужно ей? Сразу сообразил, что она тоже в Институт космонавтики. Схватил ее тяжеленный чемодан и втолкнул в первый попавшийся вагон. Только заскочили, двери захлопнулись. Ну, мы с ней до самого городка проболтали. Когда с ней говоришь, забываешь, что она красавая и даже что девчонка... Бывает же так... Я все отвлекаюсь от основной мысли. Ну вот. Посмотрела она на меня и говорит:

— Ох, ребята! Завидую я вам. Вы, можно сказать, у цели.

— Но ведь и ты прошла, хотя твои коллеги...

Сева сложил губы трубочкой и выразительно свистнул.

— Вот именно, — Майка тряхнула головой, откидывая назад непокорные волосы. — Одна из всей пятерки. Теперь в какую еще попадешь... Да и ненадежны они, эти вновь образованные пятерки. Говорят, что те экипажи, которые прошли второй тур без потерь, выбираются из лабиринта, а из новых половина вязнет.

— Май, ты хоть объясни толком, что за лабиринт такой? — попросил я.

— Вы что, мальчики, темные? Лабиринт и есть лабиринт. Подземелье с сетью разветвленных и запутанных ходов. Если экипаж пройдет и не растеряет своих людей по дороге, значит, все. Его зачисляют окончательно...

Прошло около месяца с того разговора. Начались занятия. Больше беллетристики, психологии. Нас заставляли моделировать условия необычных планет и искать решения задач в этих условиях, гоняли на центрифугах, определяя пределы наших физических возможностей, словом, вели подготовительную работу. Однажды утром наш наставник предупредил:

— Рекомендую сегодня позавтракать как следует. Пойдете в лабиринт.

— Это что, долго? — спросил Саша. — К обеду успеем?

— Было бы удивительно, если бы вы успели к ужину, — усмехнулся наставник. — Контрольный срок выхода из лабиринта — трое суток. Не уложитесь — считайте, что вам не повезло. Лабиринт — высшая приемная инстанция. Кто не проходит лабиринта, отчисляется из института без права поступления...

Сева присвистнул:

— Даже так! Ну а если один вышел, а команда осталась?

— Всех, кто прошел лабиринт, как правило, зачисляют.

— Это как же? Трое суток бродить голодными? — забеспокоился Серега, который, хотя и отличался завидным здоровьем и силой, вечно бегал в буфет подкрепляться.

— Вам выдадут суточный запас.

— Почему суточный?

— Не слишком ли много вопросов, курсант? — наставник иронически сощурился. — Вы полагаете, что Институт космо-

навтики должен готовить неженок? Учите, здесь требования повышенной жесткости.

Полный инструктаж получаем в проходной. Здесь командуют старшекурсники. Каждому вручается индивидуальный рюкзак: здесь суточный рацион, аптечка, термос на полтора литра воды и... аппарат автономного дыхания с запасом кислорода на час.

— Это еще зачем? — не выдержал Мовшович.

— Все, что вам дают, необходимо для прохождения лабиринта, — ответственно заявляет старшекурсник и добавляет строго: — Всем подогнать заплечные ремни.

Знаем мы эту строгость! Сам небось в душе посмеивается над простачками, которые будут таскать на себе эту ненужную рухлядь, но ничего не поделаешь... Сидим ждем своей очереди. Пускают с получасовым интервалом, чтобы не собирались большими группами, как объяснили на инструктаже. Через стеклянную перегородку видно, как заходит следующая пятерка. Среди них, кажется, Майка, но рассмотреть не успевала.

— Часы есть у всех?

Высокий блондин пытливо оглядывает нас, зажав в крупном кулаке не то ремешки с часами, не то еще что-то.

— Есть, — отвечаю за всех, потому что блондин смотрит сейчас именно на меня. Как они все-таки все серьезны, будто врачи перед трудной операцией. Даже под ложечкой засосало...

— Выкладывайте!

Он разжимает свой кулачище, и на столе возникает кучка ремешков с маленькими квадратными компасами.

— Надевайте это. Часы получите после прохождения. Ни в коем случае не снимайте приборы с руки. Они являются судьями на дистанции и свидетелями вашего прохождения. На стрелку не обращайте внимания. Она не покажет вам ни направления, ни расстояния, ни времени... При выходе без прибора или с неисправным прибором прохождение не засчитывается.

На обратной стороне ремешка полированные пластинки, скорее всего какие-то контакты. Едва надеваю прибор на руку, как шкала засветилась. Стрелка слегка отклонилась. Смотрим друг другу на руки: отклонения у всех разные, хотя и небольшие. Блондин собирает наши часы со стола. На моих без пяти одиннадцать. Значит, через пять минут...

— Все ясно?

— Можно вопрос?

Это командор Володя Мовшович. Лишняя деталь прохождению не повредит.

— Прохождение обязательно полной группой или допускаются потери?

— Это все на ваше усмотрение. Можно проходить и в одиночку, но группой легче.

— Время одиннадцать часов. Начинает прохождение экипаж Мовшовича, — прозвучал голос диспетчера.

Узкий туннель уводил все ниже и ниже и закончился крутыми ступенями винтовой лестницы. Отсюда три коридора, разделенные тонкими переборками, вели в одном направлении, и один под прямым углом уходил в сторону.

— Принцип выхода из любого лабиринта — держаться одной стенки, — выпалил Сашка и покраснел от собственной смелости. — Раз пошли влево, надо теперь держаться левой стороны.

— Этот вариант как раз и рассчитан на трое суток, пока не обойдешь весь лабиринт. Что скажешь, интуиция?

Командор любил навешивать на всех ярлыки. В сложных случаях, когда, казалось, испробованы все ходы задачи, я интуитивно нащупывал решение, и ребята уже привыкли полагаться на это мое качество.

Я пожал плечами:

— Моя интуиция молчит.

— Ладно, тогда пошли в первый правый, — скомандовал Мовшович и двинулся по коридору. За ним последовали Сева Смолин и Серега Самойлов. Мы с Сашкой замыкали группу. Других построений ширина коридора не позволяла. Если бы нам навстречу попалась другая группа, одной из команд пришлось бы прижиматься к стенке, чтобы разминуться.

Командор придерживался принципа левой стенки, и мы неизменно поворачивали в левое ответвление, а так как Мовшович постепенно прибавлял шагу, то мы, прилагаясь к его темпу, скоро потеряли счет разветвлениям. В общем это были сплошные коридоры с однообразными светильниками, установленными по обе стороны через равные промежутки. Ходы лабиринта то вытягивались длинными прямыми коридорами, то змелись зигзагами, иногда открывая новое ответвление. Возле одного из таких разветвлений командор остановился.

— Может, нарушим разок правило? Пойдем по правому ходу.

— Стоит ли? — засомневался Сева.

— Тогда проголосуем, — решил Мовшович и поднял руку.

Мне тоже не хотелось идти в левое ответвление, и я поддержал его, но мы оказались в меньшинстве.

— Ну что ж, — нехотя согласился он. — Пойдем посмотрим, куда кривая выведет.

Кривая закончилась через несколько поворотов тупиком с небольшим круглым залом. При желании здесь могли разместиться на отдыхе не больше десяти человек.

— Так, — без всякого воодушевления оглядел зал коман-

дор. — На сегодня демократии хватит. Интуиция, пойдешь рядом со мной.

Нам пришлось вернуться, и мы снова двинулись вдоль левой стены, пока ход не вывел нас на площадку, с которой мы начали свое путешествие.

— Приехали, — хмыкнул Сева. — Пойдем по второму кругу.

— Вертушка, — прокомментировал Саша. — В хороших лабиринтах их всегда достаточное количество.

— Помолчи, ты, знаток лабиринтов, — сердито сказал Мовшович. — Это по твоей милости мы отбарабанили такой круг. В лабиринте надо искать выход, а не принцип! Пошли!

Командор, не раздумывая, ринулся в самый правый ход. Мы еле поспевали за ним. Теперь он ни с кем не советовался. Попав в тупик, Володя круто поворачивал и снова шагал впереди уверенно и ритмично, словно робот. Полтора часа гонки — и мы снова на той же площадке.

— Отдыхаем, — Володя привычно поднес к глазам руку, чтобы взглянуть на часы. — Черт! Даже времени не знаешь! Ладно, отдыхаем на совесть, но долго засиживаться нельзя.

— Залеживаться можно, — скинув рюкзак и блаженно вытягиваясь во весь рост на полу, заметил Сева.

— Надо, пожалуй, и подкрепиться заодно, — предложил Серега.

— Пожуй галетку, раз не терпится, — усмехнулся Мовшович. — Рекомендую всем не трогать рациона до конца дня. Поужинаем перед сном.

Отдыхали примерно с полчаса, и снова потянулись бесконечные зигзаги... В тот день мы все же обошли все закоулки левого крыла лабиринта и, поднявшись по лестнице, перешли к прямому ходу. Здесь, уткнувшись в первом левом ответвлении в тупик, мы завалились спать. Самое любопытное, что за весь день мы не столкнулись ни с одной группой, хотя на прохождение были направлены пятнадцать команд. Только один раз вроде донеслись голоса и послышались шаги...

К вечеру второго дня наши биологические часы в один голос потребовали сытного обеда и сна. На Серегу Самойлова жалко было смотреть. Видимо, его организм отличался особой способностью сжигать поступающие калории, и если наши ноги отказывались повиноваться, то о нем и говорить не приходилось. Не знаю, на чем держался Мовшович, но он один сохранил силы и еще пытался уговорить нас, но, как оказалось, совершенно напрасно.

— Это все ты, кенгуру, со своим дурацким принципом, — сказал он с раздражением, злясь на то, что время неумолимо отсчитывает секунды, а мы как будто не замечаем этого и, может быть, мысленно уже примирились с поражением. — Этот лабиринт не обойдешь весь и за пять дней. Надо было больше полагаться на здравый смысл и интуицию!

— Да-а, ты все время нарушал э-этот при-инцип! — вдруг начал заикаться Сашка.

— Как это нарушал? Мы последовательно проверяли все проходы слева направо!

— А надо не проходы! Надо держаться левой стены.

— И куда бы она тебя привела? Прямо к выходу? Поступить и попроситься — выпустите нас, мы не туда попали?

— Зачем же к выходу? Надо, если уж вышли с первого раза с левого хода, миновать центральную площадку и продолжать держаться левой стены.

— И тогда бы мы попали в правое крыло лабиринта, где кто-то побывал до нас и убедился, что там делать нечего!

— А ты уверен, что они не допустили ошибки?

— Пошел, ты, умник! Все! Отдых кончился!

Командор поднялся и обвел нас сердитым взглядом.

— Ну!

Самойлов, выдержавший, к нашему удивлению, дневную голодовку и даже не прикоснувшись к выданным продуктам, жалко улыбнулся.

— Володенька, я не говорю о сне, но надо хотя бы пообедать!

Командор позеленел. Он схватил свой рюкзак и вытряхнул перед Серегой весь свой оставшийся рацион.

— На! Жри! Ненасытная прорва! Из-за таких слюнтяев и я могу провалиться в этом чертовом лабиринте!

Мы все окаменели, только Саша, этот задумчивый кенгуру, поднялся и, спокойно собрав с пола консервные банки и пакеты, сложил их в рюкзак, завязал его и протянул командору.

— Иди один. Да, мы слабее тебя и можем не выдержать испытания... Зачем тебе страдать из-за нас?

— Иди, командор. После всего, что здесь произошло, нам не очень хочется тебя видеть, — подтвердил Сева.

— Пойдем, интуиция! Вдвоем мы пробьемся.

— Нет, Володя. Будь что будет, но я не могу оставить ребят.

— По-твоему, я вас бросаю?

— Ты совсем другое дело. Ты сильнее и пробьешься в одиночку.

Мовшович засинул за спину рюкзак и скрылся в проходе.

— Вот теперь можно спокойно пообедать, — улыбнулся Сева.

— И поспать, — добавил Серега. — Знаете, ребята, я как-то здорово сдал. Мне, наверное, следует остаться здесь и терпеливо ждать конца третьих суток.

— Не глупи, — заявил Сашка. — Нам с самого начала нечего было устраивать эту гонку. Силы надо расходовать равномерно. Да и работать нужно не только ногами, но и голо-

вой, а нам остановиться некогда было, не то что поразмыслить! Ты, конечно, сам виноват. Надо было развивать не столько силу, сколько выносливость. У меня товарищ... Он штангой занимался. Выкладывался до предела. Тот тоже. Вовремя не поест и становится слабей цыпленка. Так и у тебя. Давайте, действительно, пообедаем, поспим и тогда будем решать, что делать дальше.

Проснувшись, Серега заглянул в свой рюкзак, прикидывая, чем из остатков рациона можно подкрепиться, чтобы из-за своей слабости не задерживать нас, и обнаружил лишнюю банку концентрированного молока.

— Ребята! Это нечестно! Что это вы еще выдумали! Принавайтесь, кто?

— Ну я, — спокойно откликнулся Сашка. — Тебе позавтракать надо. Иначе не потянемся. А я могу. Мне надо меньше, и я выносливый. Попил водички...

Он потряс термос и ощутил легкий толчок жидкости на самом донышке.

— Ребята, а ведь воду тоже, наверное, надо экономить? — произнес он растерянно.

— Давайте по одной банке молока на двоих. Это заменит нам и завтрак и воду, — предложил Сева.

Предложение одобрили. Серега аккуратно проколол в банках по две дырки.

— Удобно и гигиенично, — провозгласил он. — Каждый прикладывается к своей, персональной дырке!

Эта персональная дырка почему-то привела всех в шутливое настроение. Сашка предложил организовать клуб под таким названием.

— Звучит, — смакуя новое словосочетание, сказал Сева. — Особенно если она окажется «черной дырой».

— Вылетим мы с ней в надпространство.

— Зачем же в надпространство? Просто вылетим!

Это напоминание о возможном конце нашего блуждания по лабиринту отрезвило, но только на мгновение.

— По-моему, нам пора, — озабоченно, но явно невпопад сказал Серега.

Взрыв хохота потряс лабиринт, и, если где-нибудь поблизости спала другая группа, она непременно должна была проснуться, несмотря на то, что стены лабиринта оказались покрытыми мягким звукопоглощающим пластиком. Вдоволь посмеявшись, мы собрали свои пожитки и двинулись до ближайшей развилики. Честно говоря, мне надоело это блуждание, кроме того, оно мне казалось бессмысленным, и я поспешил высказаться:

— Командор прав. В центральной части лабиринта выхода нет. Это действительно примитивно.

— Ты в этом уверен?

— Интуиция...

— Но ведь левый ход мы исследовали полностью!

— Зато даже не попытались сунуться в правый!

— Но ведь там ребята написали...

— Во-первых, не написали, а нацарапали, — я возражал больше для порядка, чем из желания спорить, — а во-вторых, и тут уже прав Саша, ты гарантируешь, что эти самые доброжелатели не ошиблись?

Сева даже не посчитал нужным возразить на такие шаткие доводы. Я понимал, что он прав, иначе зачем этим ребятам нужно было царапать стены. И тут меня осенило!

— Какие же мы осли!

— Говори о себе в единственном числе, — съязвил Смолин.

— Брось, Севочка. Мы же здесь все свои, — миролюбиво заметил Сашка.

— Спасибо, удержил. Сам, однако, предпочитаешь скрываться под вывеской кенгуру. Удобнее, правда?

— Трепачи! — безнадежным голосом произнес Серега. — У человека один раз в жизни проблеснуло, а вы не даете ему высказаться.

— Эпидемия какая-то! — оторопел Сева от такого бесцеремонного вторжения в сферы, где он привык считать себя недосыгаемым. — Можно подумать, что все окончили школу злословия с английским уклоном. Ну давай, пророк! Что ты там надумал? Или тоже горишь желанием присоединиться к этому непрофессиональному балагану?

Я мотнул головой, отвергая беспочвенные обвинения, и в отместку решил устроить ему экзамен на сообразительность.

— Саша, у меня к тебе один вопрос. Почему, убедившись в бесплодности левого хода, ты не оповестил об этом идущую вслед публику?

Саша задумчиво выпятил губу и вдруг заулыбался.

— Миша! Это дивная и весьма логичная мысль. Поздравляю!

Мы с чувством пожали друг другу руки. Серега посмотрел на нас с подозрением. Смолин напряг все свои мыслительные способности, но ничего не придумал и сдался, скрывая свою досаду за ширмой вычурной остроты.

— Может, вы объясните нам, непосвященным, как поймать дюжину чертей, сидящих на острие иголки?

— Почему ты не нацарапал: «Не ходи налево», когда убедился, что там делать нечего? — приступил к перекрестному допросу Саша.

— Это нечестно! — горячо возразил Сева.

— А ты?

— Неудобно как-то. — Серега кашлянул в кулак. — Портить стены...

— Выходит, вы одни такие, хорошо воспитанные, а другие могут! На нашу простоту и рассчитана ловушка!

— Ты думаешь, они сами?

— Еще как! До чего же тонко придумано! Отвлекающий маневр, чтобы все ходы обошли. Теперь самое главное — быстро выбраться отсюда.

Но как мы ни старались, центральный ход не выпускал нас из своих объятий. После долгих блужданий мы снова попали в тупик, хотя и несколько необычный. Он заканчивался не круглым залом. Просто коридор срезался стеной, неподалеку от которой кто-то лежал на полу в таком же сером, как у нас, комбинезоне. Мы подошли поближе, и я узнал льняные волосы Майки. Она лежала ничком и, похоже, даже не дышала.

— Может, обморок? — предположил Серега.

У меня все похолодело. Я опустился перед ней на колени и осторожно протянул руку. Стоило дотронуться, как она тут же встрепенулась.

— Привет, мальчики! Так я и знала, что на меня кто-нибудь наткнется. Скучно бродить одной! А где ваш командор?

Мы объяснили.

— Не беда, — отмахнулась Майка. — Он еще приползет к вам на коленях и будет просить принять в рядовые. Э! Э! Ты куда? Там рассеиватель!

Это она Севе, который из любопытства решил обследовать необычный тупичок, но, услышав ее предупреждающий окрик, поспешно ретировался.

— Это что еще за зверь? Мы с ним не встречались.

— Оно и видно. Иначе вам бы уже вместе не собраться! Нас вот занесло. Пока размышляли, отдыхать или идти обратно, вдруг выдвинулась переборка и разделила нас на одиночные камеры. Потом пол ушел под ногами, и я очутилась здесь, а мои коллеги, как я понимаю, на другом этаже.

Серега, которого Майка слегка подкормила, приобрел вполне цветущий вид. Рано или поздно все имеет свой конец. Один из переходов вывел нас к лестнице, и мы поднялись на площадку, с которой начинали исследование лабиринта. Честно, когда мы оказались перед правым входом, уверенность в правильности моей гипотезы заметно поубавилась. Мы сосредоточенно изучали нацарапанные буквы, пытаясь по начертаниям определить их истинное назначение, но не смогли найти в них ничего подозрительного...

— А у нас такая надпись была перед левым входом, — удивилась Майя.

— И вы сразу пошли направо?

— Естественно...

— До чего же стереотипно человеческое мышление, — облегченно вздохнул Сашка и, как бы принимая на себя ответствен-

ность, шагнул в правое ответвление. Опустившись по ступенькам вниз, он остановился у развилки.

— Ну, Миша, ты у нас везучий. Мы потеряли много времени, чтобы использовать правило одной стенки. Иди вперед и сворачивай туда, куда тебе подскажет интуиция.

И я пошел. Это было как полет в невесомости. Часа два мы шли без передышки и ни разу не нарывались на тупик или замкнутое кольцо, которое бы откидывало нас на исходные рубежи. Когда наступил предел нашим силам, решили сделать привал. Остановились у развилки. Сева, который давно уже мечтал о тучке, тотчас рванулся направо. Минут через десять он вернулся совершенно преображеный.

— Ребята! Там выход!

Мы только разложили остатки провизии, собираясь прикончить ее перед последним, как нам показалось, рывком, но, забыв про еду и усталость, повскакивали и помчались за ним следом.

Это было волнующее зрелище: широкая поляна, освещенная солнцем, белые березки и свежий, некондиционированный воздух!

— Ну вот и вышли, — улыбнулся Серега. — А я думал, не выдержу! Было бы обидно, хотя я уже понял, что в исследователи космоса не гожусь.

— Ребята! Выход ложный! — заявил Сашка.

— Брось ты! Вот тут написано: «Для вызова транспорта снять с руки личный знак», — горячо возразил Смолин.

— Ты уж дочитывай до конца! «Дверь задраить». То есть капитулировать! Я думаю, что у основного выхода нас должны встречать.

— С музыкой и цветами! — не удержался от иронии Сева.

— И потом, — не обратив ни малейшего внимания на его язвительную реплику, гнул свое Саша. — Мы не использовали еще автономный дыхательный аппарат. Уверен, что на главном выходе он нам понадобится.

В его суждении были логика и здравый смысл, и я немедленно принял его сторону, но убедить Смолина оказалось непросто. Пока мы изощрялись в логике, Серега вернулся к развилке и забрал свое снаряжение. В пылу полемического задора мы не заметили его ухода и готовы были охрипнуть, но отстоять свою точку зрения, если бы Сергей не охладил наш пыл. Он протянул нашему основному оппоненту руку.

— Ты чего? — оторопел Сева.

— Все, ребята. Я ухожу. Не хочу быть обузой. Спасибо, но пора и честь знать. Тем более все решено.

С этими словами он снял со своей руки личный прибор. Освещавший стрелку и циферблatt огонек погас.

— Давайте прощаться, пока не прибыл транспорт.

Обедали в грустном молчании. Оставленные им остатки своего рациона как-то по-особому тронули нас.

— Все-таки зря он так, — вздохнул Сева. — Космонавт из него бы получился.

— Не думаю, — Сашка бережно вытряхнул на ладонь осколки галет, отправил их в рот и, запив глотком воды, продолжал: — В детстве я читал рассказ... Еще о тех временах, когда существовала нетронутая, первозданная тайга в Якутии. Там описывается, как отряд геологов открыл первые алмазы, но у них перевернулась лодка и осталось мало провизии. И вот самые слабые уходили, чтобы их товарищам хватило пищи и они могли доставить открытие. Хороший рассказ, но, я думаю, слабым надо уходить вовремя. Еще до выбора профессии...

Может, на меня подействовал уход Сереги, может, рассказ Сашки, только моя интуиция иссякла, и мы попадали из одной карусели в другую. Перед каждой новой попыткой Сашка смотрел на меня грустными усталыми глазами и просил:

— Миша, ну сосредоточься, пожалуйста!

Я сосредоточивался, но былой уверенности не было, и при очередной попытке мы попали в тупик.

— Передохнем, — сказал Сашка.

— Мальчики, можно, я немного подремлю? — робко попросила Майка. — Я сегодня мало спала.

— Давай, — разрешил Сева. — Миша, тебе бы тоже не мешало. Что-то твой компас забарахлил.

Я прилег на бок и мгновенно уснул. Для меня вообще сон лучшее средство от всех болезней. И что интересно, чем хуже я себя чувствую, тем больше сплю. Но когда нужно, я могу проснуться в любое время, хоть на часы не смотри! На этот раз я приказал себе спать, пока не отдохну, и все-таки проснулся первым. Мне показалось, что послышался шорох, и я открыл глаза... А может быть, действительно кто-нибудь пошевелился. Оглядев безмятежные лица своих друзей, я с минуту колебался: будить или не будить. Это была четвертая ночь по нашим биологическим часам. Все шансы выбраться из лабиринта в срок утеряны, и, вероятно, следовало дать всем возможность отдохнуть как следует, но, не знаю почему, в нас жила уверенность, что мы еще можем дотянуть до выхода в последнюю минуту, и эта уверенность пересилила жалость. Едва я тронул Сашу за плечо, он сел и, поморгав глазами, потянулся за ногу Севу. Тот невнятно замычал и, дрыгнув ногой, подтянул ее к животу. Пришлое применить более действенное средство: слегка пlesнуть на лицо вовички.

— Ну чего вы? — недовольно заворчал он и открыл глаза. Созерцание круглого зала взбодрило его. Он потянулся, отгоняя сон.

— Немного недобрал. Зато мне снилось домашнее жаркое с маринованными огурчиками.

Напоминание о еде было некстати. У меня рот наполнился слюной.

— Попей водички, раз поел солененького, — посоветовал я и, подавая пример, сам потянулся за термосом.

Наглотавшись воды и сбив ощущение голода, я подошел к Майе. Она спала, подложив ладошку под щеку, и смешно посыпала носом. Не знаю почему, но меня именно эта деталь окончательно примирila с ее внешностью и, пожалуй, сблизила, что ли... Я наклонился к ней и тихо сказал:

— Маечка, вставай!

Она открыла глаза и улыбнулась.

— Ой, как хорошо я поспала!

Майя протянула мне руки, и я помог ей подняться.

— Пора, ребята, — напомнил Сашка.

Было и в самом деле пора. Я поднял полупустой рюкзак Майи, она продела руки сквозь ремни и на секунду задержала на мне взгляд. Могу поклясться, что не одну благодарность за внимание выражали ее большие синие глаза. Нет, эта синева завораживала, и я поторопился занять свое место впереди группы. На первом же тройном разветвлении я свернул уверенно налево, и через несколько минут мы оказались в прямоугольном зале. Половину его занимал бассейн, но ни одного выхода из зала не оказалось.

— Переспал, — хмыкнул Сева.

Саша посмотрел на меня вопросительно, и я буквально увидел, как тень недоверия начала проявляться на его лице.

— Мальчики, надо обследовать бассейн, — предложила Майя.

Лицо Саши прояснилось, теперь он с интересом поглядел на Севу, и тот поспешно, пожалуй, даже слишком поспешно стал вытаскивать из рюкзака автономный дыхательный аппарат. Загерметизировав костюм, он надел маску и погрузился в бассейн. Минуты через две он вынырнул в левом углу и, махнув нам рукой, снова погрузился под воду. Не теряя времени, мы быстро приладили аппараты и друг за другом попрыгали в бассейн...

В воде было сумеречно, в левом углу темнел сводчатый туннель. Подплыл Сева и, кивнув головой в сторону входа, занял положение ведущего. Туннель был узкий, плыть можно было только по одному, друг за дружкой. Становилось все темнее, только впереди вспыхивали какие-то красные отблески. Ближе к выходу красноватые вспышки становились ярче. Выбравшись из туннеля и вынырнув на поверхность, мы увидели такой же зал, на длинной стене которого вспыхивало красное табло: «Опасно! Дыхательные маски не снимать!» Оно высвечивало три темных выхода...

Меня прямо потянуло к выходу с правой стороны, но коридор был абсолютно темен, и, едва мы завернули за угол, пришлось

пробираться на ощупь. Правой рукой я касался стены и продвигался довольно свободно, все время отрываясь от идущего сзади Саши. Я вообще в темноте чувствую себя довольно уверенно, может, потому, что много занимался фотографией и привык на ощупь заряжать кассеты и передвигаться в темной лаборатории. На повороте ожидал товарищ, и почти раз за разом Саша натыкался на меня, что-то невнятно мычал сквозь маску. Может, бормотал извинения, это на него похоже. Мне такое подталкивание быстро надоело. Я взял его за руку и потащил за собой, пока после нескольких поворотов мы не уткнулись в глухую стену. Саша похлопал меня по плечу, одновременно успокаивая и призывая к вниманию. Ощупывая стены, я наткнулся на выключатель. Вспыхнул свет, и вдруг глухая стена в конце прохода поползла в сторону, открывая небольшую камеру. Осмотревшись, мы увидели красную кнопку. Сева поднял и опустил руку, показывая движение наверх, подразумевая лифт-рессиватель и предупреждая, что нас растащит по этажам. Саша отрицательно помотал головой и показал на кнопку, призывая меня нажать на нее. Я придавил, и сразу пошла дверь... Когда камера полностью изолировалась, мы почувствовали, что от перемены давления заложило уши. Саша заулыбался и показал на стену за нашей спиной. Мы обернулись. На стене сияла красная надпись: «После прохода шлюзовой камеры дыхательные аппараты разрешается снять». Вскоре давление выровнялось, и противоположная дверь поползла в стену.

— Ну, ребята, — заговорил Сашка, едва мы сняли маски, — думаю, мы почти у цели. Вперед!

Едва мы миновали развилок, как почувствовали прохладу. Еще один зигзаг — и мы вышли из лабиринта... На улице была ночь. Прямо от выхода через сквер тянулась освещенная асфальтовая аллея, а дальше, за деревьями, виднелось темное здание с большими окнами, залитыми серебристым светом люминесцентных ламп.

— Внимание! Из лабиринта вышла первая группа, ведомая Михаилом Субботиным, — раздался усиленный динамиком голос. — Группа вышла досрочно. Дежурному встретить курсантов и проводить к месту отдыха.

И только тут мы осознали, что лабиринт остался позади, что мы не только выдержали испытание, но сделали это досрочно.

— Ура! — истощным голосом завопил Смолин, и мы нестройно подхватили победный клич.

Подошел знакомый нам высокий старшекурсник, готовивший нас к путешествию.

— Ого! Да это моя группа! Ну молодцы! Запомните, то, что вы первыми вышли из лабиринта, вам зачтется, и вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Вам, например, будут поручаться наиболее трудные задачи, первыми в течение года вы будете проходить все испытания. Ну а дальнейшее будет зави-

сеть от вас, если сохраните лидерство... Ну что, пойдем? Пора вам и отдохнуть.

— Можно вопрос?

— Вы еще в состоянии задавать вопросы?

Саша смущенно потупился.

— Ну, пожалуйста. Сколько угодно.

— А Сережа Самойлов... Он будет отчислен?

— Да. Кстати, он сам попросил об этом. Думаю, Самойлов поступил правильно. Ему предоставлено право поступления в любое учебное заведение вне конкурса.

— А наш командор вышел?

— Владимир Мовшович снят с прохождения лабиринта. За отсутствие выдержки и резко выраженный индивидуализм. Еще вопросы?

— Здесь объявили, что мы вышли досрочно. Может, я что-то не понял... — Сева потер подбородок. — По нашим расчетам, начались четвертые сутки.

Блондин улыбнулся и взглянул на часы.

— У вас еще в запасе двенадцать часов. Просто от усталости вы чаще спали.

— А если они, — Майя кивнула в сторону выхода, — придут позже назначенного срока, их снимут?

— Нет. Лабиринт — это комплекс проверки прежде всего духовной стойкости, ну и, конечно, физических возможностей. Всех, кто пройдет лабиринт, независимо от срока, зачислят в институт, только, разумеется, с разными баллами. Тех, кто откажется от борьбы, снимут с прохождения. В прошлом году один парень выбрался на десятые сутки, ползком. Он оказался в группе самым слабым физически, и его бросили. Группу сняли, а он учился. Сейчас поздоровел, не узнают! Еще вопросы?

— Нет. А вот посмотреть хоть краешком глаза, какой он, лабиринт, можно? Хотя бы на плане.

Старшекурсник с уважением посмотрел на Майку.

— Ну и ну! Вы будто с прогулки, а не из лабиринта. Будь по-вашему. Все равно вам надо забрать часы и сдать приборы, хотя это обычно делается после отдыха.

Старшекурсник вынул из кармана транзистор.

— Старшему диспетчеру лабиринта. Группа Михаила Субботина просит разрешения ознакомиться с лабиринтом.

— Не уходили еще? Проводи в диспетчерскую. Разрешаю, как первым.

Блондин подмигнул нам и, открыв боковую дверь, пригласил нас широким жестом:

— Прошу.

Старший диспетчер, пожилой седоватый мужчина, поднялся из-за пульта к нам навстречу и каждому пожал руку.

— Ну, герои, какой этаж показать?

— Наш, наверное, — сказала Майка неуверенно.

— Там почти никого не осталось. Вы ушли. Одна группа расселялась по этажам. Вообще ваш этаж — самый коварный, пожалуй.

Диспетчер вернулся к пульту.

— Давайте я покажу вам третий. Там сложилась любопытная ситуация.

Он включил большой экран, и на нем ясно проступили сложные зигзагообразные контуры ходов. По двум вертушкам на встречу друг другу двигались по пять огоньков.

— Хорошие группы, дружные, — вздохнул старший диспетчер, — но они не должны встречаться, иначе произойдет обмен информацией, и это облегчит им прохождение. Придется одну направить по ложному пути, а какую — трудно выбрать. Обе хорошие.

Он еще раз вздохнул и нажал клавишу. Одна из вертушек замкнулась, и теперь группа шла по кругу, не подозревая о такой возможности лабиринта.

— Это и нас вы так морочили в центральном проходе? — догадался Сева.

— Было дело, — засмеялся старший. — Ну, насмотрелись?

— А близко к выходу есть кто-нибудь?

— На пятом. Проходят бассейн.

Он переключил программу. На экране возник узор ходов пятого этажа. Огоньки от зала медленно продвигались по правому проходу.

— Сейчас попадут в шлюз, — прокомментировал Смолин.

— Нет, на пятом шлюз в центральном рукаве, а правый, увы, отбросит их на половину дистанции. Им придется начинать сначала.

— Внимание! Старшему диспетчеру! На четвертом в секторе двенадцать драка!

Диспетчер мгновенно переключился на нужный сектор, и на экране в замедленном темпе поплыли кадры. Один из курсантов от удара опрокинулся на спину и теперь с гневным лицом поднимался навстречу обидчику, на руках которого повисли двое курсантов. Старший диспетчер нажал на клавишу, и переборка разделила драчунов. Диспетчер повернулся к нам. Лицо его было сосредоточено и серьезно.

— Идите, ребята. У нас ЧП!

Мы на цыпочках выбрались из центрального поста. Нас ожидал вкусный ужин и мягкие постели...

ПЛАНЕТА КАЛЕЙДОСКОЙОВ

ЗАГАДОЧНАЯ ЛАЗЕРОГРАММА

Казалось, что под кораблем простирается свинцово-серый океан, изузоренный замысловатой формы островами. Однако никакого океана не было и на этой планете. В ее порах не сочилось ни капли влаги, а то, что с высоты представлялось водами океана, было в действительности темно-серым базальтом, покрытым большими пятнами какой-то красной руды.

Когда вдали показалась полоса тени, корабль выставил крылья и нырнул в сероватую атмосферу планеты. Теперь космонавты погасили двигатели, и корабль, планируя на своих коротких крыльях, стремительно понесся к одному из кроваво-красных островов, на котором вскоре явственно выступили очертания Паучьего кряжа — разлапистой горной системы.

Вдруг корабль вонзился в сверкающее облако алмазных чешуек. В то же мгновение корабельный лазеровизор зарегистрировал двадцать восемь пакетов лазерных сигналов. Они не поддались декодировке, и пластинка с их записью выдвинулась на щиток лазерографа нерасшифрованной.

— Очень, очень странно, — бормотал капитан корабля, рассматривая причудливый график на пластмассовой пластине. — Я могу поручиться, что эта лазерограмма не была послана с Земли, — заявил он, подняв наконец от щитка крупную голову, обрамленную круглой бородой.

— Может быть, это планетоход, теперь пробуждается, — неуверенно предположил геолог Вадим Шмелев, близоруко наклонясь к лазерографу.

— Да вот непохоже. Совсем не та структура сигнала. Негармоническая.

— Дайте мне посмотреть, — попросил Олег Кленов, молодой бортинженер. Не вставая, он протянул руку и, получив пластину, погрузился в ее изучение. Минуту спустя он тряхнул золотистыми кудрями и стал многозначительно, но довольно туманно рассуждать, что, должно быть, не случайно число принятых волновых пакетов оказалось равным двадцати восьми, то есть числу совершенному (поскольку 28 есть совершенное число), что, по-видимому, неведомый источник сигналов есть какой-то естественный процесс и движущие им математические законы вынуждают его посыпать в пространство именно совершенные, а не иные числа волновых пакетов...

Между тем корабль вылетел из сверкающего тумана и по- несся над вершинами кроваво-красных гор, постепенно спускаясь.

Посадка корабля ожидалась в ребристой седловине, лежащей у перекрестка двух серповидных отрогов Паучьего кряжа. Она уже показалась на экране монитора, в который всматривался капитан. Вдруг он резко выпрямился.

— Что вы видите? — встрепенулся Шмелев.

— Планетоход, если не ошибаюсь, — отвечал капитан.

— Не может быть! — вскричал Олег Кленов и наклонился над иллюминатором. Необычайно зоркий, он и невооруженным глазом разглядел у подошвы горы планетоход, похожий с высоты на маленькую блестящую козявку.

— Так вот он куда забрался! — воскликнул Олег, чрезвычайно удивленный. — Значит, он прошел еще добрую сотню километров после того, как прервалась с ним связь! А считалось, что у него разрядились батареи.

— Это действительно очень странно, — сказал капитан и движением руки дал понять, что Кленов и Шмелев должны лечь теперь в кресла. Когда это исполнилось, он включил посадочную систему и поместился в кресло сам. Минут через пять огнедышащий корабль, вздымая клубы раскаленной пыли, стоял уже на грунте, выглядел вблизи даже еще краснее, чем с высоты.

Планета, на которую опустился корабль, была хорошо изучена спутниками-автоматами. Безжизненная, однообразно-безотрадная, она, казалось, не могла грозить своим первым гостям никакими опасностями. Но все же капитан счел за благо подождать и осмотреться, прежде чем отворять люки корабля.

Прошло около получаса. Пыль, поднятая кораблем, улеглась, и в небе между редкими алмазными облаками показались звезды.

Тем временем на корабле обсуждали, как быть.

— Я полагаю, — говорил капитан, — что от обследования планетохода, быть может, придется и отказаться. Двое из нас, во всяком случае, должны заняться теперь установкой отражателей. Если останется время, мы отправимся к планетоходу, но посыпать туда одного человека...

— Но ведь должны же мы узнать, что там случилось с планетоходом! — перебил капитана Шмелев. — Нельзя же оставлять такую загадку неразгаданной.

— И я так считаю. Отправьте к планетоходу меня, — попросил Олег Кленов.

— Ходить по планете в одиночку слишком рискованно, — сухо сказал капитан.

— Да о каком риске вы говорите! Да ведь планета же совершенно мертва!

Суждение это Шмелев высказал с такой твердой уверенностью, что даже смутился, когда Олег Кленов вдруг повел наступление с противоположного фланга.

— Нет дела без риска! — заявил Олег. — Определенный риск во всяком деле необходим и неизбежен!

— Благодарю за поучение, — иронически произнес капитан и, опустившись в кресло, захрустел пальцами. Через минуту он положил руки на подлокотники и негромко сказал:

— Согласен. Пусть Олег идет к планетоходу. Из нас троих он, пожалуй, самый находчивый человек.

пляшущие синусоиды

Путешествие Олега Кленова к планетоходу заняло часа четыре. Выйдя из корабля, он поднялся на меньшую из двух вершин близлежащего двугорбого холма, осмотрелся и отправился в дорогу. По пути он дважды спускался в ущелья и выбирался из них по каменистым кручам, а раз ему пришлось идти по самому краю пропасти, прислонясь спиной к отвесной скале. Планетоход Олег увидел в глубине развалистого песчаного проема, у подошвы высокой горы. Подойдя к нему, он прямо опешил от удивления. Массивная серебряная антенна планетохода была срезана как ножом и висела теперь треногой вверх на рукоятке голографической камеры.

Приподняв антенну плечом, Олег просунул под нее руку и вынул из гнезда голографическую камеру. Он поднес ее к глазам и, повернувшись против света, стал медленно прокручивать диски.

Сперва Олег видел только те картины, которые уже транслировались на Землю. В веренице знакомых ему снимков чередовались виды неба и облаков, багряных гор на горизонте, каменных утесов и песчаных холмов с колеями от колес планетохода: во время съемок камера крутилась на рукояти, отчего ее объективу открывались разные углы ландшафта.

От нетерпения Олег завертел диски быстрее, так что едва успевал различать мелькавшие перед глазами снимки. Вдруг все зрительное поле заслонила лопасть антенны. С минуту она оставалась единственным видимым предметом, но потом отползла куда-то вбок, и тогда Олег ахнул от непостижимости того, что открылось его глазам.

Надо полагать, что, пока лопасть антенны прикрывала люк голографической камеры, планетоход, разом сокрушая все законы природы, поднялся высоко в небо. Теперь Олег вновь созерцал свинцово-серый океан, изузоренный змеистыми кроваво-красными островами. И острова эти формой были точно такими, какими он видел их в иллюминатор космического корабля. Все выглядело точь-в-точь как тогда. Было лишь одно отличие: кое-где на кроваво-красных островах мерцали теперь маленькие семиконечные звездочки. Померцав, они угасали, потом взыгрывали дрожащими переливчатыми огоньками, потом угасали снова...

Вдруг вся планета вспутилась, выгнулась гористым седлом,

и в надгорных ее просторах неведомо откуда появились ряды блестящих многогранных камней. Они сплелись в зернистые гирлянды в форме синусоид, которые, подрагивая и корчась, принялись выплясывать какой-то нестройный, но небессистемный танец. Их движения были так замысловаты, что казались осмысленными.

Минуты четыре потрясенный Олег смотрел не отрываясь на эти трепетно мелькающие картины. Потом диски докрутились до конца, и видения исчезли. Тогда Олег спрятал камеру в ранец, помотал, зажмурившись, своей кудрявой головой и отправился в обратный путь.

Часа через полтора он дошел до того обрыва, проходить над которым надо было, прижавшись к отвесной скале. Олег счастливо миновал опасное место, но, выйдя на площадку за скалой, вдруг оступился, взмахнул руками, полетел вниз и упал на спину, мягко ударившись о рыхлый рассыпчатый грунт. Поднявшись на ноги, он тщательно осмотрел яму, в которую упал.

Яма эта была неглубока, не больше метра глубиной, и имела вид правильной семигранной призмы. Ширина ее равнялась метрам пяти. Дно ямы и ее стенки были ноздреватыми, исщербленными тысячью маленьких выбоинок. Олег совершенно ясно помнил, что на этом месте никакой ямы прежде не было.

Выбравшись из ямы, Олег сфотографировал ее и отправился дальше. Через два часа он благополучно вернулся на корабль.

КАРТА

В отсутствие Олега возле корабля был найден удивительный предмет, очевидно местного, но совершенно загадочного происхождения. Его нашел Вадим Шмелев во время монтажа отражателей. Разравнивая для них площадку, Шмелев вдруг зацепил скребком желтоватый листок, похожий на пергамент. Он осторожно разгреб грунт руками и извлек из него истерзанный грязный лоскут округлой формы, шириной с зонтик. Лоскут был серым с кривыми красными пятнами. Шмелев счистил с лоскута грязь и обомлел: он увидел географическую карту! Красные пятна на сером фоне копировали очертания интрузий красной руды в толще покрывающего планету базальта. Это вскоре было подтверждено приборами.

Принеся карту на корабль, Шмелев и капитан очистили ее, расправили, расстелили на столе и сличили с фотографиями планеты. Оказалось, что на карте изображена в стереографической проекции местность к югу от Паучьего кряжа. По-видимому, лоскут был частью другой карты, большего размера.

Найденная карта не показывала рельефа местности. Зато на ней имелись условные знаки — белые семиконечные звездочки. Их было сорок шесть. Примечательно, что звездочки располагались только на красных участках карты.

С помощью приборов капитан определил местоположение на карте космического корабля и вычислил расстояние до ближайшего пункта, отмеченного звездочкой. Оно оказалось меньше трех километров. Тыча карандашом в звездочку, капитан сказал:

— Я не откажусь узнать, что это такое. Нам надо будет пойти сюда после того, как вернется Олег.

Он посмотрел на часы и озабоченно нахмурился, но, когда поднял глаза, его лицо разгладилось, и он облегченно воскликнул: «Да вот и сам Олег!», завидя маленькую человеческую фигурку, показавшуюся из-за холма.

То действительно был Олег. Минут через пять он поднялся на корабль и вручил капитану принесенную им голографическую камеру.

СМЕРТЬ КАЛЕЙДОСКОПА

Путь напрямик к неведомой цели был перегорожен завалами из каменных глыб. Лишь часа через три томительного лазания между камнями космонавты достигли намеченного пункта. Там оказалось кривое ущелье между нависшими скалами. Здесь путники разделились и разбрелись по ущелью, ища предмет, изображенный звездочкой на карте. По счастливой случайности в это время ветер развеял облака над ущельем.

Капитан первым заметил калейдоскоп.

Калейдоскоп этот гнездился на склоне горы. Сначала капитан принял его просто за вмятину в грунте и хотел пройти мимо, но вдруг зажмурился от радужного сияния, выплеснутого внезапно калейдоскопом. Когда через мгновение он открыл глаза, сияние уже исчезло.

Капитан круто повернулся, подбежал к самому краю калейдоскопа и посмотрел вниз. То, что он увидел, с трудом описывается словами.

Перед ним открылось окно в иной мир, странный, блестящий, в котором все было невероятно зыбким. В живом, как ртуть, искрящемся просторе трепетала жидкая, волнующаяся планета. Над ее серым с красными пятнами кривляющимся ликом змеились гранено-зернистые синусоиды, искрещивающие собой все видимое пространство. На красных пятнах, покрывающих планету, светились семиконечные звездочки.

Вглядевшись в их дрожащее переливчатое мерцание, капитан внезапно понял, что они обозначают. Он замахал рукой, подзываая своих товарищей, но вдруг что-то с силой толкнуло его в спину, и тотчас раздались слабые раскаты грома. От толчка капитан спрыгнул на дно калейдоскопа, вонзивши в него острые шипы своих башмаков. Выпрямившись, он осмотрелся.

Внутри изгибающегося и переливающегося мира блекнувших синусоид он увидел тысячи собственных отражений, уходящих

в невообразимую даль. Все они были одинаково четки, но темнели с каждой секундой.

Капитан обошел меркнущий калейдоскоп, ощупывая его грани, и понял, что стоит между семью идеально чистыми, до полной невидимости, зеркалами. Ему пришло в голову, что они, наверно, совсем не поглощают света. Луч, к ним ортогональный, обречен вечно странствовать между ними.

Ощущив под ногами какие-то камешки, капитан протянул к ним руку, и в ту же минуту калейдоскоп омертвел, загасив тот эфемерный, феерический мир, который создавался его зеркалами.

Капитан вдруг увидел, что стоит в семигранном колодце, стены и дно которого обтягивает белесая пелена, похожая на пергамент. Под его ногами пестрела карта планеты, представлявшая собой трехметровый круг свинцового цвета, испятнанный красными с белыми звездочками кривулинами. Поперек карты лежал неровный ряд оплавленных граненых камешков.

Собирая их в карман, капитан вдруг вспомнил, что надо же как-то объяснить удар, полученный им в спину. Он потрогал кислородный баллон за плечами и нашупал в нем маленькую дырочку. Очевидно, толчок был вызван отдачей кислородной струи, вырвавшейся из поврежденного баллона. К счастью, на грудный кислородный баллон оставался невредимым.

Собрав граненые камешки в карман, капитан закинул на край колодца стальной крюк с привязанным к нему силикатным тросом и стал с его помощью взбираться вверх по стенке, похожей по мягкости на кожу. Когда он долез почти до верху, сюда подоспел Олег и помог капитану выбраться из колодца.

Через полминуты к погасшему калейдоскопу подбежал за пыхавшийся Шмелев.

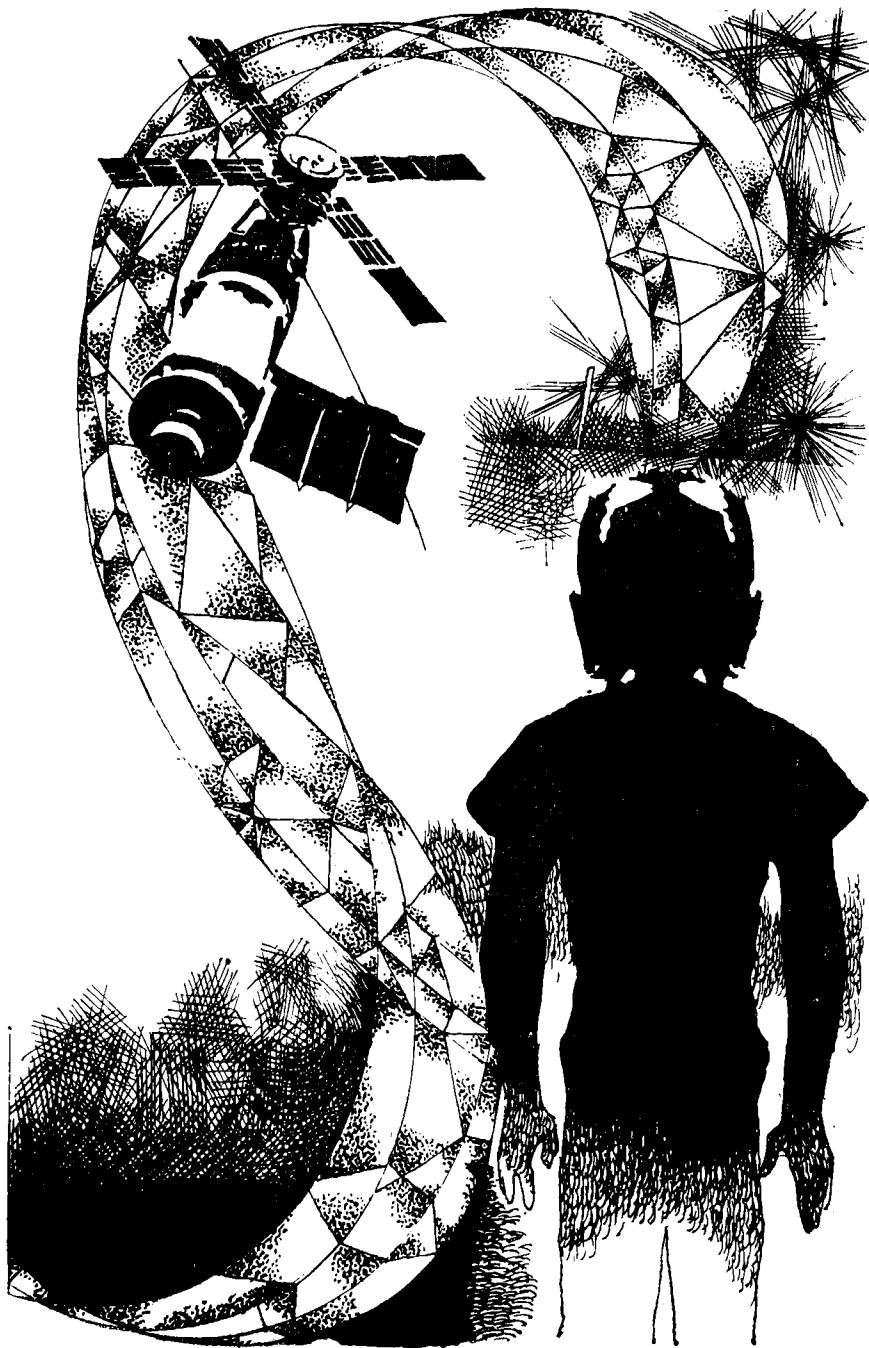
— Облако! — крикнул он, указывая рукой в просвет между скалами. — Оно стреляет!

ОБЛАКА ВЕДУТ ОГОНЬ

— Что? Облако стреляет? Вы видели это?! — воскликнул капитан.

— Я видел, как оно выстрелило вам в спину, — ответил Шмелев. — Смотрите, оно опять стреляет! — крикнул он в волнении.

Капитан посмотрел вверх и увидел вспышку, пронзившую воздух и проклубившуюся по склону горы. Тотчас раздались раскаты грома. Затем еще пять вспышек блеснули одна за другой, и силикатный трос, лежавший на краю колодца, распался на куски. Видно было, что все вспышки выпускались облаком, серебрившимся в просвете между скалами.

— За мной! — закричал капитан, и космонавты побежали под нависшую скалу. Укрывшись под ней, они стали обсуждать свое положение.

— Ветер гонит облака на север. Через полчаса, самое большое, они смогут нас обстреливать, — хмуро сказал Шмелев.

— Но, может быть, они угомонятся, — неуверенно предположил Олег.

— Сомневаюсь, — сказал капитан, указывая на пронизываемые гремучими вспышками клубы розовой пыли, вьющейся над потухшим калейдоскопом.

— Сейчас мы их испытаем! — крикнул Олег и, схватив двумя руками большой круглый камень, бросил его на склон горы. С полминуты камень катился по склону, а потом был испепелен сотнями поразивших его гремучих лучей.

— Нам не спастись, — уныло определил Шмелев.

— Подождем, может быть, переменится ветер, — сказал капитан.

— Хотел бы я понять, что тут такое происходит, — пробормотал Олег.

— Я полагаю, что тут сейчас разбушевались некие очень странные живые существа, — сказал капитан и описал коротко виденную им недавно лучистую агонию калейдоскопа.

— И вы думаете, что этот колодец был живым?! — воскликнул Олег.

— Да. И мне кажется, я догадываюсь, как эти колодцы размножаются, — отвечал капитан. — Они, очевидно, могут посыпать в пространство лазерные лучи, которые, отражаясь от облаков, ударяют в грунт, и с их помощью они выжигают в грунте себе подобные колодцы...

— Так, наверно, яма, в которую я свалился, была недостроенным колодцем?

— Именно эта яма и подсказывает мысль, что колодцы размножаются с помощью лазерных лучей. И не облако сейчас нас обстреливает, а колодцы, которые направляют свои лучи так, чтобы они отражались от облака. Но я доскажу, — продолжал капитан. — Стенки нововыжженного колодца как-то обрабатываются лучами так, что становятся «сверхзеркальными», то есть они совсем не поглощают света, и от этого внутри колодца рождается сложный мир из пакетов световых волн.

— Но ведь законы отражения линейны. Я не могу понять, что там может быть особенно сложного, — возразил Шмелев.

— Я полагаю, что световые лучи как-то взаимодействуют со стенками колодца. Это возможно, если «сверхзеркальность» стенок сочетается с их сверхпроводимостью и их постоянно обтекают электрические токи, усиливаемые и ослабляемые явле-

ниями фотоэффекта. Тогда, конечно, картина становится чрезвычайно сложной. Тогда внутри колодцев могут существовать и системы памяти в виде автономных циклов световых потоков, и логические устройства в виде циклов потоков, тяготеющих к нескольким устойчивым состояниям, и вообще все, что нужно для организации очень сложных реакций.

— А воля, а способность к самопроизвольным действиям может ли быть у них?! — спросил Олег возбужденно.

— О, этот вопрос касается самых темных сторон их бытия, — отвечал капитан. — Я поставил взамен несолько иной вопрос: определено ли вполне все их поведение законами распространения света и электричества? Может быть, и нет, если эти колодцы являются столь зыбкими, что иногда их поведение зависит от различий в движении какого-нибудь одного фотона. Как известно, отдельным элементарным частицам квантовая физика разрешает действовать по вдохновению...

Но, конечно, такого рода вопросы ничуть не станут легче, если их обратить не к колодцам, а к людям.

— А для чего им нужны те граненые камешки, которые лежали на дне колодца? — спросил Шмелев.

— Ну мало ли для чего. Можно, например, предположить, что из-за сотрясений грунта камешки немного смещаются и их случайные перемещения играют роль своеобразных мутаций, облегчающих эволюцию колодцев.

— А когда они точат в грунте новые колодцы, то карту они в них закладывают, наверно, для ориентировки, для взаимного узнавания, — предположил Шмелев.

— Думаю, что да. Возможно, что они осведомляются обо всем происходящем в мире исключительно лишь с помощью облаков. Но облаков может и не быть на небе. Должно быть, с этим как-то связана необходимость для них всегда иметь при себе карту.

— Между прочим, я уже догадался, откуда взялась та фантастическая видеозапись, — сказал Олег. — Наверно, планетоход брал возле колодца пробу грунта, а камеру засунул в колодец. Ее заклинило сбитой их лучами антенной, и она снимала колодец, пока не кончился диск. А потом планетоход прошел еще больше сотни километров...

Олег не докончил своих рассуждений, увидев внезапно край облака, сверкнувший над гребнем горы. Он указал на него глазами, и космонавты побежали вверх по каменистому откосу, надеясь укрыться от облака за выступом скалы. Но на полпути они увидели еще одно облако, выдвинувшееся из-за гор. Казалось, спасения не было.

— Сюда! Сюда! Здесь можно спрятаться! — закричал вдруг Олег, ныряя в трещину в скале, загороженную длинным высоким камнем. Остальные бросились за ним. Через мгновение космонавты были уже в безопасности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КОРАБЛЬ

Щель в скале оказалась входом в глубокую пещеру. Возле щели с внутренней ее стороны за камнями скопилась куча пыли. Ее развирили башмаки космонавтов, и поднявшаяся пыль ключьями понеслась вон из пещеры. Сильный воздушный поток из глубины горы подсказал космонавтам мысль о существовании где-то второго выхода, и капитан предложил немедленно идти его искать.

Больше часа брели космонавты в плотной черноте, прорезываемой лучами карманных фонарей. В трех местах пещера разветвлялась, и дважды космонавтам приходилось возвращаться из тупиков, в которые они забредали. Их путь был изломанным соответственно изгибам тесной пещеры и томительно волнистым: приходилось все время идти то вверх, то вниз. Наконец впереди забрезжил свет.

Подойдя к отверстию, путники увидели двугорбый холм, из-за которого выглядывала верхушка их корабля. Над кораблем высоко в небе висело одинокое облако. Оно медленно подвигалось к северу.

Посовещавшись, космонавты решили оставаться в пещере, пока облако не скроется из виду. Они легли на камни, рассыпанные у входа, и заговорили о своих лучистых преследователях.

— Скажите, как вы думаете, должны ли они умирать естественной смертью? — обратился к капитану Шмелев.

— По-моему, да, причем живут они не очень долго, — отвечал Шмелеву капитан. — Я обратил внимание, что расположение семиконечных звезд на карте, вами найденной, и на дне погубленного мною колодца совершенно различно. Наиболее правдоподобное объяснение этому, что все колодцы, обозначенные на карте, уже погибли. Но колодец, остатком которого она сама является, не мог разрушиться очень давно, иначе карта была бы погребена под толстым слоем грунта, сносимого ветром со склонов Паучьего кряжа.

— А почему грунт, попадающий в колодцы, не засыпает их, пока они живы? — спросил Шмелев.

— По-видимому, они как-то самоочищаются от инородных тел, — сказал капитан и выглянул из пещеры.

Увиденное им было неутешительно. На южной половине неба появилось много облаков. Обернувшись, он хмуро сказал:

— Их там целые полчища.

Между тем Олег, казалось, о чем-то напряженно раздумывал. Внезапно он вскочил с места и уверенно заявил:

— Они не самоочищаются от инородных тел. Они друг друга очищают. Они от нас очищали ущелье, а если с горы катится камень, они и его точно так же обстреляют лучами. Они его

разрушат только для того, чтобы он не поранил колодца, но у них не может быть идеи мести, потому что у них никогда не было живых противников.

Немного помолчав, Олег объявил:

— Я иду!

И, выпрыгнув из пещеры, он побежал к кораблю.

— Эх, будь что будет! — воскликнул капитан и вышел из пещеры в сопровождении сильно побледневшего геолога. Через пять минут космонавты, целые и невредимые, были уже на корабле. Не желая долее испытывать судьбу, они тотчас запустили двигатели и стартовали. Вскоре планета калейдоскопов превратилась в серебряный диск, оправленный в многочудесную звездчатую черноту неведомого им космоса.

ТРОЯ

Рассказ о четырех буквах

— Папа, а можно мне гулять там, где лодки?
(Из вопросов новичка в этом мире)

БУКВА Т

Эх, как мы рванули со старта. Сразу распороли эту шишкянскую картину: отражение хмурых елок на полированной солнной воде. Восемь бегунов, восемь треугольных волн на темно-зеленом ельнике. Волны тихонько зашлепали под судейским настилом. Впрочем, я этого шепота не слышал, я сам рванул, сам резал воду, гнал треугольную волну.

Конечно, можно было и не рвать вначале. Мы шли на десять километров. Это не короткая дистанция, где все решают десятые доли секунды: чуть засиделся на старте, и пропал забег. Но все равно, столько мы готовились, столько ждали, столько надежд возлагали. Ждали и ждали, а судьи все копались, шелестели своими протоколами, рассаживались. У нас нервы были натянуты, как струны на колке, как тетива хорошего лука. И вот флагок взмахнул, спущена тетива, летят восемь стрел.

Как обычно, сразу все сбились влево: к внутренней кромке маршрута, самой короткой. Секундная толкотня, разобрались, вытянулись в цепочку. Повела зеленая майка — парень из Челябинска. Бесперспективный малый, коротконогий и с коротким дыханием. Но я замечал не раз: со старта чаще всего ведут бесперспективные. Знают же, что лидеру труднее, он на других работает: и воду трамбует, и воздух режет. Знают, но... вырываются. Должно быть, подсознательное желание: хочется, хоть вначале, возглавить, пройтись во главе, быть калифом на минуту.

Ну а где мой сиуссиянский мастер? Не встроился в цепочку, идет в сторонке, сам по себе. Никто ему не трамбует воду, но никто и не диктует свой темп. Возьму-ка и я за ним. Так легче наблюдать. Сказал же мне тренер в последнюю минуту: «Не упускай его из виду, присматривайся, может, что и позаимствуешь». И я сам для себя решил: «Буду сидеть у него на спине. Даже если стряхнет, все равно не отпушу веревочку. А не стряхнет, рвану на последней, а там чем черт не шутит. Посмотрим еще, кого пригласят на вальс».

Написал этот абзац и задумался. Надо ли считать читателя безнадежно бесполковым, переводить каждый термин нашего гидрожаргона? Надо ли объяснять, что спортсмены друг у друга не сидят на закорках? «Сидеть на спине» значит не отстает

вать, держаться вплотную. «Стряхнуть» — оторваться от соперника, уйти далеко вперед. «Вальс» — это круг почета победителя. А боксирная веревочка у нас невидимая, моральная. Если бежишь со слабым партнером, невольно сам расслабляешься, победа легкая, а время посредственное. Сильный же тебя мобилизует, стыдно отставать, тут уж все силы выкладываешь, выворачиваешься наизнанку.

«Наизнанку» тоже в кавычках.

Сегодня мне повезло. Меня тянет за веревочку сильнейший из сильнейших, сюиссянский мастер, выступающий вне конкурса. Вообще, гидробег — это сюиссянский спорт. Точнее, для нас это спорт, а для них жизнь, поскольку на Сюиссе вообще нет суши. И мы на Земле ничего не знали о гидробеге, пока наши космонавты не спустились на Сюисс. Я читал их отчеты, помню потрясение первой встречи. Вот они сели на воду, вот улеглись волны, корабль покачивается в бурой тине, качает плавучие камыши. И вдруг из камышей выкатывается рогатая зверюга — полулось-полукорова. Целая туша, а катит как жук-плавунец. А затем является целая процессия, этакое ревю на льду: яркие мундиры, ружья наперевес. Скользят на правой, скользят на левой, по три в ряд, по шесть в ряд, перестройка, ряды сдвой. И все это в танцевальной манере, плавно и точно.

— Должно быть, вода здесь такая, людей держит, — сказал штурман корабля и отважно шагнул на тину. За шланг его вытаскивали, разом ушел с головкой.

Потом-то ученые разобрали, в чем секрет. На Сюиссе суши нет совсем, ходить негде, либо плавай, либо летай, либо скользи по воде. И жизнь приспособилась. Сюиссянские звери адаптировались. У них на подошвах специальные железки,рабатывающие особое вещество, усиливающее поверхностное натяжение воды. Корочка такая получается на воде, как бы тонкий лед. Химики изучили это вещество, вывели формулу. Я проходил ее в школе, но сейчас не помню точно. Тринитро-диэтилдibenзолтетрапорфирио... и что-то еще. И комплексный атом ртути в самой сердцевине. И все вместе по структуре похоже на витраж в старинной церкви, узорная такая, разлапистая структура. Сейчас все это делают на заводах, в спасательных шлюпках целые канистры синтетической мази. Но все равно синтетическая хуже природной. Так что нам перед ответственными соревнованиями выдают баночки с сюиссянской подошвенной мазью, иногда целые подошвы сюиссянского лося. И тут уж каждый колдует по-своему. У каждого гидробегуна свой рецепт: для пресной воды, для соленой, для теплой, для холодной. Иные останавливаются на дистанции, перемазывают. Я этого не делаю никогда. Суeta и самообман. Еще не угадаешь, сделаешь хуже. Даже если не хуже, все равно кажется, что испортил. Нет уж, если стартовал, не мудри. Работай ногами.

Все хитрости гидробега я знаю с младенчества, раньше, чем этот спорт вошел в моду. Мой отец был старшим бакенщиком Морского канала, проверял фотоэлементы, чинил автоматику на всех плавучих маяках от Васькиной деревни до Кронштадта. Бригаде отца выдали чуть ли не самые первые подошвы, привезенные с Сюисса. Для них, бакенщиков, это был просто подарок. К маякам-то они подлетали на вертолете и вот, покачиваясь на лестнице или же перегнувшись через борт шлюпки, что-то разбирали в своих емкостях и сопротивлениях. А теперь, пожалуйста, вылезай на воду, расстилай коврик, раскладывай детали, работай преспокойно, как в мастерской.

Ну вот, отец урезал уголки своего гидроковрика и сделал туфельки для меня. Помню, как в первый раз, замирая от страха и страшась показать боязнь, я перелез через борт. Встал, стою, пошел по воде, аки посуху, словно маленький Иисусик. Помню, как в первый раз мы с отцом встречали туристский лайнер километров за десять от Ленинграда. И все пассажиры, сколько их ни было, высыпали на борт, аж лайнер накренился. Все прицелились объективами, чтобы запечатлеть это чудо из чудес: папу с мальчиконкой, разгуливающих по зыбкой глади Финского залива. Тут уж я не от страха, от гордости замирал.

Помню, как щеголял я, разгуливая между прогулочными лодками в Зеленогорском заливе. С охотовой выполнял поручения пляжных мам: «Мальчик, пойди к той голубой лодке, скажи моему Вите, что пора обедать», «Мальчик, подойди сюда», «Мальчик, а почему ты не тонешь?», «Ну-ка покажи ботиночки», «А родители не боятся отпускать тебя одного?»

Позже, когда сенсация отошла и гидроподошвы стали продаваться в Гостином дворе, я уже бескорыстно наслаждался гидропрогулками. Выдался часок — и в море. Сами знаете, на Земле у нас теснотища, в особенности в городе. Все застроено, щели между зданиями заполнены автомашинами. Сэконоимишь минуту, потеряешь жизнь. А в море простор... и тишина... и вкусный воздух, чуть присоленный (если ветер с запада). Чем дальше уйдешь, темтише и кислороднее. Правда, и тут надо осторожничать. Гидротуфли безупречны только на гладкой воде. Даже самые скромные волны — существенное препятствие. Сами понимаете разницу: лед или сугробы, асфальт или вспаханное поле. Тем более что морские борозды качаются, движутся, меняют форму. Попрыгать на волнах занятно, но практически при двух баллах море непроходимо.

А на Сюиссе тамошние девушки танцуют и при пятибалльном штурме. Говорят, незабываемое зрелище. Сами-то они не красивы с нашей точки зрения: длинные, худущие, руки-ноги как жердочки. И складываются порывисто, словно на шарнирах, словно их за ниточки дергают. Но когда бушует ночной штурм, рычащие валы выкатываются из черноты, а жердочки эти,

уизанные цветными фонами, пляшут на черном фоне, выписывая все новые узоры, дух захватывает от красоты и изящества.

Может, и мне доведется поглядеть их танец своими глазами. Для этого нужно очень много и совсем немного: выиграть сегодняшнее соревнование, оказаться первым среди двадцати четырех... даже двадцати трех, потому что сюиссянин вне конкурса. Его время не в зачет, для них, сюиссян, гидробег не спорт, а жизнь. Но среди наших я должен быть первым, самым-самым первым. Первый полетит на Сюисс.

Могу я быть первым?

Но я же чемпион Ленинграда.

Все зависит от меня самого.

Итак, рванув со старта, мы все сбились у внутренней кромки. Маршрут у нас был замкнутый, как на стадионе. Надо было обойти четыре раза вокруг Мышиного острова.

Мышиный остров — старинное название. Вероятно, его дали люди, никогда не видавшие заморских зверей. На самом деле остров похож на кенгуру, даже очень похож. Стоит этакий гранитный гигант, рыжеватый на солнце, серый в тени. Стоит, уткнувшись мордой в материк, уши торчком. И глаза есть — пещеры. Горбом вздымается круп, а толстый хвост лежит на море, волны перекатываются через него. Самый кончик уже под водой — подводная гряда. Если с берега смотреть — выпитый кенгуру. Близи, конечно, все это меняется. И уже морда не морда, и на хребте не щетина, а сосны, и позвонки хвоста разбиваются на отдельные скалы. В отлив они высываются из воды, словно любопытные лягушки выставили морды.

Но все это описания по прошлым воспоминаниям, береговые, достартовые. Когда рвешь вперед, ничего не видишь лишился, только воду перед собой, только флаги маршрута и цветные майки соперников: зеленый Челябинск, желтый Баку, синий Днепропетровск. А где мой сюиссянин, шахматный, черно-белый в клетку? И красиво же идет, как на учебном плакате! Длинное туловище лежит горизонтально, колени входят под мышки, голени так и отмеривают, так и отмеривают шаги. У нас это называется «идти в присядку». Против ветра так и рекомендуется идти, но обычно мы держимся выше. Сопротивление несколько больше, но напряжение меньше, не так много усилий. А для сюиссянина присядка — естественное положение, за него природа все сообразила.

Значит, в цепочку он не встроился, пошел по своему графику. Решил сразу всех обойти на стартовой прямой. Ну что ж, держись, Коля-Николай, веревочка тебе подана. Не надо приседать, не старайся тужиться, а шаги чуть посильнее. Вот и получается, сижу на спине. Не сорвусь? Нет, пока ничего страшного. Па-а-а-шли!

Случалось вам ехать в электричке по параллельным путям? Поезда несутся полным ходом, а окна рядом, кажется, руку можно пожать. Медленно-медленно сдвигается назад чужое окно... Вот отъехала назад оранжевая майка, фиолетовая, синяя, желтая... Вот и зеленый челябинец. Работает что есть силы, машет локтями, как паровоз, а все равно отъезжает назад.

К хвосту кенгуру мы уже вышли вдвоем — сюиссянин и я. Вдвоем обогнули бакен, я все держался за веревочку. На повороте краем глаза отметил: прочие отвалили, отстали метров на двадцать. И уже не зеленая майка возглавляла цепочку, а желтая. Челябинец исчерпал свой запал, бакинец обошел его. Я знал его — способный парнишка. В будущем году будет опасен, пока что молод еще, опыта мало.

Тут пошло труднее. Стартовали-то мы по идеально гладкой, «рассветной» воде. Когда стояли на ленточке, свою позу разглядывали как в зеркале. Но уже при выходе из бухты на уровне задних ног кенгуру зеркало стало матовым, появились на нем разбегающиеся помутнения, первая примета возникающей волны. Ветер-то дул с берега, у материка было тихо, а ближе к кенгуру заметная рябь, на хвосте уже поплескивало. Тут уже ход нечистый: и скольжение короткое, и разворачивает тебя вдоль волны. Мой сюиссянин резко взял вправо, казалось бы, не по фляжкам. Но я понял его расчет: на неспокойной воде прямая линия не кратчайшее расстояние. Сиуссянин пошел ближе к берегу, в подветренной тени, а потом подставил ветру спину. Я тоже взял правее, получилось толково. Но идея его, инициатива его. В общем я отстал на повороте. Всегда проигрываю на волне. Гидрокросс без волн не обходится, это препятствие входит в программу. Но я, честно говоря, не люблю этой сути. Сначала рябь: шлеп-шлеп-шлеп, потом по мелким волнам семенишь, как по шпалам. Не ты хозяин воды, волны диктуют тебе темп и длину шага. Мы-то на Земле с удовольствием работаем на тихой воде. Но на Сиуссе ценят только гидрокросс. Приглашают принять участие в гидрокроссе. Значит, надо владеть и волнами.

Как сюиссянин, свернул я правее, и все равно я отстал, и все равно я устал. И дыхание сбилось, и пот меня прошиб, в груди резало при каждом вздохе. Нестерпимо захотелось махнуть рукой на всю эту суматоху: и на первое место, и на приз, и на тинистую планету Сиусс, на тощих девчонок, выкамаривающих что-то на волнах в темноте. Подумаешь, пляшут с фонариками! Посмотрю в кинохронике. Есть из-за чего мучиться. Возьму-ка я сбавлю темп, залезу в спасательный катер, отвезут меня в раздевалку, смою там пот в горячем душе, выйду в буфет, возьму кофе с сосисками. Ну и что такого? Сошел с дистанции, со всяkim бывает. Ну не могу догнать. Не могу! Если не может человек, что с него возьмешь?

Но потом я представил себе, как мимо меня, свернувшего

к спасательной шлюпке, будут проноситься желтый бакинец, зеленый челябинец и все прочие мои сине-розово-фиолетовые соперники. И каждый будет окидывать меня быстрым взглядом, сочувственно-жалостливо-презрительным. Подумал, как я снова и снова в раздевалке, в буфете, в автобусе, в спортзале, на будущих тренировках буду объяснять, что «со всяkim бывает, сошел с дистанции, ну и что тут такого?». Я заранее покраснел, представляя себе это многомесячное позорище. Нет уж, буду тянуть до последнего. Пусть задохнусь, пусть сознание потеряю, пусть вылавливают и откачивают. Тут сомнений нет: «Бежал до потери сознания».

А главное, я же знал, достаточно побегал по воде, что эта первая усталость не окончательная. Она пройдет, нужно перетерпеть, дождаться, чтобы открылось...

Ну вот оно и открылось — второе дыхание.

Толчок левой — скольжение, толчок правой — скольжение. Долгое скольжение сберегает силы. Частый толчок, скорость высока. Каждый из нас находит свой оптимум: максимальную скорость при доступной организму затрате энергии. Я свою знаю. Я сразу вхожу в темп. И что же? Вот она поймана, невидимая веревочка. Сюиссянин идет не в фантастическом темпе, идет по-божески, так и я могу. Стало быть, и он силы бережет на заключительный рывок. А я могу и сильнее. Как бы подтягиваюсь за ним по канату, перебираю узлы пальцами, локтями откидываю назад. Между нами пятнадцать метров — двенадцать — десять — семь... Ну и хватит, ближе не нужно. Полезна дистанция, если ведущий вдруг затормозит или шлепнется, такое и с мастерами бывает.

Тем более что мы подходим к самому трудному участку — к морде кенгуру. Я говорил уже, что гранитный зверь как бы уткнулся мордой в материк. Там узкий проход — метров десять, не шире. И весь он усеян подводными скалами, между ними надо лавировать. При западном ветре тут настоящие пороги, волны с шумом перекатываются через камни, водоросли то встают дыбом, то налипают на каменные лбы, словно волосы у вынырнувшего пловца. Впрочем, сегодня ветер береговой, почти все скалы обсохли, видны наперечет. Кроме того, для нашего удобства на них расставлены мальчишки-болельщики, будущие мастера гидрокросса. Вот между ними и нужно пройти в темпе, этакий гидрослалом проделать. Левее, правее, еще правее, круто влево, перемена ноги, проскок. Этакая акробатика, даже можно сказать, балет на воде. Скользишь то на одной ноге, то на другой, руками держишь равновесие, махом разворачиваешь себя то рукой, то ногой. Разворот, перескок, мах, мах сильнее, расставил руки, сжался. Видели танцы на льду? Примерно это самое. С той разницей, что вокруг скалы. Чуть ошибся... и нога пополам.

Сюиссянин мой шел безупречно, просто заглядение. Каза-

лось бы, я лучше знаю фарватер, столько раз проходил, но у него чутье какое-то было... или сквозь воду он видел лучше. И я лишний раз похвалил себя за то, что не старался выскочить вперед. Не только гидрокроссисты, и лыжники на кроссе знают, что за опытным спортсменом идти легче. Он за тебя думает, как препятствие взять, твое дело только подражать грамотно.

И, повторив все пирамиды сюиссиянина, я вылетел на гладь стартового залива.

Вылетел в великолепном настроении. И потому, что пришло второе дыхание, и потому, что веревочки я не потерял, не осрамился, не отстал от сюиссиянина в его сюиссиянском спорте, и потому, что мой тренер, дядя Троя, стоявший на последней скале, успел крикнуть мне:

— Хорошо прошел. Не сдавай!

Он, правда, добавил еще: «Хуже на три секунды». Это означало, что мой главный соперник, москвич Вася Бойков по прозвищу Богомол, в своем забеге прошел первый круг на три секунды резвее. Но три секунды на такой дистанции не играют роли. Три секунды я у Васи шутя отберу на финише. А пока я молодец.

— Хорошо прошел, — сказал дядя Троя.

2. БУКВА Р

Пора рассказать о моем тренере Трофиме Ивановиче, о дяде Трое. Рассказ этот тоже назван «ТРОЯ». Сейчас объясню почему.

Впрочем, прежде чем говорить о дяде Трое, надо еще рассказать о девочке, моей соседке по парте. Была она веснушчатая и вся какая-то взъерошенная: косички торчком, курносый нос торчком, вихры на лбу торчком, ресницы врастопырку. Выглядела как драчливый воробьишко: пощипали его, перья растрепали, но дух его не сломлен, он готов к новому наскоку. Мне она была как раз под мышку, но ухитрялась смотреть на меня сверху вниз. Любимым словом ее было «па-а-думаешь!». Раз навсегда она решила ничему в жизни не удивляться. А мне так хотелось услышать восхищенно-подавленное: «Надо же!»

Мне хотелось выглядеть в ее глазах совершенно взрослым, грубовато-мужественным, могучим и бесстрашно-отчаянным. (И какие только глупости я не придумывал ради отчаянности!) Увы, будущий чемпион гидрокросса был тогда тощим, нескладным подростком, длинноногим, длинноруким акселератором. А тощие, длиннорукие не в ладах с брусьями и турником, висят на снарядах макаронами. Вихрастеньку мою подсаживали, но наверху она крутилась очень бойко. А я висел, висел, держался, никак ногу не могу закинуть, только смех вызывал.

И вот уже в мае, накануне зачетов, нам вдруг выдают син-

тетические подошвы, ведут в бассейн, что на улице Горького, и предлагают сдавать нормы. Почему нормы, почему сразу? А как же иначе? Лето только начинается, а учебный год-то кончается. Через две недели физкультуре конец.

Кто-то плавать вообще не умеет, сидят на трибунах, дрожат в мокрых купальниках. Кто-то отважно ступил на воду и вдруг отступил, нырнул с головой. У кого-то ноги разъехались, никак не соберешь. А я сегодня бог и царь. Я — «Коля, пожги», я — «Коля, помоги», я — «Коля, поправь, подойди, посмотри...». И не без удивления физкультурник говорит мне: «В воскресенье пойдешь на районные соревнования».

— Па-а-думаешь! — сказала вихрастая, глядя сверху вниз, с трибун. — Я же знаю, что у тебя отец бакенщик. Ты с детства на гидробуцах. А я вот с детства говорю по-русски. Тоже предмет гордости. Эх, Коля, молодец ты на овец. А в районе-то будешь последним, там таких навалом.

Если бы не она, едва ли пошел я на районный гидрокросс, воскресенье тратить. Но очень уж хотелось мне доказать, что не навалом таких, как я, что я особенный, сам по себе ценность, не только сын старшего бакенщика. Я не только собрался на кросс. Я еще взял отцовские сапоги, потренировался, побегал по Малой Невке и по Большой. И занял третье место по району. А когда я взбирался на пьедестал, возвигался над номером третьим, слышал я, как за моей спиной сказали: «Этот талантливый, перспективный».

Перспективный! Так-то.

— Па-а-думаешь, — сказала курносенькая. — Небось там все новички были, такие же тепы, как в нашем классе.

Теперь-то, задним числом, когда я пишу этот рассказ, я склонен думать, что я нравился этой девочке не меньше, чем она мне. Мы «дружили», выражаясь педагогическим языком, ходили вместе в кино, я у нее списывал задачки, писал за нее сочинения, мы рассуждали обо всем на свете: о цели жизни, о нравственности, о настоящей искренности и дружеской откровенности. Но ей и в голову не приходило с дружеской откровенностью искренне сказать мне, что я ей нравлюсь. Наоборот, девочка считала, что она должна воспитывать меня, ставить на место и сбивать спесь. Может быть, было тут самоутверждение: принижая меня, она себя возвышала несколько. Не такой уж крохой чувствовала. Возможно. Но где же тут искренность? Нет, право, мальчишеское беспардонное хвастовство мне как-то больше по душе.

Значит, третье место по району — это пустяки? Ну хорошо, а что ты скажешь, когда я в городе буду первым?

И я подал заявление в спортивную школу.

Нет, не только из-за девочки. Подал потому, что каждому из нас приятно делать то, что получается. Приятно быть ловким и умелым, слышать похвалы и просьбы о помощи. Прият-

но быть сильным... например, сильным в гидробеге. И в результате в первый же день каникул я сидел на скамьях, поглядывая на малахитовую воду бассейна с вожделением... и с опаской на своих соседей. Все длинноногие, все перспективные, все талантливые, все преисполнены желания взять первое место по городу. Куда я забрел? На что надеюсь? С чего это вообразил, что я самый талантливый? Такой же, как эти ребята.

Тогда-то и вышел к нам тренер, могучий, грузноватый мужчина в майке, тугу натянутой на мускулах, вышел и заговорил сразу о том самом, что было у меня на душе.

— Давайте знакомиться, кузнечики, — так начал он. — По паспорту я Трофим Иванович, а за глаза меня зовут «дядя Троя», можно и в глаза, не обижайтесь. Зовут так, потому что всю дорогу, весь сезон буду вам твердить о четырех буквах: Т, Р, О и Я. Сразу запоминайте: «Троя».

— Т — это Талант. Вы все таланты, кузнечики, так вас и отбирали — за талантливое телосложение. В каждом спорте свои требования. Баскетболисту, например, нужен рост — верховые мячи в корзину класть. Малышу-крепышу в баскетболе тяжко. Борцу-боксеру нужен вес, жокею вес вреден, зачем лошади лишний груз? Стайдеру нужны выносливость, крепкие легкие. Среди спринтеров чаще коротконожки. Надо быстро ногами перебирать. Для рекорда все имеет значение, даже короткий нервный путь — от мозга к ступням и обратно. Наш гидробег — сюиссянский спорт, вы и должны быть похожи на сюиссян, кузнечики: тощие руки, кости, жилы и кожа, жира ни капли. Длинные ноги, длинные ступни; по ботинкам подбирал я вас, братцы. Потому что в гидробеге главное — это сопротивление воды. Прибавил килограмм, осел на миллиметр — и пропал твой километр. Так что выбрал я вас за ноги, за руки, за ботинки, за талантливое телосложение, и гордиться тут нечем. Все вы тут таланты, можете не смотреть друг на друга свысока. Но талант — только первая буква в слове «Троя». Т — это позиция на старте, а к финишу первым придет тот, у кого полновесными будут еще три буквы: Р, О, Я...

Р, как вы догадываетесь, — это Работа. Ни дня без пробежки. Пробежка в жару, пробежка под дождем, под мокрым снегом, утром или вечером, в полдень или в полночь, в тумане или под солнцем, но два часа в день вы должны быть на Неве. Р — это, кроме того, Режим. Я распишу вам день по минутам, я распишу ваш завтрак, обед и ужин по граммам. Ни капли жира. Вы обязаны не толстеть, кузнечики. Килограмм погружает на миллиметр, миллиметры губят километры. И прости-прощай первое место. Р — это ваше рвение, ваше упорное желание работать и соблюдать режим. Р — сегодня главная буква для вас, кузнечики. По букве Т я вас отобрал, теперь вы сами себя отбираете по букве Р.

И, уходя в тот день, я уже без робости оглядывался на

длинноногих соперников. Да, я не лучше других, у всех у нас есть Т. Но буква Р в моих руках, все зависит от меня.

Р! Р! Р! Я проявил рвение. Только работа, только режим. Я завел себе весы, напольные и настольные: напольными контролировал граммы набранные, настольными — граммы съеденные. Взвешивал перед завтраком ломтики хлеба и колбасы, вызывая смех сестер и ужас матери. Вставал на рассвете и в любую (в любую!) погоду в трусах, или в свитере, или в плаще скользил по Неве, стеклянной, мутной или рябой, в оспинах дождя. Зарядка, обтирание, душ, массаж. Р! Р! Р!

И пошли от буквы Р результаты. В начале июня я был предпоследним в своей группе, в июле перебрался в середину, потом в первую десятку. В конце августа занял второе место по Ленинграду.

— Па-а-думаешь, — сказала веснушчатая, когда мы встретились 1 сентября. — Второе место! Не первое же.

Но как-то не было безапелляционности в ее традиционном «па-а-думаешь!». Даже оттенок уважения слышался.

Осенью пошло труднее. Рвение мое продолжалось, но расписание дяди Трои пришло в столкновение с общешкольным расписанием. Я соблюдал правило «ни дня без пробежки», но жертвовал школьным «ни вечера без заданий». И все чаще приходилось мне маяться у доски, тупо глядя на какую-нибудь усеченную пирамиду. Ничего я не усекал в ней, где там телесные углы, где бестелесные. Маялся, страдал и думал про себя: как же нелепо я выгляжу: такой длинный, на голову выше математички, баки пробиваются... и мямялю, словно первоклассник.

Ну не лезли мне в голову эти пирамиды. Тогда не лезли, сейчас вылезли и следа не оставили.

На Новый год я занял первое место. Специально ради нас на каток наливали воду, еще подогревали, чтобы морозцем не прихватило. Не так много пришло нас из прежней летней группы, только самые ретивые. Так или иначе я поднялся на ступеньку номер один.

А потом, когда я полеживал в раздевалке, горделиво подставляя массажисту свои призовые ноги, подсел ко мне Трофим Иванович, дядя Троя. Я заулыбался во весь рот, готовясь принимать поздравления, сдачу сдавать благодарностью.

— Так что у тебя в табеле? — спросил он.

— Мать нажаловалась?

— Сам справился в школе. Всегдаправляюсь.

Загнанный в угол, я произнес страстную и демагогическую речь о том, что у людей бывают разные способности. У одного таланты к баскетболу, у другого к борьбе, а у третьего, у меня, например, к гидробегу. Школа же со своими стандартными требованиями стрижет всех под одну гребенку (и в прямом смысле — в парикмахерских — тоже). Лично я не собира-

юсь стать математиком, мне никогда не понадобятся усеченные пирамиды, и голова у меня не резиновая, незачем набивать ее еще и стереометрией. Я не дурачок, я люблю читать, люблю книги, люблю природу и люблю спорт. Спорт тоже призвание, спорт тоже дело, поскольку оно волнует миллионы и миллионы людей. О победителях пишут в газетах, о победителях ставят фильмы. Значит, чемпионы — люди, нужные обществу...

— И ты собираешься быть чемпионом?

— Да, собираюсь, — сказал я с вызовом. — Разве это не красиво? Плох тот солдат, который не хочет быть генералом.

— Нет, можно хотеть, стоит. Но надо глядеть и вперед. У чемпионов горькая судьба. Они восходят на пьедестал молодыми и сходят с пьедестала молодыми. Призы как девичья красота, тебя ценят за юношескую свежесть. А потом юноши мужают, становятся грузнее и сходят. Бегуны сходят к тридцати, борцы-боксеры — к двадцати пяти. Женщины ставят рекорды по плаванию до восемнадцати, потом набухает грудь, раздаются бедра, сопротивление больше, скорость меньше, прости прощай рекорды. Подумай, какая трудная судьба: в восемнадцать греметь на весь мир, а потом жить воспоминаниями, в тридцать чувствовать себя бабушкой, взывать к слушателям: «Товарищи, напрягите память, когда-то мое имя твердили на всех языках...» Это же вынести надо, не сломаться, не впасть в уныние на всю жизнь. А наш гидробег — такой же подростковый спорт. Лучшие показатели у шестнадцатилетних. Потом прибавляешь килограммы, оседаешь на миллиметры, и пропали твои километры. Все. Живи воспоминаниями.

— Ну, тогда... тогда я стану тренером, как вы, Трофим Иванович.

Он помолчал, вглядываясь пытливо.

— А школьным учителем хочешь быть?

— Ни в коем случае, — возопил я в ту же секунду. Мысленно я вообразил себя на месте математички. Я еще мог бы понять человека, которого занимают эти самые телесные углы. Если нравится, сиди себе, считай в свое удовольствие синусы и тангенсы. Но тратить жизнь на то, чтобы впихивать их в мозги сопротивляющемуся балбесу? Ну нет, увольте. — Ни в коем случае!

— Вот видишь, — сказал дядя Троя даже с некоторой грустью в голосе. — А тренер тоже учитель. У нас, учителей, совсем иной взгляд на беговые дорожки жизни. Вы там бежите, а мы за вас переживаем, волнуемся, как родители за детишек, больше, чем за себя. Есть у тебя такой родительский взгляд? Едва ли. У мужчин он редко бывает раньше тридцати. Так что, друг, не готов ты морально к тренерству. — И закончил жестко: — Пятнадцатого февраля начинаются сборы на Красном море. С тройками не поедешь. Понятно?

Эти сборы на Красном море останутся у меня на всю жизнь. Такое не забывается.

Я впервые попал в тропики. Что меня потрясло? Палитра. Разгул красок. Буйство красок. Хулиганство, я бы сказал. Крикливая пестрота, может быть, даже базарная, вульгарная красота. И детская непосредственность. Цветы алые, море синее, небо тоже синее, откровенно синее.

Ведь для меня, «северянина», «синее море, синее небо» были литературными выражениями, поэтическими гиперболами, как и «синие глаза», «черная тоска», «пустая голова». Я же знал, что синих глаз не бывает, встречаются серые с голубоватым отливом. И знал, что синего неба не бывает, небо белесое, серое, в солнечный день слегка голубоватое, акварелью его надо писать, краску водой разводить пожиже. А море на самом деле серое, разных оттенков — от жемчужного до сизо-свинцового. В лучшем случае — цвета морской воды. Там и зеленое, и бурое, и фиолетовое надо мешать, меньше всего имеешь дело с синей краской.

На юге же море было откровенно, бесстыдно синее, как на плохой открытке. Вода же была прозрачная, до тех пор я думал, что прозрачна вода только в стакане. Мы ходили между островами, как по крыше аквариума. Под ногами висели ноздреватые рифы, кораллы желтые, серые, красные, фиолетовые и ослепительно-белые, самые нарядные из всех. На каждом рифе клумба — водоросли, листья и космы всех цветов, и темные колючки морских ежей, и актинии — хищные подводные астры без стебля, и морские звезды — бывшие цветы, удравшие от своих стеблей, цветы, поедающие червяков и ракушки. А над подводными клумбами порхают подводные бабочки такой же клумбовой расцветки: рыбы-попугай, разноцветные, как попугай, и рыбы-ангелы, полосатые, как черти. Важно проплывают манты — громадные скаты, этакие плачущие плащи. Иной раз и акулы суетятся, так и шныряют под пятками. К счастью, здешние не хватают то, что на воде, не лезут в другую стихию. Но руки в воду не суй, если не хочешь лежать полгода в хирургии, смотреть, как доктора измеряют твою третью ручонку, растущую взамен оттяпанной.

«Не стать ли мне гидробиологом? — думал я тогда. — Кстати, и гидропробег пригодится. Буду расхаживать над подводными садами».

А на Сюиссе не сады, целые подводные парки, ходишь как по крыше оранжереи. И вода разного цвета: голубая, розовая, изумрудная, аметистовая. Как бы аметистовый, изумрудный, яшмовый зал подводного дворца.

Эх, удастся ли побывать?

Лишних часов не было на сборах, все расписали, от подъема

до отбоя. Шесть часов тренировка, шесть часов школьных занятий. Лекции слушали по телевидению, отвечали по телевидению своим же ленинградским учителям. И успевали, вот что удивительно. Учились шесть часов, а не в носу ковыряли. Искренне посочувствовал я тогда своим одноклассникам. Сколько же часов теряют они, бедолаги, глядя, как какой-нибудь лодырь вроде меня мнется у доски, пытаясь в глазах учителя прочесть забытую формулу!

Шесть часов ученье, шесть часов тренировка: Р—Р—Р! А по выходным соревнования — то на базе у японцев, то на базе у румын, то у шведов, то у голландцев. Все, у кого море зимой холодное, собрались тут, на островах.

Там, на международных встречах, я и начал осваивать третьью букву дяди Трои.

Буква О. Опыт спортсмена, ум спортсмена, уменье понимать свое тело, свой характер и чужой характер. Да, ум! И чем сложнее спорт, тем больше надо ума. Впрочем, прошу прощения. Я вообще не знаю спорта, где не требуется ум. Недавно я разговорился с одним борцом. Казалось бы, что ему нужно: мускулы, вес, силища медвежья. Схватил противника, дави своей массой. А услышал я вдохновенную поэтическую лекцию о борьбе за центр тяжести. Оказывается, мешок с опилками труднее перевернуть, чем живого человека. Мешок безразличен, человек помогает тебе, если ты завладел его центром тяжести. Лови этот центр, хитри, забирай, перехватывай! А я-то думал, сопи и дави, как медведь.

Между прочим, тот борец учился на инженера. Так и сказал: «Думаю о будущем. Косте-борцу с каждым годом цена все меньше. Косте-инженеру с каждым годом цена все выше».

О чём приходится размышлять у нас в гидробеге?

О распределении сил прежде всего. Бежишь на дальнюю дистанцию, работаешь 23, 22 минуты. Редко кто укладывается в двадцать. Но двадцать минут подряд работать что есть силы человек не способен. Значит, мысленно делаешь раскладку: выбираешь темп на всю дистанцию, оставляешь запасец на рывки, на финиш в особенности. Новички обычно переоценивают себя, начинают резво, к середине сыхают. Старички склонны к недооценке: резерв приберегают, рвут финишную ленточку, а сил полно.

— А вы мне за финишем не нужны, — говорил дядя Троя. — Пусть вас на носилках уносят, с букетом я и без вас станцу. Все выдавайте на-гора. Надо знать, что ты не можешь, и знать, что ты можешь.

Бот уменье выложить все и дается опытом.

И природу учитывает опытный гидрокроссист: солнце в глаза, солнце в спину, жару, прохладу, ветерок встречный, ветерок попутный, волны такие, волны этакие. Опытному природа помогает, новичку только мешает.

И самое сложное: понимание соперника. Ты должен великолепно знать себя: что ты можешь, чего не можешь. Должен не хуже знать соперника, что может и чего не может он. Если заранее не узнал, почувствуй в борьбе, догадайся... и подложи ему свинью, или, говоря приличнее, навяжи свою волю. Пусть бег пойдет, как тебе удобнее всего, а ему противнее всего.

Как это делается? Вот я, например, «маятник». Так называют у нас бегунов, которые не любят менять темп. Раскачился и пошел-пошел-пошел, всю дистанцию в одном ритме. Могу взять ритм почаше, еще чаще, но важно не менять. А москвич Вася Богомол (так его называют потому, что он на жука-богомола похож: головка маленькая, а усы длинные, и держит он их всегда на весу) не «маятник», а «дергун»: рванет и отдыхает, рванет и отдыхает. И что делает такой «дергун», что делал бы Вася, попав со мной в пару? На старте вырвался бы, повел бы. Я постепенно пристроился бы в затылок, потому что по следам идти легче, воздух разорван, вода утрамбована, уплотнена чуточку его подошвами. И тут Вася потихоньку начал бы замедлять темп, придерживая меня. Я почувствовал бы, что темп не мой, обогнал бы его. Тогда Вася рванул бы и снова вышел бы передо мной, вышел бы и стал придерживать. Его рывок — мой рывок — его рывок — мой рывок. И вот он, «дергун», навязал мне, «маятнику», свою волю. Ему хорошо, я выдыхаюсь. Это его «дергунская» тактика.

А какая тактика у меня? Мне надо от него оторваться на старте, уйти далеко вперед, даже силы вложив лишние, так чтобы всю дорогу он видел мою спину, только спину. Пусть рвет, но не достает, рвет, но не достает. Он волей-неволей будет жать без отдыха... и выдохнется, потому что он не «маятник», не способен на долгое равномерное усилие.

К счастью, сегодня все это не играет роли. Вася Богомол закончил свой забег, время его известно. Первый круг он прошел на три секунды резвее, но я эти три секунды отберу как у миленького. А сюиссянин мне не соперник. Он вне конкурса, его забег показательный. Ну и пусть показывает, как надо бежать, пусть ведет меня на веревочке. Пока что держусь... глядишь, что-нибудь и перейму.

Второй круг был самым приятным. Идти стало легко, и я заметил природу. Заметил, как небо наливается голубизной (акварельной), как брызнуло солнце из-за хмурого частокола елок. Все это отражалось на полированной глади залива: ближе к берегу частокол, ближе к острову голубизна, а впереди искры, как толченое стекло. Впрочем, это уже нежелательная красота. Лучше бы золотой коврик. Искры обозначали рябь. Даже мрачноватый корпус кенгуру заиграл в лучах солнца, на серых гранитных боках обозначились ржавые и зеленые пятна лишайника, в колючем хребте свечками загорелись стволы сосен.

Болельщики на берегу встретили нас шумом, шум я тоже услышал. И сюиссянин услышал, резко сложился, как складной метр, и пошел вприсядку, выдвигая одну ногу за другой. Наверное, и он был из породы «маятников», предпочитал прямые и гладкие дорожки, которые так хорошо мерить длинными шагами. Я не стал ему подражать, присядка — лишнее утомление, пошел по-своему, левая рука за спиной, правая отребает воздух. И опять с удовольствием отметил, что не отстаю, держусь за веревочку, могу даже и на спину сесть.

На волнах клетчатый иноземец все-таки оторвался от меня, ловко управлялся с волнами, ничего не скажешь. Но ведь у него это в крови, моя мать не отплясывала с цветными фонариками на гребнях валов. Однако за хвостом кенгуру я резко взял вправо, сразу вошел в штилевую тень и без особого напряжения догнал его, мог бы и обойти. Но я уже говорил, что опасный участок приятнее проходить вторым, ведущий как бы предупреждает тебя обо всех трудных поворотах. Так я и сделал, повторил все жесты сюиссянина под восторженные вопли болельщиков. Сделал разворот, сделал перескок и на левой ноге в танцевальном па скользнул мимо дяди Трои. Ну как?

— Хуже на тринадцать секунд! — крикнул он. И вдогонку: — Своим темпом, своим, своим, своим!

Тринадцать секунд проиграл? Когда же это? Выходит, Вася Богомол взял темп резвее заморского гостя. А что же думает мой клетчатый? Силы бережет, все на финал оставил? Конечно, тринадцать секунд не трагедия, их можно и на финале отыграть. Но все же риск. Видимо, пора нажимать. Дядя Троя говорит: «Своим темпом иди». Ладно, пойду своим, а клетчатый как хочет.

Все эти соображения я излагаю для читателей. Думаешь-то короче. Я подумал только: «На Сюисс равняться нечего».

И снова исчез из поля зрения гудящий берег, пятнистые бока кенгуру. Есть темно-зеленая вода, скользжу я по вершине елок. Скользжение на ле-евой, скользжение на пра-авой. Нога колеблет воду, портит шишкунское полотно. Гул голосов отплывает за спину. Хорошо! Ну а где мой клетчатый? Вижу его правым глазом. Значит, не отстает. Тоже прибавил, по мне равняется. Или график у него был такой: темп нарастает с каждым кругом. Вот и прекрасно, я в этот график вписываюсь.

Крккрккрк... мелко зарокотало под ногами. Да, и мне правее надо было брать, слишком рано въехал в рябь. А сюиссянин соображает, где надо срезать, а где удлинять маршрут, недаром рожден на воде. Теперь я борюсь с рябью, а он еще на тихой воде. А вот повернулся к ветру спиной, опять обгонит. И обгоняет. Коля, нечего глазами косить, смотри на гребешки, главное тут — равновесие не потерять. Шлеп-шлеп-шлеп! Ух ты, какую волну развел! Прощай скользжение, прыгать приходится. С этой на ту, с этой на ту. Ой, чуть не... Ничего, удержался. Теперь на ту, гладенькую. А сюиссянин-то уже за хвостом кен-

гуру. Ладно, сейчас и я там буду, там дадим темп. Сюда... Сюда... А теперь вон туда. Метров на пятнадцать отстал. Ну это пустяк, пятнадцать мы отберем назад. Главное, не суетиться. Скользжение на ле-е-вой, скользжение на пра-а-вой. Чуть сильнее толчок. Чуть сильнее толчок. Ну вот и порядок, веревочка поймана. Клетчатая спина все ближе, все ближе. Могу и обойти, но есть ли в этом смысл? А он не хочет уступать, прибавлять темп. Не хочет, а я обойду. Или не стоит рвать перед самыми скалами? Влетишь сгоряча в узкий проход, забудешь, где там ноги переставлять, махать и отмахивать. Ладно, хочешь идти впереди, показывать, иди и показывай! Входи, входи в скалы, дядя с планеты Сюисс, я тебе не мешаю. Я даже отпущу тебя метров на пять, чтобы не столкнуться в скалах ненароком. Все равно я держу тебя за кушак.

Нечисто он проходил препятствия на этот раз, можно было подумать, что устал. В одном месте чуть не выскочил на подводный камень, зашатался, руками взмахнул. Если бы я ближе шел, мог бы и налететь на него. У нас на командных забегах иногда устраивают кутерьму нарочно: ведущий падает, загораживает дорогу, следующие на него, барахтаются, разбирают, где чьи ноги. А своя команда сторонкой обходит — и на чистую воду. Бывает такое, даже споры идут: по-спортивному ли подстраивать подобные фокусы? Но ведь сюиссиянин сам по себе, не заодно с Васей Богомолом. Ему нет выгода меня придерживать.

Так что я его еще отпустил немножко, прошел скалы внимательно, не торопясь, с балетной чистотой, хоть сейчас на сцену Кировского оперного. Болельщики взревели, замахали шапками.

А дядя Троя?

— Бросай ты его к чертям! Вперед уходи, вперед! По своему графику, своему, своему. Хуже на двадцать четыре! Я! Я! Я!

Хуже на двадцать четыре секунды? И остался один круг! Это была катастрофа.

4. БУКВА Я

— Я! Я! Я! — кричал мне дядя Троя вслед.

«Я» — последняя буква в его прозвище. Я — последняя надежда проигрывающего, последняя ставка спортсмена, если равны таланты Т, и равна Р — предварительная работа, и равен О — опыт.

Все равно, тогда остается сопоставить Я — ярость бойца.

Ярость. В горячке боя гневный боец сокрушает тройные силы.

Ярость матери, которая дикой кошкой кидается на зверя, ухватившего ее детеныша.

Ярость мальчонки, ухватившего за горло насильника, обидевшего его мать.

У нас, в спорте, конечно, ярость небезрассудная, ярость в

пределах правил. Тут никому не разрешается быть соперника дубинкой по голове. Даже есть биологическая основа этой ярости. В мускулах у каждого хранится резерв на экстренный случай, для спасения жизни. Если жизнь потеряешь, беречь те запасы незачем. Вот природа их и извлекает в минуты смертельного ужаса или безумного гнева.

А мы должны извлечь на финише. За флагом резервные силы не нужны. Пусть на носилках унесут, а с букетом становится дядя Троя.

Иные говорят у нас, что злиться не обязательно. Говорят, что любовь окрыляет не меньше, чем злость. Возможно, не спорю. Но ведь я мальчишкой был тогда. И моя вихрастенькая предпочитала меня не окрылять, а окорачивать.

— Гордишься? — переспрашивала она меня, когда я показывал ей грамоты. — Видела, видела, есть чем гордиться. Великолепно переставлял ноги.

Иные говорят: важнее всего товарищество. Ты — представитель Ленинграда, ты прежде всего должен думать о чести Ленинграда.

Не к лицу нам уступать заносчивым москвичам, у которых и воды-то настоящей нет, волжскую качают насосами, чтобы хоть какая-то река была в городе...

Честь, конечно. Стыд, конечно. Стыдно подводить команду, стыдно проигрывать. Тогда я думал именно так. Это сейчас я не очень уверен, что чемпион гидрокросса много чести прибавляет Ленинграду, городу-музею, городу-панораме, городу Ленина, родине Октябрьской революции.

Впрочем, когда честь задета, тоже рождается ярость — благородная. И ярость вымывает наружу последние силенки, запасенные для спасения жизни, для последнего смертного боя.

В тот раз я злился на самого себя. Впрочем, я всегда прежде всего злюсь на себя, говорят, это сравнительно редкое свойство. Но что мне Вася Богомол со своей птичей головкой, что мне клетчатый сюиссянин, который еще в животе матери плясал на волнах, а у нас пляшет медленнее Васи? Что они мне? Мне своим-своим-своим темпом надо было идти, своим-своим-своим умом жить, а я в подражатели записался. Тоже чемпион! Ведущий ему нужен, указчик на каждое движение. А сам, такой-сякой немазаный, сам ты думать не хочешь? Может, и ногами двигать не хочешь, лодырь разнесчастный? Двадцать четыре секунды проиграл! А ну давай, давай, давай!

И я дал. И добавить к этому слову нечего. Второй круг весь у меня перед глазами: блики, тени, оттенки, хоть сейчас рисуй картину. Третий я помню логически: о чем думал на каком этапе. От четвертого помню только одно: напряжение. Весь он слился в единый сплошной спурт, в сплошное «давай-давай-давай!». Это не трибуны, это я сам себе кричал мысленно. За три

километра до финиша начал финишировать. Как выскочил из-под морды кенгуру, так и рванул.

Какая там плавность, оптимальное скольжение, экономия сил. Я толкался все чаще, вдвое чаще, чем полагается, все закорачивая шаг, лишь бы скорость нагнать: давай, давай, давай! Сюиссянина сразу же потерял из виду, а оборачиваться не стал, дали секунды терять. Уж не знаю, сидел он у меня на спине, держался ли за веревочку. Он не представлял интереса. Я не с ним боролся, с секундами.

Давай-давай-давай! Вдруг мелко зашлепало под ногами: это я с ходу ворвался в рябь. В таком темпе ворвался, что даже рябь не помешала, не смогла развернуть меня. Так и поехал наперерез. И тут скорость была полезна. А ну давай-давай-давай, выкладывай силы! Наэкономился, голова твоя садовая! Беречь незачем, за ленточкой твои резервы ни к чему. Еще сильнее, еще!

Шлепнулся я все-таки на волнах, где-то заспешил, не на ту площадку прыгнул. Упал, но и сидя ехал по инерции. Волна меня в спину толкнула, я оперся на нее, крутнул руками и выпрямился. Как-то мгновенно сообразил, как использовать толчок волны. И вот я уже на ногах, поймал равновесие, бегу.

За хвостом кенгуру снова гладь. Теперь я один на стеклянном просторе. Никого перед глазами, не маячит клетчатая спина. Радуешься, да? Рад, что никто не мешает. Раньше обрадовался бы, а то цирлих-манирлих, пропущу гостя вперед, пусть показывает дорогу. Вот и плати за свою лень, за неспортивную пассивность. Инструктор тебе, видишь ли, необходим! Эх ты, горе-чемпион! Жми теперь, давай-давай-давай!

Перед скалами я даже не стал тормозить. Все равно проигрывал, теперь не было смысла осторожничать. Прошел все повороты на полной скорости, никогда не пролетал этак пролив с препятствиями. Но я был так зол, так зол на себя. Если бы ногу сломал, одно сказал бы: «Так тебе и надо!» Но на высокой скорости движения были точнее, да и голова работала в ином темпе. Не на шаг, не на два, на четыре шага вперед мозг рассчитывал все движения, как бы заранее расписывал график: левой—правой, мах — разворот — перескок. Рассчитывал и подавал команду в нужную долю секунды. Последний мах. Все. Простор.

Дяди Трои уже не было на привычной скале. Ушел. Перед финишной прямой подсказывать поздно. Осталось метров пятьсот до ленточки. Слышу нарастающий рев, выкрики, трещотки, чье-то отчаянное: «Ко-оля, давай, милый!» Чему они рады? Рады, что голубая ленинградская майка впереди? Да не в том же дело, дело в секундах. «Давай, Коля, давай, миленький!» А что я делаю? Я и даю.

Пригнулся, корпус несу параллельно, сам иду чуть не вприсядку. Зажимает дыхание? Ничего. Кто же бережет силы на финише? Машут руками как мельница всем наставлениям вопреки. Да кто же думает о наставлении на финише? Что, язык наружу,

хочется дух перевести? Уже силенок нет, лентяй несчастный? А ну давай, давай нажимай, жми ручками-ножками, ножками-ручками...

Рокот голосов нарастает, всплеск... и вздох.

Урра! Уррааара!

Все. Финишировал.

Еще толкнувшись раза два по инерции, медленно выпрямляю спину и разворачиваюсь лицом к берегу. Оглядываюсь не спеша. Старательно размахивая руками, спешит к финишу следующая фигурка. Не клетчатая, желтая. И бакинец обогнал сюиссянина.

Мне кричали «ура», кидали цветы на воду, щелкали на пленку, корреспонденты совали микрофоны в лицо, а я думал только об одном: «Сколько же секунд? Сколько секунд?» И поскорей, поскорей удрал в раздевалку, сел в темный угол, ноги положил на скамью, качался, головой мотал, чтобы волнение унять. Ах, не выложился. Есть еще силы, чтобы головой мотать зря.

Минуты через две дядя Троя откинул полу палатки. И ничего не надо было спрашивать, все было написано на его лице.

— Сколько, Трофим Иванович?

— Проиграл четыре секунды, — сказал он хрипло.

Я вздохнул тяжко. Сам виноват. Зачем держался за веревочку?

— Это я виноват, — сказал дядя Троя горестно. — Сбил тебя с толку. «Сюиссянин, космический мастер, приглядывайся, перенимай!» А он, заморский заморыш, еле до финиша дополз. Говорит: «Кислорода мало на вашей планете, полтора процента мне не хватает». Ну и бегал бы с кислородным баллоном. А на Сюиссе что? Какие результаты мы покажем на их кислороде!

Опять я вздохнул: «Мы покажем, я не покажу».

— И нечего киснуть, — сердито буркнул дядя Троя. — Не нос — закваска. Опусти в молоко, сразу творог будет. Финишировал ты великолепно, сделал больше, чем мог. Шутка: двадцать секунд отыграл на одном круге. Заслужил поездку на все сто процентов. Я подам протест... напишу, что в нашем забеге волна была больше.

— Дядя Троя, вы всегда говорили, что это не по-спортивному — протестовать.

— Ну не без того, не любят у нас протесты. Но на следующий год ты полетишь обязательно. Это я гарантирую. Ты настоящий боец с полновесной буквой Я.

ЭПИЛОГ

На Сюисс я так и не попал. Что можно гарантировать в спорте? Мяч круглый, как известно, катится в любую сторону. Осенью я начал терять форму: плечи у меня раздались, грудная клетка развернулась, на подбородке появились волоски, наросли мускулы, кости стали тяжелеть без спросу. Я начал прибавлять

килограммы, оседать на миллиметры... и терять секунды на километрах. Увы, гидробег — спорт пятнадцатилетних. Владельцы паспорта для гидробега — переростки.

При мне осталась заслуженная буква Р, и горькая буква О, и сердитое Я, но Т я терял — терял талантливое телосложение, подобное сюиссянскому. И почувствовал в полной мере то, что предсказывал дядя Троя: всю горечь отставки в 16 лет. Бывший герой бывшего сезона. Почетный ветеран, экс-чемпион, мальчишки смотрят на тебя уважительно на старте и снисходительно на финише. Обгоняют непочтительно.

Я пробовал перейти на коньки. Это родственный спорт, и разряд я получил без труда. Но все-таки в коньках иной счет таланта. У нас все решает вес, у них мускулатура. Лед твердый, он под коньками тает, но не проседает. Техника другая, требования другие. Меня не признали перспективным.

Для удовольствия хожу я на каток, секунды не считаю.

Тем более что за 8-м классом пошел 9-й, а там и 10-й. Пришла пора выбирать жизненный путь, и такой, где «чем старше, тем цена больше».

Надумал я идти в Литературный. Всегда тянулся к книге. И в школе учителя отмечали мои сочинения, один раз мне поставили «пять» с тремя плюсами. И вот пришел я в Дом Герцена, толкаюсь в толпе подающих надежды молодых талантов, гравистых или бритоголовых — по самой последней моде, среди девочек в брючках, в юбочках, девочек в трико, девочек в ленточках, слушая разговоры о крике души, о самовыражении и собственном видении мира... и об очерках в многотиражках, и о стихах в районных газетах. Слушаю, и оторопь берет. Куда я затесался? Вокруг сплошные таланты. Что я стою со своими тремя плюсами? Почему вообразил, что могу опередить всех?

Даже пошел в приемную комиссию, попросил сказать мне, есть ли у меня хоть какой-нибудь талант, перспективный ли я.

Говорят: «Принеси рассказ, почитаем. Если нет таланта, скажем тут же. А велик ли талант — это, увы, выясняется после смерти, и то не сразу, иной раз и на полвека отступя».

Ну что ж, допустим, исходный талант есть. Можно выйти на старт. Но ведь Т — только первая буква... за ней еще три.

Р! Разве я не работал? Конец в этом рассказе и то переписал три раза. Думал: не обязан я придерживаться фактографии-фотографии. Жизнь жизнью, а в литературе можно и подправить. По справедливости я был тогда сильнее Васи, много сильнее. Так пусть же восторжествует справедливость хотя бы в рассказе. Пусть Комиссия скажет, что на Сюиссе честь Земли должны защищать сильнейшие, пусть нас обоих пошлют в космос, и там я покажу лучшее время, посрамлю Васю... Есть такая примета: добавленные занимают первое место в команде.

Но что же получится тогда? Тогда о забеге можно и не рассказывать. Забег никакого значения не имеет, а все решает Ко-

миссия по протесту дяди Трои: «В беге плошай, но на дядю надейся». Неспортивный сюжет.

Подумывал я и о том, чтобы изменить время. Я же отыграл 20 секунд в последнем круге, чуть приналег бы — и отыграл бы 24. Могло быть такое? Скажем, не шлепнулся бы на волнах, сюиссянина обогнал бы еще в третьем круге. И пришел бы к финишу секунда в секунду. Волей-неволей пришлось бы нас обоих посыпать на Сюисс. И справедливо, и неожиданно, и правдоподобно, и счастливый конец. Читатели любят счастливый конец. Я сам читатель, знаю. И мне бы приятнее описать победу, хотя бы и воображаемую.

Но тогда получилось бы, что главное в спорте Ярость. Таланты равные, Работа равная, с Опытом я оплошал, недодумал, не проявил ни самостоятельности, ни своевременной наблюдательности, но Ярость все решила. А это неверно. Побеждает тот, у которого все четыре буквы на высоте. А я не воспользовался третьей буквой. Заслуженное поражение.

Сейчас не оплошать бы — в рассказе.

О — Опыт. Ну литературного опыта у меня нет, конечно. Но его нет и у всех моих соперников, тут мы наравне. Опыт житейский тоже не велик в моем возрасте. Мне и советовали писать о школьной жизни. А я выбрал спорт. Знаю болельщиков, знаю учеников, тренеров, разрядников, мастеров и чемпионов, сам был чемпионом города. Знаю, что думают в раздевалке перед стартом, знаю, о чем говорят после финиша. О есть, хотя бы для этого рассказа.

И остается последняя буква — Я!

Так что же я, хуже людей, что ли? Неужели, садовая голова, я слов не смогу подобрать для знакомой картины? Видел тысячу раз, вот сейчас стоит перед глазами. Неуверенная заря на небе, сизый громоздкий круп гранитного кенгуру, темный частокол елок на берегу, темный частокол на гладкой-гладкой воде. И тощие фигуры в цветных майках: желтая, белая, зеленая, клетчатая. Косым углом строят нас, прибрежных выдигают, дальних отводят назад. Я в голубом, на недвижной воде лежит мое голубое отражение, поправляю позу, глядясь как в зеркало. Нервы натянуты, нервы как струны на колке, и колок все завинчивают, завинчивают. Да что они медлят там, у судейского стола, перешептываются, шелестят протоколами? Времени не было, бумажки не могли разложить. Но вот один в полосатом выходит вперед, поднял флагок, взмахнул...

И эх, как мы рванули со старта!

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

— Марта, — спросил Андреев, — ты помнишь о Серой планете?

Он смотрел на закат, и лицо его оставалось бесстрастным. Марта поежилась, словно от холодного ветра. Она слишком хорошо знала этого человека — знаменитого исследователя микромира и своего «вечного жениха», как о них говорили в Космическом научном городке, где они оба работали. Она знала, что если на лицо его ложится маска бесстрастия, значит, случилось что-то очень важное. Но она чувствовала, что вопрос о Серой планете не самое главное из того, что ему хотелось бы сказать, и не ответила.

— Выходи за меня замуж, — сказал Андреев, помедлив.

— Разве тебе со мной плохо?

— Хорошо, — все тем же равнодушным тоном сказал он. — Но я боюсь.

— Это я боюсь! — нервно засмеявшись и страдая от этого своего смеха, воскликнула Марта. — Ты злой или совсем холодный. Я хоть умриай, ты все равно не оторвешься от своих экранов, пока идет опыт. Думаешь, мне легко одной?

— Ты не одна.

— Но не с тобой.

— Я боюсь, — повторил он глухим голосом.

— Чего? Я же сказала, что люблю тебя.

— Боюсь за себя.

— Но ведь я тебе верю!

Марта повернулась к нему, ища в его лице хоть каких-нибудь перемен. Она понимала, что он имел в виду вовсе не соперницу, а что-то другое, более серьезное, и сказала так из чисто женского кокетства, желая переменить разговор. Но из этого ничего не вышло. Андреев никак не отзывался, сидел неподвижно на холдеющем камне, с прежним кажущимся равнодушием смотрел, как плющится солнечный диск на синей кромке морского горизонта. Над Солнцем, над опаловой грядой редких облаков, в зеленоватом небе нежилась Венера. Выше и правее ее холодно поблескивал искусственный спутник Космического научного центра.

Марта снова поежилась, предчувствуя недоброе, с тоской взглянула на Андреева и сжалась, маленькая, угловатая, обхватив себя за плечи длинными тонкими пальцами.

— Чего ты боишься? — спросила она.

— Есть один опасный человек. Его зовут Бритт.

Она не могла удержаться от удивленного восклицания:

— Наш добряк?!

— В том-то и дело, что добряк. В этом эксперименте излишний оптимизм недопустим.

— В каком эксперименте?

Он понял, что проговорился, и принялся, как мог, популярно объяснять:

— Слышала о такой величине — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра? Поколения физиков мечтали о проникновении в нее. Потому что это очень любопытно — заглянуть за теоретический микропредел. Теория утверждает, что на таких сверхмалых расстояниях гравитация уже не гравитация, кванты не кванты и скорость света совсем иная. Мечты были красивы, ибо оставались недостижими: для того чтобы расщепить квант пространства-времени, мало было суммарной мощности всех имеющихся в распоряжении человечества энергетических запасов. Но вот явился этот оптимист Бритт со своей новой теорией...

— Ну и что? — спросила Марта, не дождавшись продолжения.

— Совсем другой подход к проблеме. Похоже, что с этой стороны можно подобраться к теоретическому микропределу.

— Ну и что?

— При определенных условиях все переходит в свою противоположность, — раздраженно сказал Андреев. — Два минуса образуют плюс, слыхала?..

— А чего ты горячишься?

Ему не хотелось говорить всего. Он знал свою беспокойную Марту и готов был хоть накричать и обидеть, лишь бы не напугать.

Ветер налетел ритмичный, порывистый, словно был заодно с волнами, бьющимися о берег.

— А что Серая планета? — помолчав, спросила Марта.

— Там были записаны сказки о пришельцах.

— Ну и что?

— Одна очень любопытная.

— Они все любопытные. На Серой планете кого только не было. Еще в школе уверяли, что эти сказки дали не меньше знаний о мироздании, чем все межзвездные экспедиции.

— Вот-вот. Там есть одна очень любопытная, — повторил он. И впервые, пока они тут сидели, посмотрел на Марту странными глубокими глазами, полными не то удивления, не то ужаса.

— Расскажи.

Она затихла в ожидании, но Андреев молчал, всматриваясь в горизонт, словно выискивая там что-то свое.

— «Они пришли ниоткуда», — наконец произнес он сдавленным голосом. — Так начинается эта сказка. Прочитай ее.

— А ты расскажи.

— Прочитай. Надо, чтобы ты сама поняла.

Ей захотелось по-бабы сорваться, заплакать или крикнуть, что он не смеет так разговаривать с ней. Но вдруг вспомнила, что еще неделю назад он говорил об очень важном докладе, который ей предстоит сделать на заседании Космического Ученого Совета, и, вспомнив, покраснела, устыдившись своей несдержанности, и взглянула на него испуганно и ласково.

— Ладно, милый, я почитаю. — И добавила с многозначительной лукавинкой в голосе: — И обо всем, обо всем подумаю.

— Думать некогда. Пожениться мы должны завтра до вечера.

— Сразу после доклада? — с иронией спросила Марта.

— Да, после доклада.

И опять ей захотелось накричать на него. Не такой же должна быть любовь — холодной, рассудительной, вечно подгоняющей под дела. Не таким представляет она себе мужа. Не обязательно безумства, но хоть раз можно потерять голову?! А так что за жизнь?! Сиди и жди, когда соизволит прийти. Как в древнем гареме, где для мужа жена не единственная радость...

«А какой должна быть жена? — спросила себя Марта. — Эгоисткой, мечтающей о безраздельной власти над мужем? Или помощницей? Не владыкой, а другом?..»

Марта усмехнулась. «Женщина — носительница предрассудков. И слово-то такое забыто — «власть», а женщина все не может не подчиняться».

Теперь ей захотелось обнять своего Андреева, приласкать, как ребенка. И сказать, что пусть будет все как он хочет. Она и в самом деле потянулась к нему, прижалась щекой к холодной и, как всегда по вечерам, колючей щеке. Но сказала совсем не то, что хотела:

— Ладно, милый, не будем волноваться... перед докладом. Завтра обо всем и поговорим...

Утром Марта проснулась позднее, чем обычно, потянулась, понежилась в постели. Не вставая, выпила стакан тонизирующего сока и снова с наслаждением откинулась на мягкие воздушные подушки, словно после целого дня работы. «Что он вчера говорил, этот несносный Андреев?» — игриво подумала она. И вскинулась, вспомнив о сказке, не одеваясь, прошлепала босиком по приятно прохладному полу, набрала номер справочно-го местной библиотеки.

— Пожалуйста, «Сказки Серой планеты», — попросила Марта, не включая свое изображение. — Мне нужна та, что начинается словами «Они пришли ниоткуда».

— Шифр знаете? — спросил приятный мужской голос.

— Нет.

— Придется подождать.

— Давайте их все, я сама найду.

Она кинулась в ванную, нырнула в воздушный душ, с удовольствием, потягиваясь от сладкого озноба, минуту повертелась в тугих массирующих струях. И еще задержалась у зеркала, полюбовалась на свои волосы, спадающие с плеч, подобно искристым струям водопада. Она знала, что красива, и, как всякая женщина, не могла отказаться от возможности полюбоваться собой. И еще подумала, что этот несносный Андреев, видно, совсем уж сухарь, если не замечает всего этого.

Когда вернулась в комнату, экран видеосвязи уже горел и на нем неподвижно лежало черно-белое изображение текста. Это было предисловие к известному изданию «Сказок Серой планеты». В нем рассказывалось о красавейшей из планет, когда-либо найденных космоплавателями. Командир первой экспедиции, возвратившись на Землю и не желая привлекать к красавице планете внимание фанатиков дальних дорог, назвал ее в отчете Серой. Найденную в Космосе жемчужину утаить не удалось, но первое название намертво приросло к ней. Было в этом что-то от игривого характера землян, любивших во всем видеть недоразгаданное, второй смысл.

Марта переключила текст, не досмотрев его, и принялась листать страницу за страницей, читая только первые строчки. Но сказок было много, и она волей-неволей увлекалась; особенно когда попадались хорошо иллюстрированные.

Как тогда же выяснили земляне, Серая планета приглянулась не только им. Там обнаружились следы многих неведомых экспедиций, и это заставило Космический Совет принять специальное решение, закрывающее планету для экскурсантов, одиночек путешественников и тех, кто желал переселиться на нее. Решение это вызвало бурю. Но следующая же экспедиция подтвердила его правильность: Серая оказалась своеобразным вселенским заповедником, давнишним местом встреч цивилизаций,ничейной, «нейтральной» планетой, где в особых условиях красоты, тепла и непонятно откуда идущей доброжелательности цивилизации прощупывали взаимные симпатии и антипатии.

Аборигены, приветливые, необыкновенно доверчивые существа, настолько привыкли к пришельцам, что по-детски горевали, когда их долго не было. Полудикие с точки зрения землян, они обладали удивительной способностью наследовать не только физиологические признаки, но также и память. Они помнили все, что случалось на планете за тысячи лет, вводя земных филологов в настоящий экстаз. Каждая экспедиция привозила с Серой планеты множество записанных полулегенд-полубылей. Чтобы не запутаться в них, специально созданная комиссия, отобрав наиболее оригинальные, издала Хрестоматию, которая потом вошла в школьные программы...

Марта начала нервничать, потому что время шло, а нужная сказка все не находилась. Заседание Космического Совета, на котором докладывал Андреев, вот-вот должно было начаться, и ей не хотелось, чтобы он торжествовал там без нее.

Сказка, которую она нашла, оказалась короткой и непонятной. Но начальная фраза была на месте, и Марта вновь принялась читать ее, стараясь запомнить.

«Они пришли ниоткуда. В ту ночь обезумело небо, звезды порхали, как птицы, угасая и вспыхивая, свиваясь в клубки и распадаясь, покрываясь пеплом, подобно углям в остывающем костре. И падала с высоты тьма, густая, как кисель, и огонь становился синим, фиолетовым и совсем черным, необжигающим. В ту ночь и появились среди нас многорукие существа с добрыми большими глазами. Их было много у каждого костра. Смеясь, мы отталкивали их, но они были как тени, которые невозможно прогнать, ползли к огню и проходили сквозь него, словно сами были частицами огня. То была ночь не страха, а радости. Страх пришел потом, когда они исчезли и мы остались наедине со своими воспоминаниями. А в ту ночь мы играли, как дети, не сознающие опасности, словно мы и они были одного корня.

Когда остановились звезды, прекратив сумасшедший танец, и в свой черед пришел рассвет, мы увидели, что многорукие ушли, не оставив никаких следов. Кто были эти странные существа? Этого не знал и самый мудрый из нас. Они пришли ниоткуда и ушли в никуда...».

Марта включила следующую страницу, но там было совсем другое. Так и не поняв, почему Андреев велел прочитать эту сказку, она оделась и пошла во Дворец науки.

К докладу Марта опоздала, вошла в вестибюль, когда из зала уже выходили люди.

— А, моя прелест! Как всегда, к концу? — услышала она насмешливый голос.

Еще не обернувшись, Марта уже знала, кто это — член Космического Ученого Совета, умный и веселый, но уже лысеющий давний ее поклонник Мишо Бритт, которого они с Андреевым полудобродушно-полунасмешливо звали добряком.

— Уже все кончилось? — удивилась Марта.

— Кончилось, моя радость, еще как кончилось. Хочешь конфету?

— Один красивый мужчина обещал мне букет из венерианских оранжерей.

— Я этот красивый мужчина. Обещал — значит, обещал. Но что такое букет в наше время? В наше время красивый мужчина может подарить красивой женщине целую вселенную.

— Не многовато ли?

— Что ты, дорогая моя! Для тебя хоть тысячу вселенных. Твой Андреев уверяет, что это проще, чем подарить один букет.

Она с тревогой посмотрела на него и заставила себя улыбнуться.

— Только поэты называют вселенную во множественном числе.

— Какой я поэт?! — искренне изумился Бритт. — Твой Андреев — вот это поэт. Жаль, опоздала. Ах, какие он сказки рассказывал!..

— На Ученом Совете?

— Представь себе.

Сердце ее сжалось. Не попрощавшись, она кинулась через толпу, вбежала в опустевший зал и увидела своего Андреева все там же, у пульта докладчика.

— Что ты им наговорил?! — не в силах сдержаться, крикнула Марта.

Он невидяще посмотрел на нее.

— Я опоздала. — Теперь у нее был виноватый, извиняющийся голос, и Андреев, ожидавший совсем другого, скользнул по ней взглядом, в котором было удивление.

— Ты могла все слышать, не вставая с постели.

— Я хотела быть рядом.

— Опоздала.

— Я и говорю, что опоздала. — Она была рада уже тому, что он оторвался от своего так нелюбимого ею самосозерцания.

— Ты можешь все услышать и увидеть в видеозаписи...

— А самому тебе трудно рассказать?

— Трудно, — грубо说道 он и вдруг, отстранив ее, направился к выходу в сад, куда пошел Бритт.

Андреев догнал своего друга на аллее, пестрой от первой осенней листвы, ни слова не говоря, пошагал рядом. Бритт покосился на него и тоже ничего не сказал, сделал вид, что отыкает, любуется прелестью сада.

Это был удивительный сад. Вдали за рядами кипарисов синело море. Тропа бежала по пологому склону и была как нить Ариадны, от которой не оторваться. Она ныряла в сумрачные тоннели влажных зарослей, за которыми неожиданно открывались теплые бронзовые сосны на солнечных и сухих дюнах. Потом начинались можжевельники, темными кипами раскиданные на ослепительно зеленых лужайках. Можжевельники сменялись огромными разноцветными валунами, лежавшими на чистой траве, похожими на сказочные придорожные камни-ведуны. Тропа обегала эти камни и круто поворачивала к невидимой прежде рощице березок, настолько ослепительно белых, что и в пасмурную погоду путник невольно поднимал глаза к небу, ища Солнце. Дальше березки расступались, и за сухой порослью полян вставало перед глазами златоглавое чудо невесть каких давних времен — старорусская церковь. Посреди поля стояла перед церковью одинокая старая береза, устало шевелила свесившимися до самой земли длинными своими косами. И снова

шла веселая пестрота южных зарослей. Печальные ливанские кедры тянули к путнику длинные руки своих ветвей. Альпийские луга стлались под ноги на пологих склонах. Террасами сбегали сады к светлому морю, слившемуся с небом...

Мало кто в Космическом научном центре знал имя ландшафтного архитектора, создавшего этот парк. Но перед ответственными докладами и экспериментами, как и после них, все любили приходить сюда, чтобы хоть немного побродить по тихим тропам, обрести покой. Именно здесь, не в межпланетном, а в земном уединении, зародилось большинство идей, которыми гордился научный центр.

Андреев и Бритт, два давних друга и недавних противника, молча шли рядом и думали каждый о своем. Много лет дела, которыми они занимались, почти не соприкасались между собой. Одного интересовало рождение и умирание звездных систем, другого — рождение и умирание элементарной материи, таких сверхмикрочастиц, для которых одна-единственная земная секунда была вечностью.

— Ну как, отышался? — спросил Бритт, когда они подошли к очередному камню, перегородившему тропу.

— Это же роковая величина — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра! — с неожиданной страстью откликнулся Андреев, и Бритт пожалел, что снова задел его. — Ведь есть же предположение, что там, в неведомом сверхмикромире, смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных систем!..

Андреев хлопнул ладонью по камню и, сердитый, повернулся к Бритту.

— Смы-ка-ют-ся! А для некоторых это пустой звук, всего лишь термин. Почему даже Великий Космос не создает частиц такой энергии, которые могли бы дробить кванты пространства-времени? Молчишь? И правильно, что молчишь! Квант пространства-времени — это, возможно, дверь в иной мир. Нельзя взламывать запретную дверь!

— Но почему «запретную»?

— Был в древности такой поэт — Брюсов. Знаешь, как он писал? Прочесть?

— Давай.

— ...быть может, каждый атом —

Вселенная, где сто планет:

Там — все, что здесь, в объеме сжатом.

Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же

Их бесконечность...

— Это из области так называемой научной фантастики, — усмехнулся Бритт.

— Фантастики? — воскликнул Андреев. — А как ты понимаешь мысль о неисчерпаемости электрона?.. Хорошая будет

фантастика, если кто-то из другого пространства возьмет да и взорвет нашу вселенную?!

— До сих пор не взорвали.

— Как знать! Может, взрывающиеся галактики — это самое и есть. Нам известно, что было вчера, да и то не все, но мы не можем знать, что будет завтра. Особенно когда мы коснемся основы основ нашего мироздания.

Брэйт пожал плечами. Он решительно не понимал своего друга. Появилась возможность узнать то, к чему люди стремились веками. И теперь, на пороге, может быть, великого открытия, остановиться? Разве это возможно? Не он, так другой попытается заглянуть за запретный предел — теоретический минимум, равный десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра. Возможно, что это и небезопасно. Но кого и когда останавливала неведомая опасность? Скорее она влекла. Сколько раз было в истории — сначала шагнут, а потом оглядываются. Но, может, именно в этой безоглядной решимости суть всего прогресса науки?..

— Я не могу отказаться от опыта на основании мифических доводов, — сказал Брэйт.

— Но ведь на Серую планету являлись существа из другого пространства-времени?

— Это не доказано.

— Доказано, что все их сказки — правда.

— И правду можно понимать по-разному.

Андреев сердито посмотрел на него и вдруг, махнув рукой, пошел прочь. Остановился поодаль, оглянулся, сказал приглушенно:

— Я воспользуюсь... своим... Правом!..

«Что ему далась эта Серая?» — подумал Брэйт, оставшись в одиночестве. Он вынул карманный телефон, набрал код научного центра и сказал включившемуся на связь автомату-библиотекарю:

— Прочтите-ка мне сказку Серой планеты. Ту, которая начинается словами «Они пришли ниоткуда».

Он положил коробку телефона на камень, отошел по тропе и стал ждать. Несколько секунд было тихо. Потом послышался мелодичный сигнал начала передачи и зазвучал спокойный, бесстрастный голос автомата. В сгустившихся сумерках коробку не было видно, и казалось, что говорит сам камень.

Брэйт нарочно пытался вызвать в себе волнение, слушая сказку о безумном небе и порхающих звездах, о растворенном в ночи пространстве и многоруких чудищах, уползающих в никуда. Но привыкший к жесткой логике оценок мозг его дремал под мелодичный рассказ, не взрывался, как обычно, в предчувствии открытий, не возбуждал никаких чувств.

«Другой он, что ли? — думал Брэйт об Андрееве. — Как это

возможно в наше время логику ума рассматривать через призму эмоций? Наука, построенная на предчувствиях? Безумство. какое-то!»

Выключив связь, Бритт сунул коробку в карман и зачем-то потрогал то место, где она лежала. Камень был холоден. На его гладких, отполированных многими ладонями боках виднелись веселые надписи, сделанные карманным резаком. С одной стороны было написано: «Иди налево, не ходи направо», с другой — «Иди направо, не ходи налево»...

Андреев и Марта этим вечером снова сидели на берегу и смотрели на угасающий закат.

— Что ж ты молчишь, я ведь все знаю, — сказала Марта.

— Все? — с интересом спросил он.

— Почти все. Посмотрела запись твоего доклада на Совете. Сколько успела.

— Да-а, инерция — спасительница! Оказывается, она может быть и опасной, — задумчиво сказал Андреев, словно продолжал прерванный разговор. — Мне не удалось убедить Совет. Понятно почему. Каждый рвется к неведомому, забывая о себе. Но можно ли делать это, забывая обо всех?..

— Но ведь ты... — Марта страдала, говоря это. — Но ведь у тебя нет никаких доказательств.

— Есть сердце, сердце!..

Она погладила его по руке, успокаивая.

— ...Мне не удалось убедить Совет. Но я воспользовался своим Правом. Настоял, чтобы мне разрешили присутствовать на опыте. И чтобы в Космическом городке больше никого не было. Кроме меня и Бритта...

— Тебя?

Только теперь Марта поняла, к чему все шло, и только теперь страх коснулся ее. Одно дело, когда речь о неведомых мирах, о которых никто ничего не знает, или о гипотетической опасности гибели вселенной, опасности почти столь же реальной, как реальны сюжеты фантастических книжек. Одно дело — перспектива абстрактной катастрофы, и совсем другое — когда пусть даже мифическая опасность угрожает близкому тебе человеку. Говорят же — «черт бы тебя побрал». И хоть тот, к кому это относится, точно знает, что никогда никакой черт его не заберет, все же обижается. Так уж устроен человек. С первобытных времен сидит в нем что-то мистическое, заставляющее пугаться даже абстракции...

— Но почему ты?

— Бритт — как экспериментатор-энтузиаст, я — как скептик.

— А это не опасно?

Андреев засмеялся и взял Марту за руку.

— В тебе всегда было больше женщины, чем ученого.

— А в тебе больше ученого, чем мужчины, — тотчас отпарировала она.

— Как ты думаешь, продолжая этот разговор, мы не можем поссориться?

— Можем.

— Тогда давай переменим тему. Вспомни, о чем я вчера просил?

— Ты просил... — Она тянула с ответом. Понимала, что он имеет в виду, и невольно, не в силах побороть себя, дурачилась. — Ты просил, чтобы я читала сказки.

— А еще?

— Еще ты предлагал пожениться... После доклада.

Марта начала злиться на себя, на него, на весь белый свет. Ей хотелось, чтобы он, забыв обо всем, целовал ей руки и просил об этом униженно, как о милости.

— Что же ты ответишь?

— А почему бы не после опыта? — съязвила она.

— Хорошо, — сказал Андреев и улыбнулся виновато. — Тогда поспешим на опыт.

— Сейчас?

— Опыт сегодня ночью. Прощай.

Он поцеловал ее в щеку и, решительно повернувшись, быстро пошел по тропе. Марта знала, что догонять и укорять его бессмысленно, — даже не обернется, — стояла, привалившись спиной к еще теплому каменистому обрыву, на берегу, ругала этого несносного Андреева за нечуткость, ругала себя за невыдержанность и беззвучно, бесслезно плакала...

Через два часа Андреев и Бритт встретились в кабине космического лифта.

— Погибать, так вместе? — засмеялся Бритт, радуясь другу и недоумевая по поводу его появления здесь.

— Я получил разрешение... — Андреев замялся на миг, — присутствовать на твоем опыте.

Бритт усмехнулся, сразу поняв причину его заминки. Ясно было, что Андрееву просто не хотелось произносить слово «контролировать». Ведь присутствующие на опыте имеют доступ к звездному красному клавишу, которым можно в любой момент прервать опыт.

— Что ж, — сказал он, — давай... присутствуй...

И замолчал надолго, свыкаясь с ускорением.

Лифт, похожий на ракету времен первоходцев Космоса, мчался в вакууме Трубы, подгоняемый магнитными импульсами. Это удивительное сооружение создавалось в свое время специально для связи с Космическим научным центром и представляло собой многоканальную башню, уходящую в заатмосферные просторы к орбитам искусственных спутников. Да и сама эта башня была наполовину спутником, держась одним концом за Землю, другим за массивную громаду Космического города.

Впоследствии Труба, как по-простому называли ученыe эту башню-лифт, приобрела много других назначений. К ее промежу-

точным платформам стали швартоваться небольшие межпланетные грузопассажирские корабли, совершающие каботажные рейсы по Солнечной системе. С появлением Трубы выяснилось, что она позарез нужна представителям чуть ли не всех профессий, прежде и не помышлявших о заоблачных далях. К Трубе приселились Дома творчества писателей, художников, композиторов, ищущих уединения в философской близости к звездам. На ней, словно почки, выросли мелкие астрономические обсерватории, филиалы некоторых промышленных предприятий, санатории, больницы, туристские кемпинги.

Но настоящим бедствием стали экскурсанты. Их беспокойные толпы круглые сутки толкались на многочисленных смотровых площадках. Молодожены стали считать своим долгом в день свадьбы поцеловаться и сфотографироваться на Трубе. Школьники и студенты — отметить знаменательные дни окончания одного этапа жизни и начала другого. На Трубе праздновались встречи друзей, к ней шли просто потому, что хорошее настроение, и потому, что плохое...

Сейчас Труба была совершенно пуста. Так решил Совет, уступив настойчивости Андреева.

Совсем утонув в глубоком кресле, Бритт косил глазами на своего друга, сидевшего рядом, и, как всегда, весело посмеивался. Андреев был настроен не столь оптимистично. Он мучился тем, что не смог убедить друга. Теперь он был почти уверен, что вторжение в иное пространство-время не может остаться без последствий и для этого пространства-времени. Ведь не случайно же теория предполагает такую возможность, что на сверхмалых расстояниях, равных теоретическому пределу — десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра, — смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных скоплений. Законы природы едины для микрочастиц и для галактик. Можем ли мы сказать, что знаем все законы? А если действительно между микро и макро существует прямая связь? Вдруг одно способно переходить в другое? Вдруг, взломав запретную дверь, мы нарушим равновесие в нашем пространстве-времени?

И в то же время Андреева мучило прямо противоположное. В глубине души он не мог не согласиться со своим другом: наука есть наука, ее бог — опыт, а не предчувствия. Душевные смуты, какими бы серьезными они ни казались, нельзя принимать за аргумент. Мало ли почему мучается душа, эта вечная загадка, эта так до конца и не понятая наукой субстанция...

На высоте пятидесяти километров сплошная Труба кончилась, и зачаста перед глазами решетка арматуры, в которой скользила капсула лифта. Отсюда хорошо был виден весь Космический центр — это очередное восьмое чудо света, — державшийся на конце круто изогнувшейся черточки Трубы. Космический научный центр походил на велосипедное колесо. Такое миниатюрное издали, это «колесико» имело восьмикилометровый

диаметр. Во внешнем обводе располагалась магнитная система главного ускорителя. Спицы были соединительными тоннелями, а массивный шар на месте ступицы — целым небоскребом, в котором размещались лаборатории.

— Все еще сомневаешься? — спросил Бритт, когда изнуряющая тяжесть ускорения отпустила их.

— Все сомневаюсь.

Бритт усмехнулся и стал смотреть на звезды, горевшие, казалось, совсем рядом. Потом снова навалилась тяжесть, тяжесть торможения, и они молчали до самого Космического городка. Выбравшись из герметической кабины, сразу же пересели в небольшой двухместный вагончик, старательно привязались, чтобы ненароком не выпасть на поворотах, — в условиях невесомости тоже можно было набить себе шишек, — и помчались по длинным коридорам и соединительным тоннелям.

Центральный пульт управления ускорителем размещался в небольшом овальном помещении, одну стену которого целиком занимал блеклый экран, напоминавший отгороженное невидимой пленкой пространство, заполненное густым туманом. Перед экраном полуокольцом стояло несколько кресел с разноцветными клавишами на подлокотниках. По существу, это был пульт управления электронным сверхмозгом, системой, контролировавшей работу ускорителя.

Оживленный предстоящим опытом, Бритт метался от переборки к переборке и непрерывно балагурил:

— Давай, давай присутствуй. Хорошо, что есть кресла. А то ведь тут можно и вовсе без них. Система отлично обошлась бы даже и без нас с тобой, ей только прикажи... Чего ты такой беспокойный? Сидел бы дома со своей Мартой. Как она там? Я уже год обещаю ей букет из марсианских оранжерей. Вот закончу это дело и полечу на Марс. Так и передай...

Словно ненароком он наткнулся на кресло, в котором сидел Андреев, охая, склонился и незаметно отключил кресло от системы управления.

— Вот теперь начнем, — засмеялся Бритт, перебрался на свое место и затих там, совсем скрытый высокой спинкой.

Электронная система и верно могла самостоятельно провести любой опыт. Она хорошо «знала», чего хотят ученые, все представлявшее интерес фотографировала и тут же с необходимыми увеличением и замедлением показывала на экране. И, как в объемном кино, проходили перед исследователями процессы рождения и умирания микрочастиц.

Всякий раз, когда исчезал туман в глубине экрана и яркими звездами вспыхивало черное пространство, Андреев чувствовал странный озноб. Он никак не мог научиться бесстрастно, без первобытной жути в душе смотреть на эту картину неведомых катализмов. Неподвижные голограммы его обычно не волновали, но то, что показывала электронная система, учитывавшая

способности человеческого восприятия, это не только утоляло научный интерес, это тревожило. Чужое, показанное как свое, наводило на размышления о неизвестных тайнах мироздания, скрытых в микромире, о многослойности пространств. И сказка Серой планеты о существах, пришедших ниоткуда, в правдивости которой не приходилось сомневаться, укрепляла его предположения.

Некоторое время ускоритель работал бесшумно. Потом не весть откуда послышался тонкий зудящий звук, и Андреев, насторожившись, подвинул руку к красному клавишу на подлокотнике, прислушался. Звук исчез так же внезапно, как и появился.

Много лет Андреев занимался тем, что дробил частицы, настойчиво пробиваясь к теоретическому пределу микромира. Но предел этот оставался недосягаемым. У какого-то порога срывалась даже электронная система, наделенная вроде бы безграничными возможностями. Что-то мешало приблизиться к порогу. Было время, когда Андреев сердился на это. Потом притерпелся и даже стал радоваться неудачам. И наконец превратился в противника собственной же научной программы.

Снова послышался тонкий звенящий звук, заставивший насторожиться. Так летней ночью, лежа в постели, мы слышим в темноте комариный стон, и невольно просыпаемся, и, не шевелясь, ждем, когда комар сядет, чтобы прихлопнуть его.

— Что это? — спросил Бритт.

Андреев не ответил. Он с тревогой ждал того момента, когда комариный зуд ускорителя утончился до неслышимости, чтобы нажать на красный клавищ. Он и сам не знал, почему считал опасным именно этот предел, просто верил предчувствию.

Бегущие по экрану звездочки вдруг заспешили, и частые соударения микрочастиц стали напоминать вспыхивающие и гаснущие огоньки. В выносном пульте электронной системы что-то сердито защелкало, и звездочки на экране успокоились, задвигались солидно и важно, как в замедленной съемке. Но экран при этом странно углубился, края его растворились, распались на части, словно тому миру рождавшихся новых частиц было тесно в очерченном для них пространстве.

«Пора!» — подумал Андреев и нажал на красный клавищ. Но ничего не изменилось. Пульт снова сердито щелкал, но свист не утончался знакомо, он рос, переходя в рев, достигая такой силы, что болели уши.

Андреев снова и снова бил по красному клавишу, с ужасом наблюдая, как растворяются, исчезают рамки экрана. Казалось, что рождение и умирание частиц происходит уже повсюду — и над головой, и под ногами.

— Выключи! — крикнул он и не услышал своего голоса.

А уж не только края экрана, но и стены начали растворяться, и там, где они были, заискрились, заметались в черной пустоте скопища не то микрочастиц, не то звездных скоплений.

Андреев вспомнил фразу из сказки насчет того, как «обезумело небо, и звезды запорхали, как птицы, угасая и вспыхивая». И подумал, что перед ним что-то очень похожее, и оттолкнулся от кресла, чтобы добраться до этого оптимиста Бритта. Но неожиданно его кинуло куда-то в сторону, прямо в эти скопища звезд, и застлало глаза непроницаемой тьмой, и сдавило головокружением и тошнотой.

— Стоп, стоп! — закричал Андреев, надеясь, что чуткие «уши» электронного сверхмозга услышат, почувствуют тревогу, сделают все за человека. — Полный анализ! Все назад, все назад!..

И вдруг все вернулось на свои места. Снова вырисовались стены и экран очертился знакомыми рамками, и в нем, как вначале, рождались и умирали мириады неведомых частиц.

— Ну вот, чего кричать?! — весело сказал Бритт.

Отстегнувшись от кресла, он встал, потянулся и, легонько оттолкнувшись, важно полетел к дальней переборке, к большому овальному иллюминатору.

— Завтра отправлюсь на Венеру, а ты посиди пока, поанализируй, что мы тут получили...

И вдруг он глухо вскрикнул. Было в его голосе что-то, заставившее Андреева насторожиться. Сильно оттолкнувшись, он перелетел к иллюминатору, больно ударился о прозрачный купол, но боли даже и не почувствовал: то, что увидел, заставило похолодеть. Странным оранжевым отсветом поблескивало кольцо ускорителя, но ни научного центра, ни Трубы, ни самой Земли не было. Вокруг, сколько охватывал взгляд, простиравлось бесконечное черное небо, усыпанное незнакомыми созвездиями. Задыхаясь от сдавившего душу ужаса. Андреев кинулся к другой переборке, где тоже был иллюминатор, но и за ним была все та же чужая межзвездная пустота.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Бритт. — Мы с тобой сделали такое открытие!

Андреев не отвечал. Слепая надежда Бритта — это было все, оставшееся им на двоих. Самые великие открытия — ничего, если они не отданы людям. Но как отдашь, как вернешься из этого чужого мира, если не знаешь, как сюда попал?!

— Все назад! — повторил он упавшим голосом.

— Задание понято, — бесстрастно ответили динамики.

— Назад — это значит так же быстро!

— Задание понято.

— Время против нас. Упустим время, как попадем в ту же точку своего пространства?!

— Задание понято.

— У тебя все исправно?

— Все исправно.

Уверенный привычный голос динамиков успокаивал. Но и

беспокоил. Ведь не бывало еще, чтобы сверхмозг не отвечал на вопросы сразу...

— А я понял, где мы, — весело сказал Бритт. — Мы — в микромире, по другую сторону твоей запретной двери.

— Погоди с утешениями, они нам еще пригодятся, — сказал Андреев.

— Нам нечего бояться смещения во времени. Мы вернемся в тот же миг, и нашего исчезновения даже не заметят. Разве только приборы. Но что — приборы? Всплеск непонятный? А мы знаем, что это за всплеск...

— Это если вернемся.

Андреев подумал, что если электронный мозг работает с прежней скоростью, то им придется ждать вечность. Та же самая дорога не одинакова для разных путников. И вдруг он остро затосковал по своей Марте. Вспомнилось почему-то не то, что было, а то, что могло быть и не стало, отодвинулось, отложилось ради других дел, ценность которых теперь казалась такой ничтожной. И вспомнилась сказка Серой планеты, и он по-завидовал полудиким ее обитателям. И впервые подумал, что, может быть, не такие они полудикие. Мы считаем себя величими потому, что создали целый мир машин. Их мир — они сами, и самоусовершенствование для них — главная цель? Может, и феномен их памяти, передающейся по наследству, вовсе не природный, а приобретенный?..

Мысль прыгала, как броуновская частица, по сложному пути взаимосвязей. Андреев не останавливал себя, тревожным фоном подсознания понимая, что это теперь единственное его дело и удовольствие. Электронному мозгу помочь было нельзя; только он знал (если знал) все повороты к выходу из этого лабиринта, приведшего их в чужое пространство. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться. И размышлять, копаться в ворохах воспоминаний...

ЗВЕЗДНЫЙ ПАРУС

Перед заходом солнца граница света и тьмы все время поднимается вверх, как будто на дне моря разбили гигантскую склянку с чернилами. Она зыбка, эта граница, но всякая морская живность чувствует ее, следит за ней и тотчас устремляется вверх, словно пытаясь удержать последние солнечные лучи. Вряд ли это заметно на глаз, но траул, который мы иногда забрасываем, рассказывает об этой бесчисленной армии обитателей глубин, всплывающих навстречу лунному свету.

Это рыбы и креветки, медузы и мельчайшие раки. И наш «Одиссей» оставляет им море, биолог Нина принимает последний улов, самый тяжелый, самый удачный, и уже до раннего утра мы не вмешиваемся в морские дела. У меня, водителя глубоководного аппарата, совсем другие заботы, но как интересно слушать рассказы о жизни океана, где действуют свое-обычные законы, управляющие колыбелью жизни тысячелетиями! Ничто пока как будто не изменилось там, в километровых толщах.

И все же само разнообразие морского населения свидетельствует об обратном: ведь только смена поколений, многих поколений, порождает мутации, изменчивость видов. А на это уходят иногда миллионы лет. Впрочем, мне не следовало бы пересказывать то, что говорит Нина. При всем желании я этого сделать не смогу: у нее определенно талант. Если вы когда-нибудь, читатель, побываете на «Одиссее», то убедитесь, что я не преувеличиваю.

Наверное, еще целое лето мы будем работать в Черном море, заходить в Батуми, Сухуми и другие порты. У нас здесь очень важное дело, «Одиссей» должен найти... но что именно найти — никто из нас толком не знает. В этом ничего странного нет: все падающие звезды похожи друг на друга.

У метеоров очень большие скорости, и они испаряются в воздухе, а за ними тянется след — колонна ионизированного газа. Она тоже светится, «ложится в дрейф» и разрушается. Вот и все, что происходит. Попробуйте распознать форму или хотя бы размер сгоревшей звезды!

И все же, говорят, в июне произошло все немного иначе. Как будто бы не было столба раскаленных газов, а метеор летел медленно, опускаясь в море. И что удивительно, радиояр-

кость его менялась. Мерцания были случайными и к тому же невидимыми. Стояло ясное тихое утро, и увидеть его было просто невозможно. Даже фотопленка сохранила лишь несколько слабых пятен: впрочем, снимки явно не удались, ведь никто не уверен в появлении небесного гостя именно в то время, когда это случается, и в том участке неба, куда нацелена оптика. Его «поймали» аэродромные радиолокаторы. Электрические импульсы и помогли зарегистрировать прерывистый путь его в утренней лазури.

Вот это-то и кажется немного странным. Ионизированного следа не было, об этом тоже сказали радиоприборы, но какой же величины тогда должна быть поверхность, чтобы за сотни километров его мог обнаружить локатор? Расчетам, конечно, верить трудно: многое зависит от свойств отражающей поверхности. Но данные настораживали. А главное состоит вот в чем: если раскаленного хвоста не было, значит, он не сгорел, остался цел. Так и канул в воду.

Я верю, что мы найдем его рано или поздно. Наверное, я немного мечтатель (и Нина тоже так считает).

Во время многочисленных погружений я привык к зеленоватому миру, к колеблющемуся светлому покрывалу с пятном солнечного диска и пляшущими серебристыми бликами — так выглядит поверхность моря снизу. Крупные волны ударяют сверху по этому покрывалу, загоняют в воду пузыри воздуха — и те рассыпаются мелкими градинами, которые, вместо того чтобы падать вниз, устремляются вверх (прав Архимед!). Скопления медуз в Черном море напоминают порой тучи или облака — тоже нечеткие, с размытыми контурами, как бы растворенными в безбрежном пространстве вод. В спокойной воде медузы плавают уверенно и довольно быстро. Их зонтики сжимаются, выбрасывая воду, уже профильтрованную, очищенную от мути и планктона.

На глубине 170 метров всякая живность исчезает: начинается мертвая зона. Ни одна рыба не решится заглянуть сюда, в отправленное сероводородом вместилище многих миллионов кубометров бесплодной, хотя и чистой воды. Повсюду плавают тонкие нитевидные хлопья «морского снега» — я уже знаю, что это остатки планктона. По словам Нины, тайна образования «снега» раскрыта недавно — а ведь так, кажется, просто... Лет двадцать назад, в середине шестидесятых годов, ученые пропустили пузырьки воздуха сквозь чистейшую морскую воду. И оказалось, что растворенная в воде органика прилипала к пузырькам. Воздух как бы ткали из раствора тончайшее полотно. А затем пузырьки лопались, и в воде оставались нежные хлопья. Я бы не рассказывал об этом вовсе, если бы, по словам Нины, вся жизнь на планете, а может быть, и в иных мирах не была обязана именно этим хлопьям. Миш об Афродите, возникшей из пены морской, не столь уж фантастичен, если разобрать.

ся получше. У самого берега в ветреную погоду собирается морская пена со стокилометровых просторов волнуемой ветром воды. И здесь, на берегу, как в фокусе, соединяется все, что случайно родилось или возникло в загадочных пластиах подводного мира. Береговая линия, да и вся поверхность океана — это лаборатория, равной которой нет пока у человека... Вот почему я всерьез задумываюсь о жизни, которая, несомненно, рассеяна во вселенной. Есть, есть где-то океаны, созидающие живое! И на планетах-гигантах и на других небесных телах природа, единая, в сущности, творит сложные молекулы, клеточки, организмы.

* * *

Не случайно рассказываю я о Черном море: ведь успех наших поисков во многом определяется характеристиками водной толщи, ее прозрачностью, течениями, погодой, характером дна, рельефом.

Небольшая наша экспедиция — комплексная. У нас много задач. Но руководитель ее (буду звать его без отчества — Николаем), как мне кажется, увлечен «неопознанным объектом». Я много раз замечал свет в его каюте после полуночи.

— Что ты думаешь о метеоре? — спросил он однажды меня, и этот вопрос его, на который я ничего определенного ответить не смог, заставил меня впервые, быть может, задуматься о происшедшем. В самом деле, что это было? Если бы метеор, пусть даже самый необычный, Николай бы не спрашивал. Конечно, он не ответ хотел получить. Он как бы показывал тем самым, что над этим стоит голову поломать...

— А как вы думаете, что это было?! — спросил я его позже, недели через две.

— Вот смотри. — Он раскрыл карту и провел карандашом легкую линию. — Это был путь «Одиссея». — В конце линии поставил кружок: — Сейчас мы здесь. Именно в этом районе упал метеор.

— Но это не метеор, — сказал я.

— Конечно, — вдруг сразу согласился он, — иначе искать его было бы бессмысленно. Дно илистое, да и глубина...

— Дно как жидкий цемент, — подтвердил я, — даже с посадкой аппарата иногда трудновато, того и гляди увязнешь.

— Я думаю иногда, что это был парус, — сказал Николай, глядя мне прямо в глаза.

Я смутился. Что это — шутка? Или слова его следовало понимать в переносном смысле? Я молчал, пытаясь разрешить загадку.

— Парус, понимаешь? — повторил Николай. — Ведь Земля — это берег звездного океана, его остров. Точнее, один

из островов. Звезды, планеты, галактики — это пространство, необозримое, огромное... Даже закрыв глаза, не представишь. Даже звезда-гигант — точка, не больше, в этом безбрежном океане. А планета Земля?.. Пылинка. Но тоже остров.

Мне постепенно передавалось это настроение, и я слушал Николая очень и очень внимательно. Да, беспредельно межзвездное пространство, где световые лучи путешествуют годы, десятилетия. Это целый океан... Парус? Но ведь свет оказывает давление, как ветер. Ветер далеких сияющих солнц сможет наполнить паруса космических яхт. Да, я соглашался с Николаем, было бы странно когда-нибудь не воспользоваться неослабным течением могучей стихии. Мириады фотонов не иссякают, они верно и неуклонно пронесут корабль мимо звездных островов, в инопланетные дали. И как бы ни были слабы лучи — они действуют постоянно. А это главное.

Но, может быть, мы ошибались?.. Возможно, парус пригоден лишь вблизи планетных систем, где раскаленные недра исторгают могучее дыхание звездной стихии? Ведь именно эффектом парусности объясняются и кометные явления. Но если и так, то разве у тех, кто овладел в совершенстве этим секретом, секретом скольжения по соломинам лучей, нет средств вывести яхты поближе к солнцам, чтобы потом пуститься в беспримерное плавание? Быть может, для них это спорт...

— Это моя давняя мечта, — сказал Николай. — Я и сам думал о солнечной яхте. Но тут нужен особый материал, особая конструкция... Если бы когда-нибудь найти эту простоту, эти удивительные пропорции, которые позволили бы выйти поближе к кометам!.. И вдруг — вспышка, и точно солнечный зайчик скользнул в море. Поверхность пульсировала, отражая радиоволны, это доказано. Так опускается в воду сорванный с дерева лист... или парус. Да, я сам попросил в тот же день дополнить нашу программу исследований поисками неопознанного объекта. Я верил...

Я вдруг понял, нет, не по тому, что говорил Николай, а по тому, КАК он говорил, что он точно ищет поддержки у меня. Я-то знаю, как трудно верить в одиночку. У мечты слишком большие крылья, и это может испугать.

— Да, пожалуй, это парус, — сказал я как можно естественней. — Яхта могла упасть на землю. Так к скалам прибывает земные корабли. Она пролетала мимо, и что-то случилось. Она упала. Так ведь может быть?

— Гравитация. Только одна сила — гравитация — может поспорить с лучами света. Она и сбросила парусник вниз. Впрочем, это нам так кажется: «сбросила вниз». Но они могли перейти и на вынужденный маршрут, потом покинуть свое судно. На какой-нибудь нейтринной ракете. И тогда лишенную управления яхту прибило к Земле.

— Кто знает, сколько лет она путешествовала среди звезд...

— Мы, кажется, говорим уже так, как следовало бы говорить, найдя ее. Но ведь мы пока не нашли...

* * *

О мечте я поведал Нине. Уж она-то, наверное, смогла бы понять! Но нет, этого, увы, не произошло. Вероятно, она была слишком уж увлечена сбором коллекции планктона.

Во время очередного погружения мне хотелось захватить как можно больший район дна. Я вел аппарат на глубине двести метров. Вокруг черно-синяя вода. Она прозрачна, лишь нити «морского снега» медленно падают на дно: в ином месте они служили бы пищей водным организмам, в Черном море пропадают даром.

— «Дельфин», как слышно? — это привычные позывные. Связь с «Одиссеем» поддерживаем каждые пять минут.

«Одиссей» — наша плавучая база, большущий корабль, получивший имя в честь исследовательского судна с таким же названием, плававшего лет десять назад в разных морях — и в Черном тоже. А тот, первый исследовательский корабль назван в честь Одиссея — великого мореплавателя древности, маршруты которого все точнее ложатся на современные карты... Фантастика!

Чем ниже опускается наш «Дельфин», тем становится светлее: это свет прожекторов отражается от серого дна. Оно пустынно. Ни одного живого существа! Вот нехитрая разгадка: Нина недолюбливает наши рейды, не участвует в них потому, что ей попросту нечего делать здесь, вблизи черноморского мертвого дна!

Серая пустыня, и над ней — прозрачная темная вода со «снегом». «Дельфин» идет в десяти метрах от дна. Потом я начинаю сомневаться в правильности выбора именно этой цифры. Нет, нужно идти выше! Почему?.. Да потому, что парус, должно быть, огромен. Мы не пропустим его, обязательно увидим. Выше — лучше обзор. Прямой выигрыш от этого...

Я поднимаю аппарат еще метров на десять. Дно видно отчетливо в слепящем свете прожекторов: даже камни, торчащие сквозь слой ила. Но почему мы должны найти именно парус? — вдруг задаю я себе вопрос. Да, мы говорили с Николаем о нем. Но это только предположение, всего-навсего гипотеза. Да и можно ли верить в такое, право?.. И потом, разве Николай, руководитель экспедиции, сказал мне, что нужно искать именно парус, только парус — и ничего больше? Нет, не говорил он мне этого.

Я опускаю аппарат на прежнюю глубину и даже еще чуть ниже: будем ходить вдоль и поперек, обойдем весь район. И пусть кое-кто считает, что мы занимаемся пустяками.

«Дельфин» заходит в долину. Слева скалы, справа холмы.

Скорость — полтора узла. Чтобы фотоаппараты успели произвести съемку, ничего не пропустив. Кое-где вижу крупных мертвых рыб. Они лежат на дне, наверное, уже давно. Здесь нет бактерий, вызывающих гниение. И рыбина на дне Черного моря может пролежать очень долго. При желании можно собрать коллекцию их для какого-нибудь биологического музея.

— «Дельфин», как слышно?

Позади десяток километров. Делаю разворот, иду к базе. На дальнем холме... Что это такое? Сдерживая нетерпение, веду аппарат туда... Нет, просто камень причудливой формы. А ведь где-то здесь, несомненно, покоится один из кораблей греческого капитана Одиссея! Когда-то плавали за золотым руном. И что такое золотое руно, какое оно, никто толком не знал. И сейчас, сегодня, завтра, всегда люди будут искать то звездный парус, то неуловимую внутриядерную частицу... О них тоже немного, в общем, известно.

...И все-таки, какой он, звездный парус? Я попытался представить его. Наверное, он очень большой: световые лучи оказываются едва заметное давление, и чтобы сила была достаточной, нужна большая площадь. Еще что? Не исключено, что он очень легок, так легок, что никакие привычные нам эталоны эфемерности не подойдут для его характеристики. А вывод?.. А вывод из моих довольно простых рассуждений мог быть неожиданным. Мы искали скорее всего не там, где следовало.

Я с нетерпением дожидался конца смены.

И вот «Дельфин» всплыл. Нам кинули швартовые концы. Мягкий удар о пневматический кранец. Стальная лапа крана поднимает наш аппарат и водружаает его на кильблоки в просторный ангар. Мы выбираемся на палубу через люк. Я бегу к Николаю.

— Что случилось? — встревоженно спрашивает он.

— Да уж случилось! — невпопад выпаливаю я и начинаю сбивчивый рассказ о предполагаемой конструкции паруса.

— Ну и что из этого следует? — спрашивает он. И сам же отвечает: — Да то, что искать его мы должны, пожалуй, на поверхности.

— Он должен плавать, — говорю я горячо. — Должен!

Потом я не раз удивлялся, откуда пришла к нам обоим эта уверенность в том, что звездная яхта должна сохранить плавучесть. Тогда же это был решенный для нас вопрос. Подумать только: яхта! Да откуда мы все это взяли с ним? Как придумать смогли?..

Ну и что же, отменять подводные дежурства?.. В конце концов мы решили сократить их, к удовольствию Нины. Вот когда мы с ней стали настоящими друзьями.

Прошла неделя. Мы нанесли на карту направления течений. Данные о ветре были довольно точные, и мы надеялись теперь на успех. Мы повернули «Одиссей», обогнали течение, за-

шли на добрую сотню километров вперед, чтобы не пропустить предполагаемую находку. «Одиссей» стал совершать рейсы по-перек течения, словно дожидаясь добычи. Нечего и говорить, что мы были далеко не уверены в успехе. Если говорить честно, у нас был один шанс из тысячи. В том случае, конечно, если яхта вообще существовала, а не была нашей выдумкой.

...В один из дней, когда мы почти потеряли надежду, наш трап для биопланктона зацепился за что-то. Нина позвала меня:

— Георгий, посмотри-ка!

Я прошел к лебедке. Из воды метрах в тридцати от коры выступала какая-то полупрозрачная штуковина, точно огромный плавник рыбы. Мы подтянули ее поближе. Я стал всматриваться: она была цвета морской волны и оттого сначала показалась прозрачной. Ее нижний край глубоко уходил в воду. Я боялся поверить. Чтобы потом не разочароваться.

Заработала лебедка. Я не торопил событий. Кто-то положил руку на мое плечо. Обернулся: Николай. Я молча кивнул.

Он был не так велик: сотня квадратных метров, не более. Странной была его форма: он был похож на витую раковину. Поверхность его сияла в лучах утреннего солнца. И там, где была вершина раковины, к нему прицепился прозрачный пузырь. Совсем небольшой, около метра в диаметре. Он был пуст. Ничего особенного там, внутри, не обнаружилось. Когда мы подняли яхту на палубу, когда я окинул взглядом ее простые и вместе с тем какие-то необычные обводы, когда сумел угадать назначение некоторых деталей: маленького, едва заметного сиденья внутри пузыря-кабины, крохотной рукоятки, какой-то педальки, — только тогда радость открытия начала наполнять все мое существо. От прикосновения моей ладони по парусу пробежали синие искры, он звонко загудел, и мы все долго-долго слушали эту песню, принесенную им из звездных далей.

СОРОЧИЙ ГЛАЗ

Где-нибудь, может быть, их называют по-другому. Очень часто у растений, особенно диких, несколько названий. Вот, например, черный паслен — где его зовут просто паслен, где поздника, а где и неприлично, потому что растет он в деревнях на самых неподходящих местах и мозолит глаза. С ним, с пасленом, некоторые очень любят пироги, и его даже продают на базарах. А эту ягоду я привык называть, слышал и от других: сорочий глаз. Она лесная, никакая не съедобная, горькая. На макушке травинки как бы звездочка из листьев, а в ней, в центре — голубая до небесности ягода с черной точкой, словно и вправду выглядывает из травы птичий глаз.

И еще приведу одно обстоятельство, не менее важное, как получается, чем ягоды, — то, что к тому времени я уже давно вышел на пенсию. Как давно — не уточню. Для одних давно — год, для других и десять лет — недавно. Жена тоже. Насчет детей: в принципе если были, то были бы взрослые. И внуки.

А по грибы-ягоды я всегда любил и до пенсии. Но тогда по выходным, в большой компании, с ночи в далекие леса. Шумно, колготно. Тут же тихо. Всего лишь пригородная зеленая зона, а ходишь, ходишь — никого. Поднимешь глаза от земли, и вдруг как вынырнул из шума, хлопот в прозрачность, покой, и кажется, вот-вот полностью поймешь и жизнь, и природу, и себя. И задерживается в тебе проникновение, и грибы находятся сами собой, знаешь, куда взглянуть, где наклониться, и оказывается, так и есть. Там он стоит, где предчувствовал: белый или красный — подосиновый. А то среди смешанного древостоя — чистый березняк, это и в кино не раз использовали: свет светом погоняет в белизну, в синеву, розовость. И солнце, и шелестят листья.

Тогда дышишь, словно сливаешься с воздухом.

В таком проникновенно-воздушном состоянии я и почувствовал, что увижу сейчас ягоды сорочьего глаза, и увижу не равнодушно, а с последствием, с продолжением, что ли, для себя, увижу более заинтересованно, чем любой гриб. Вскоре, как по заказу, вышел на куртину этих ягод. Бывают иногда такие яблоки прозрачные, сквозь мякоть видно семечки — наливное яблочко из сказки. Здесь оказались наливными ягоды сорочьего глаза, и не скажешь: голубые — прозрачные до того,

что светятся изнутри. Нет, мерцают, но по-разному: одни будто больше в красное, другие — в желтое. Меня к ним потянуло, выходило по-предчувствованному, и не верилось, что они несъедобные, горькие, наоборот, влекло попробовать и обещало необыкновенную вкусность. Я, еще не веря до конца, взял ягоду в рот. Кто пробовал черный паслен, наверняка помнит его притягательно-отталкивающий вкус. На некоторых людей притягательность паслена почти не действует, и они никогда больше даже не смотрят на него, другие нечувствительны к отталкивающей стороне его вкуса — они-то и любят пироги с пасленом, трети, как и я, одинаково чувствуют обе стороны вкуса и остаются равнодушными к паслену. Вкус наливных ягод сорочьего глаза с той куртины напоминал притягательный вкус паслена, если ягоды отсвечивали изнутри красным, и отталкивающий, если светились желтизной. Притягательный вкус красных был тоньше и приятнее, чем у паслена, отталкивающий желтый — противнее и резче. И были они по вкусу совершенно разные ягоды — одни притягательные, другие отталкивающие. Я съел все красные ягоды, остались в куртине торчать на стеблях только желтые. Никаких вредных последствий я не ожидал, ничего и не случилось вредного. Но предчувствие, которое началось еще до ягод, — заинтересованность — усилилось, связалось с довольно ожиданием еще чего-то, но уже не внешнего, внутреннего. Как будто, когда ел ягоды, я добивался его, знал, что наступит, а теперь отметил про себя с самого краешка: ага! вот и началось, хотя явственно думать что-нибудь похожее я не был в состоянии в тот момент. Сейчас я осознаю все задним умом, как вспоминают потом, когда подломится ножка или стойка: да, да, трещало же! Мы слышали, что трещало, оказывается, вон почему! А не подломись, кто бы помнил о треске. Недолго его и выдумать, если уж произошла поломка.

Через день я помолодел, потому и вспомнил, что будто сразу после ягод почувствовал какие-то изменения в себе, навспоминал задним числом столько всего — впору писать научный труд о ходе внезапного омоложения. Мне теперь мнится, как в тот день я необыкновенно долго бродил, не уставая, по лесу, сидел вечером у телевизора, не задремывая, лег без гудения в пятках, встал утром без связности в пояснице. И пошел, и пошел наматывать воспоминания на все прошедшие часы до того момента, когда я впервые воочию обнаружил, что происходит или уж, лучше сказать, произошло. Стоял я голый, распаренный перед зеркалом и смотрел на себя. Я не сделаю никакого открытия, если скажу, что мужчины-пенсионеры не часто смотрятся в зеркало, а если и взглядывают туда зачем-нибудь, то избегают общего обзора: каков я? Давно известно каков, и не жди изменений в лучшую сторону, представляешь себя не по зеркалу — по самочувствию, и хранишь в памяти совсем другую внешность, чем ту, которую постоянно дорисовывает время.

Но тут мне кричат с полка в парилке: молодой человек! Эй, молодой человек, поддай малость! Конечно, кого сейчас не называют молодым человеком. Однако, даже не глядя, определишь по тону, относится это действительно к молодому или сказано лишь так, для обращения. Хотя у меня и рост небольшой и можно принять за подростка со спины, но никогда еще в этих словах не слышалось той интонации, которая появляется или звучит в отношении действительно молодых. Но тут... Я и поддал, здорово поддал, забрался на полок и сам еле терплю, свирепый получился пар. Кто это, орут, так наподдавал? Да вот этот, показывают, усатый парень, молодой еще, небось холодной водой. Повырачивали, ворчат, бород, усов, а пацаны. Потому-то я и вышел в раздевалку, к зеркалу.

Первое, что подумалось, — жена, неужели не заметила жена? Как же она не заметила? И тут же вспомнил, что и сам не знаю, когда видел ее отчетливо, не мельком, что представляю ее по памяти. Да и кто же будет пристально вглядываться в лицо близкого человека, надев очки, чтобы уследить за его старением. Сама природа против, не оттого ли она ослабляет нам зрение заранее, до разрушительных изменений во внешности, щадит наши чувства. Кстати, о зерении. Я смотрел на свое отражение в глубину зеркала без очков, и ничто не туманилось, не расплывалось, передо мной стоял распаренный усатый парень. В молодости я никогда не носил усов, может быть, поэтому не узнал себя. Хотелось оглянуться, поискать сзади, где же я? Кинулся в парикмахерскую, но и без усов я не стал похоже на того меня, который помнился подробно и никогда не был чужим. Вот так для начала сам стал себе чужим. А дальше? Видимо, время не только сморщило лицо, но изменило и суть. Морщины убрали, новая суть осталась: вместо рабочего парня отягощенный неповторимой индивидуальностью молодой интеллектуал из телепередачи.

Вроде бы все разглядел и, оценив, понял, и даже задним умом раскинул, а привычка привычкой — ноги тянут домой почаевничать после бани. Как будто омоложение где-то там, с тем, другим, из зеркала, а со мной полный порядок, и чай ждет меня дома. Дома...

Ключа не оказалось в кармане. Позвонил и привычно жду, слышу шаги, представляю, как жена сейчас откроет мне, какая она, представляю автоматически те образы, которые внедрили в сознание ослабленное зрение и привычка долгих лет счастливой совместной жизни. Крякнула задвижка, отщелкнулся замок. Гляжу на жену, разеваю рот, смотрю на номер квартиры: номер тот, она не та.

Я смотрел на нее и не находил того, что знал всю жизнь, не мог понять, куда оно девалось, стало незнакомым. Не возраст меня оттолкнул, как он открылся моему помолодевшему зре-

нию, а незнакомость. Помню, посетил я через тридцать лет после того, как ее покинул, свою деревню, отчий дом. Скорчилась изба, одряхлела, но все-таки угадывались в ней родные приметы, щемяще тоскливо, а знакомо. Тут же самый близкий еще два часа назад человек — и ничего, пусто. Она тоже смотрит недоуменно и видит туманным своим зрением чужого, молодого, безусого...

— Вам кого? — спрашивает. — Если, — называет мое имя-отчество, — то он выехал за город на три дня.

И медленно, как будто ждет от меня еще чего-то, закрывает дверь. Вот защелкнулся замок, вот ширкнула задвижка, вот удалились шаги. Я отмечую, и ничего больше нет в голове, и в ногах окаменение — не двинуться. Вдруг с возмущением подумал: а чай? Как будто у меня из рук вырвали чашку с чаем, а мне кажется — по ошибке, надеюсь, что все сейчас наладится, опять пойдет по-заведенному. Этажом выше хлопнула дверь, я почему-то испугался, кинулся вниз и чуть не бегом выскочил из подъезда, а там со двора на улицу, словно надеялся, что подхватит меня общее ее движение и доставит к месту. Где же теперь мое место? Не оттого ли люди, дошедшие до крайности в домашней сваре, расхлестанные, выскакивают, сами не понимая зачем, на улицу. Выскакивают и, охваченные движущейся, пусть даже равнодушной к ним реальностью, возвращаются в колею, замечают свою расхлестанность, неуместность и отступают со стыдом ли, с просветлением ли. Я же поплыл вместе с улицей, только тогда понял, про какой загород, про какие три дня за городом сказала моя жена. Договорился с соседом по дому помочь ему оборудовать жилье на садовом участке и собирался ехать к нему сразу после бани, не заходя домой. «Три дня, три дня, — соображал я, — три дня, а что дальше?» Талдычил: три дня, три дня — не хуже, чем Германн в «Пиковой даме» — три карты, и не исключено, что вслух — от ошарашенности. Ноги соображали лучше, чем голова, потому что совершенно не помню, как они привели меня на вокзал и посадили в электричку. И до самого садового участка вели меня не голова с глазами — ноги с пятками. Соседа своего буду называть не его именем, а Петровичем, Иванычем и по-другому, хоть Морковичем, чтобы не давать ни его, ни своего адреса и еще чтобы передать свое тогдашнее бесшабашное, озорное от молодости настроение. Увидел Петровича на его участке тоже как-то механически и сразу же брякнул:

— Здорово, — говорю, — Иваныч!

Он на меня таращится, я, спохватившись, на него, стоим так, не двигаемся и молчим. Мне уже впору сматываться, как он вдруг светлеет, и по лицу его становится понятным, что он о чем-то догадывается. Я же таращусь еще больше, полностью овладев за эти мгновения пониманием ситуации, никак не могу представить, о чем же здесь возможно догадаться.

— Ага! — говорит Моркович. — Здорово! Ты небось Жора? Тебя, — называет мое имя-отчество, — направил сюда?

Я тоже говорю:

— Ага!

— Сам-то, — снова звучит мое имя-отчество, — когда приедет? Или заболел?

Мне это подходит, я киваю и говорю со вздохом:

— Заболел!

Вижу, как Помидорыч попервоначалу захмурнел, но тут же, снова мне на удивление, засветился еще одной догадкой. Какой же умный оказался мужик мой сосед! Но на этот раз и я догадался, в чем его догадка. Рябиныч догадался, что Жора напускает на себя малословность и мрачность, оттого и звучит фальшь, которая его настораживала. Теперь же Капустыч успокоился совершенно. С такой чуткостью и наблюдательностью он далеко бы пошел, если б не стремление немедленно разгадать и успокоиться.

В той жизни, за которой для меня защелкнулся замок, ширкнула задвижка и удалились родные шаги (звуки все те же, старые, привычные, а видимость неузнаваема), говорил я Абрикосычу про чудака-студента Жору, сына наших знакомых. Вот теперь он и догадывался обо всем наперед, и восхищался, что сподобился общаться с закидоном, у которого прямо-таки трагическая рожа. А какая еще могла быть в тот день у меня рожа, хоть и молодая, что у меня творилось на душе-то?

Салатычу же развлечение, материал для наблюдений и догадок. Ну и дает, парень, лихо. Вот напускает на себя мраку, думал он не без уважения про меня — Жору и в то же время предвкушал, как этот надутый индюк осрамится с наладкой всей его садовой техники да со столярными работами, в которых я подрядился ему помочь, а прислал вместо себя явного неумеху. Теперь уж и я читал все мысли своего соседа в самый момент их зарождения. А в ушах моих продолжали звучать удаляющиеся шаги, уходили они все дальше и дальше. Даже теперь, после всего, что произошло со мной, когда затаюсь, снова слышу, как они уходят.

Три дня на садовом участке давали мне передышку, возможность прикинуть, продумать ближайшие действия, избежать немедленной катастрофы. Как бы я смог объяснить собственное свое исчезновение и то, что на мне были все до единой вещи пропавшего?

— Ты, Жора, — сказал мне вдруг Огородыч, — хороший, видно, жлоб, свои джинсы-пинсы пожалел, а костюмчик, — называет мои ИО, — надел. У тебя брезентовая спецовка, выходит, для театра и танцев, шерстяной костюм наоборот — для грязной работы. Не порви ненароком.

С того у меня и начались раздумья, что будет, если... И выгородилась из всевозможных «если»... стена с зареше-

ченным окошком. Не хватало мне на старости лет... тьфу! по молодости. Береги платье снову, а честь смолоду. А какая уж тут честь, когда сплошь поперла ложь, увертки. Не увернись, и вовсе вывалишься похуже, чем в грязи.

...если Изюмич вдруг поедет домой, если его жена приедет на участок... если сюда приедет моя жена... Если, если... у Тыквыча тьма родни в городе. А если у него не окажется здесь, на участке, тех денег, на которые я подрядился — дружба дружбой, работа работой. Если скажет: посчитаемся дома, Жора. Если потащит за собой. Если... И сверх всего главный вопрос: что же дальше-то?

Смутно забрезжил достойный как будто поступок, который я наметил на первую очередь. Но прежде чем его осуществлять, пришлось обезопасить себя хоть от одного «если», создать у Слизыча мнение, что за Жорой нужен глаз да глаз, что с Жоры не слазь. Чтобы не поехал домой ни в коем случае, чтобы не решился оставить на Жору участок. И я с первых же шагов начал планомерно изматывать бедного соседа. То проявлю вроде трусливую неуверенность, то бесшабашную самонадеянность. Вот уж он в ужасе, что сейчас я неминуемо сломаю хрупкую деталь, как она неожиданно встает на место, словно ее подпихнул испуг владельца сада-огорода. С одним ленточным подъемником загонял я его до пота. Молчком скребу в затылке, шмыгаю носом, присаживаюсь на карточки, бросаю инструменты, будто ничего не понимаю, а ведь только что мотор подъемника фыркал как надо, по желобу катилась вода, и Малиныч, облегченно вздохнув, шел плотничать. А то придумал совершенно по-мальчишески сплевывать на кожух мотора. Три плевка в минуту — считаю про себя до двадцати — и тьфу! и еще считаю, Лаврович же, как загипнотизированный, мечется между досками и колодцем. Кряхтит, и чешется у него язык, но боится подать голос, потому что тогда я и поплевывать перестаю, и глаза закрываю, вроде до того сбит с толку его словами, что окаменел насовсем. Вошел в роль Жоры — загадочного акселерата — даже с вдохновением: такие штуки я выкидывал в этом образе, когда налаживал опрыскиватель, что и вспоминать неловко. Зато к вечеру и вся его техника была в исправности, и сам Укропыч не только куда-нибудь ехать, до топчанато во времянке доковылял еле-еле и как пал на него, так и уснул мертвцыки.

Я же вызвался спать на воздухе, еще днем пристроил раскладушку под яблоней. Теперь, как только сосед заснул, напидал под одеяло стружек со щепками, придал им соответствующую форму, на случай если он все-таки проснется до моего возвращения, и побежал на станцию.

С электрички на автобус, с автобуса на последнюю электричку на другой линии, а там пешком — летние ночи короткие. С рассветом разыскал я ту куртину сорочьих ягод. Допускаю:

кто-нибудь другой на моем месте, возможно, придумал бы и получше, или, располагай я временем, придумал бы и сам. Но тогда мне ничего не подворачивалось более достойного, более честного, чем побыстрее набрать сорочьих глаз с притягательным вкусом и принести жене, чтобы и она стала молодой, как я. Не давали мне покоя удаляющиеся шаги, зловещие звуки.

Только ничего не вышло с самого начала. Не нашел я ни единой притягательной ягоды ни в куртине, ни кругом, как ни прочесывал лес. Желтых ягод тоже осталось мало. Я уж под кустами шарил, хоть бы падалица нашлась. Нет. Небо начало зеленеть. Что, если Корнеплодыч рано встает, по-дачному? Дернулся я к железной дороге, но ушел недалеко — вернулся, не понимая зачем, а вернулся. Еще раз обыскал куртину, напоследок же, также не зная зачем, торопясь собрал в спичечный коробок желтые ягоды, которые с отталкивающим вкусом, и с облегчением — вон, оказывается, зачем возвращался! — чуть не бегом, прыгая через канавы, кусты, спотыкаясь о корни и кочки, послел к первой электричке. Потом автобус, еще электричка. А сам ломаю голову, зачем же мне потребовались отталкивающие ягоды? Сокрушительная неудача, невозможность одарить жену молодостью и непонятное, смутное предчувствие другого пути, связанного с желтыми ягодами. Не настолько уж я недогадлив, чтобы не заподозрить у ягод с противоположным вкусом и противоположных свойств. Но зачем они мне с их противоположными свойствами? Возвращаться в пенсионный возраст? Ну уж нет, нет. Нет!

Весь день, когда я изводил соседа, ломал голову над своим положением, прислушиваясь к удаляющимся шагам, каждое мгновение ощущал, кроме того, перекрывающее все заботы ликование тела, ток крови и, как отчетливо доносящийся грохот водопадов, предвкушение жизни. Воздух с каждым вздохом так просто и сладко входил в легкие и покидал их, что впору было, ничего не делая, лишь любоваться своим дыханием. А шаги? Да, я сознавал, говорил себе, что похож на предателя. Ушел, а она осталась. Но вернуться? Нет! Я найду ягоды, и мы снова будем вместе. Не нашел здесь, найду в другом лесу, обыщу все леса. Вот это мне и нужно делать — искать сорочий глаз во всех лесах. Желтые ягоды выбросить. Но я их не выбросил, чтобы узнать наверняка, есть ли в них противоположные свойства. Или меня удержало то туманное предчувствие иного выхода. Но не возвращения же?

Непонятно все-таки, что я не увидел ничего знакомого, близкого, ни крошки для глаз и совершенно все по-старому для ушей. Родной звук шагов. Можно ли променять молодость на звук?

Лопатыч еще не поднимался, на всем садовом кооперативе стояла тишина, которая только и ждет, чтобы кто-нибудь по-

шевелился, скрипнул или стукнул, а уж там пойдет, закипит жизнь. На крыше соседского сарайчика спал, прикрыв мордочку полосатым хвостом, котенок. Я разглядывал, проникался состоянием покоя, но не чувствовал усталости, наоборот, прилив сил — и потому, что наметил план действий, и потому, что был неутомим от молодости.

Вернуться? Ну нет, никогда! Да какое же это предательство, когда я совершаю открытие, полезное для всего человечества, ставлю на себе такой опыт? Найду ягоды и омоложу все человечество. Хоть мне самому показалось это не очень убедительным, я успокоил себя, что у молодых всегда большие слова получаются неубедительно. Я ведь знал еще и по-пенсионерски, что добьюсь, не в нынешнем году, так в будущем уж обязательно. Вырастут же на том же месте, на тех же кустах, те же самые ягоды.

Теперь в первую очередь буду закруглять с Иваечем-Петеи-чем, уж без художественной части постараюсь закончить плотничью работу до обеда. А во вторую очередь проведу одновременно эксперимент по биологии. Я отломил кусочек от вчерашней котлеты, вмял в него ягоду из спичечного коробка и дал котенку, который уже соскочил с крыши и бодал, мурлыкая, мои ноги. «Мы не в пустыне», — подумал я совсем не свои слова, совсем не на свой лад, а по-студенчески. Видно, омоложение пробралось уже и в мозг. Котенок проглотил кусочек. Я отломил еще, вмял в него три ягоды и, скормливая котенку, опять подумал в этом, новом для меня, невозмутимом стиле: «И хорошо, что мы не в пустыне». Всего котенок принял семь ягод, я решил, что для его размеров достаточно, отдал ему остатки котлеты, всю лапшу с соусом и взялся за топор. Котенок мигом все слопал, покрутился у меня под ногами, подхватил из мусора горбушку хлеба и вспрыгнул с ней на крышу.

Когда заспанный Турнепсыч вылез из домика, у меня уже были подготовлены стропила, осталось поднять их наверх, поставить, сколотить обрешетку и покрыть шифером. Домик чуть больше крольчатника, в приложении к нему такие слова, как стропила, обрешетка, все равно что про банную мочалку сказать ковер, — жердочки. Но все-таки я утомил и загонял Бананыча взятым темпом. Он потел и пыхтел, а радовался, что завершается строительство.

Про котенка я вспомнил, лишь приколотив последний лист шифера, когда Редисыч занялся обедом. Котенок продолжал спать на солнечной крыше — как свернулся в клубок, так и не менял положения. Я пощекотал его хвостикой, он пошевелился. Пощекотал еще, котенок начал распрямляться, тянуться, выбросил вперед пятки-подушечки с растопыренными когтями и стал доставать от одного края крыши до другого. Рысь, а не котенок. Я для того и кормил его ягодами, чтобы подкрепить свою догадку экспериментом, выяснить биологическое действие

желтых ягод на молодой организм. Но я никак не ждал такого быстрого и заметного действия. Оно меня даже испугало. На какое-то мгновение мне показалось, что все это несуразный сон и, возможно, я проснусь. Я ушипнул себя в тыльную сторону кисти с вывертом — получился немедленно синяк. Кот тем временем приоткрыл глаза, вытянулся, будто специально для наглядности, еще больше и зевнул во всю розовую пасть. В месте щипка бился пульс, кисть горела. Воровато оглянувшись — не видит ли кто, я стегнул кота хворостиной — тот не столько от боли, сколько от неожиданности прыснул с крыши и помчался, прыгая через участки, словно тигр, — в один мах, а напоследок перелетел так же легко через главный высоченный забор садового кооператива.

Кто знает, что было бы, разгляди этого вундеркотенка мой догадливый Сельдереич. (Даже в пустыне у меня не нашлось бы другого выхода, как только вытянуть котягу хворостиной.) Вон ведь как меня заносит озорничать словами. Я и воспользовался этим своим настроением. Чтобы поскорее выбраться из сада-огорода, способ придумал тоже юмористический, исходя из сложившихся обстоятельств. А обстоятельства сложились так, что никакого убедительного повода для моего отъезда, слов, которые можно выговорить и не покраснеть, не насторожить, не выдать себя, не было решительно. Накануне Рассадыч своими догадками заставил меня согласиться, что ИО — это я в своем прошлом виде, как только почувствует облегчение, так и прикатит в наш сад-огород-ягодник, или даже еще более возможно, что ИО — опять прежний я — вовсе и не заболевал, но по своему обыкновенно соблазнился грибной погодой и бродит по лесам, следовательно, жди его вот-вот. И мне — на этот раз мне, Жоре, — приходилось бурчать или кивать, подтверждая его догадки. Кабы знать, что сам настраиваю для себя западню.

— Наденет, Жора, твои джинсы-пинсы и прикатит нынче вместе с моей Иркой на шестнадцатичасовой электричке.

Шестнадцатичасовая электричка с Иркой. Значит, я должен смыться раньше. В крайнем случае на этой же шестнадцатичасовой электричке, с которой прибудет Ирка, уеду до Конечной станции подальше от Города. А выберусь я только в том случае, если сосед догадается, почему мне позарез, и сама собой естественно, что позарез, нужно уехать, — вот какой я придумал юмористический способ, воспользовавшись своим озорным настроением. Догадался же он, что я Жора, так пусть догадается, почему этому порожденному его догадливостью Жоре позарез необходимо покинуть ягодник. Сначала мне показалось, что есть опасность — вдруг Гексахлоранович догадается, что для пользы Жоры должен он Жору не отпускать до приезда своей лупоглазой Ирки. Но я тут же такую возможность отбросил, как не подходящую к характеру моего соседа. Он может

догадаться только так, чтобы и дальше плыть по течению, он не будет догадываться против течения.

— Жора, садись обедать, — Мудреич поставил на козлоногий стол из горбылей чугунную сковороду яичницы с колбасой и салом.

Тянуть нечего, пора начинать давить на его природные способности.

— Я не буду! — пробурчал я невнятно, во вчерашнем стиле и как можно отчетливее и подчеркнутее брякнул: — Мне уезжать нужно! — подсел к сковороде, приналег и вскоре прикончил свою половину. Раз ты такой мудрец, то и догадывайся без меня.

Догадыч не отставал, хотя любил есть с расстановкой. Значит, плывет вслед за Жорой. А Жора — я наблюдал за ними, как сторонний третий, — Жора проглотил залпом кружку кофе из сгущенки, набычился на пустую сковороду и прямо-таки взвыл с тоской в голосе:

— Надо!

И ведь можно затосковать на самом деле — без чего-то три, пятнадцать часов, значит, а в шестнадцать — Ирка. Потому и неподдельно прозвучала у Жоры тоска. В глубине души я был уверен, что ход выбран правильно и Жора одолеет Рассудыча. Вырвемся мы из сада. Но вот догадается ли сосед отдать деньги? Ведь среди тех, кто всегда по течению, очень много таких, которые, как только зайдет о деньгах, на водопад выплынут против течения...

Ну а пока надувай, Жора, губы, набычивайся. Вижу, мой Виноградыч мучается, снует глазами, снует, но никак не может понять, еще чуть-чуть — и откажется, начнет у нас требовать объяснения. А у нас ни единой подсказки за душой. Время, время! Жора вспотел даже от набычивания, между лопаток потекла, щекоча, струйка. Неужто не выйдет? Сидим друг против друга молчком.

— Брысь ты, проклятый, кто только откормил такого тигра! — кричали на дальнем участке.

«Не хватало еще этого пустынного котика!» — подумали мы с Жорой, и Жора вдруг, как я его ни удерживал, ухмыльнулся самым благодушным образом.

Тут-то Телепатыч совершенно обо всем догадался (это, конечно, так он решил для себя, что совершенно обо всем). Сначала его глаза застыли на месте, открываясь все шире, радостно поднялись брови, потом он вскочил, хлопнул меня по плечу, меня, потому что я почувствовал шлепок и кончилось раздвоение, исчез сторонний зритель, остались только действующие лица.

— Так бы сразу и говорил! — Ясновидыч назидательно и заговорщицки задрал голову, и скрылся в своем пряничном домике под новой крышей, и вернулся с деньгами.

— Дуй, ИО (бывшему мне, значит) я все объясню, как придет. Костюм его побереги. — Тут он опять стал ко мне приглядываться, снова у него глаза пошли ерзать.

О, черт, еще догадывается. О чем же? Но Георгиныч сразу же и посветел.

— Слышь, Жора, а ведь видно, что костюмчик на тебе чужой. Вчера мне показалось удивительно — сидит как влитой. — Глаза у него еще разок ерзнули, да, видно, течение тянуло мощное, смыло какую-то догадку в зародыше, и он заключил так: — Это костюм вчера по тебе еще не обвился. Зато сегодня в глаза бросается, что с чужого плеча. Дуй! А то опоздаешь. Сумку с инструментом не возьмешь? И правильно, ИО возьмет, когда приедет. — Резнул Поляныч напоследок мне слух моим именем-отчеством, и я понесся к станции как ветер. Хотел было, завернув за угол, сбавить скорость, плестьись вразвалочку, наслаждаясь передышкой. Да не тут-то было, начала действовать психика человека скрывающегося, уходящего от преследования. Почему бы, думаю, не сделать вид, что спешу на электричку, которая идет в Город — мало ли народу смотрит с садово-ягодно-морковных участков на прохожих. За городом у людей, не успеют пожить там день-другой, образуется первейшая деревенская привычка — развлекаться, наблюдая дорогу: кто, куда, от кого, с кем и, главное, не заключена ли в прохожих хотя бы отдаленная угроза морковному или банановому урожаю. Обязательно найдется и такой наблюдатель, который засетчает меня и запомнит, что да, торопился на городскую электричку такого и такого-то вида молодой человек. Черт его знает, никуда это не денешь — не во сне, а наяву молодой! Не по трамвайно-магазинной вежливости — по самоощущению. Бегу не задыхаясь, в пятках словно крыльышки, как у греческого бога. Но я не даю себе и моральной передышки, некогда любоваться, нельзя терять бдительность. Нужно решать криминальную задачу: как уйти от преследования, как не наследить.

Прежде всего кинутся ловить, искать, задерживать Жору в моем костюме или, скажем, как они скажут, такого-то и такого-то вида молодого человека, в таком-то костюме явно с чужого плеча. И, конечно, хотя и не сначала, а по ходу будут искать мое тело, тело пенсионера ФИО. Но эти поиски мне не помешают, пусть ищут мое тело хоть всей командой, я займусь исключительно Жорой — самим собой в моем теперешнем сложном положении. В Город на электричке, к которой тороплюсь, я не поеду, но, наверное, надо сделать вид, что уеду, и взять билет в Город. А поеду в другую сторону, до Конечной. Но тогда придется взять билет и до Конечной. Нельзя в моем положении ездить без билета. На таких пустяках и ловят преступников. Батюшки, я преступник! Конечно, можно тут на ужахаться всласть, но у меня не было времени, так, просто мелькнуло на бегу. Преступник не преступник, а Жора под

подозрением, несправедливым подозрением, и надо его до лучших времен увезти отсюда и спасти от погони.

Касса-то на станции одна, как же я буду брать одновременно билеты в оба конца: в Город и до Конечной? Сразу же и наслежу. Подходить два раза? Кассирша-то одна. Сделать вид, что в Город, а билет наоборот? Но как сделать вид для кассирши? Для нее куда взял билет, туда и еду. Вот уж и платформа, и касса, и электричка выкатывается из-за поворота, и кассирша смотрит из окошка, и дежурная по станции в красной фуражке улыбается — дескать, в самый раз к поезду. Общественное давление — никуда не денешься, как под гипнозом делаю то, что от меня ожидают: полтинник на блюдечко в кассу — один в Город! Вот и сделал вид. Дальше еще лучше: сел в вагон, двери задвинулись, электричка тронулась — повезли загипнотизированного Жору в Город на встречу его коварной судьбе.

Не тут-то было, я вовремя встрепенулся и переиграл и гипноз и судьбу — вышел из вагона на следующей остановке, прошел кустами до конца платформы, пересек линию и в кассе на противоположной платформе взял билет до Конечной. Теперь оставалось лишь несколько минут до шестнадцатичасовой электрички с лупоглазой Иркой. И не остался торчать на платформе, нырнул снова в кусты. Уж на этот раз мы не насledили с Жорой. А теперь в кустах пора было мне с ним расставаться, как я к нему ни привык, как ни вжился в его образ. Хватит. Жора исчез навсегда, я остался наедине с самим собой. молодым и непривычным. В новом теле — старый дух. Только бы знать, сколько у меня в запасе доаврального времени: сегодня объявят тревогу или завтра? У меня уже тогда возникло впечатление, что в моей грудной клетке, где-то около сердца, пустили часы. Идут они пока равнодушно, еле слышно: так-так, тик-тик, но и с угрозой.

К Иванычу-Догадычу-Ирисовичу все ездили в четвертом вагоне, который останавливался как раз у схода с платформы, там же начиналась тропинка к садовым участкам. Не обнаружу Ирку в четвертом вагоне, пройду в хвостовой, и наверняка она окажется где-нибудь там или я увижу ее на тропинке, когда буду уезжать в хвостовом вагоне. Но никаких сложных розысков не потребовалось — Ирка была там, где и надлежало ей быть, в четвертом вагоне. Сидела на третьей скамейке от дверей, лупила глазищи в окно, а над головой у нее висела знакомая дырчатая сумка со знакомым термосом. Наша семейная сумка с нашим семейным термосом и газетными свертками — передача для меня.

Значит, передышки не будет, значит, с первых же дочкиных слов Жасминыча хватит догадка, и он начнет действовать. Как? Телефона на участке нет, машины, мотоцикла — тоже. Теперь вычислим затраты времени противной стороны: Ирке пешком

до участка двадцать минут, на разговор с прояснением, осенением, догадыванием — три, на спешные сборы с переобуванием — семь и с поспехом до платформы — еще пятнадцать. И сразу же может начаться аврал. Сорок пять минут до тревоги. Сорок пять минут на заметание следов.

Сорок пять минут. Из них семнадцать на электричке до Конечной. Раньше слезать — слишком большой риск: никакого транспорта, а пешком скоро не скроешься. Остается двадцать восемь минут. Часы около сердца заработали, как по наковальне: гук-гук, бах-бах! Двадцать восемь минут, чтобы, во-первых, сменить одежду, во-вторых... И неизвестно, что во-вторых. Конечно, бежать, скрываться, чтобы они не нашли меня ни за что! Видал, уже Они с большой буквы. Я же — Дичь, Они — охотники. Мое дело — бежать, хорониться, их — распутывать следы и за шкирку: стой! Что там у них сейчас делается, что будет делаться дальше, я узнаю, если попадусь, а нет, так ничего и никогда — отрезана прошлая жизнь. Попал я в переделку. Ну а, допустим, не бегать, пойти и начистоту как есть. Где доказательства? Кто поверит, неделю назад я сам бы не поверил хоть кому. Я же сейчас всем никто. Где тот мудрец-долготерпец, чтобы вникать всерьез?

Нету у меня другого выхода, как бежать по воровскому способу. Ничего для меня нет противней, как делать что-либо не по-настоящему, а шалаяй-валаяй, на соплях. Если взялся, сделаю со знаком качества. Взялся бежать, скрываться — так, чтобы убежать и скрыться. А вот когда найду ягоды, тогда любого заставлю допереть до истины.

Конечная. Еще двадцать восемь минут. Гук-гук! Спокойно. По-профессиональному все делается спокойно. Выхожу со всеми, не выделяясь. Та электричка, на которой я вроде бы уехал в Город, прибудет через тридцать четыре минуты. Вернее всего, меня будут встречать там, но и здесь спокойно нужно принимать меры. Иду со всеми. Идем мимо промтоварной палатки Конечного торга, около которой выстроилась очередь. Давали свитера: один из них покачивался на плечиках, прицепленных к козырьку палатки, и от него даже падали блики — оранжевые и малиновые, такие яркие были краски узоров, может быть, те самые краски, которыми разрисовывают дорожные знаки, и они вспыхивают в темноте от света фар. К очереди сворачивали и некоторые, сошедшие со мной с электрички. Что, если я отоварюсь незаметно, мимоходом. На себя свитер, пиджак в сторону, кепку я уже давно сунул в карман. Очередь на четверть часа, а у меня в запасе еще двадцать шесть минут. Бах-бах! А вдруг? Спокойно, спокойно, что вдруг? Я уже нацелился на хвост очереди — полную женщину в голубой кофточке, как сам же себе и ответил. Спокойно и рассудительно: вдруг Патиссоныч вышел Ирку встречать. Тогда, может быть, давно уже начался аврал, и ту городскую электричку, на которой я вроде уехал, прочесы-

вают или прочесали, и распространяют тревогу дальше. Взглянул я на дорожку, когда Ирка вышла из вагона? Нет, не взглянул. Прокол? Явный прокол! Ох, черт, и трудная же работа у преступников. Как ни погляди, вредное производство!

Теперь прикинем это в друг спокойно и по логике. Я продолжал идти за большинством бывших пассажиров. Допустим, время ноль, пуск. Начинают меня искать в городской электричке, одновременно или, в лучшем случае, немного погодя сообщат сюда, на Конечную. Здесь же где меня искать? А вон, в очереди за дорожно-знаковыми свитерами. Допустим, успел, переоделся, тогда в чем меня искать? В этом же светящемся свитере. Таких костюмов-то, как на мне, зелененько-голубовато-сереньких, чуть не на каждом третьем. Дорожный же знак редкость, его видно издали. Вывод самый спокойный, логичный: наддать ходу! Тут как раз вышли все вместе на шоссе, а там кричат из «рафика»:

— Кому на Заполье?
— Мне! — и влезаю в машину.
— Ну, все, что ли? Поехали!

И поехали взаправду. Гук-гук, бам-бам! Спокойно. Проверим еще. Если Тминыч встретил Ирку, если сразу тряхнулся, если допустили его к линейному телефону, тогда, конечно, ноль — пуск! А если не встретил, не тряхнулся, не допустили, тогда есть еще льготное время — девятнадцать минут. На Конечной я, похоже, не наследил: в очередь не вставал, последнего не спрашивал, а что направился было к палатке, они не заметили, увлеченные соблюдением очереди. Любой знает, когда стоишь в такой вот промтоварной очереди, ничегошеньки кругом не видишь, даже в дождь очередь не так промокает, как сторонний прохожий, а меньше. Нет для стоящих в очереди внешней среды, не воспринимают они ее, и она, похоже, отвечает тем же. Нет, не наследил я на Конечной.

«Рафик» тем временем свернулся на бетонку. Кто-то собирал деньги, кто-то, расплачиваясь, попросил, чтобы остановили у поворота, впереди меня сказали: «И у фермы». Есть, выходит, варианты. Все платили мелочью, я молча протянул рубль, мне — сдачу. Ударил ветром встречный автобус, рейсовый, с номером и кондуктором. Тоже вариант. И самый подходящий — как кто будет выходить поблизости от автобусной остановки, слезу и я, дождусь автобуса, и жарь... Но тут «рафик», не снижая скорости, соскочил с бетонки на грунтовую дорогу. Я даже рот открыл от неожиданности и рванулся, словно хотел выскочить в окно. На меня смотрели все, кто был в «рафике», с понимающим, сочувствующим выражением. Неужели попался? Гук-бам! Спокойно. Профессиональная работа требует спокойствия и трезвости. Но шофер «рафика» тоже разглядывал меня через свое зеркальце с какой-то затаенностью.

— Ну, остановить, что ли? — спросил он у меня с двусмысленной ухмылкой.

Я опять дернулся к окну и только уж потом к дверце, еле пробормотав:

— Ага, мне по бетонке.

Все, кто был в «рафике», удовлетворенно захохотали. Шофер затормозил и, когда я открывал дверцу, сказал:

— Во, всегда так — прозевывают свой поворот, что старый, что малый.

Хохот возобновился, я спрыгнул на землю, ничего не соображая, в панике готовый кинуться бежать, а шофер еще добавил специально для меня:

— Смотри, парень, не соглашайся, если твою деревню опять начнут переименовывать. Нас позови!

Он захлопнул дверцу, рванул с места так, что пассажиры запрокинулись на сиденьях, но, возможно, они запрокинулись от смеха, а не от инерции.

Как попал я в немыслимое положение, так оно и продолжает становиться все немыслимее и немыслимее. Словно муха на липкой бумаге. Только присела, глядь, на лапке что-то лишнее, она ее об хоботок — и на хоботке неловко, другой лапкой — тут и задние что-то, задние — об крыльышки, а не обчищаются, улететь бы чуть пораньше, жужжи не жужжи — гибель. Но я жужжать не стану, не такой я человек. «Рафик» скрылся за бугром. Я оглядываюсь, чтобы не прозевать, когда появятся они. Доконали меня хохотом. Втянул голову в плечи, покошусь через правое плечо, покошусь через левое, а их нет. Поплелся на бетонку: решили небось встретить меня на бетонке, ждет меня там засада. Иду навстречу судьбе, деваться больше некуда.

На бетонке было даже пустынней, чем обычно бывает на бетонках, — простор, тишина, только дятел стучал на засохшей облупленной осине. Впереди, как если бы «рафик» не свернул на грунт, пестрела шашечками коробка автобусной остановки. Там тоже пусто, тихо. Под раскоряченной железной буквой А по торцу крыши было написано теми же разными красками, что и шашечки: дер. Зеваки. Где-то близко деревня, вон где — за полосой берез поле, на том краю ветлы и коньки крыш. Выходит, это и есть деревня, которая называется Зеваки. Зеваки так Зеваки, мало ли... Во мне ничего даже не шелохнулось, хотя я и не нашел еще объяснения ни смеху, ни затаенному ожиданию; как мне показалось, они были заранее уверены, что повеселятся на мой счет. Со страху-то, что значит потерять профессиональное спокойствие, думал — предупреждены, ждут, как это будет выглядеть: задержание, — оказалось же совсем другое, а я не знаю, что другое, опять прокол. Не знаю, и на какой оказался бетонке. Направление-то ясно — удаляться от Конечной. Но куда я приеду? На побитом камнями и исцарапанном расписании можно было разобрать, что машины ходят через двадцать пять минут, но без направления. Надо же, ни разу не забирался сюда за грибами —

леса подходящие, вон дубняк, а там ельник. Мне дело надо решать, а я грибы!

И решать приходится, снова рискуя обратить на себя внимание. Прочту на трафарете, когда подойдет автобус, хорошо бы на лобовом трафарете — всегда заметно, если разглядываешь боковой. Вернее всего, маршрут начинается от Конечной, тогда не придется ничего спрашивать, оставлять следы в памяти пассажиров.

Как бы не так! Они — сколько их там ни сидело, человек, может быть, шестнадцать пассажиров, — стали разглядывать меня и тоже с загадочным ожиданием, когда автобус еще только приближался к остановке. Гук-гук! Что же это такое, не дают устояться спокойствию! «Химзавод — Птицефабрика» — лобовой трафарет, боковой: «Птицефабрика — Конечная — Химзавод». Что делать? Я неловко или совсем неуклюже, оттого что на меня все смотрели, вскарабкался по ступенькам, протянул кондукторшу заготовленный рубль и деловито буркнул: «До конца». Но и это не прошло. Пассажиры окаменели, кондукторша же, наоборот, оживилась, она подняла мой рубль, чтобы не только пассажирам, но и шоферу было видно, хотя шофер и без этого смотрел на меня.

— А до какого именно конца, молодой человек? — спросила кондукторша, и все либо закивали, либо изобразили, что они тоже больше всего хотят знать, до какого именно конца я собираюсь ехать.

— До того, — продолжал я настаивать, мотнув головой по ходу автобуса, но не удержался, спросил: — А куда вы едете?

Тут случился точно такой же хохот, как в «рафике». Автобус не трогался, потому что шофер закатывался со всеми.

— А мы едем до птицефабрики, молодой человек, — сказала кондукторша на передышке.

Она держала мой рубль почему-то за уголок, двумя пальцами, как мокрый.

— Вот и мне до птицефабрики, — сказал я послушно.

На этот раз стало тихо так, что я услышал, как воздух захихикается в их легкие, а кондукторша сообщила в этот момент свистящей тишины:

— До птицефабрики — в обратную сторону. Такой, — она успела поколебаться, подбирая слово, а воздух все еще входил в них, — такой юный, а уже зевака! — Она разжала пальцы и капнула рублем мне в руку.

Меня вышибло из автобуса, словно взрывной волной, и они тут же умчались, как будто, задержись автобус еще хоть крошку, и лопнет их веселье, а так растянут его до самого Химзавода, и даже там расставаться им будет жалко. Зато и я догадался, что к чему, и стоял, задрав голову, читал на ребре крыши — дер. Зеваки — и не торопясь реконструировал свое участие в

местном аттракционе. Воображал себя злодеем, а выступал в роли клоуна-зеваки! Вот так давным-давно, когда я был, возможно, лишь немного старше, чем сейчас, под Астраханью случались похожие спектакли. Только тогда-то я участвовал зрителем, а не рижим. Уроженцев Хараболей, не то Сероглазки, но, может быть, и другого какого-нибудь села астраханцы считали неисправимыми путаниками: пошлешь за картузом — жди с арбузом, и, конечно, старались, как только могли, эту славу приумножить. Пользовались нечистыми уловками, чтобы подстроить, а потом так же, как сейчас эти в автобусе, ликовали, захлебываясь хохотом. У нас в изыскательской партии работали два таких парня из знаменитого села. Парни осторожные, а все равно их вкручивали в путаницу. Поменяют специально ночью местами ящики с инструментами, а утром уже с поля посылают одного из них, чтоб немедленно, чтоб скорей, и начинается потеха, когда парень, схватив на привычном месте, приносит совсем не тот ящик. Все смеялись, и я смеялся, хотя все знали и я знал, что подстроено, и еще как смеялись! Насколько же больше было веселье пассажиров и «рафика», и рейсового автобуса, когда встретились с неподдельным зевакой! И насколько же возросла сомнительная слава злополучной деревеньки!

Хорошо, что я определился и выскочил из этой карусели на твердую почву. Сяду на следующий автобус, возьму билет до Химзавода, и можно будет вздохнуть, переключиться на обдумывание дальнейшей своей судьбы. Отпихиваешь, откладывая первостепенное, непоправимое, нарочно притворяешься сам перед собой, что забыл, тут же в этой суматохе, с глупыми недоразумениями забыл на какие-то минуты по-настоящему. Зато теперь обдало холодом.

И вдруг, как в липком кошмаре, наступала опять клоунада: следующий автобус оказался красным — с красным номером, и на красном трафарете одно знакомое название — Конечная — посередине. А в автобусе точно такие же пассажиры точно так же смотрят, разглядывают меня с затаенным ожиданием. Почти прожигали меня этим нарастающим ожиданием, а я невольно сжимался, втягивал голову в плечи, пока автобус, поиграв подфарником, свернулся к остановке и, остановившись, призывающ распахнул заднюю дверцу. Я помахал шоферу: мол, без меня. Все пассажиры немедленно просияли, ослабившись, а кондукторша, похоже, сестра той, с предыдущего автобуса, или даже двойняшка, так же вкрадчиво спросила, высовываясь из своего окна:

— Отчего же это вы, молодой человек, не желаете ехать с нами?

— Мне на черный! — сказал я затравленно.

На красном автобусе и смеялись красно, куда там тем, с черного, те больше запрокидывались и взвизгивали, эти же ржа-

ли, будто табун на скаку, и не успел моргнуть — не стало их, только ржание слышалось, как от умчавшейся грозы.

Не могу сказать, не помню, что я тогда — разрыдался, или взвыл, или сдержался. Потому что навалились на меня тоска и беспамятство. Собирается же все в последовательность с того момента, когда я уже сидел в следующем автобусе и допрашивал себя: почему же ты ее не узнал, она могла не узнать и должна была не узнать, а ты почему? Повернуться и уйти навсегда, разве это не подлость? Не узнал, предатель! А теперь назад поздно, другая запущена судьба: В то же время и тоска и раскаяние лишь ненадолго оттеснили ощущение нахального, на все взирающего с ухмылкой молодого непочатого здоровья. Опасение, ожидание погони тоже виделось через эту же ухмылку: и страшно и озорно, словно играю с кем в разведчики. Что лучше? Сначала проникнуть в Город кружным путем, а потом сменить одежду или сначала сменить, потом в Город? По озорной же линии припоминаю, что в электричке, высматривая Ирку, гадал: будет с ней или нет ИО, то есть я неомоложенный, в Жорином джинсо-пинсовом костюме, и когда ИО не оказалось, я принял это как просвет везения, что не так все сложно, как могло бы закрутиться при неблагоприятном стечении обстоятельств. Непринужденно, как будто только так всегда и бывает, передо мной и во мне двоилась действительность: я — не я, прятаться — не прятаться, мой костюм, а на мне он как с чужого плеча.

Химзавод. Сбылись мои предчувствия: с автобусной остановки виднелась железнодорожная станция, значит, я отсюда смогу вернуться в Город через Другой вокзал. Красный автобус, на котором я так гордо отказался ехать, довозил пассажиров до самой станции. Его маршрут был укорочен с противоположного конца, здесь же, наоборот, продлен от Химзавода до станции. Пусть страдают за меня жители дер. Зеваки, а я займусь переодеванием — магазин еще ближе, чем станция. К погоне я уже остыл, рассчитал, что Апельсинычу вряд ли представили линейный телефон, а пока в Город да там туда-сюда — долго еще до начала акции. Никакая акция еще и не начиналась, если без паники-то. Сейчас увидим, почему это мой костюм на мне — сразу видно, что с чужого плеча?

В магазине, толкая и подначивая друг друга, слонялась от отдела к отделу компания акселераторов, и я сразу затерялся среди них, роста я всегда был небольшого, и со спины часто принимали меня за мальчишку, потом смущались, а я великолюдно успокаивал, что маленькая собака — век щенок. А тут, когда поглядел в зеркало, впору было заскулить и поджать хвостик — до того у меня оказался щенячий, даже жалко-щенячий вид, без всяких пословиц и шуток. Костюм же, складнее сказать, свисал, готовясь перейти к сползанию. Хорошо еще подвернулись акселераты: если на них одежда и не болталась, зато они

сами так вихлялись внутри своей одежды, что я мало чем выделялся среди них — одежда ли стремится сползти с тебя, ты ли выползаешь из нее — какая разница для постороннего наблюдателя. Что же мне, так и ходить без конца за акселератами?

Но они тут же подсказали мне выход. Бросились вдруг мерить уцененное пластиковое пальто-недомерок. Перемерили и пошли дальше, а я померил и заплатил, так и не снимая пластика. Они пошли в обувной отдел, я — в другую сторону, к головным уборам. Там нашлась фуражка-восьмигранка из такого же пластика — давно мечтал. Нет, заворачивать не нужно, надену. Акселераты запрыгали по лестнице на второй этаж, я подался на станцию.

Там до поезда, потом в поезде я обдумал все спокойно и по глубокому, вплоть до свалки около трансформаторной будки. Во всех новых районах, в любых Черемушках, хоть, предполагаю, и в московских Черемушках, обязательно образуются стихийные свалки. Сначала в укромном месте — за кустами около забора или глухой стенки — возникает за ночь старый матрац с вывороченными пружинами, а то диван, и уж вокруг них со временем что угодно. Если б вас ловили, как меня, и вы уходили от погони, конечно, у вас были бы другие мысли и планы, без свалки. У меня же они замыкались на свалке, которая образовалась в нашем микрорайоне около трансформаторной будки вокруг шкафа с разбитыми дверцами. Я даже рассчитал, что там выброшу свою кепку — она все еще торчала в кармане. Но корзина была важнее всего, плетеная корзина с надломленной ручкой и немного дырявым дном. Эта корзина уже несколько дней валялась под самым шкафом, сначала пустая, потом в нее закинули красный фетровый ботик и разбитую детскую гармошку, а я ходил мимо и прикидывал: приспособить ее или не приспособить, и тогда каждый раз выходило, что не к чему. Если б вас ловили, вы, конечно, ни о чем таком бы не думали, но как бы вы придумали сделать так, что без документов с одног на вас взгляда любой понимал: вот у этого человека или парня, если вы тоже омолодились, есть дом и понятное каждому в настоящий момент занятие. Не отрицаю, что-нибудь придумали бы и вы, но для меня ничего не выходило лучше, чем плетеная дырявая корзина с надломленной ручкой. Закрыл дырявое донышко, закрутил надломленную ручку проводом или изоляционной синей лентой, прижал корзину локтем к боку, и готово дело — грибник. Есть у грибника дом? С пустой корзиной — значит, из дома на вокзал, на автобус, на сборный пункт, за грибами.

Когда тебе что нужно, так и кажется, а ну-ка перехватят из-под носа. Это и беспокоило меня больше всего, больше даже погони, видимо, я к погоне почти привык. Уж очень складно получалось с корзиной — и паспорт, и орудие производства, я

ведь решил, что буду мотаться по лесам до победного, пока не найду еще где-нибудь сорочьих глаз для человечества. Попутно займусь грибами, чтобы добывать деньги на пропитание. Никогда не торговал на рынке, а тут чего не сделаешь, раз для пользы человечества. Только не увели бы корзину. А еще меня беспокоило, когда электричка проезжала мимо ребят, которые играли в футбол. Мне тоже хотелось играть в футбол, до того хотелось, что я растерялся и потянулся потрогать усы, которые сбрил еще в тот день в бане. И больше не брался. Но на месте усов не кололось, не отросла за эти дни щетина. В магазине я так и не посмотрел на себя — на костюм, на пальто глядел, а на себя нет.

Тут по вагону прошли два милиционера, они тоже не посмотрели на меня. Они-то делали вид, что ни на кого не смотрят, но я заметил, что разглядывают не глядя всех мужчин, особенно помоложе, один милиционер косился вправо, другой — влево. На меня же мой, правый, милиционер не посмотрел на самом деле, пропустил, как явно неподходящий и не стоящий внимания объект. Может быть, не начиналась еще погоня? Но перед самым Городом милиционеры, возвращаясь, провели к головному вагону парня в ярком свитере, наподобие тех, что продавались давеча на Конечной, и похожего на Жору, как бы его описал Лимоныч. Парень оборачивался на милиционеров, а те говорили: «Разберемся, разберемся». Может быть, по моему делу? Почему не меня? Из-за пальто и восьмигранника?

Не только. Не только. В вокзальном туалете я долго рассматривал свою физиономию в узком зеркале над умывальником и убедился, что не только из-за восьмигранника и пальто, не только. Я смотрел в незнакомое свое лицо и талдычил про себя: «Не только».

— Ну что, пацан, очень доволен собой? — спросил железнодорожник, проходя к кабинам.

— Не только, — вырвалось у меня вслух.

Вот оно: пацан! Еще утром я был в студенческом возрасте, а сейчас, к вечеру, сам вижу, что мальчишка. Не пальто и восьмигранник, а возраст сделал меня неуловимым.

Теперь, значит, можно отбросить погоню, хоть я к ней и привык, отбросить навсегда и окончательно. А себя всецело направить на служение человечеству, и вперед — за корзиной!

Кому-никому, а предъявление ягод — только тогда и выйдет разговор. С кем — ни с кем. Но, оказывается, не все я учитывал в своем плане, хотя мне-то казалось, что все.

К последней электричке у меня было полное грибниковое вооружение — в починенной корзине, никто ее, конечно, не увел — находился пластиковый пакет с колбасой-батоном-сыром и фляжка с водой. С таким паспортом — через любую таможню без досмотра! Не хватало только резиновых сапог, чтобы уж в любую погоду, обязательно надо купить с первой же грибной

выручки и поменьше размером. В моих ботинках ноге стало чесчур свободно, и я напихал в них бумаги и положил стельки.

Начать свои поиски я решил с тех мест, где не бывал ни разу после того, как нам дали квартиру в новом районе. Почему-то у грибников сложилось обыкновение, если собираются ехать с вечера, то уезжать обязательно с последней электричкой. И хотя сплошь и рядом попадают на вокзал загодя и спокойно могли бы сесть в предпоследнюю или еще раньше, по-чумовому ждут последней. В ней всегда людно, а уж в третий вагон и не суйся — место свиданий. Чаще договариваются: третий от головы или третий от хвоста — считается, третий легче запомнить. На городских попутных платформах грибники сразу бросаются к третьим вагонам, как бы не опоздать на свидание с такими же пенсионерами, как сами. Да и одиночки тоже стремятся присоединиться в третьем, авось кто проговорится о заветном месте. Я сам всегда хоть и не подслушивал, но предпочитал третий. Теперь же забрался в четвертый: вроде и дочинить корзину, и вытянуться на диване, когда захочется спать, на самом же деле уединился из-за своей необычности, не исключено, что опасался разоблачения или еще чего. Корзина же не требовала никакой допочкинки, спать мне тоже не хотелось — ни в одном глазу. Ну и пошли размышления. Больше суток на ногах, в бегах — и не устал. От нервотрепки, что ли? С другой стороны, какая у пацана нервотрепка? Настроение у меня сбивалось преимущественно на смешное, легкомысленное, без конца хотелось мороженого. Покупал, ел, а хотелось еще. Забывал даже временами о своем долге насчет человечества. Стал мечтать, что теперь смогу поступить в летное училище, а там и на космонавта. Вспоминал котенка, как он махнул через забор или как еще до ягод чесал задней ногой за ухом — уж так выходило для меня смешно, оттого что задней ногой, а за ухом! Потянуло попрыгать на одной ножке. Побежать бы сейчас к маме и рассказать про котенка. Вот насколько затянуло меня в детство. Какая уж мама. Обдало сознанием полного одиночества, но не всерьез. Скользнула мысль, не податься ли в детдом и начать все сначала — и не в космонавты, а в артисты, даже в цирковые дрессировщики. Слохватывался, будил взрослое сознание, чтобы призвать к порядку несознательного сопляка.

Так потом и шло: старик возводил плотину из надо,стыдно, обязан, человечество; ее все чаще просасывало: а я не буду, а я хочу, мне так хорошо. И вдруг сносило плотину начисто. Старику даже нравилось любоваться безрассудством, и он все ленивее с каждым разом брался за новую плотину. С такой слегка обузданной стихией в голове я носился с корзиной по лесам, набирал грибов, вырезал свистушки, затаиваясь, подстерегал белок — посмотреть, как они скачут по сучьям или, заметив меня, прячутся за ствол, обняв его цапучими лапками, а потом, словно приглашая поиграть, высовывают из-за ствола мордочки.

Сдается мне, не разыскивал я в те времена толком ягоды. Вот именно, времена. Сколько, что происходило, представляется отрывочно и туманно-расплывчатым.

Вся рыночная деятельность совсем как бы стерлась, только помнится, как отрывок из кинофильма: я в грибном ряду, и все смеются, я тоже смеюсь, и, может быть, смеются надо мной. И еще хмурый бородач в панамке, про которого говорили: торгует от жадности. Во времена я не спал, ни разу не захотелось. Прятал корзину, нашлось такое место около пустыря, на котором всегда какие-нибудь ребята играли в футбол. Я тоже играл. Сначала смотрел, а потом как-то позвали: «Эй ты, Старый, вставай в защиту!» Так и звали: Старый. Чем неожиданнее или страннее прозвище, тем глубже, вероятно, спрятана его причина. Ведь почувствовали каким-то образом ребята с пустыря мою сущность. А то я ходил в кино, часто с сеанса на сеанс. Любил по-прежнему париться в бане. В баню пускали и вечером, не то что в кино. Последняя электричка, и на рассвете в леса. Мелькание времен. Веселые времена, хоть и стерты, словно глядишь с карусели.

Как-то в последней электричке, в четвертом вагоне (не от желания уединиться, а уже от привычки садился только в четвертый вагон), ненадолго приостановилась карусель, и спокойно представилось и разграничились прошлое, то, что есть и что, возможно, будет. Я потянулся за спичечным коробком, в котором у меня все еще хранились те, обратные, ягоды — возможность возвращения, и открыл ее: что, если съесть две-три ягоды и перестать молодеть? «Что-то ты, мальчик, не вверх, а будто в землю растешь?» — сказал мне пространщик в бане, и я сталходить в другую баню. Или даже немного постареть? Но тут карусель снова тронулась, и стерлись границы, замелькали, убыстряясь, времена со всеми веселыми соблазнами. На ходу как отпечаталось: память мешает счастью... мудрость — преддверие смерти... Последнее, как себя помню, — сижу с открытым спичечным коробком в руках, и меня заливает блаженство карусели, и мысли все проще, а радость все больше. Пусть всегда будет мама! И по складам: ма-ма, м-а, а. А. Мелькнули нарисованные человечки-огуречки, накрученные разноцветными карандашами клубки линий, и не осталось никакой памяти — только сознание бытия, радости, что бытие начинается с ничего, с чистоты. Я думаю, что взаправду могла бы начаться новая жизнь сознания, памяти от нуля. Пройдя какое-то время, чтобы возврат стертых воспоминаний не мог бы уже состояться... Но получилось по-другому. В руках у меня оставался открытый коробок с ягодами, и руки немедленно, по закону первичного освоения среды, начиная от нуля, потащили ягоды в рот и перетаскали весь коробок. Так мне мнится то, что произошло вне сознания. И старая память, не успев сгинуть, попятилась на свое место.

Я очнулся с пустым коробком в руке, скованностью в мыш-

цах и с непреодолимой сонливостью и сейчас же уснул, прикорнув к корзинке. Окончательно пришел в себя в больнице, говорят, не очень скоро, а назвался еще позже. Не скрывал, а не знал сам. Глядел в зеркало на заросшее щетиной морщинистое свое лицо и вдруг вспомнил, что было и кто я. Что было, я не рассказывал никому. Жена. Похоронили за это время жену. Последний раз я слышал тогда ее удаляющиеся шаги. В памяти же они звучат до сих пор.

Сам я дряхлею быстрее, чем положено для моего возраста. Считается, что у меня был провал памяти, вернее всего, от возрастного склероза. Сосед и садовод Ананасыч-Бергамотыч навещает меня. Про склероз он, конечно, догадался первым, раньше врачей. Он даже считает, что склероза мне маловато, небось микроинсульт. Многое ему все-таки неясно, и он хотел бы выяснить, в какой одежде я вернулся из больницы. Много раз пускался рассказывать про мнимого Жору и запутывался, только твердо верил, что в последний день Жора торопился на уколы и он, Хлорофосыч, догадался, что на уколы, сам в молодости лечился и помнил, как важно не пропустить очередной укол.

На улице у меня кружится голова, и трудно оторвать ногу от земли, чтобы шагнуть. Невозможно представить, как я будущим летом выберусь за ягодами, за сорочьим глазом. Неужто так и не принесу пользу человечеству? Томатыч еще рассказывал, что котище, который сожрал, по его предположению, соседского котенка и жил в лесу около садовых участков, сдох недавно, и, что интересно, пришел сдыхать на крышу сарайчика, где любил греться на солнце сожранный им котенок.

Я вспоминаю, как котенок чесал за ухом задней лапкой, но мне не становится от этого легче, и я не могу выжать хотя бы слабой, хотя бы тени улыбки.

Сам уже думал, что не будет продолжения. И накось. Служу в армии. Отличник боевой подготовки, второй разряд по гимнастике.

Выжил! Заставил себя выжить. Чем слабее я становился, тем крепче тревожило меня сознание, что должен я оставить людям свою находку. Выходило: если помру — совершу дополнительное предательство по отношению к человечеству. Значит, нет мне святее долга, как доживать до нового урожая ягод, чтобы собрать, а уж потом отдавать с объяснением и доказательством. Еще, кроме сознательности, помогла мне подаренная соседом-садоводом Шампиньонычем трехлитровая банка живого витамина — протертая с сахаром черная смородина.

— Бегать будешь, как молодой олень, — внушал Клумбич, — мы с тобой, глядишь, поставим на участке новый сарайчик! — Тут он по инерции вспоминал свою работу с Жорой, крякал и уходил размышлять домой.

За зиму через ягодник прокопали канаву, уложили в нее трубопровод, закидали землей, а когда я добрался до заветного места, сошел и снег. Разрушения оказались поменьше, чем я ожидал, — вокруг обломков стеблей приплюснулись нетронутые розетки прикорневых прошлогодних листьев. Остальные кустики освободил, отгребая растопыренными пальцами наваленную на них глину из канавы. Уцелел ягодник. Выжил и он. А я принял и другие меры: перенес несколько растений вместе с дерном на дальние полянки поглуще.

Хочешь не хочешь, но от физической нагрузки, от лесного воздуха наберешься силы. Слышал, называли меня во дворе старицком-бодрячком. А Шпинатыч все чаще намекал, что в самую мне пору с таким поправленным здоровьем погостить на его участке. Да только получилось нескладно — не смог я отблагодарить его за живые витамины, не хватило времени на новый сарайчик.

Зацвели мои кустики в июне, и тогда же проникла в лес засуха — с весны ни одного дождя и жара. Одно спасение — поливы. Либо вечером, либо утром на рассвете. Хорошо, в радиусе полукилометра нашлось два болотца. Сначала просто черпал из них воду пластмассовым ведром, потом разгреб торф, чтобы вода собиралась в углубление. Через нескользко же дней пришлось действовать лопатой и копать на болотцах метровые ямы. Я спасал ягодник, а его цветы — меня. Они пахли тоже по-разному: на каких кустах противно-приторно, на каких — сладко-нежно. От нежного запаха проходила усталость. Таких кустов, по моим подсчетам, оказалось больше, и завязи появились сначала на них. Но радоваться было рано. Кругом говорили о лесных пожарах. И вот как-то под утро мне приснилось, что кусты сорочьего глаза погибают в огне и едком дыму.

Дым был не только во сне, дым едкий, торфяной и наяву накрыл весь город, проник в дома и затруднял дыхание. Конечно, страшно было, но уже по дороге узнал — загорелись торфяники с другой стороны города, не менее чем в семидесяти километрах. Однако и у меня высохли колодцы. Пришлось ходить за водой на озеро — три километра в один конец. Хоть и нанюхаюсь цветов, а обратный путь с полными канистрой, флягами и ведром — чуть не ползком. Мало того, старался каждый раз ходить другой дорогой, чтобы не вытоптать тропинку, не завлечь по ней в ягодник. Особенно стал опасаться, что все расстроится, под конец, когда начали созревать первые ягоды. Того гляди вспыхнет пожар или кто-нибудь случайно повредит или уничтожит кусты. Несколько раз даже ночевал в кустах валежника поблизости.

И все-таки не допустил себя проявить нервозность, торопливость: съел первую ягоду только по достижении ею полной спелости, когда налилась прозрачностью и замерцала изнутри красной точкой. Чтобы не помолодеть опять слишком скоро, ограничился всего одной ягодой, хотя созрело сразу четыре.

Итак, вступила в действие моя программа, в которой не было места старым ошибкам. Сохранить весь урожай? Пожалуйста. Аккуратно снял оставшиеся три сегодняшние спелые ягодки и благополучно доставил их в холодильник. Наблюдать за действием на меня омолаживающих средств? Приготовил блокнот для записи наблюдений.

Но за вечер ничего не заметил, спать захотелось сразу после ужина, как и вчера, как в каждый из последних дней, и усталость через край. Насторожил будильник: поспеть на первой электричке к утреннему поливу до жаркого солнца, приспособился привозить с собой наполненные канистру и фляги в рюкзаке. Одним походом на озеро выходило меньше. Вскочил по звонку как будто полегче, как будто бодрее. Да разве как будто запишешь? Ненаучно. А то, что летал во сне, вспомнил лишь на перроне, когда переступал в вагон, по сходности движения ног. Снилось: летал над озером — оттолкнулся от берега и понесся над водой, поджав ноги, если начинал чиркать по воде, шлепал ладошкой по упругой глади, и снова вверх! Блокнот для строго последовательных записей, как назло, остался дома. В самом начале вышел сбой. Вернулся в тот день еще позже, чем в предыдущий, уснул мгновенно, вскочил, когда будильниковая пружина на исходе завода лишь тренькала легоночко звонком, где уж тут фиксировать наблюдения. Можно сказать, сами наблюдения тоже не вел, как намеревался, чтобы скрупулезно, час за часом. Где там! Не выдержал методику в самом истоке программы, а без нее нет никакой науки. Вот почему в вузах прежде всего требуют освоить методику, когда войдет в привычку, тогда и ученый, тогда и наука.

Я, вишь ты, второй раз прохожу омоложение, взять же начистоту, что знаюю процесс? Дважды начальные стадии проглядел в их грубом внешнем проявлении, не говоря уж о температуре, давлении, изменениях в крови, не записал и чисто субъективные реакции моего организма, включая мозг. Запоминал только, когда уж явственно натыкался носом, как на этот полет во сне. И еще — тогда же, после утреннего полива, не отдохшая, направился к озеру и дошел до него без привала, накануне присаживался трижды и на дорогу клал два часа. Тут показалось, что в три раза скорей, но не заметил точного времени по часам. На озере впервые за все знайное лето потянуло искупаться — плавал долго и с удовольствием. Что пошло на поправку — явно. Хотя я и не сомневался, обязательно пойдет, раз съел ягоду. Однако насколько продвинулось омоложение? Самое же основополагающее: у меня нет критерия для дозировки приема ягод.

Гляньте-ка, гляньте! Правильным научным методом человек не овладел, а уже зазнался, позволяет себе шлепать терминами: критерий.... основополагающий.... Вопрос-то узкий, примитивный: когда мне сжевать следующую ягоду? Сегодня, через день, через неделю? Его даже можно поставить еще ближе к моей

практике: как бы мне снова не стать мальчишкой. Ведь тогда опять ничего не успею сделать для человечества.

Для полной ясности расскажу, как у меня задумано: внешне остаюсь стариком, хотя и довожу себя с помощью ягод до высокой работоспособности, и постепенно внедряю открытие. Переомоложусь — придется скрываться, выкручиваться, прощай наука. Вот почему мне нужен точный внешний показатель хода омоложения, кроме внутреннего самочувствия. Самочувствие-то надо поддерживать отличное, иначе ненароком склопочешь либо инфаркт, либо инсульт. Показатель же нашелся, и совершенно простой. Для определения темпа омоложения я применил кронциркуль и морщины, которые идут от глаз веером к вискам. Можно было бы сказать использовал, но это слово звучит неопределенно, без твердости не обещает точного результата. Применил кронциркуль и морщины. Именной кронциркуль, мне вручили его от завода в день проводов на пенсию вместе с личным клеймом. Замерил морщины с точностью до десятых по нониусу и нанес на чертеж. Начнут быстро укорачиваться — перерыв курации. Правильная методика — основа науки. И точные самостоятельные слова. Я уже знаю, в каком стиле буду писать свою научную работу. Применил кронциркуль и морщины. Только так!

К началу августа весь урожай постепенно созрел и так же постепенно был собран до единой ягодки. Отдельно красные, отдельно желтые. Часть высушил и из них некоторые высадил как семена на глухих полянах для страховки на случай гибели основных плантаций. Кстати, и засуха кончилась, полили дожди — прорастут семена. Основную же часть ягод я оставил на хранение в холодильнике в свежем виде. Теперь с лесом до весны покончено, наступила пора внедрять открытие.

Сначала кажется, что такое открытие ни почем не залежится, что оно помчится по зеленой улице. И помчится, точно, но только с тех пор, как убедятся медики — геронтологи или эндокринологи: да, действительно, прием ягод сорочий глаз перорально замедляет старение живых клеток и даже приводит к их омоложению, а прием так-то и так-то... тонко и фухти-мухти-визуально то-то и то-то, через так-то. Но если я приду с улицы к профессору и протяну ему даже не в горстке, а в элегантнейшем пластмассовом пакетике свои чудотворные ягоды — пожуйте, профессор, ягоды жизни, к завтрему помолодеете... к утречку, — надо ли объяснять, что случится? Если кому надо, пусть тому объясняют умные соседи. Им же, умным соседям, не надо, по-моему, объяснять, что равно бесполезно обещать к утречку и в письменном виде. Спросите этих соседей, отчего случался больший вред человечеству — от неверия в открывателей или от доверия шарлатанам и мошенникам? Может быть, они гораздо ярче и убедительней докажут вам, что мошенники и шарлатаны говорят и выглядят куда умнее и

честнее настоящих честных и умных открывателей, которых нам хочется заподозрить в чем-нибудь нехорошем гораздо чаще, чем мошенников.

Что же мне оставалось, с какого действовать конца? И как мне ни горько это сознавать, я поторопился, взял то, или, вернее сказать, схватил то решение, которое лежало близко. В его близости я разобрался, конечно, потом, тогда же оно подкупило меня своей смелостью, оригинальностью. Случай, подумал, мне поможет, какой-нибудь случай. Но лучше не ждать, а организовать такой счастливый-рассчастливый случай.

Допустим, у профессора есть дочь, я на ней женюсь и как-нибудь за семейным чаем вынимаю горстку ягод, вот, говорю, папа, к завтрашнему... Сложно. Профессор может оказаться женщиной, или нет дочери, да и я сам ведь не собираюсь сейчас омолаживаться в соответствии с моей программой. Если же у профессора, положим, испортился автомобиль, профессор лезет под капот, а тут я — чик-брик, ведь двадцать лет механиком, готово. Слово за слово. Ну и как же тут вмазать: перорально... пожалуйте... Не то.

Все-таки чего стоит человеческое тщеславие. Вспомнил я между прочим, так, мелькнуло среди многоного, мол, есть слово эврика. Выкрикивают его ученые, когда находят желаемое. Мне бы найти чего позаковыристей, и я бы шарахнулся: эврика! Да, хорошо бы. И не уходит она из моего круга внимания. Уж так мне хочется восхлиknуть по вдохновению. Восхлиknул, дождал вдохновение, мне и на самом деле показалось это прозрением, хотя, как выяснилось, на поверку лежало близко.

— Эврика! Крысы! Какой-никакой ученый, крысы-то у него есть! Путь к сердцу эндокринолога лежит через крысиный желудок!

Наверняка кому-нибудь тоже покажется это прозрением, оригинальной находкой. Но для меня ясно, что сбылся я с достойного пути, пошел сомнительным оттого лишь, что выглядел он ближним, сулящим быстрый успех. Ну как тут было не вспомнить, сколько плутов находило путь к сердцу, в душу и куда угодно и через желудок, и через многое и похуже желудка. Не вспомнил. И вернее всего, нарочно не дал себе передышки, чтобы не усомниться, не вспомнить, не опомниться вдруг, стремился скорее приступить к действию. Словом, совершенно противоположный случай шекспировскому Гамлету. Тот медлил, примеривался, как бы найти честное и благородное решение для неблагородной задачи — мести. А я с благородным своим открытием из-за поспешности встрял в мошенничество. Честный человек должен находить благородный путь еще и потому, что на бесчестном он окажется слабаком низкой квалификации. Кабы по-настоящему мошенничать, с размахом, то не трусливо, через лабораторных крыс, а через домашних кошек с собаками.

Небось многие эндокринологи и геронтологи держат живот-

ных, любимых, лабораторных-то им и нельзя любить — это не животные, только материал. Разыскать одного такого эндо-геро, допустим, гуляет с собакой. Ах, красивая собака! Разрешите погладить? Тут и повело. Сколько лет собачке? Ай, ай. Жаль, жаль. Такая красивая собака! Разве три встретились — вот и почва. Забрасывается крючок, что существует средство для собачьего старения, в смысле против старения. Знаю одного собачника, не поверите, совершенно взбодрил своего кобелька, похудел, и шерсть перестала лезть. Владелец водил его даже на вязку и, утверждает, с полным успехом. Конечно, узнаю, помилуйте, даст — принесу непременно. Ничего удивительного — эндо — геро на работе, а дома для ненаглядного Авы или Мявы сгодятся и зонарские снаидобья. Вот так надо организовывать счастливый-рассчастливый случай с учетом мало-мальски квалифицированной практики, мошеннической, естественно.

Я же помчался наниматься в лаборанты при опытных крысах, так как знал об этой вакансии от пенсионеров нашего двора. Вон отчего получилась эврика-то. Знал, помнил, ухватился, ах, какой мыслитель! Ах, эврика! Так и потерял несколько лет. Однако мог бы, возможно, действовать ловчее даже в чине крысного лаборанта. Присмотреться, изучить людей, взаимоотношения, включая скрытые, поработать хоть полгода. Но я пребывал все еще в восторге от эврики и жаждал поскорее взглянуть ее снова, опять пережить ни с чем не сравнимый умственный взлет. Как раз то, с чем ученый, овладевший правильной методикой, будтельно воюет и в себе, и в своих сотрудниках, пресекает зуд поскорее желаемое зачислить в действительное. Я же не боролся, не подавлял, наоборот, разжигал мечту скорее за получить свой счастливый случай.

И чуть ли не на первой неделе моих дежурств — вот оно! даже похолодело на желудке — услышал я знаменательный разговор научных сотрудниц около клетки: .

— Шеф сказал, что эта крыса сдохнет завтра утром.

— Не может быть! Бодрая, веселая.

— Ты недавно у нас в лаборатории и не знаешь, что шеф не ошибается никогда.

— Нет, не могу поверить, такая витальность.

— Пари?

— Пари!

Они прошерохтели мимо меня крахмальными халатами в ореоле взбитых причесок и в облаке египетских духов.

Куда же лучше, чего еще мне ждать, если не сдохнет — непременно сообщат этому самому шефу — руководителю лаборатории, немедленно начнется научный шухер, что да как, и, пожалуйста, готово мое дело. Эврика! Не растаял даже аромат духов около клетки, как я изловчился сунуть крысе ягодку. Слопала охотно. Есть первый эксперимент, вернее всего, решающий эксперимент. Да не где-нибудь на садовом участке — в настоя-

щей научной лаборатории, на добротном научном материале. До конца дежурства я представлял, какая тут развернется под моим руководством исследовательская работа, сколько появится новых научных сотрудниц в потрескивающих крахмальных халатах, высоких и разных других ростов, со взбитыми и гладкими прическами, благоуханию же самых приятнейших духов, вплоть до французских, не будет перерыва, и оно начисто забьет запах экспериментального материала.

Спорная крыса до самого моего ухода чистила брюшко, проводила усами и отчетливо подмигивала, будто хотела сказать: дай вторую ягодку перорально. Я тоже подмигнул ей на прощание, но вторую ягодку решил отложить до утра.

Ночные полеты на этот раз я совершил исключительно по огромным лабораторным залам в сопровождении сонма причесок и белых халатов. Потом вдруг мне приснилась издыхающая крыса, и я на всякий случай пришел на работу раньше. Шеф действительно знал свое дело — крыса еле-еле дышала и не почуяла подсунутую ей под самый нос ягоду. Тогда я, недолго думая, разжевал ягоду и намазал кашицей крысиную мордочку. Крыса двинула усами, поморщила ноздри, высунула язык, слизнула ближние крошки раз, два, постепенно слизала все, что достала языком, перевалилась на бок, сняла остатки кашицы с усов, с шерстки. Я подсунул ей еще. К началу занятий крыса по-деловому шустрила, перебирала шерстку на брюхе и оттягивала усы за уши.

Я пристроился неподалеку чистить свободную клетку с расчетом лучше увидеть и услышать, какие будут складываться события вокруг моей крысы. Конечно, не миновать большой научной и общественной заинтересованности, сенсации со сбором всех эндокринологических сотрудников на экстренный симпозиум. Ну и мое неожиданное сообщение с демонстрацией ягод, специально переложенных в нагрудный карман моего синего халата. Надо прикинуть, поместятся ли в виварии телекамеры и осветительные приборы. Только бы не начать заикаться перед микрофоном.

И с самого начала все пошло точно, как я предполагал: прошуршили халаты, повеяли ароматы, раздались возгласы, потом распоряжение:

— Немедленно за шефом!

Через считанные мгновения появился и шеф — заведующий лабораторией, он не пах духами, халат на нем не топорщился от крахмала, он поздоровался со мной, покосившись на мой нагрудный карман, в котором лежала коробочка из-под вазелина с ягодами. Или мне показалось, что на карман. Не остановливаясь, шеф прихватил табуретку, хлопнулся на нее около клетки и уставиля на крысу. Крыса тоже заинтересовалась, села на хвост и, глядя на него, теребила лапами усы, норовя затянуть их на затылок.

— Очень прекрасно! — сказал шеф нашей лаборатории своим сотрудникам. Потом, не вставая с табуретки, он повернулся к крысе спиной и показал на мой карман, в котором лежала коробка из-под вазелина с ягодами.

— Теперь признавайтесь, ваша работа?

Я кивнул и полез в карман за коробочкой.

— Исключительно превосходно. Видите, он признается и рассчитывает предъявить нам открытую им панацею или эликсир жизни. Я правильно вас понял?

Я кивнул и протянул ему коробочку с ягодами.

— Не играет значения! — Шеф отстранил коробочку. — Даже если бы вы и не подменили издохшую крысу живой, а на самом деле оживили десять или сто изыхающих крыс, то и тогда я не взял бы вашу жестянную баночку. Поймите меня даже неправильно, но наш план забит до конца века, ждут испытаний сотни препаратов отечественных, десятки импортных, за которые плачено не только золотом, но и алмазами, поймите меня хотя бы неправильно!

А когда я пришел к нему подписывать обходной лист, шеф рассказал мне в утешение, что в соседнюю типографию нанялся в вахтеры один пенсионер, чтобы при случае напечатать там по блату свои песни и мемуары. Рассказал и опять попросил понять его даже неправильно. Я сказал: понял. Он обрадовался и сказал, что это даже чересчур очень прекрасно. Мы расстались: он — неколебимо уверенный, что я подменил крысу, я — растерянный и посрамленный.

Ненадолго. Дома я утешился, измерив морщины своим именным кронциркулем — они укоротились на две десятых миллиметра. Ну, ошибся, не так действовал, сорвалось — и должно было сорваться, поймите меня... Стоп... Стоп, почему же это у шефа так убедительно звучало поймите меня хотя бы неправильно? Какой толк от такого понимания? И все эти его «чересчур очень прекрасно»... Выходит, многое я не в состоянии охватить не то чтобы правильно, а хоть чуть-чуть или кое-как. Ведь лезу в науку. С другой стороны, морщины-то, ягоды-то...

И тут же начал, как говорят кибернетики, проигрывать другой вариант с крысой. Не с той и не со следующей, а с десятой или двадцать пятой, когда уже шеф давно бы ко мне привык, пригляделся, притерпелся. Но проигрывание каждый раз застопоривалось, непременно шеф глядел на мой карман, лишь только я выводил его на сцену. Мне же хотелось, чтобы он перестал ограждать от меня науку, словно я могу ее поранить, допустил к себе по-свойски, позволил шутить за просто и с ним и про науку. Вот тогда и проигрался бы вариант — на спор при нем накормить изыхающую крысу ягодами, а я пригласил бы шефа в соавторы. Короче говоря, я не одумался и по-прежнему мечтал нащупать черный ход в

науку, через кухню или мусоропровод, как тот вахтер из типографии — в литературу. Смехотворную наивность вахтера я оценил тотчас, а вот что сам ничем от него не отличался — гораздо позже.

Считал, не выгорело в одной научной конторе, выгорит в другой — бывают же среди ученых люди простецкие, и к себе пускают, и науку дают попробовать на зуб, чтобы убедился ты, как они властуют над ней. На таких ученых я надеялся, когда проигрывал в своем воображении, что кормлю крысу на спор с ними и как они придут в восторг, оттого что вместе со мной послужат людям. А не замечал, что проигрываю не совсем корректно — беру в игру ученых, которые стараются поставить науку на службу только личным интересам, ожидал же от них бескорыстия. В то же время бескорыстных, бдительных истинных ученых зачислил в недоброжелатели. Оттого я снова сорвался надолго, и хорошо еще, что обошлось без больницы.

Наигрался в кибернетические игры досыта, навообразил допустимые и недопустимые заходы-подходы-выходы и поехал на другой конец города наниматься в лабораторию, связанную с геронтологией. Попробую, думал, бить в яблочко.

— У нас такой порядок, — сказали мне в кадрах, — кто поступает в лаборанты, идет сначала к руководителю.

Посмотрел он мои документы и предлагает:

— Поступайте лучше в поливитаминную группу, почти рядом с вашим домом, и зарплата у них на десять рублей выше.

Такого захода-поворота я почему-то не проигрывал, пришлось пускаться в импровизацию. Не допер сказать: меняюсь сюда квартирой, уж куда проще. Нет, принялся мэкать, экать, так сказать, вроде бы у меня призвание к геронтологии. Удивительно, когда это произошло, что научные наши силы настолько созрели. Читал в газетах и журналах, видел по телеку, и в кинофильмах: мягкие, совершенно нехитрые люди, умные, добрые — это да, пожалуйста. Здесь — холдность во взгляде, точность в словах и никакой рассеянности. Тот допек меня типографией и «поймите меня даже неправильно», этот — вопросы, по виду простыми, но с подоплекой.

Физически получалось, будто подо мной не стул, а сковородка, морально же я оказывался заподозренным, что собираюсь тут у них тибрить из крысинах и стариковских лекарств себе на омоложение, как только подгляжу, лучшие средства. Чем больше я импровизировал, тем горячее мне было сидеть, а совесть моя забилась куда-то, чувствую только, сжимается от стыда. Махнул рукой — выложил все начистоту про ягоды.

Он же, как ни в чем не бывало, втыкает свои вопросы. И уж не иносказательно, а все как есть: что я, выходит, собираюсь не только портить экспериментальный материал — крыс со свинками, но и готов нанести непоправимый вред их престарелым пациентам своими зонарскими снадобьями.

— Какой вред? Какой вред? — Я совершенно потерялся. — Да я... Да это... Вот... Вот...

Дрожащими от жестокой обиды и несправедливости руками я вытащил коробочку, или, правильнее назвать, жестянную баночку, с ягодами, начал ею трясти чуть не у самого лица руководителя. Впечатление со стороны трудно даже представить, вероятно, походило мое объяснение на сеанс исступленного шаманства или пьяного откровения на мотив об уважении. Налезая словами на слова, перескакивая с мысли на мысль, пытался я толковать о пользе для человечества, заключенной в скромной коробочке... да, тьфу! в жестянной баночке.

— Не старики обкрадывать, не их, не как крыс, чтобы опыты, я сам могу кого угодно, показать самое простое, на тебе, на себе любое омоложение. Вот!

Я открыл баночку, пересыпал ягоды на ладонь горкой. Опять сунул их под нос руководителю, потом опрокинул всю горку себе в рот и стал быстро жевать и глотать, приговаривая:

— Вот, вот! — так, словно жевал и проглатывал все те нелепые и оскорбительные подозрения, которые содержались в его вопросах.

— Вот! — сказал я в последний раз, проглотив последнюю ягоду, и тут вспомнил своего соседа. Как же я теперь покажусь своему Розанычу? С испугу попросил руководителя совершенно даже растерянно:

— Вы, пожалуйста, приглядитесь сейчас ко мне, чтобы узнать завтра, я ведь буду помоложе. — И вдруг противненько прихихикнул и, как ни старался овладеть собой, сохранить достоинство, сказать веско: — Вы сами увидите завтра! — окончательно застыдился и выскочил из кабинета.

Иного ждать было нечего, раз запустил в ход ягодную механику — к следующему утру я резко помолодел: почернел волосами, посветел лицом. Хоть очень мне было муторно за вчерашнее, поехал к руководителю по геронтологии с надеждой на достойный прием.

— К сожалению... ра... ича нет, выехал он в командировку на двадцать дней.

Одного этого было вполне достаточно, но меня, видно, решили посрамить окончательно и сообщили вдобавок:

— А вам и вашим братьям — старшему, который был здесь вчера, и всем младшим, он просил передать, что такое с ним случалось, пробовали другие братья. Вы даже и не вторые.

Спасибо, не поскупились, объяснили, что он имел в виду. Есть, оказывается, такие люди: как чего появляется нового, они непременно чуют в этом плутовство или розыгрыш и тут же начинают выкручивать, как бы и им тоже принять участие. Одним — откусить от жирного пирога, другим — повеселиться на счет доверчивых простаков, исхитряются всячески.

Ну, взять, например, как вышло с парапсихологией. Кто-то нащупал где-то какие-то проблески, неясности, а они тут как тут, держат телепатическую связь через океаны, видят сквозь броню, двигают мыслью колбасу и магнитные стрелки. Если среди них окажется случайно кто настоящий, и его неминуемо зачислят в плуты или клоуны.

С братьями же так. Приходит старший и говорит, совсем как я: имею омолаживающее средство, нашел или изобрел, могу продемонстрировать на себе. И тоже, как я, заглатывает на глазах врачей порцию. Назавтра является — по виду не отличишь, как будто он самый, только на пять лет моложе, послезавтра — на десять. Где-то четыре брата тайком подменивали друг друга по очереди в клинике — ночью, через туалет. Все вроде на глазах у врачей: вечером укладывают спать старика, утром на его месте пожилой мужчина, еще через два дня — дядечка в полном соку и требует: хочу домой.

— Скажите спасибо, что наш руководитель не сообщил в милицию! Уж очень наивно и неопытно, говорит, действовал ваш старший брат, возможно, впервые, понадеялся, может, останетесь честными людьми.

Даже в банной парилке я так никогда не краснел, как у этих геронтологов. Наверняка, сообщи он в милицию, дело пошло бы прямее. Там не стали бы подгонять под бывшие случаи, там устанавливали бы факты — один за другим. Есть у меня план, и, возможно, после армии я поступлю в милицию. Но в тот момент я испугался милиции.

И хотя я сейчас осуждаю тот мелкий страх, боязнь идти прямой дорогой, все-таки не встаю на нее, не докладываю, например, командиру, кто я такой, что знаю и что могу дать людям, нашей медицине. Остерегаюсь, опять все запутаю, не верю в свою способность к холодной логике. Решил ждать, пока жизнь сама выведет на прямую, а возможно, я на ней уже давно нахожусь, и иной, более короткой, нет. Отслужу, поступлю в медицинский. Куда уж прямее. План, чтобы служить в милиции, не отклонение, не обход, а продолжение.

Попал же я на свою марафонскую прямую после того, как в последний раз лгал, изворачивался, заливаясь детскими обильными слезами. Очень противно ворил, со взвизгиваниями:

— Не знаю, не знаю... ююю! Меня послал дяденька, дяденька... ааа!

— Спросите, спросите, — то шепотом, то, забывшись, чуть не кричал милиционеру мой сосед Барбарисыч, — спросите, есть у него брат Жора?

Не обошлось и на этот раз без догадливого моего Дюшесыча. Он оказался главным действующим лицом, выследил подозрительного пацана и сообщил в милицию. Примерно, как я запомнил, когда при мне зачитывали его заявление, что

сосед его вновь исчез, Ткемалич написал «обратно исчез» и выразил мнение, что снова, «как недопустимо признавали врачи, по недугу памяти».

Думаю, что нет никакой необходимости рассказывать, почему я снова стал мальчишкой. Побоялся принимать обратные ягоды. Хорошо еще, успел приготовиться к внезапной эвакуации — закопал в лесу записи, урожай ягод. Я и сам намеревался попасться на глаза соседу или его лупоглазой дочке — не было у меня другого выхода. На этот раз я гораздо тщательнее проиграл всякие возможности, включая самые фантастические. Но не прорезалось среди них ни одного, чтобы мог я обойтись без рева, соплей и слез. Поймите меня хотя бы неправильно.

— Дяденька послал, дяденька-а-ы-ы!

— Какой дяденька?

— У магазины-ы-ы!

— Спросите про Жору-то!

— Отнеси, — сказал, — продукты-ы-ы... дал ключи-и-и... —

Откуда берется у детей столько влаги, и что может быть убедительнее детских слез.

Нашлась в магазине продавщица, которая видела, как пожилой покупатель давал ребенку сумку с продуктами, и признала во мне того ребенка.

— Велел взять со стола деньги-и-и... два с полтино-о-ой...

Такая сумма денег действительно лежала на столе, меня остановили, когда я открывал ключом наружный замок квартиры. По всему выходило, что про деньги я мог знать лишь от хозяина жилья — дяденьки у магазина. С Жорой же Апортыч настолько надоел милиции в прошлый раз, что его вежливо попросили не мешать следствию.

Вот тогда я понял — у милиции есть отличие от таких, как мой сосед Щавелич, и от таких, как шеф или руководитель, — она опирается только на полностью доказанные факты, стремится установить факт, как он есть, а уж потом искаль то, что привело к таким фактам, и тоже факты. Мои же знакомые, столкнувшись с фактом, сразу принимали наиболее вероятную его причину, делали выводы и совершали поступки.

Пропал старик, мальчик неизвестно чей — сколько можно сочинить вероятных причин, сделать выводов, совершить поступков?

— Не знаю-ю-ю... ы-ы-ы!

— Где ты живешь?

— И-и-и... ы-ый!

Старика объявили в розыск, моих родителей тоже, меня поместили в детский дом — точно, как я и проигрывал в своей кибернетике. Не подвела милиция. Хоть не докопались до глубинных причин, а действия точные.

Родители мои находились несколько раз. Одни: взглянут —

нет, не он! Другие: не он, но мы готовы его усыновить. Третий — моим обходным путем: наш это, наш Вася, — а мне мигают: соглашайся, мол, ничего для тебя не пожалеем, будешь принцем. Подкарауливали с уговорами на улице, созлазяли машиной, квартирой, дачами и даже садовыми участками. Меня — потомственного рабочего с сорокалетним производственным стажем. Как это правильно заведено в природе, что не подряд у людей получаются свои дети.

С каждым прожитым заново днем я убеждался — чем дальше я от цели, тем больше надежда, что стану ее достойным. Вы еще услышите обо мне. А вдруг чего опять не выйдет, по моей вине или невезучести, непременно найду способ досказать свою историю, если не всем, то кому-нибудь. Положительного результата, чтобы вы раньше времени не беспокоились, рассчитываю достичь лет через шесть-восемь.

И то это очень даже чересчур отлично.

НЕ РАЗОБРАЛИСЬ

Было уже совсем темно, когда шофер затормозил у небольшого домика, стоящего на самом берегу медленной речушки. Светом керосиновых ламп неярко желтели его окна. Чехов вылез и, потоптавшись немного, чтобы размять ноги, шагнул было на крыльцо. Двое преградили дорогу.

— Одну минуточку, товарищ генерал. Разрешите ваши документы. — Чехов расстегнул шинель. Вспыхнул чей-то фонарик и ощупал лучом его лицо. Генерал отвернулся и, когда глаза снова привыкли к темноте, увидел, что у машины застыли автоматчики. «Черт знает, что за сверхстрогости!» — подумал он и взял из рук козырнувшего ему капитана свое удостоверение.

Капитан толкнул дверь в сени и, осветив путь, пригласил:

— Входите, товарищ генерал. Уже почти все прибыли.

Дом оказался на одну комнату, зато довольно просторную, так что человек десять, собравшиеся здесь, смогли разбриться на группы, каждая из которых вела свой разговор. Две керосиновые лампы, одна на столе, другая под потолком, освещали слабо, потому лица выглядели усталыми. Что-то неестественное, непривычное почудилось Чехову в этом собрании, но в следующий момент он догадался: просто давно не видел штатских. Они сейчас были для него как герои старых пьес. Вон там, у печи, сияет сединой — даже в такой керосиновой тусклоте! — голова Шершевского. Академик сидит, расстегнув двубортное драповое пальто, широкие брюки неумело заправлены в меховые унты — без сомнения, забота щедрых авиаторов. Рядом Никитин. (Даже он? А говорили, занят важнейшим правительственным заданием.) Идущий навстречу генерал наверняка Бровин — ишь какие густые черные стежки над цыганскими глазами.

— Вот и начальство! — сказал цыгановатый генерал, и все сбились к Чехову.

Круглолицый молодой старшина внес большой жестяной чайник и расставил кружки. Стали собираться вокруг длинного скобленого стола. Генерал-инженер еще раз обвел всех взглядом.

— Не вижу таинственного лейтенанта Летягина.

Бровин нахмурился.

— Лейтенант Летягин погиб два дня назад, остановив гитлеровцев в километре от этого дома!

Чехову сделалось неловко.

— Простите, генерал. Не знал. — Вновь вспомнился рыженький курсант. — Расскажите хоть, как он выглядел.

Бровин расстегнул карман гимнастерки, достал фотографию.

— Вот, в личных вещах нашли.

С фотографии глянули на Чехова незнакомые задумчивые глаза юноши. Нет, это был не тот рыженький. Бровин осторожно забрал снимок и сказал:

— Ушел на фронт с четвертого курса Томского политехнического. Профессорский сынок.

— Я знал его отца, — неожиданно вставил Шершевский. — Он у меня слушал физику твердого тела. Очень способный молодой человек. Вот, и сынишка... — Академик замолчал, потом добавил: — Объясните же толком, что произошло?

Бровин отодвинул локтем кружки и расстелил на столе карту.

— Основной бой завязался здесь, у Соколовки, — он черкнул по карте ногтем. — Главный удар приняли на себя батареи Огульникова и Паншина. Оба хлопца большие спецы отбивали танковые атаки. Еще сталинградской выучки. И они поддали фрицам огонька! Однако ясно было, что те попытаются нас обойти. Может, даже сделают крюк — тут вот километров на сорок тянутся болота — и выйдут на Летягина. Так оно и случилось. А у того бронебойные ружьишки, да больше ничего. Помочь бы, но с этой стороны тоже наседают...

Никитин положил ладонь на карту.

— Ты нам, Семен Григорьевич, всю стратегию не объясняй. Мы люди невоенные. Скажи лучше, как лейтенант без вашей помощи обошелся?

Бровин замолчал. Вроде даже обиделся. Карту сложил. Прикурил от лампы. И наконец произнес:

— Не знаю, как у вас, а у нас, военных, бывают ситуации, когда приходится терять людей, и ничего не поделаешь. Рота Летягина, конечно, не могла выстоять. Но, еще хуже, всей дивизии грозило оказаться в танковых тисках. Мы к этому худшему и готовились. Только не видно с той стороны немецких танков, и все тут. Начштаба даже стал нервничать. «Слышишь? — спрашивает, как только у нас чуть притихло, и кивает в сторону Летягина. — Все стреляют». — «Стреляют, — говорю. — Два часа уже слышу». — «Да, что их, привязал там кто-то?»

Генерал Бровин резко поднялся, так что заколебался огненный язычок в лампе, и добавил, почему-то обращаясь к Никитину:

— В общем, не прошли здесь, Борис Васильевич, немецкие танки. А у Соколовки мы их отшвырнули.

Он умолк, и некоторое время никто не перебивал тишину.

— Как же ему удалось? — не выдержал кто-то из присутствующих.

Бровин пожал плечами.

— В том-то и загадка. Когда мы прибыли в роту Летягина, ничего нельзя было понять из объяснений. Говорили о какой-то установке, которую он принял сооружать, едва занял позиции, и о том, что немецкие танки застревали вдруг на ровном месте. Один солдат даже так выразился: как жуки на булавке — гудят, а стронуться не могут.

В сенях послышался топот, громкие голоса, и ввалились толстый большой Чигодаев и капитан с пакетом.

Костя Чигодаев был давним товарищем Чехова и по учебе, и по работе в военно-инженерной академии. Когда-то за тощую, длинную и очень прямую фигуру курсанты прозвали его Гвоздем, а сейчас могучее чигодаевское тело так плотно сидело в генеральской шинели, что ни единой морщинки не появлялось на ней даже при движениях. Константин остался таким же шумным и радостным.

Он крепко обнял Чехова и тут же прогудел:

— Слушай, чего ради меня срочно сюда вызвали? Неужели чтоб повидаться с тобой? А?

Чехов распечатал пакет, пробежал глазами содержание. Уточняя состав комиссии, ее цель. Но тут же были и сведения, какими научными проблемами интересовался Летягин Евгений Леонидович, 1922 года рождения, будучи студентом Томского политехнического института.

— Постой, постой, — сказал заглянувший из-за плеча Никитин, — это, кажется, несколько по моей части.

Утром осмотрели место, где рота Летягина остановила вражеские танки. Обнаружили на земле вдавленную стальными гусеницами проволоку. Оказалось, что она связана в виде сетки и покрывает все пространство от крутого обрыва до небольшого озерца, за камышовой изгородью которого начиналась нескончаемая болотная топь. Сетка во многих местах была разорвана. Никитин долго в недоумении осматривал ее, а подошедшему Чигодаеву сказал:

— Ума не приложу, для чего она здесь. Не могли же тяжелые бронемашины запутаться в этих силках.

— Пойдем посмотрим, почему они застряли, — кивнул Чигодаев на темнеющие неподалеку машины нескольких застывших танков.

Но осмотр их тоже ничего не дал. Танки были просто подбиты выстрелами из бронебойного ружья. Ничто другое их на месте не удерживало.

Тут кто-то заметил небольшую колхозную электростанцию, а возле нее бродившую одинокую фигуру.

— Откуда здесь посторонние? — строго спросил Чехов.

Бровин только повел густой бровью и направился к станции.

«Посторонним» оказался Шершевский.

— Знаете, что я вам скажу, — встретил он словами комиссию, — если искать секрет, то только здесь. Не знаю, что они тут делали, но что-то делали. По крайней мере, агрегат они демонтировали, а потом собрали и установили обратно. Это нетрудно обнаружить. И то, что он был значительно реконструирован, — тоже. Хотя агрегата как такового уже нет. Прямое попадание.

Здание оказалось сильно разрушенным. Чувствовалось, в него угодил не один снаряд. Все внутри настолько перекорежило, что трудно было понять, как старый академик смог прорваться сквозь эти завалы. А он уже снова спускался по обломкам ступеней.

— Вот, посмотрите, Борис Васильевич, — кликнул старик Никитина. Они вдвоем остановились у обломков бывшего генератора, что-то оживленно обсуждали. Потом потянули из-под них какую-то деталь.

— Осторожно! — крикнул Чехов и шагнул вниз.

Хрустнул под ногой осколок зеркала. Дальше еще один. Очень много осколков. «Откуда здесь взяться зеркалам?» — подумал генерал-инженер. И в это время что-то с грохотом обрушилось. На Чехова посыпалась штукатурка, обломки кирпичей. Когда улеглись поднятые клубы пыли, он увидел, что Шершевский пытается высвободить зажатую полу своего драпового пальто, а Никитин как ни в чем не бывало разглядывает остатки статорной обмотки.

— Да помогите же мне, Борис Васильевич!

Тот задумчиво вцепился в полу и тоже потянул ее.

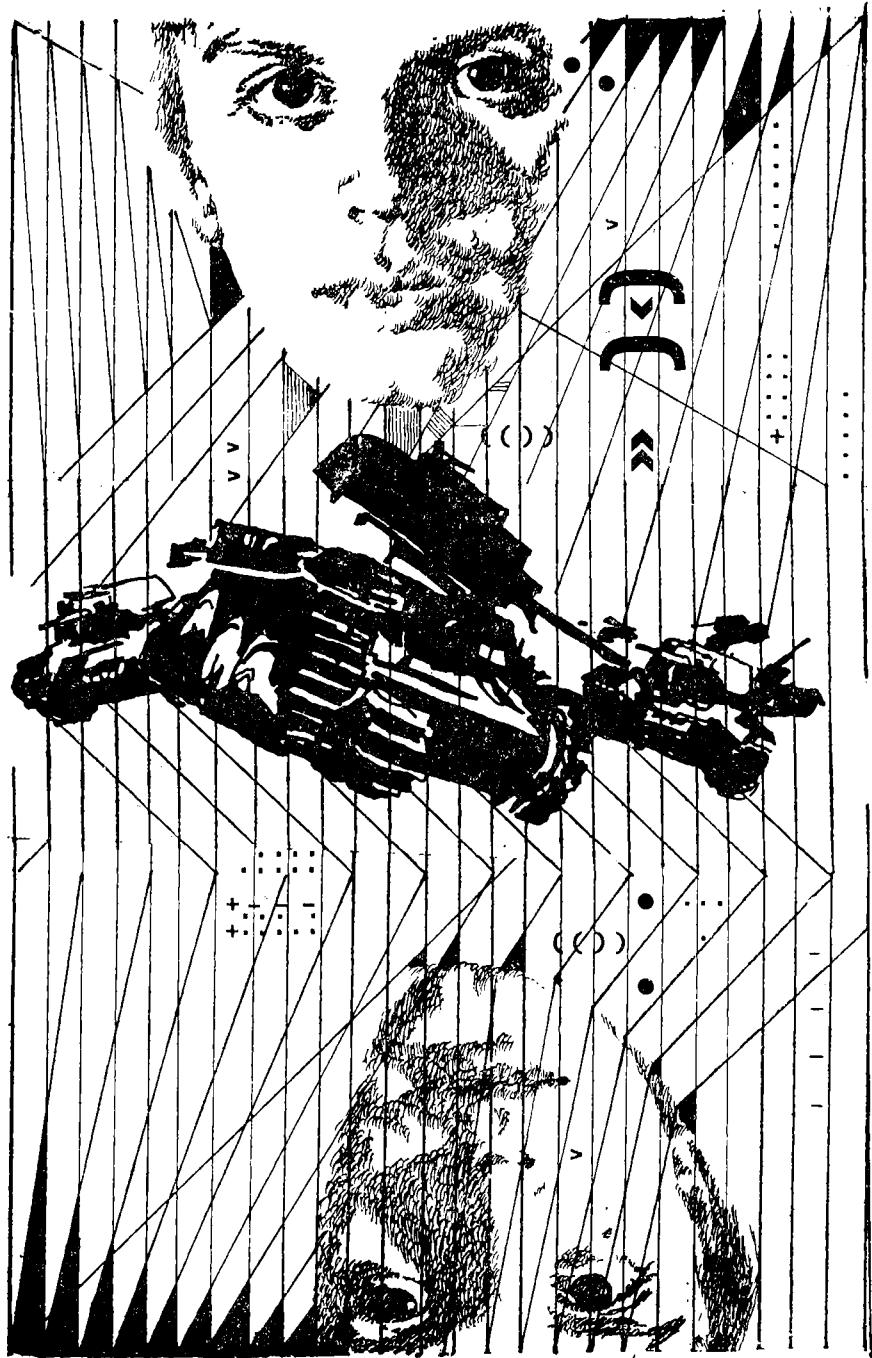
— Полегче, вы оставите меня без пальто.

— Кажется, я что-то начинаю понимать, — ответил Никитин и дернул сильнее: — Если не ошибаюсь, Летягину пришла оригинальнейшая идея. Семен Григорьевич, — повернулся он к Бровину, — можно поговорить с кем-нибудь из его роты?

Генерал вопросительно глянул на Чехова. Тот кивнул.

...Вечером сидели в той же комнате при тех же керосиновых лампах. Чехов слушал рассказ пожилого сержанта и косил на человека, которым оказался тот же капитан, что давеча проверял у него на крыльце документы. Поди, отметит, что нарушил инструкцию, привлекли к расследованию людей лишних. Но тут осоびст наклонился к нему и сказал:

— Можете с ним откровенней. Сержант человек надежный. С первых дней на фронте.

Генерал-инженер показал жестом: мол, понял, и продолжал слушать.

— Только мы расположились, лейтенант Летягин обошел роту. Нужны, говорит, слесари и электрики. Нашлось таких семеро и даже один кузнец. Ушли они все на станцию. Потом лейтенант возвратился, позвал меня с Хуциевым проволоку перетащить. Ее там на станции полная кладовка была. Всю и перенесли на поле. Показал ротный, где ее прокладывать, как присоединять. Поторопил, а сам убежал обратно. Закончили мы работу, всю поляну, аж до болота, проволокой устелили. А там до танков трава была, и проволоку эту не видно. Потом я докладывать. Гляжу, со стороны деревни Ефимов идет, тот, что кузнец, два полных вещмешка тащит. «Чего, — спрашиваю, — несешь?» — «Зеркала по избам собираю». — «Зачем?» А он смеется: «Чтоб фрицы на себя полюбовались, когда мы их бить будем». Лейтенант тоже мне навстречу попался. Прошли мы с ним по огневым нашим точкам. И он всем хлопцам говорит: «Главное, не давайте немцам из машин выйти». Ну а больше ротный в расположения не появлялся, все чего-то там на станции делал. В это время, слышим, начался бой у Соколовки, а часа через два фашистские танки появились у нас. И тогда-то начались чудеса! Только такая гадина вползет на поляну, где мы проволоку проложили, и словно прилипнет. Стоит, башней ворочает, а ни с места.

— Как же им удалось все-таки уйти? — поинтересовался Чигодаев.

— Не всем, — поправил сержант. — Четыре машины наши бронебойщики сразу порешили. Подбили бы больше, да они такой огонь открыли, головы не поднять. И застрявшие шпаги, и задние, что пройти из-за них не могут. Шутка ли, пушек сорок! Потом задние развернулись, начали уходить. А эти еще долго огрызались. Двоих мы подожгли. Но один, шальной, давай палить по электростанции. Раза три попал. И вдруг, видим, те, что остались целы, стронулись. Рванули, только не на нас, а обратно, ушедшие танки догонять... Когда я прибежал на станцию, в живых там никого не было.

Ответив еще на несколько вопросов, сержант попросил разрешения идти. Едва за ним закрылась дверь, Никитин произнес:

— Все это очень интересно, но бесполезно. Никто, кроме тех, погибших вместе с Летягиным, не знает, чем он занимался.

— Наша задача не упустить ни одной детали, чтобы потом по ним восстановить изобретение лейтенанта, — возразил генерал Чигодаев.

— Нет уж, нам надо или решить загадку здесь, или признать, что все мы пигмеи в сравнении с этим мальчиком.

— Тише, товарищи, — остановил Никитина Чехов. — Ставка Верховного Главнокомандующего требует от нас сде-

лать все возможное. У вас ведь, Борис Васильевич, были какие-то на сей счет идеи?

— Весьма смутные. Но давайте подумаем вместе. Дайте кто-нибудь бумаги.

Капитан-особист достал из полевой сумки новенький блокнот с плакатом «Родина-мать зовет!» на обложке и положил перед Никитиным. Все сгрудились вокруг.

Утро застало их в тех же позах. Окна засияли акварельной ясностью. Чехов задул ненужную уже лампу и разогнулся.

— Да, — задумчиво произнес Шершевский. — Если мы и на верном пути, нам не хватает только одного — светлой головы этого юноши.

Никитин, чинивший ставший уже коротким карандаш, не подымая лица, отозвался:

— Может, когда-нибудь у вас в институте или у меня в конструкторском бюро изобретут такую установку. Уйдут на это годы, много сил и много средств. Изобретатели получат по заслугам: и славу, и большие премии. И наверняка люди скажут, что они совершили научный подвиг. А как же назвать то, что сделал Летягин?

...Уже сидя в своей пятнистой «эмке», генерал-инженер вдруг вспомнил о зеркалах. Во всех своих версиях комиссия почему-то их упустила. Но зачем они понадобились лейтенанту? Если даже Летягин решил воспользоваться солнечной энергией, это тем более было непонятно. Да, зеркала, пожалуй, та деталь, которая оказалась им и вовсе не по зубам...

«Эмку» снова тряхнуло, и мысли получили другой оборот. До чего неосторожно устроен наш мир, думал Чехов, то он теряет ценности, которые имел, то те, что мог бы приобрести.

ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ

Будто нехотя село солнце, и в темнеющем небе одна за другой зажглись звезды. Райнис неторопливо шел по пластмассовой дорожке. Около нее кое-где росли темно-красные и серо-синие марсианские цветы. Райнис отсчитал пять тысяч шагов, остановился и посмотрел на часы. Светящаяся стрелка приблизилась к букве Н. «Пора возвращаться, — вздохнул он. — А завтра вечером я снова дойду до этого места и снова вернусь. Время забыло обо мне. Поток событий струится мимо. А ведь где-то есть и мой час... Но не прозевал ли я его?»

Он обернулся и, запрокинув голову, загляделся на небо. Почти в зените висела Голова Горгоны — Райнис любил называть звезды старинными именами. Поэтому некоторые коллеги называли его чудаком. Он подмигнул Голове Горгоны и подумал: «Когда-то на Земле, на старушке Земле, была ночь, похожая на эту, а в пустыне, на сторожевой башне, стоял человек, такой же странный, как и я. Охваченный тревогой и тоской, он смотрел на Голову Горгоны и подмигнул ей. Заколдованный блеском звезды, он спустился с башни и пошел через пустыню к горизонту, к свету звезды. Через год кочевники нашли его скелет у высохшего колодца. Бледный летописец взял расщепление гусиного пера и вычурными письменами вывел на пергаменте Алепа: «Когда человек глядит на Голову Горгоны дольше, чем ему позволено (хвала всемогущему владыке мира), мигающая звезда приносит ему беду! Верующие! Остерегайтесь коварного глаза демона пустыни. Его взгляд превращал древних греков в камень, вы же белыми костями ляжете у подножия вечности». Погонщики караванов разнесли эту весть по городам, и люди после восхода Головы Горгоны уже не смотрели на небо. Безымянный часовой вошел в людскую память. На Земле даже следа от этого события не осталось, кроме выцветших строк в пергаменте Алепа, покрытом пылью в хранилище древних рукописей в Дамаске. Но оно не исчезло — все еще летит в пространстве со скоростью света, повинуясь хорошо известному закону Сохранения, такое же живое и настоящее, как в ту ночь, в пустыне. Оно еще не покинуло пределов Галактики и когда-то (этот момент можно было бы рассчитать, решив уравнение трех иррациональных пространств и найдя единственную возможную точку их пере-

сечения, но для решения уравнения пришлось бы израсходовать всю энергию Солнца и ресурсы времени, оставшиеся для Солнечной системы) пролетит мимо Земли — неуловимая тень прошлого — и тогда уж отправится в путешествие по другим галактикам, и не вернется никогда, только маленькой каплей упадет в глубины памяти вселенной. Я подмигнул Голове Горгоны — и это тоже улетело вслед этому событию. Так они будут мчаться, не останавливаясь, никогда не встречаясь, разделенные темной рекой, которую мы называем Временем».

Райнис рассмеялся и громко сказал:

— Становлюсь мечтателем. Завтра надо будет добровольно помыть пол, чтобы успокоиться...

Он не договорил. Все еще глядя на Голову Горгоны, он вдруг рядом с звездой заметил слабую светлую точку. Она еле двигалась. Райнис наблюдал за ней минут десять.

— Снова этот же объект, — тревожно прошептал он. — Я не ошибаюсь. Год назад он пролетел на запад, мимо звезды Аалмака, и связь с ним установить не удалось. Это точно космический корабль — такие строились в предпоследний период по так называемой формуле Р. Наверно, команда покинула корабль, пустив его по замкнутой орбите. Здесь он делает поворот, поэтому виден недолго.

Он умолк, опустил голову. Нужная мысль созрела сама, непроизвольно. Райнис еще раз посмотрел на точечку. Теперь она была совсем рядом с Головой Горгоны. Райнис бросился бежать. Запыхавшись влетел в базу. Удивленному дежурному наблюдателю показал на движущийся объект.

— Да, — кивнул наблюдатель, — это тот же неизвестный космический корабль, впервые замечен в прошлом году. Кажется, брошен на произвол судьбы. Я запросил Землю — вели ли интересоваться.

— Знаешь, Вальдмань, он меня чем-то привлекает. Наверно, мне хочется убежать от себя, еще раз пожить в прошлом или вырваться в будущее. Я должен найти себя. Или погибнуть... Я сделаю на нем один круг — хочу избавиться от пустых мечтаний и воспоминаний. Возьму патрульную ракету и попытаюсь догнать этот корабль. Давай назовем это инспектированием. Сообщи начальнику базы. Увидимся через год, если я вернусь.

Вальдмань улыбнулся:

— Лети, не буду тебя отговаривать. Гринин рассердится, но я попытаюсь защитить тебя.

Райнис побежал прямо на площадку, где стояли подготовленные к полету патрульные ракеты. Через несколько минут Вальдмань помахал рукой вслед струе огня, вырывающейся из дюз ракеты.

В тесной кабине патрульной ракеты лежал Райнис. В окно

видел несколько звезд, а на экране управления светилась точка — неизвестный космический корабль, на встречу с которым он летел.

Причалить к кораблю было трудно и опасно. Когда в конце концов магнитные присоски прижались к обшивке, Райнис с облегчением вздохнул и некоторое время отдыхал.

«Завтра товарищи по базе удивятся, не найдя меня, — подумал он. — Вальдман скажет, куда я улетел, и укажет им на воображаемую точку в небе. Там уже ничего не будет, но все покачают головами и мысленно проводят меня. Гринин старательно запишет в маленькую ячейку памяти компьютера, что я на год отбыл в патрульный полет. Догадаются ли они, что я улетел искать себя, бывшего или будущего? Уже теперь корабля не догнать. А через час он удалится от Марса, исчезнет из глаз Вальдманя, сольется с черным небом».

Райнис через иллюминаторы осмотрел корабль. В слабом свете прожектора патрульной ракеты металл поверхности блестел, как лезвие нового, но уже испытанного в сражениях меча. Райнис, согнувшись, подполз к люку, перешел в стыковочную камеру, подождал, пока перекачивался воздух, отвинтил наружный люк и через минуту уже был в пространстве между патрульной ракетой и космическим кораблем. Тренированный глаз быстро отыскал входной люк и замаскированные рукоятки.

Вскоре его ноги осторожно коснулись мягкого пола коридора, ведущего в глубь корабля. Стрелки анализаторов показывали, что воздух в корабле пригоден для дыхания, и Райнис прежде всего скинул с себя надевший скафандр. На корабле была гравитация — ходилось легко, только тело весило чуть меньше, чем на Марсе. Райнис прошелся по нескольким коридорам, осмотрел некоторые помещения. Нигде ни живой души.

«Команда покинула корабль, — подумал Райнис. — Решили, что дольше оставаться на нем опасно. Наверно, автоматы предупредили, что корпус корабля может не выдержать какого-нибудь встречного потока энергии. Хладнокровные командиры экспедиции пересмотрели столбики цифр, напечатанные на виниловых лентах, еще раз прослушали рапорт компьютеров, прочитанный мертвым металлическим голосом, и решили улететь. А может, кто-нибудь прогнал их отсюда, испуганно озирающихся, нагруженных вещами, приборами, хлебом и водой. Или они погибли, я найду тут братскую могилу».

Нигде подолгу не задерживаясь, он осмотрел все главные помещения. Никаких следов трагедии, схватки или аварии. Тихо работали автоматы, светились шкалы приборов и лампочки. Райнис решил больше не разгуливать. Вернулся в роскошно отделанный зал управления. В нишах, закрытых дверцами из

черного дерева, помещались пульты. Некоторые дверцы были приоткрыты. В середине зала стоял овальный стол корабельной службы, покрытый толстым слоем прозрачного лака. Весьма пыль — единственная обитательница корабля — ровно расстелилась по лаку, и рисунок деревянной доски был еле виден. Райнис провел рукой по столу, оставляя четкий след своих пальцев.

Он внимательно окинул взглядом зал, словно стараясь отгадать тайну корабля. Подрагивали стрелки индикаторов, иногда передвигались на несколько делений — механизмы жили своей жизнью.

«Где-то должна быть видеозапись корабельных журналов. Я хочу увидеть лица людей и услышать человеческие голоса», — опять подумал Райнис. Он приоткрыл дверцы в нескольких нишах, пока не увидел блестящий большой экран. На индиевых пластинках были старательно оттиснуты единые символы космических обозначений. Райнис нетерпеливо включил видеоэкран. Он неслышно озарился серо-голубым светом, и показалось большое человеческое лицо, которое кивнуло и заговорило:

— Я — командир корабля Амонт. Имя корабля — «Атагат». Он построен по усовершенствованному проекту двадцать четвертого поколения и управляется двухступенчато, абсолютно автоматически.

Лицо исчезло, и на экране появилась цветная схема корабля. Райнис нажал на специальную кнопку, чтобы схема не исчезла, и он смог бы получше рассмотреть ее. Он даже чуть наклонился вперед, глазами следя за линиями коридоров, механизмов и систем. На экране отражалось его собственное лицо и противоположная стена зала. Вдруг Райнис перестал изучать схему. Ему показалось, что какая-то фигура промелькнула по залу мимо стола корабельного совета. Райнис обернулся. В зале никого не было, двери оставались закрытыми, и все вещи стояли на своих местах. Он опять взглянул на схему, но одновременно глаза непроизвольно следили за отражениями вещей. Райнис вздрогнул: теперь, несомненно, человеческая фигура промелькнула по поверхности экрана. Человек должен был проходить между столом и противоположной стеной. Райнис молниеносно обернулся. Никого! В зале никого не было. Райнис рассердился на себя: «Ну вот, уже начало казаться. Этого только и не хватало. Да в самом начале путешествия! У одиноких космонавтов иногда после долгого полета возникают галлюцинации. Наверно, я совсем отвык от космоса».

Он встал, сердито прошел к столу. И замер. Напротив следов его пальцев, по ту сторону стола, ясно были видны пять таких же черточек в пыли, как будто другой человек передразнивал его. Райнис быстро обежал вокруг стола и нагнулся к следу. Раньше его точно не было.

Он заглянул под стол, открыл дверцы всех пультов, провел каждый уголок, куда с грехом пополам мог бы залезть человек. Пусто! На всякий случай попробовал сдвинуть с места блоки механизмов, подумав, что это мог быть какой-нибудь робот.

— Чертовщина, — громко выругался, — совсем мозги ба-рахлят. А может, в зал управления есть другой вход, которого я не заметил?

Странное происшествие взволновало его. Он сел перед видеожурналом и продолжал изучать схему, но уже не так со-средоточенно, как раньше: от каждого звука вздрагивал и озирался. Но никто не показывался. Продемонстрировав схему, командир корабля представил команду — назвал имя и фамилию каждого. Он уже начал было рассказывать о первом полете корабля, когда Райнис услышал, что дверь открывается, и, обернувшись, успел увидеть удирающего человека. Тот за-хлопнул дверь за собой, но уже в следующий миг Райнис был у двери. Дверь не открывалась, таинственный незнакомец за-пер их снаружи. Подергав дверь, Райнис вынужден был отступить. Он почувствовал, что сердце бьется все быстрее и в него пробирается тревога. Попробовал утешить себя: «Но так ведь лучше. Буду знать, что это не мое большое вообра-жение, а живой человек».

Но руки все равно дрожали. Райнис прижался губами к дверной щели и не своим голосом крикнул:

— Что же вы прячетесь? Я попал на корабль случайно и через один круг уберусь восвояси!

Никто не откликнулся, и дверь не открылась. «Наверно, он меня не слышит, — подумал Райнис. — Дверь звуконепрони-цаемая». Не зная, что делать, он нажал на кнопку внутренне-го замка и даже с облегчением вздохнул: «Ну, теперь он не войдет. А я постараюсь взять себя в руки».

Он поспешил вернуться к видеожурналу и стал нажимать одну клавишу за другой, желая найти последние записи. Райнис тайком надеялся, что там есть сведения о странном пасса-жире корабля. Он строил разные гипотезы, одна мысль заме-нила другую, вызывая неожиданные ассоциации, которые толь-ко еще сильнее взбудораживали воображение.

Райнис довольно быстро нашел запись о последнем путе-шествии и с тревогой слушал сухой рассказ командира ко-рабля. Вдруг экран и свет в зале управления погасли. Райнис вздрогнул и в ожидании дальнейших сюрпризов спиной при-жался к пульту видеожурнала. Приборы не отключились — что-то жужжало, тикало, глубоко спрятанные ажурные решет-ки компьютеров старательно охраняли огромное сложное тво-рение, летящее в межзвездном пространстве.

Раздалось жужжение. Оно исходило от двери. Вдруг она со страшным грохотом повалилась на пол. Луч света из ко-

ридора проник в зал, а вместе с ним вовнутрь проскользнул темный силуэт и сразу исчез во мраке.

Райнис с трудом сдержал крик. Его охватил страх и злость. «Он охотится за мной», — решил Райнис. С трудом, дрожащим голосом, безнадежно стараясь придать ему твердость и строгость, выжал из себя:

— Почему вы играете? То удираете из зала, то ломаете дверь и опять врываешьесь. Если у вас специальное задание, тогда спокойно работайте дальше. Я пробрался в корабль из чистой любознательности и через один круг вернулся на Марс. Если вас оставили тут за какой-то проступок, не бойтесь меня. Я человек спокойный и не буду вам мешать. Кстати, на Марсе все знают, что я отправился на этот корабль, и, если я не вернусь, начнутся поиски. — Произнося эти слова, Райнис понял, что он очень боится смерти. — Давайте бросьте дурачиться. Договорились?

Он умолк, ждал ответа. Тщетно. Таинственное существо молчало, затаившись где-то в углу. «Или я его, или он меня, — это уже решил страх. — Лучше я его». Райнис еще пытался успокоиться, спокойно разобраться в ситуации, но мысленно уже создавал план. «В темноте его не схватить. Найти выключатель невозможно, вот если только приказать авторемонтнику. Но и его пока отыщешь... Надо обмануть этого незнакомца, устроить засаду, чтоб он сам угодил в мои руки. Схвату и запру в какую-нибудь каюту».

Испуганно озираясь, готовый защищаться, пересиливая желание убежать, он вышел из зала. Через несколько шагов в коридоре заметил пластмассовые дверцы, за которыми помещались приборы. Между ними и дверцами была щель, в нее мог втиснуться человек. Райнис устроился рядом с приборами, прикрыл дверцу и стал ждать. Пластмасса слабо пропускала свет, но человеческую фигуру можно было разглядеть.

Скоро появилась какая-то тень. Как только она прошла, Райнис спрыгнул из засады прямо незнакомцу на спину. Незнакомец молниеносно среагировал и, не оборачиваясь, каким-то странным движением ударил Райниса. Тот повалился на спину. Незнакомец побежал по коридору. Райнис вскочил и погнался за ним. Человек повернулся налево, в радиальный коридор. Пока Райнис добежал до угла, человек исчез. Искать его в лабиринте комнат, труб, проводов и шкафов не имело смысла, кроме того, приступ храбрости у Райниса прошел. Он всегда думал, что ничего не боится, но теперь снова почувствовал щемящую тревогу. Так его глубинное «я» защищалась от настоящей или мнимой опасности. Тренированный рассудок еще пытался мыслить трезво, но сердце не слушалось.

«Эта спина мне знакома, — возвращаясь, шептал он про себя. — Она мне хорошо знакома. Как она очутилась в этом всеми покинутом оазисе пространства?»

Вернувшись в зал управления, он попытался отыскать, где включается свет и пульт видеокрана. Не отыскав, поднял с пола предмет, которым таинственный хозяин корабля вырезал дверь зала. «Сойдет за оружие, — зло подумал, — теперь, наверно, придется защищаться».

Он встал в коридоре, спиной к стене, не осмеливаясь заходить в темный зал управления, и внимательно оглядывался по сторонам. Стоял, пока от усталости не стали подкашиваться ноги. Тогда решил бодрствовать в большом зале, в котором одна стена была прозрачной. При виде звезд он надеялся вновь обрести духовное равновесие.

В большом зале был пульт. Отсюда отдавались команды автоматам. Райнис не стал закрывать дверь — все равно враг ее вырежет, выломает или еще как-нибудь уничтожит. Сел у пульта, в правой руке судорожно сжимая свое оружие — плазменный резак. За окном в черной пропасти пространства мерцали звезды.

Вид вечности немного успокоил Райниса, но состояние необычной бдительности и напряженности не проходило. Тело как-то отекло, застыло, он почти не ощущал его. Казалось, будто его заточили в глубокий колодец, откуда едва видны звезды. А в колодце он как будто нашел свою жизнь, жалкую, трепещущую, залезшую в самую глубокую щель. Было жаль жизни, но еще больше раздражали ее трусость и ничтожество.

«Я считал себя очень сильным и жаждал испытаний, — подумал он. — И вот спасовал перед неизвестным, может быть, несчастным человеком. Испугался его странного поведения, которое, возможно, имеет какую-то непонятную для меня логичность. Я считаю его сумасшедшим — а не сошел ли с ума сам? Одиночество, к которому подготавливал себя, летая на близкие звезды, живя на пустынном Марсе, и вершиной которого, думал я, станет вот этот полет, оказалось не щитом, а слабенькой скорлупой. Не смогу закончить путешествие, не победив того неизвестного человека, но, одолев его, безвозвратно потеряю покой».

Райнис скорее почувствовал, чем услышал, как пассажир корабля вошел в зал. Он не обернулся, но все мысли улетучились, опять нахлынул страх, обида, тревога, злость. Задрожали руки.

— Значит, вы все-таки не желаете показаться мне? — спросил, все еще не оборачиваясь, хотя глазами уже искал отражения человека на блестящей поверхности пульта. — Мы оба не сможем так долго оставаться. Один должен проиграть.

Ни звука. Райнис еще подождал. Вдруг ему показалось, что человек стоит у него за спиной и собирается что-то делать. Вскрикнув, вскочил с кресла и обернулся. Сзади никого не было, и все-таки что-то было. Прежде, проходя по залу к пульту управления, он обогнул шкафчик оперативной памяти, даже прикоснулся к нему. Теперь его сумасшедший взгляд увидел рядом вторую такую же тумбочку.

«Ага, — подумал Райнис, — значит, притащил сюда пустую тумбочку, спрятался внутри и выжидает».

Он на цыпочках подкрался к тумбочке. «Пусть будет что будет, но должен же я его увидеть», — настойчиво думал Райнис. Он положил резак на пол и осторожно потянул на себя дверцу тумбочки. Она даже не шевельнулась. Дернул сильнее. Ни с места. Тогда, как во сне, не зная, что делает, схватил резак, дрожащими пальцами включил и направил тоненький луч энергии в дверцу.

«Я так же вырежу дверь, как это сделал ты. А если ненароком обожгу — пеняй на себя!» — мысленно крикнул Райнис.

Но луч не успел прикоснуться к металлу. Неожиданно сильный удар вышиб резак из рук Райниса. Следующий удар уложил его на пол. Райнису показалось, что тумбочка падает на него. Он съежился, закрыл глаза и прикрыл руками голову. Ничто на него не упало, и через минуту он открыл глаза и оглянулся. Второй тумбочки уже не было; он увидел, как удирал человек. Райнис схватил его за ноги. Незнакомец рухнул рядом, отряхнулся, пытаясь вырваться из рук Райниса, но не обернулся. Даже наоборот, он старался, чтобы Райнис не увидел его лица. Но удача придала Райнису новые силы. Он навалился на незнакомца, заломил ему руки и придавил их коленом. Нетерпеливо, с любопытством и страхом, с силой повернул голову человека к себе. И закричал: на Райниса смотрело его же лицо. Отпустив пленника, Райнис вскочил на ноги. Да, там лежал он сам — его тело, его лицо, его одежда. Его двойник был не просто человек — в нем было что-то такое, что Райнис считал неотрывной частицей самого себя.

Райнис почувствовал, что сердце вырывается из груди. Незнакомец лежал неподвижно. В глазах у Райниса потемнело, он покачнулся, зажмурился. А когда снова открыл глаза, двойника на полу уже не было. Рядом с Райнисом стояла вторая тумбочка.

Райнис расхохотался, выскочил из зала и побежал по коридорам. Ничего не соображая, пробирался среди всяких металлических балок, пролезал в какие-то дыры, поднимался по ступенькам, пока не достиг конца — дальше идти было некуда. Он свалился на стул и схватился за прохладные, крепкие металлические поручни. В голове бурлило от множества мыслей, воспоминаний, переживаний. Устрашающие пенистыми волнами мысли штурмовали почти не защищенную волю, все время обрывающуюся попытку взять себя в руки. Он оглянулся, словно в поисках чего-то, за что можно было ухватиться, и увидел, что находится под прозрачным куполом, который на кораблях называли панорамным пунктом наблюдения. За куполом мерцали звезды. Глаза Райниса сами отыскали Голову Горгоны, а губы прошептали:

— Вот она, звезда последней минуты моей жизни. Горгона,

уж лучше ты превратила б меня в камень. А ты смогла только сделать из меня пробку, беспомощно плавающую на поверхности времени и неизвестным течением уносимую к такому же неизвестному берегу.

Поверив, что двойник — плод его больного воображения, Райнис стал ждать конца. Сидел, терял сознание, не представляя, сколько времени прошло. Наконец ему снова показалось, что он очутился в колодце, на сей раз брошенный туда какой-то неизвестной силой. Как будто он сам хочет уничтожить свою жизнь, борется с ней, но она побеждает. Тогда что-то перевернулось в нем. Победа слабой жизни настолько обрадовала и удивила его, что все кошмарные видения исчезли. Райнис почувствовал необычайный прилив сил и понял, что перестал бояться смерти. Казалось, сила льется из звезд, из Головы Горгоны.

«И все-таки Голова Горгоны помогла мне стать каменным, — про себя улыбнулся Райнис, — стать камнем, которому не страшны неожиданности и мнимая опасность. Иду. Если мой двойник на самом деле существует, тем лучше. Я узнаю его тайну, даже если придется погибнуть».

Он улыбнулся, вспомнив свои метания и страхи.

Райнис медленно вернулся в зал управления. Там уже горел свет. Подошел к видеожурналу, включил. Экран засветился, и командир корабля продолжил свой рассказ.

Заметив за спиной тень, Райнис не вздрогнул и не обернулся. За спиной стоял человек, вот он прикоснулся к плечу. Тогда Райнис обернулся и непроизвольно вздрогнул, увидев своего двойника. Двойник жестом пригласил его с собой. Они подошли к другому пульту. Двойник быстро открыл дверцу, за которой был экран. Райнис понял, что это специальный пульт словесной интерпретации. Двойник нажал на несколько клавиш. На экране появилась надпись:

«Я — материальное существо».

Двойник смотрел на Райниса. Тот кивнул головой. Тогда двойник начал проворно нажимать на другие клавиши. Райнис прочитал:

«Я — житель другой звездной системы. На этом космическом корабле очутился, когда он опустился на одной из планет, где находится наша база. У моей расы есть врожденное свойство, которое вы называете мимикрией. Желаем мы этого или нет, но всегда приобретаем внешность того существа или предмета, с которым имеем дело. Экипаж покинул корабль. Они не разобрались в этом явлении и, не зная, как от меня избавиться, удрали сами. Когда на корабль прибыли вы, я пытался не показываться, но инстинкт был сильнее — я приобретал вашу внешность и старался быть рядом с вами. К счастью, вы победили себя. Теперь полетим вместе. Я не изменил траекторию корабля, так как все время хотел встретиться с вашими».

Райнис опять кивнул. Двойник пригласил его к окну и показал сначала на Голову Горгоны, потом на себя.

Райнис рассмеялся и подумал: «Ведь еще немногого, и мои кости остались бы лежать в наблюдательном пункте покинутого корабля, а существо с чужой планеты, непонятным для нас образом принявшее форму скелета, впустую ждало бы человека, с которым можно было бы установить контакт. Страх, затаившийся в глубине сознания, чуть не отодвинул меня от космического брата дальше, чем световые годы, дефицит энергии и языковой барьер. Голова Горгоны, мерцающая звезда, послала испытание, о котором я обязан рассказать другим космонавтам Земли, чтобы они, странствуя среди звезд, помнили, что, перед тем как переступить порог чужой мысли и чужого времени, им придется много раз победить себя. Где-то в космосе, в световом потоке уже мчится этот, самый главный час моей жизни. Но никому не суждено догнать его и понять его правду, самому не пережив этого».

Перевел с литовского Б. БАЛАШЯВИЧЮС

ИСПЫТАНИЕ

...Так и есть — на какую-то долю секунды он, видимо, расслабился, отключился. Впрочем, этого времени оказалось достаточно, чтобы с выпуклой поверхности огромного сфероэкрана успели исчезнуть разгневанные валы, крутящиеся воронки, пенящиеся волны — словом, то, что в сценарии испытаний обозначено как «штормовая водная преграда». Тобор преодолел-таки акваторию, правда, Суровцев бросил наметанный взгляд на табло и нахмурился, — не так быстро, как хотелось бы...

А пока трансляторы далекого полигона, неукоснительно следя настойчивому продвижению Тобора, переключились на новый участок трассы испытания. Вода сменилась сушей, но и здесь Тобору не стало легче. Почва — во весь экран — изрыта кратерами, словно язвами. Метеоритный ливень хлещет напропалую, и красноватая почва вулканического происхождения непрерывно содрогается. Картина дополняется падающими сбоку — дело к вечеру — зеленоватыми лучами яростного светила.

На обзорном экране отлично видно, как взрывы ежесекундно вспыхивают то тут, то там — беззвучно, как и все, что происходит в безвоздушном пространстве. После каждого взрыва ввысь вздымается великолепный султан, от которого на израненную безжизненную почву падает длинная черная тень. Она торопливо укорачивается, сходит на нет, когда потревоженная взрывом пыль и мельчайшие осколки породы оседают.

Угадать, куда выстрелит очередной метеорит, нелегко. Да и то сказать, ведь для решения этой задачи отводится не какое-то там спокойное время, достаточное для того, чтобы студенту — обдумать ответ на экзамене, а спортсмену — подготовиться к очередной попыке. На каждую частную задачу Тобору отводятся сотые и тысячные доли секунды. И от решения ее зависит не отметка в зачетной книжке, не стипендия и даже не судьба мирового рекорда, а само существование. Да, жизнь того, кто теперь преодолевает очередную полосу препятствий.

Куда труднее не только угадать, куда угодит метеорит, но и увернуться от него. Тут уж необходимы высшая, дьявольская, как любит говорить Аким Ксенофонтович, ловкость и быстрота реакции. Конечно, задача Тобора стала бы куда проще, будь у него в наличии обычная танкетка на гусеничном или колесном ходу, которыми, как правило, пользуются космонавты при вы-

садке на новую, неисследованную планету, или шагающий манипулятор, который тоже у них в чести, или, на худой конец, хотя бы стандартный панцирь, снабженный противометеоритным полем. Но как быть, если ничего такого у испытуемого не имеется и ему приходится рассчитывать только на себя, на собственные, как говорится, возможности?..

Ничего не попишишь, именно таков девиз нынешнего, заключительного цикла испытаний: аварийные условия. Именно они составляют суть решающего многотрудного экзамена Тобора, который теперь проходит.

Первая часть испытаний на исходе, и скоро будет объявлен перерыв для отдыха. Тобор, конечно, не ведает усталости, он мог бы пройти весь трехсуточный цикл без перерыва. Тобор, но не люди... Экзаменаторы буквально с ног валятся от усталости.

Ученые-испытатели, собравшиеся в сферозале, знают: метеоритная полоса, как говорится, цветочки, главное испытание сегодняшнего дня впереди.

В отличие от испытателей Тобору неизвестно о том, что подстерегает его на каждом последующем этапе... Выскочив без всякой подготовки на метеоритную полосу, он знает только одно: бомбардируемое поле необходимо не только преодолеть, но и сделать это как можно быстрее. Каждая секунда промедления сверх расчетной засчитывается как штрафная.

Сама по себе формула испытания проста — проще не бывает: действие происходит, условно говоря, на чужой планете. Предположим, что группа космонавтов-изыскателей — и с ними белковый помощник Тобор — отдалась от материнского корабля и попала в беду, оказалась в результате непредвиденных обстоятельств начисто отрезанной от внешнего мира. При этом все средства связи вышли из строя. (Как показывает многолетняя история освоения далеких планет, такое, увы, подчас случается, какой бы совершенной ни казалась техника: природа неистощима на выдумки, и у каждой планеты свой норов...) И вот, пока люди отсиживаются в пещере или каком-нибудь другом случайно подвернувшемся укрытии, Тобор должен как можно быстрее добраться до корабля, чтобы сообщить о случившемся и вернуться с подмогой. На этом-то своем условном пути к звездолету Тобор и должен сегодня преодолеть разного рода препятствия. Они воспроизводят те, которые встречаются в документальных отчетах космических экспедиций прошлого.

Тускло мерцает экран в напряженной полутиме зала. Трансляцию с дальнего полигона ведут бесстрастные приборы. Там, за десятки километров от уютного зала, проходит решающее испытание, которое должно дать оценку многолетнему труду большого коллектива. Если Государственная комиссия примет Тобор — рукотворное создание, в котором соединились, сплавились воедино качества машины и живого организма, — то камеры синтеза Зеленого городка получат как бы образец, матрицу,

по которой можно будет выращивать сотни и тысячи Тоборов — незаменимых помощников человека и на Земле, и в успешно осваиваемых просторах солнечной системы, и на далеких космических трассах.

Гигантский осьминог продвигается резкими прыжками, каждый раз каким-то непостижимым образом увертываясь от метеоритов.

Инженер Иван Суровцев не один год занимался «воспитанием», обучением сложнейшей белковой системы, именуемой Тобором. Преподносил ему все новые дозы информации, учил решать разнообразные задачи. Не раз Иван наблюдал институтское детище и в «полевых» условиях, сопровождая Тобора и на учебные полигоны Зеленого городка, и в дальних поисках, которые проводились на Марсе и Венере. И никогда не переставал он любоваться своеобразной грацией движений Тобора, никогда не мог привыкнуть к этому захватывающему зрелищу — Тобор в прыжке. Оттолкнувшись всеми могучими щупальцами враз и вытянув их в полете вдоль тела, Тобор вонзился в пространство, подобный живой торпеде. Тобор и теперь прыгал, как его учили, — по всем правилам тонкой и сложной легкоатлетической науки. Он отталкивался от почвы под углом в сорок пять градусов, чтобы пролететь максимально большой отрезок.

В том, что прыжки — вовсе не такая простая штука, как кажется на первый взгляд, Суровцев убедился давно, как только приступил к обучению Тобора. После того как было решено, что основной способ перемещения Тобора — прыжки, пришлосьпустить в ход весь опыт прыгающих земных существ. Весь — от тушканчика до кенгуру. В Зеленом городке изучали строение волокон их мышц, угол прыжка, стартовую скорость, дальность полета — да мало ли что еще!

В те времена, когда Тобора учили прыгать, первое место на стеллажах институтских лабораторий занимали бесчисленные рулоны пленок. На километрах лент были запечатлены разнообразные существа, либо распластавшиеся в прыжке, либо готовящиеся к нему, либо уже приземлившись.

Не был забыт, разумеется, и опыт выдающихся легкоатлетов-прыгунов всех времен, чьи рекорды украсили историю спорта.

Суровцев, как и его коллеги, частенько задумывался над утраченным секретом античных стадионов, подолгу размышляя над тайной сверхдальнего прыжка, которой владели тогдашние легкоатлеты.

...Прилетев в первый раз в Грецию — родину Олимпийских игр (потом-то он бывал здесь множество раз, безуспешно пытаясь разгадать мучившую его загадку), Суровцев долго стоял перед мраморной плитой, потемневшей от времени. Оливковый прямоугольник как бы обуглился по краям, мелкие трещины разбежались по его поверхности, словно морщины на старушечьем лице. Снова и снова перечитывал он надпись на плите, которая

гласила, что достославный Фаилл во время оно прыгнул в длину ни много ни мало на шестнадцать метров... «Мы говорим о прогрессе в спорте, — подумал тогда Суровцев, тщательно переписывая в записную книжку надпись, выбитую на плите. — Однако прошло не одно тысячелетие, и вот во второй половине XX века (нашей, разумеется, эры!) во время Олимпиады в Мехико Р. Бимон пролетел примерно вдвое меньше, чем Фаилл. И что же? Прыжок Бимона был объявлен фантастическим по тем временам спортивным достижением — да так оно, собственно, и было. Так о каком же прогрессе в спорте может идти речь?!

Иван долго потом бродил среди развалин по территории древней Олимпии, которую Высший Совет Земли объявил заповедной зоной. Кое-что в соответствии с обнаруженными древними свидетельствами было реставрировано. Вновь бурлил многоводный Алфей, долина которого явила колыбелью Олимпийских игр эллинов. Вокруг в июльском мареве громоздились горы и холмы, сложенные быстротекущим временем. Суровцев перешел по мостику через русло высохшего ручья и еле приметной тропинкой поднялся в гору. Нещадно палило солнце, пахло полынью, мятой, по обе стороны тропки самозабвенно стрекотали цикады. «Сколько же тысяч ног прошло по этой каменистой почве», — подумал Иван, вытирая лоб. Ему показалось, что здесь, на земле Эллады, явственнее, чем в любой другой точке Земли, ощущаешь преемственность поколений. Однако кое-что на этом поступательном пути, видимо, теряется — и, быть может, безвозвратно.

На вершине Суровцев остановился. Отсюда хорошо был виден окаймленный кустарником храм Геры, супруги Зевса, — великолепное сооружение недавно восстановили. Близ этого храма некогда проходили Героиды — женские спортивные игры, подобные Олимпиадам. За храмом Геры выстроились в ряд несколько строений — каждое на свой лад. Портики, арки, колоннады... Каждый независимый город Древней Эллады почитал за честь выстроить здесь собственное здание, в котором хранились богатые дары Олимпии. Немало пришлось повозиться реставраторам с портиком Эхо. Древние не ведали усилителей и микрофона: глашатай объявлял победителей в этом портике, и хитрое эхо семикратно повторяло их имена. Не так ли в ослепительный час прозвучало здесь некогда и имя Фаилла, секрет прыжка которого Суровцев пытается ныне раскрыть, чтобы передать его Тобору?..

Нет, секрет этот так и не удалось раскрыть до конца, хотя несколько раз казалось, что решение вот-вот отыщется. Поиск, однако, не пропал даром — ученые Зеленого городка во многом обогатились. И всю новую для них информацию о технике прыжка привили Тобору...

Между тем на дальнем полигоне, откуда велась передача, сгустились сумерки. Вдали, на самом краю условного мира, со-

зданного инженерами полигона, заполыхали малиновые зарницы. Суровцев понял — это отблески лавы. Да, предстояло последнее испытание. Тобор мощными прыжками поднимался в гору, вновь напомнившую Ивану холмы Древней Эллады — неизвестно по какой ассоциации. Как только ни старались Суровцев и его коллеги — воспитатели белковых систем раскрыть секрет прыжка древних атлетов! Они изучали о древних Олимпиадах всю информацию, которую только удавалось отыскать, и просеивали ее сквозь сито ЭВМ, надеясь, что хоть какие-то нужные крупицы осядут в ячейках логических схем. Были и такие, кто попросту сомневался в достоверности древней надписи, выбитой на мраморной плите. Но таких были единицы. Быть может, секрет прыжка древних заключался в особой разминке, рецепт которой оказался утерянным? В специальной тренировке? Быть может, дальности прыжка способствовало — чем черт не шутит! — то, что атлеты перед спортивным состязанием натирались оливковым маслом?! Ничего не следовало отвергать с порога.

Особые надежды воспитатели Тобора и руководство института, создавшего белковую систему, возлагали на прыжок с грузом. Согласно некоторым свидетельствам именно так прыгали древние атлеты. Изображения этих особых гантелей, выполненных из металла либо камня, имелись на многих древнегреческих вазах. И все эти изображения, как и прочая информация, связанная с прыжками эллинов, собирались на информационные блоки, которые методически осваивал Тобор...

Наблюдая по экрану за Тобором, который продолжал стремительно продвигаться к вершине вулкана, Суровцев припомнил описание грузов для прыжка, данное Павсанием. Усмехнулся: надо же, как в память врезалось! Словно любимые стихи: «Эти гири имеют такой вид: посередине они представляют собой не совсем правильный круг-диск. Он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким образом, как через ручку щита». Не очень точное описание, конечно, но другого у них не было — приходилось работать с таким. Сколько моделей перепробовали они — и все понапрасну. Интересно, могло ли прийти в голову Павсанию, что снаряды для прыжка, которые он описал, будут сжимать не только руки атлетов, но и... щупальца разумной белковой системы, созданной гением человека?!

Да, Тобор учился прыгать и с грузом тоже. Попозже для него умудрились раздобыть подлинные гантели, которыми пользовались некогда эллины, и необходимость в описании древнего историка отпала. Увы, из этой затеи ничего не вышло — Тобор с грузом прыгал гораздо хуже, чем без него. Тогда пригласили на учебный полигон Зеленого городка лучших легкоатлетов Земли, прыгунов-рекордсменов. Результат был тот же: прыжок с грузом получался у них короче, чем без него.

...Подъем становился все круче, и Тобор двигался теперь по спирали. Каждый прыжок приближал его к огненному препят-

ствию. Отблески пламени вдали становились все ярче и как бы оживали, приобретая подвижность. Над вулканом висели тяжелые облака, подсвечиваемые снизу. Время от времени Тобор останавливался, фиксировал круговую панораму, затем двигался дальше, и следом прыгала его тень, огромная и угловатая.

На каменистой почве горы не росло почти ничего, только сухие неприхотливые кустики с фиолетовым отливом кое-где умудрились пробиться сквозь мельчайшие трещинки породы. Суровцев припомнил, что это марсианский вереск, специально высаженный на сопке ботаниками полигона, чтобы получше воссоздать обстановку чужой планеты.

Последний перевал — и перед Тобором открылся вулкан.

Трансляторы на несколько секунд показали кратер. Экран налился нестерпимым светом, все зажмурились.

В глубине жерла перекатывались тяжелые волны огнедышащей лавы, и Суровцеву почудилось на миг, что в лицо пахнуло зноем, словно он находился там, рядом с Тобором.

Белковый сделал последний шаг, и два передних щупальца его, словно два мамонтовых хобота, повисли над пропастью. Мелкая базальтовая крошка, потревоженная тяжелым Тобором, двумя маленькими струйками потекла вниз. Достигнув поверхности лавы, они мгновенно превратились в два облачка пара. Тобор замер, наблюдая, как два облачка вспыхивают, сливаясь постепенно в белесую тучку.

На экране хорошо было видно, как подрагивает мерно сопка. Тяжелые серные испарения просачиваются сквозь трещины и изломы породы, вырываются наружу, словно пар из прохудившегося котла. Далекий противоположный берег кратера тонет в розовой дымке испарений. Обойти пропасть нельзя. Ее можно только перепрыгнуть. Падение вниз, на волны клокочущей лавы, означает для Тобора гибель.

Робот, пятясь, отошел на десяток метров от края пропасти.

— Готовит место для разбега, — прошептал Суровцев, ни к кому не обращаясь.

Но Иван ошибся.

Тобор приблизился к пике, который одиноким зубом торчал на самом краю небольшого плато, расположенного перед вулканом. Потрогал верхушку скалы, словно что-то прикидывая, затем обхватил ее щупальцем и с силой рванул, выломив изрядный кусок базальтовой породы.

— Хотел бы я знать, что у него на уме... — пробормотал Председатель Государственной комиссии, как зачарованный глядя на экран.

Между тем Тобор, примерившись, точно рассчитанным ударом об основание скалы разбил обломок на две части примерно равного объема. Поддержал их на разведенных в стороны щупальцах, сравнивая вес. Затем принялся обивать один из обломков, добиваясь, чтобы веса их сравнялись.

«В каждом обломке килограммов по полтораста», — прикинул машинально Суровцев. Он начал догадываться, с какой целью готовит Тобор тяжелые обломки, и беспокойно заерзal в кресле.

Несколько томительных секунд Тобор стоял неподвижно, видимо что-то соображая. Решившись, зажал в каждом из передних щупальца по увесистому обломку и отодвинулся на самый край плато. Затем, разогнувшись на свободных щупальцах, оттолкнулся от кромки кратера и взвился в воздух.

А дальше начались чудеса.

Тобор вел себя в прыжке совершенно не так, как обучали его воспитатели и спортсмены.

Щупальца с грузом он зачем-то вытянул перед собой. Затем, пролетев несколько метров, резко отвел их назад, за туловище.

Это был полет, настоящий полет, хотя и без крыльев. Продолжая возноситься по параболе, Тобор, производя щупальцами с грузом волнообразные движения, снова и снова вытягивал их вперед, затем заводил назад, за спину. Казалось, он плывет по невидимым волнам. Впрочем, он ведь и в самом деле плыл, только не по воде, а по воздуху...

Когда до противоположного края пропасти оставалось с десяток метров, Тобор с силой отбросил прочь от себя обломка. При этом скорость его увеличилась, и он резко подлетел вверх. Это, собственно, его и спасло. Тобору не хватило лишь нескольких сантиметров, но он дотянулся до кромки освободившися от груза щупальцами, которые намертво присосались к горной породе.

Пока Тобор висел, раскачиваясь над пропастью, камеры пролетели путь обломков, которые он отбросил в прыжке.

Наконец, собравшись с силами, белковый подтянулся на щупальцах и выбрался на кромку пропасти.

Экран медленно погас — испытание завершилось.

В зале вспыхнули панели освещения. Несколько секунд люди сидели молча, все еще во власти фантастического прыжка с грузом, затем начали шумно подниматься с мест, разом заговорили.

Суровцев двинулsя вместе со всеми к выходу, счастливо улыбаясь и никого вокруг не видя. Он думал о Тоборе, который в минуту смертельной опасности крайним напряжением сил сумел вдруг постичь тайну прыжка древних эллинов, над которой они, люди, столько лет безуспешно бились...

ОШИБКА

Его спасло то, что он остановился не сразу, а сделал еще три-четыре шага по тропинке. Этими лишними шагами он переменил расположение трех фигур, и зверю, выпрыгнувшему из-за кустарника, теперь надо было принимать новое решение. Они застыли на тропинке все трое — он, его самка и детеныш. Тропинка здесь, на открытом участке, изгибалась крутой дугой, и детеныш, выставив вперед тугой рахитичный живот и покачиваясь на изогнутых ножках, беспомощно стоял на ее пыльной, утоптанной вершине. Зверь был в центре. Крупный, с гладкой лоснящейся шкурой, прижатый к земле в собранный и готовый к прыжку комок. Мужчина стоял по одну сторону дуги, она — по другую, на равном расстоянии от детеныша.

В первое мгновение, когда он обернулся на шум, его охватил страх. Нет, он испугался не зверя. Просто он мгновенно понял, что теперь все зависит не от него, даже не от хищника, а от нее, от самки, которая стояла на тропинке с палкой в руке. Когда он обрызгал кусок дерева у развилки ствола и потом каменным скребком медленно перепиливал сухие жилы, она негодующе взвизгивала и толкала его кулаком в спину. Она хотела есть, а ствол он перерезал не так, как всегда, а значит, и не так, как нужно. Но, когда новая палка взамен разбитой была готова, она успокоилась. Слегка расширяющаяся прямая ветка заканчивалась тяжелой шишкой, а с одной стороны из шишки торчал жесткий обрубок. Такой палкой можно было и нанести удар, и зацепить ветку с плодами. Со временем, когда палка стала гладкой, она любила брать ее в руки.

По этой тропинке они шли гуськом, она впереди, детеныш в середине, и он с палкой сзади. Тот, у кого палка, должен идти сзади и недалеко от группы. Они оба знали это хорошо и никогда не нарушали важного правила. Конечно, лучше, чтобы сзади шел он. Но она тоже достаточно внимательна, а слух у нее даже более тонкий. И когда она остановилась и дотронулась до него рукой, он отдал палку ей, а сам спокойно пошел впереди детеныша.

На самом опасном участке, там, где тропа огибалась заросли, самка увидела в кустах что-то съедобное и, не подав никакого знака, остановилась. И вот теперь они трое стоят на тропинке, а в центре между ними сжался для прыжка крупный хищник.

Самец понимал, что хищник не бросится на детеныша. Пока живы родители, они будут сражаться за него. Поэтому зверь выберет самку или самца. Теперь все зависит от нее. Ей обязательно нужно первой броситься на хищника. Тогда, подобрав какой-нибудь камень, он устремится на помощь и хищника удастся отогнать. Но вдруг он совершенно ясно понял, что она может принять другое решение — ошибочное и роковое для него, даже для всех троих. Ведь без него и самка и детеныш обречены на гибель.

Весь этот ход рассуждения мгновенно пронесся где-то под низким скошенным лбом и исчез, оставив лишь результат — ясное понимание того, что может произойти. Он весь напрягся в ожидании, склонив вперед голову на толстой короткой шее. Но в глубине сознания таилось еще какое-то чувство. Если бы он мог рассуждать и запоминать свои мысли, возможно, он понял бы, что это недоумение. Действуя правильно на всем пути, она, его подруга и мать их детеныша, на самом опасном участке почему-то допустила грубейшую ошибку.

Через несколько сотен тысяч лет самцы в аналогичной ситуации будут утверждать, что им попалась самка, на которую они не могут полагаться и которая может подвести в самый неожиданный момент.

— Я так и скажу: на нее нельзя полагаться, и она может подвести в самый неожиданный момент.

Это он повторял про себя много раз, с тревогой глядя на зеленое табло оповещения. Наконец оно вспыхнуло ярким огнем, и из скрытых в стенах и на потолке мощных динамиков раздался сухой, требовательный голос:

— Встать! Суд идет!

Он поднялся и только тут увидел, что передняя стена закрыта занавесом, как в широкоэкранном кинотеатре. Занавес дрогнул и стал раздвигаться. Открылась передняя панель громадной электронно-вычислительной машины. На него, помигивая, глядели многочисленные разноцветные огоньки, укоризненно кивали стрелки каких-то приборов, а с обеих сторон машины из широких щелей насмешливо высунулись языки бумажных лент.

Под самым потолком из широкой хромированной полосы выпирали громадные медные буквы «Фемида», а ниже красовались аккуратные эмалированные бирочки с черными надписями: «Блок оценки доказательств», «Блок свидетельских показаний», «Блок перекрестного допроса», «Система анализа вещественных доказательств» и еще много других табличек, которые он не успел разглядеть.

В середине машины, щелкнув, откинулась крышка и обнажила зубастую металлическую пасть.

— Назовите ваше имя, — бесстрастно приказала машина.

Он назвал свое имя и протянул заявление.

— Назовите характер дела, — распорядилась машина.

— Я о разводе, — растерянно проговорил он, — с женой... На нее нельзя положиться...

— Исковые заявления принимаются в левом нижнем углу, — сообщила «Фемида».

Он увидел, как возле таблички «Ввод исковых заявлений» замигал яркий зеленый глазок и открылись валики, как у пишущей машинки. Только было их два совсем рядом друг с другом. Он поднес к валикам руку, они завертелись и стали втягивать его заявление короткими рывками, как будто они прожевывали бумагу и с трудом проглатывали ее.

— Повторите кратко основную причину развода.

— На нее нельзя полагаться, и она может подвести в любой момент, — сказал он слабым неровным голосом.

Машина хитро замигала, раздалось мягкое урчание, и бумажные ленты по бокам стали такими длинными, что начали складываться в хромированные корзины, стоящие прямо на полу.

— В настоящее время причина для развода отсутствует, — сухо констатировала «Фемида». — Вы сообщили, что она может подвести в любой момент. Следовательно, проступок, который служит основой искового заявления, еще не совершен. Ваше дело будет рассмотрено лишь после наступления указанного момента.

Он хотел возразить, но его грубо толкнули, и перед очами «Фемиды» предстал мужчина в коротких брючках и в пиджаке до колен, с большим количеством золотых пуговиц. Одной рукой он держался за пуговицу, а другой указывал на истца.

— Обвинение, — сказал он торжественным голосом, — ходатайствует о незамедлительном рассмотрении дела ввиду его общественного интереса. Семья — основа и база. Основы не растряжимы, база неприкосновенна. Заявление истца в рамках гражданского судопроизводства преступно и основано на недоказуемых намерениях. Невозможность полагания на члена семьи не есть причина растряжения. Возможность подведения супругой определяется моментом. Момент же определяется усмотрением. Таким образом, подведение возможно остановить на стадии покушения. Следовательно, мотивы истца не мотивированы.

Он говорил еще что-то, но истца и обвинителя обволокло мягкое и липкое облако, и неожиданно обвинитель растаял, а на его месте стояло существо с каким-то неопределенным расплывчатым лицом, но внушительной фигурой. Фигура была облачена в блестящую адвокатскую мантию, а на голове у нее красовалась металлическая каска времен первой мировой войны.

— Известно, что лучшая форма защиты — это нападение, — сказало существо хорошо поставленным голосом. — Отсюда нужно сделать вывод, что, хе-хе, обвинение есть лучший способ защиты. Руководствуясь этим принципом, я позволю себе из-

брать объект обвинения. Обвинитель для этой цели не подходит, ибо, исходя из правил формальной логики, обвинение обвинителя есть защита. Что касается защищаемого, то нападение на него есть служебная функция адвоката, и она безошибочна.

Адвокат многозначительно ткнул пальцем в потолок, а потом вяло и неохотно опустил палец книзу.

— Однако, — в голосе его зазвучало сожаление, — исполнение служебных функций всегда связано с затруднениями, а часто нежелательно. Поэтому я позволю себе обвинение подзащитного заменить нападением на безошибочность. Ваша электронная светлость, безошибочность — это смерть, а жизнь постоится на ошибках. Что касается судебного процесса, то он начинается из-за ошибки и течет по ошибкам, борется с ошибками, соглашается с ними и заканчивается ошибочным утверждением об отсутствии ошибки в том, что ошибочно именуется безошибочным решением. Говорят, что не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Это утверждение ошибочно от начала до конца, так как бездельник допускает длящуюся во времени ошибку. А тот, кто делает что-нибудь? Разве может он обойтись без ошибки?

Адвокат круто повернулся на высоких каблуках и ткнул пальцем в истца.

— Если вернуться к моему подзащитному, — провозгласил он, — станет очевидным ошибочность, а следовательно, и разумность его поведения. Он всю жизнь что-то делал, а следовательно, совершал ошибки. А однажды он увидел свою будущую жену и предложил ей безошибочный путь к совершению самой крупной ошибки. Остальные ошибки были существенно меньше, обратите внимание, ваше электронная светлость, существенно меньше, чем ошибка, приведшая его к вашим многоцветным очам и зычному динамику. Причем крупнейшую ошибку он совершил не раздумывая, а над каждой мелкой хоть немного мутился и думал о том, стоит ли ее совершать.

Он остановился возле пухлой коричневой двери и задумался:

«Может быть, я напрасно пришел сюда? Наверное, не стоило этого делать?»

Вместо того чтобы повернуться и уйти, он решительно нажал на кнопку и прислушался: в подъезде было тихо, и пулевая трель звонка была слышна отчетливо. Дверь распахнулась довольно быстро. Конечно, звонить надо было покороче и не так требовательно — в дверях красовалась полуголая фигура с заспанным и встревоженным лицом.

— Гранаткин? — в голове звучало удивление, перемешанное с недовольствием. — Что-нибудь серьезное? Может быть, ты просто не знаешь, который час?

Михаил презрительно фыркнул и ушел в глубь своей холостяцкой квартиры. Гранаткин аккуратно вытер ботинки о рифленый резиновый половик и пошел за Михаилом, с неприязнью глядя, как тот шлепает подошвами мягких ночных туфель и на ходу включает свет в люстре, торшере и даже в настольной лампе на письменном столе. Михаил облачился в спортивный халат, предназначенный, очевидно, для боксеров, плюхнулся в кресло и жестом пригласил нежданного гостя сесть.

— На работе у тебя наверняка ничего не случилось, — начал он размышлять, не дождавшись никаких объяснений Гранаткина. — Начальство не настолько неразумно, чтобы вышвырнуть тебя вон. Крохи разума администраторов вполне достаточно для осознания того печального факта, что ничего лучшего они взамен не получат.

Михаил выжидательно посмотрел на Василия, но тот молчал, как-то криво усмехаясь.

— Попробуем покопаться в других областях, — продолжал Михаил. — Человека ночью могут преследовать неприятности в общественных местах: на вокзалах, расторонах, пристанях, скверах, просто на улице. Чаще всего эти неприятности связаны с грабителями, милицией, алкогольными напитками и, конечно, с женщинами. Но все это к тебе не имеет никакого отношения. Грабители слишком разумны, чтобы не догадаться, что в карманах у тебя имеется не больше рубля, сэкономленного на обеде в диетической столовой. Милиция такими, как ты, не интересуется. Я уверен, среди ночи ты не пересек улицу, а дошел до угла и прошелся по подземному переходу. Алкогольные напитки! Чепуха! Больше крохотной рюмки перед обедом... Остаются женщины. Это область больших неожиданностей. Но для человека, всего себя отдавшего дому, безумно влюбленного в свою жену, всерьез занимающегося проблемами ремонта квартиры...

— Хватит, — Василий решительно поднялся, погасил на письменном столе лампу, повернулся к торшеру и раздраженно дернул за короткий шнурок с крошечным пушистым пуделем.

После этого он подошел к Михаилу, склонился почти к самому его лицу и сказал, разделяя каждое слово:

— Я ушел из дома и буду разводиться с Татьяной!

Михаил медленно встал, по какой-то невероятно сложной траектории прошелся по комнате и снова включил свет в торшере и настольной лампе. Возле письменного стола он немного постоял и только потом вернулся к своему креслу.

— Ну хорошо, — сказал он ровным голосом. — Ты ушел из дома... Этого можно было и не говорить. Подобное сообщение после твоего ночного звонка содержит нулевую информацию. Остается вторая часть твоей фразы, так сказать, футурологическая.

Некоторое время он молча разглядывал свои волосатые но-

ги, выглядывающие из-под мохнатого халата, затем с натянутой усмешкой продолжал:

— Значит, ты будешь разводиться... Тоже не очень много информации. Естественно, в три часа ночи ни один суд не примет у тебя заявление, и тебе придется ждать, по крайней мере, еще семь часов. Вот это уже важно для человека, умеющего думать. Тебе хорошо известно, что я отношусь именно к подобным людям, и мне ясно, для чего ты явился ко мне.

— Для чего же? — спросил Василий раздраженно.

— Ты пришел для того, чтобы я до десяти часов утра — это время, когда открываются суды, — чтобы я до этого времени отговорил тебя от рокового шага и вернул в лоно...

— Ты, конечно, сейчас подробно изложишь весь ход рассуждений, который привел тебя к этой дурацкой мысли.

— Естественно. Я человек пунктуальный и не люблю неясностей. Итак, ход рассуждений следующий. Ты, как нам известно, ушел из дома в три часа ночи и направился ко мне. Разве после добротного семейного скандала нельзя было погулять по городу? Разве ты не мог отправиться в свой институт и проработать до утра? Ведь никто бы не удивился. Решили бы, что ты проверяешь очередную бредовую идею, приснившуюся тебе среди ночи. Так нет. Ты пришел ко мне. Ко мне, к человеку, который Таню знает много лет и постарается не дать ее в обиду.

— Все почему-то думают о ней. А я? Я что, для тебя ничего не значу?

— Нет, отчего же. Ты для меня значишь больше, чем Таня. Конечно, если она задумала тебя прибить утюгом или отравить каким-нибудь экзотическим ядом... Даже если она тебе изменила... Я целиком на твоей стороне и готов вместе с тобой сочинять заявление о разводе.

— О боже, — Василий стукнул кулаком по колену. — Чего ты несешь эту околесицу! При чем здесь утюги и яды! И не изменяла она мне... Да разве только поэтому люди расходятся. Может быть, в тысячу раз лучше, если бы она... Так хоть сразу все стало ясно и не было бы никаких путей назад. А то и жизнь невыносимая, и вроде бы никаких явных причин нет.

Василий остановил жестом Михаила, который вновь попытался анализировать ситуацию, и продолжал:

— Понимаешь, она ненадежный человек, и это проявляется в каждой мелочи, в каждом ее жесте, в каждом шаге. В ее отношении ко мне, наконец. Я же все делаю для нее, все отдаю... А она... На нее же нельзя положиться... Она может подвести в самый неподходящий момент.

— Откуда ты знаешь, что будет завтра. И какой момент можно считать подходящим или неподходящим. Какие-то общие слова.

— Ты меня неверно понял. Я не предполагаю, а уверен, что

она может подвести. Ведь она всю жизнь только и делает, что подводит меня. Конечно, это все мелочи... Но когда их много, когда они каждый день лезут в глаза...

— Я все равно ничего не понимаю. Что она делает с тобой? Я что-то за Татьяной не замечал...

— Не замечал? При твоей-то наблюдательности. Ты знаешь, с чего у нас началось сегодня? Она после шести вечера позвонила домой и сказала, что выходит с работы. А идти ей даже пешком всего минут пятнадцать. Я что-то писал и не обратил внимания на часы. А потом глянул и обомлел — прошло полтора часа. Я позвонил на работу, там сказали, что она вышла вовремя. Еще через час я понял, что надо звонить по больницам и милициям. Но предварительно решил пробежать до ее работы. Могло ведь что-нибудь случиться и по дороге. Выбегаю из дома, а она стоит возле подъезда и мирно беседует с соседкой. У соседки, видишь ли, неприятности с мужем, и ей нужно почувствовать. А то, что я чуть с ума не сошел, — это ее не интересует. И потом рядом с домом. Ну можно же было забежать на минуту домой и сказать, чтобы не беспокоились? А зачем? Ей наплевать на меня и на мои волнения.

— Любопытная ситуация, — Михаил усмехнулся. — Ну а ты ее спросил, почему она...

— Конечно. И знаешь, что она мне ответила? «Чего ты от меня хочешь? Не понимаю. Я же сразу после работы пришла домой. Торопилась, бежала как ненормальная. А ты еще придираешься».

Михаил перестал ухмыляться и с каким-то новым интересом взглянул на Василия.

— Слушай, а ведь это все очень интересно. Сделала все, как положено хорошей жене. Торопилась, прибежала, и вдруг в самый последний момент — ошибка, неверное решение. Вроде бы она уже дома, стоит у порога. У нее то ощущение, что она пришла домой, а отсюда ошибочный вывод, что об этом все должны знать. Вывод, конечно, подсознательный... Ей надо было додумать самую малость, а именно, что ты никак не мог знать о ее приходе. Но ведь чуточку можно и ошибиться. Как все это интересно! Ты даже себе не представляешь, как это интересно.

— Тебе, может быть, и интересно. А мне каково? Когда это чути ли не каждый день.

— Каждый день, говоришь? Да, это, очевидно, может быть и каждый день. Слушай, Василий, я тебе задам один вопрос. Только ты не удивляйся, а ответь на него со всей серьезностью.

— Какой вопрос?

— Я пока его не придумал. Дай мне поразмыслять несколько минут. Мне только принцип ясен, каким этот вопрос должен быть. Я сейчас приготовлю чего-нибудь перекусить. Есть коньячок хороший. Поставлю воду для кофе.

Михаил вскочил и, потирая руки от удовольствия, побежал

на кухню. Там он погремел посудой, хлопал дверцей холодильника и вдруг прямо из кухни закричал:

— Придумал вопрос. Готовься.

Он вернулся в комнату, скинул халат и стал натягивать на себя тренировочный костюм. Видно было, что он еще размышляет над вопросом, который собирался задать. Уже одетым он снова уселся в кресло и теперь серьезно взглянул на Василия.

— Учти, вопрос важный. Только ты не придумывай, а отвечай точно.

Василий кивнул и с нетерпением стал барабанить пальцами по кожаным подлокотникам кресла.

— Скажи, Василий... — наступила длительная пауза. — Скажи, Василий... Часто ли у Татьяны убегает молоко, когда она его кипятит?

Василий вскочил и схватился за голову.

— Когда кончатся эти твои идиотские шуточки! — закричал он. — Я не знаю, что делать. Может, у меня все полетит к черту. Может, я своего сына только по воскресеньям видеть буду. Я же работать не смогу. А ты с каким-то молоком лезешь.

— А ну сядь на место и не вопи на всю квартиру. Я с тобой шутить не собираюсь. Вопрос относится к тому, из-за чего ты ко мне явился.

— Ну хорошо, хорошо. Отвечу. Да, молоко она кипятит для Петьки каждый день, и каждый день оно у нее сбегает. Тоже, между прочим, свидетельство ее безразличного отношения ко мне. Ведь это мне приходится каждый день мыть газовую плиту. Я ей много раз говорил об этом, просил. Никакого внимания.

— А ты, Василий, когда-нибудь наблюдал, как это у нее получается... с молоком?..

— Только недавно специально вел наблюдение. Сделал вид, что читаю газету... Что меня молоко совершенно не интересует. Она сидела несколько минут и пристально смотрела в кастрюлю. Карабулила. А потом вдруг отвернулась. И в этот момент...

Михаил вскочил с кресла и стал от удовольствия хлопать в ладоши.

— Слушай, Васька, ты даже себе не представляешь, что ты мне сообщил. Это же все по моей теме... Прелесть! А мы как-то забыли перенести эту модель на современную популяцию. Просто затмение какое-то. Так же только строй гипотезы, а здесь пожалуйста — объект налицо и даже эксперименты можно ставить.

— Ты что, обалдел? Собираешься на моем несчастье себе научную карьеру делать. Да я же к тебе за советом пришел. Забыл уже?

— Нет, не забыл. Но тут, понимаешь, такой редкий случай. Одним ударом два зайца. Так ведь в жизни нельзя. А сейчас пожалуйста. И твой вопрос разрешим, и я тематику...

Неожиданно Михаил остановился и поднял палец.

— Стоп. Придется прерваться. Сейчас должен закипеть чайник. У меня он не сбежит. Я тебе не Татьяна какая-нибудь.

Они сидели в небольшой чистенькой кухне на жестких табуретках. Михаил с аппетитом уплетал бутерброды, опрокидывал в широко открытый рот крошечные пузатые рюмки коньяка и пил из громадной глиняной кружки густую жидкость. Василий маленькими глотками отпивал кофе из чашки. К еде, как и положено при семейных трагедиях, он не притрагивался. Сперва он слушал Михаила без всякого интереса, с нетерпением, своим образом каждому человеку, желающему свернуть разговор на интересующую его тему. Но постепенно он начинал понимать связь между рассказом Михаила и тем, что его привело ночью к другу.

— Понимаешь, — рассказывал Михаил, — этот биолог явился с пустыми руками. Ну, ничего в кармане и голове. Нулю. Задача не поставлена. Или, точнее, поставлена по типу «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что». А я ведь математик. Мне давай все разложенное по полочкам, чтобы полная ясность. Но мужик, сразу видно, дельный и фанатик. И я его простил за безграмотность. Идея у него была такая: есть интересы отдельно взятой особи и интересы популяции. Эти интересы в первобытном обществе во многом должны были не совпадать. У тебя, например, скверная генетическая болезнь, тебе хочется жить. А популяции в целом выгодно, чтобы ты отдал концы, чтобы не выжил, не оставил потомства. Вот и вопрос — каким образом природа разрешила эту проблему. На кого возложила заботу об отдельных особях и на кого на популяцию в целом. И каков механизм распределения этих обязанностей. А я как раз свою систему для киношников сделал. Им, видишь, нужно было получить образную картину сцен и чтобы без артистов и без съемок. Я и разработал то, что им было нужно. В машину вводятся основные характеристики личностей, внешний их вид, обстановка, сценарий и прочее. И ЭВМ может на экране телевизионного устройства показать любое количество вариантов сцен. Нечто вроде мгновенно составляемого мультфильма, только поестественнее. Конечно, я эту систему сделал сложнее, чем хотели заказчики. И она оказалась полностью пригодной для этого биолога. Когда я ему рассказал о возможностях этой системы, он впился в меня и заявил, что никуда не уйдет, пока мы не прокрутим хотя бы одну модель. В общем мы не вылезали из моей квартиры два месяца. Только ходили за куревом и едой. Пульт ввода и экранное устройство я давно установил здесь. Так работать удобнее. И знаешь, получились очень интересные штуки. Постепенно начала вырисовываться такая картина: заботу об отдельных лич-

ностях природа возложила на мужчину. Он заботится о себе, своей самке и потомках в первую очередь. Потом об интересах племени. Что ему дала природа для выполнения этой функции? Много дала. Силу, ловкость, твердость и точность движений. Но самое главное — рационализм и возможность в сложных жизненных ситуациях вести длинную цепь безошибочных рассуждений. Пусть неосознанных, но безошибочных. А вот на женщину природа возложила более важную задачу — заботу о популяции в целом. И знаешь, чем она вооружила женщину, эта хитрая природа? Ни за что не догадаешься.

Михаил отодвинул чашечку и сделал многозначительную паузу.

— Природа дала женщине мощное средство для сохранения популяции, — голос Михаила зазвенел. — Она снабдила ее способностью совершать ошибки! Это не значит, что ошибки не совершал мужчина или что женщина не могла действовать безошибочно... Нет, конечно. Просто статистически длина цепочки безошибочных рассуждений у женщин чаще оказывалась короче, чем у мужчин. Вот и все. Просто и гениально. Не правда ли?

— Ну и что? — Василий с недоумением смотрел на торжествующего Михаила. — Ну, делает она ошибки чаще, чем мужчина. А при чем здесь популяция? Чем больше ошибок, тем меньше шансов у популяции выжить.

— Вот и ошибаешься. В первобытном обществе громадную роль играл естественный отбор. Ошибка только усиливала фактор отбора, а значит, должна была улучшать популяцию. Мало того, вид человекаобразных мог попасть в благоприятные условия, и тогда естественный отбор стал бы действовать слишком слабо. И тут на помощь человечеству всегда приходила женщина. Чем лучше условия, тем чаще она должна была совершать ошибки, роковые для отдельных особей и для самцов в первую очередь. Это и уравновешивало рационализм мужчин. Ведь те со своей заботой всех готовы были оберегать от гибели. А в результате могли обречь на вымирание популяцию. Способность самки совершать ошибки — это великое благо, которому человечество обязано своим существованием. Эта привычка ошибаться постоянно заставляла самцов быть на высоте своих возможностей и выходить из самых невероятных положений. Все время оттачивала их ум, выносливость, память. Ну а те, кто не мог приспособиться, выработать сложный комплекс борьбы за существование... В общем оставались только умные и сильные... Это сделало человека господином на Земле.

— Я начинаю догадываться, куда ты клонишь. — Василий плеснул в чашку горячего напитка. — Но сегодня мне что-то не хочется с тобой спорить, хотя чувствую, что в твоей гипотезе можно найти слабые места.

— А я и не собираюсь с тобой спорить. Тоже мне нашелся

оппонент. Мне хватает критики со стороны специалистов. Я тебе просто сейчас кое-что покажу. Пошли в кабинет.

Василий здесь бывал всего несколько раз. Михаил не любил, когда в эту комнату входили посторонние. Может быть, это объяснялось тем, что в отличие от остальной части квартиры здесь царили хаос и неразбериха. Книги и журналы валялись на полу и креслах, клочки смятых бумаг и разорванных перфокарт густо обсыпали ковер возле плетеной пластиковой корзины. Относительный порядок был только в углу, где стоял миниатюрный вводной пульт, печатающее устройство и телевизор с громадным экраном.

Михаил подошел к пульту и включил несколько тумблеров. Потом сказал в микрофон спокойно и деловито:

— Сережа, не пугайся, это Жеберин. Если я тебя разбудил, можешь выругаться.

— Говори, чего нужно, — сразу же раздалось из динамика. — Здесь у нас запарка, и нет времени с тобой говорить.

— Сережа, ты знаешь, я человек серьезный. По пустякам не стал бы среди ночи...

— Да кто тебя не знает. Давай говори быстро, чего нужно.

— Хорошо, хорошо. Я коротко. Подсоедини мой телик к девятнадцатому кубу и дай ту программу, помнишь, из восьмой серии...

— Ту модель, что ли, которую вы с режиссером?..

— Сережа, не задавай лишних вопросов. У меня посторонние, — перебил Михаил говорящего. — Да, ты правильно понял. Молодчина. Из восьмой серии, модель четыреста четырнадцатая. Я жду.

— Включай свой телик. Через минуту получишь изображение.

Экран телевизора засветился, и Василий увидел поляну, по которой дугой проходила утоптанная дорожка. С одной стороны, недалеко от тропинки, рос густой кустарник.

— Ну вот тебе и место действия, — сказал Михаил. — Теперь начнем заполнять его. Модель будет следующая: по тропинке идут самец, самка и хилый рахитичный ребенок. Самка допустила ошибку и, не предупредив самца, отстала от группы, хотя единственное оружие — палка — в руках именно у нее. Значит, расставим персонажей.

Михаил колдовал над пультом, а на экране вначале появился обросший густой растительностью самец, с мощными бицепсами, сутулый, со склоненным лбом и широкими ноздрями плоского носа. Затем на вершине дуги возник кривоногий детеныш, и на некотором расстоянии от него — сутулая, плечистая, но уже с некоторыми элементами изящества самка. Потом в центре Михаил изобразил сжатого в комок и готового к прыжку, зверя.

— Давай передвинем самца чуточку вперед. Будем считать, что, сделав лишние шаги, он спутал первоначальные планы хищ-

ника, и теперь зверю нужно принимать новое решение. Будем снисходительны и дадим безоружному самцу еще один шанс на спасение: набросаем возле него немного палок и камней.

Михаил говорил, одновременно нажимая на клавиши пульта, и на экране нелепо и непривычно перемещались застывшие фигуры, как бы выбирая наиболее удобные места. Потом у ног самца возникло несколько булыжников и палок. Одна из них была толщиной в руку и лежала почти у самой тропинки.

— Теперь все на месте. Расстановка персонажей известна машине. Она также получила и некоторую дополнительную информацию. Например, о типичном поведении самца и самки. Потом ей известно, что этот зверюга не нападет на детеныша: проку от него мало, тем более что оба родителя от него не отстанут и не дадут спокойно есть. Ну и, конечно, в модель введены такие условия, что на самца возложена забота о семье, а на самку о всей популяции в целом. Модель должна показать, каким в созданной ситуации должно быть типичное поведение самца и самки. Теперь я подключусь к модельному блоку машины, которая там у Сережи, и мы проиграем эту ситуацию на телике. Смотри.

Оценка ситуации заняла у самца мгновение. Еще мгновение ушло на подготовку и поиск способа защиты. Палки, которые валяются под ногами, для этой цели не годятся. Все они очень тонкие, а одна, что лежит совсем рядом, слишком велика, и поднять ее быстро не удастся. Булыжники расположены в стороне, и до них сразу не дотянуться. Они могут пригодиться потом, когда начнется битва с хищником. Но в первое мгновение он оказывается совершенно безоружным. Остается только возможность прыгнуть в сторону. Но это не спасет самку и детеныша, значит, этого делать нельзя.

Он лихорадочно искал выхода, и вдруг волна радости и злобы охватила его одновременно. Выход был найден, и теперь все его существо рвалось в бой со зверем, осмелившимся напасть на него, его самку и их детеныша. Теперь надо только дождаться ее решения и тогда уже либо броситься к булыжникам, если самка прыгнет в сторону, либо...

Он весь напрягся, слегка согнув колени и почти коснувшись длинными руками земли. И в этот момент самка прыгнула. Нет, она прыгнула не к хищнику. Она прыгнула к детенышу и загородила его своей широкой фигурой. Почти сразу же зверь кинулся на самца. Только за мгновение до этого самец быстро нагнулся, ухватился за край толстого бревна и, резко выпрямившись, рванул его вверх. Зверь, вытянув вперед лапы, уже летел над поляной, когда бревно взметнулось кверху и, гяжело вращаясь, стукнуло его в воздухе сперва по лапам, затем по морде. Пока зверь отбивался от непонятного вертящего-

ся и твердого существа, самец успел взять в обе руки по булыжнику, а самка подбежала к нему с детенышем. Он метнул один из камней в зверя, и тот, откусившись, медленно удалился.

Экран телевизора погас, и только светящаяся точка побежала, уменьшаясь, к центру и через секунду исчезла.

— Как видишь, для самки ошибка в подобной ситуации типична, а самец оказался на высоте. Промахи самки на таких, как он, не действуют. Может, нервишки она его потрепала масть, но, когда речь идет о естественном отборе, с такими мелочами не считаются. Ставка слишком большая.

Василий откинулся на спинку кресла и теперь с интересом глядел на Михаила. Он усмехнулся и покачал головой.

— Если говорить о естественном отборе, — сказал он с сомнением, — то самка должна была привести к гибели своего рахитичного отпрыска, а не крепкого и сообразительного самца.

— Это другая тема. Я тебе мог бы показать, как самка бегает из угла в угол по пещере с больным детенышем, не выпуская его из рук, вместо того чтобы бросить его ненадолго и сбегать за водой. Природа и здесь снабдила самку достаточно мощным оружием — слепой безумной любовью к детенышам. Сейчас я специально взял такую модель, чтобы показать отношение самки к самцу. Это для тебя, как ты, наверное, догадываешься. Ладно, современный самец, пошли допивать кофе.

Каждое явление должно иметь свое название. Я предлагаю открытий нами эффект назвать «парадоксом тещи». Хорошо звучит, не правда ли?

— Звучит прекрасно, — Василий натянуто улыбнулся. — Только при чем здесь теща? Ты вроде печешься не о теще, а о жене.

Михаил разлил кофе по чашкам, намазал маслом ломоть черного хлеба, бросил на него большой кусок колбасы. Он с аппетитом откусил почти четверть бутерброда и принялся за кофе. Василий на этот раз тоже стал есть, хотя действовал он не так энергично, как его приятель.

— Известен один парадокс, — заговорил наконец Михаил, — который имеет прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме. Мамы, у которых есть дочки, страшно хотят выдать их замуж. Причем для этой цели они всегда находят кандидатуры. А вот мамы, у которых имеются сыновья, всегда недовольны невестками. Но вот наконец наступает долгожданный момент, и молодые, к радости первой мамаши и к горючению второй, связывают себя соответствующими узами. Казалось бы, при таком раскладе молодая обречена на вечное давление со стороны свекрови, а юному супругу, наоборот, ничего не угрожает. И тут на свет неожиданно появляется знаменитая и перепетая по всех анекдотах теща. Заметь, не свекровь, ко-

торая видеть не хотела свою невестку до брака, а именно теща, которая прямо молилась на своего будущего зятя. Ты никогда не думал, почему это происходит?

Михаил залился веселым смехом.

— Вот только что мне все стало ясно. Это результат того же самого генетического пережитка. Самка обязана была, совершая цепь мелких ошибок в рассуждениях, в оценке ситуации, в выводах, держать в постоянном генетическом напряжении самцов. Ведь именно от их выносливости, силы, ума зависело будущее всей популяции.

— Значит, ты полагаешь, что Татьяна...

— Конечно... Она ведь Женщина. Женщина с большой буквы. Но не только в ней дело. Дело еще и в тебе. Ты всегда был гипертрофированно самолюбив. Вместо того чтобы снисходительно взирать на небольшие промахи своей половины, ты занялся психоанализом и сам себе доказал, что тебя перестали любить, что о тебе не думают.

— Может быть, в том, что ты говоришь, есть доля истины. Но ведь бывали случаи, когда Таня меня ставила в положение того зверя, которого чуть не слопал хищник.

— Не преувеличивай. Мы живем в цивилизованном мире, и самое большее, ты можешь из-за ошибки жены схлопотать какую-нибудь неприятность. Главное же, что такие, как ты, неверно истолковывают поведение женщин. Может быть, знаменитый тезис о таинственности женской психологии и заключается в том, что мы, мужчины, не можем понять простую истину: женщина ошибается там, где мы действуем безошибочно, и, наоборот, она безошибочна там, где мы выглядим чистыми олухами. Понимаешь, разные области с большими вероятностями неправильного решения. Только и всего. А из-за того, что эта простая истина оставалась неизвестной, типы вроде тебя ходят по инстанциям и пишут всевозможные исковые заявления. Завалили суды работой. Хоть ставь туда электронно-вычислительные Фемиды.

Неожиданно Василий аккуратно отложил в сторону бутерброд, отодвинул недопитую чашку и поднялся над столом. Видно было, что его осенила какая-то невероятная мысль.

— Ты чего на меня уставился? — спросил Михаил настороженно.

— А ты чего это мне морочишь голову? На ходу сочиняешь всякие теории. Татьяну выгораживаешь? — В голосе Василия слышалось раздражение.

— И на этого балбеса я потратил целую ночь. — Михаил всплеснул руками. — Да с чего ты взял, что я тебя разыгрываю?

— А этот твой Сережа...

— Какой Сережа?

— Из вычислительного центра. Я вспомнил ваш разговор. Сперва не обратил внимания, а сейчас вдруг вспомнил. О моде-

ли, которую ты прокручивал на телике. «Это, — спросил он, — ту модель, что вы с режиссером?..» Не с биологом ты делал эту модель, а с режиссером. Значит, ты мне показал кусок из будущего кинофильма. И никакая это не биологическая модель. Просто все остальное ты изобрел на ходу.

Михаил поднялся и забегал по кухне.

— Ах, какая прозорливость, — вопил он. — Ах, какая тонкая сообразительность. Не могу. Убери кофейник со стола, а то я сейчас опрокину его тебе на голову. Ну ладно, пусть я все выдумал. Теперь ты все равно мне не поверишь. Пусть выдумал. Разве сейчас в этом дело? Ты лучше подумай, правильно все это или нет. Ведь Таня твоя действительно из-за дурацких ошибок все это... Она не может по-другому. Да не только она. Это же правда во всех женщинах есть. А ты мужчина. Где твоя снисходительность? Где умение правильно понять действительность?

— Ладно, успокойся, — примирительно сказал Василий. — Может, ты действительно прав, хотя все сочинил. Импровизация получилась на редкость удачной.

— Мерси. Комplимент необыкновенно тонкий. Еще парочка таких же, и я тебя выставлю за дверь. Поэтому давай прекратим нашу беседу и немного соснем. Может, к утру ты станешь соображать чуточку бодрее.

Михаил разделся и залез под одеяло. Василий снял пиджак и, укрывшись пледом, разместился в кресле.

— Спокойной ночи, — проговорил Михаил. — И пусть тебе приснится страшный сон о том, как тебя разводят с достойной и любящей тебя женщиной.

— Василий долго не мог устроиться удобно, хотя кресло было просторным и мягким. Наконец он повернулся на бок, положил голову на подлокотник и стал засыпать.

...Он стоял перед «Фемидой» один и не мигая смотрел на завораживающую пляску многочисленных сигнальных огней. В ушах его еще звучали заключительные слова непонятной речи защитника. Тот взывал к электронно-вычислительной машине и настойчиво просил о чем-то неведомом. Каждое слово его, взятое отдельно, было понятным и ясным. Но слова эти, составленные в витиеватые фразы, таинственным образом утрачивали смысл и проскачивали мимо сознания, не оставляя заметного следа.

— Повторите кратко основную причину развода, — раздраженно приказала машина.

— На нее нельзя полагаться, и она может подвести...

— Может, может, — неожиданно прервала его машина визгливым голосом. — Она не может, она должна подводить систематически. В этом суть генетической защиты популяции.

«Откуда машина про это знает, — подумал он. — Я же ей ничего не говорил».

И вдруг он с ужасом догадался, что «Фемида» — это и есть та самая машина, которой распоряжается неведомый Сережа и которая подключена к пульту управления в комнате Михаила. Он понял, что обречен, и опустил голову.

— Считаете ли вы брак в принципе неприемлемым? — спросила машина.

— Нет, отчего же, — пролепетал он. — Если жена...

— Считаете ли вы неприемлемыми любые отношения с женщиной? — загрохотала «Фемида».

— Нет, отчего же. Если женщина...

— Все ясно, — пророкотал мощный динамик. — Ввод информации закончен. Сейчас все блоки машины будут изолированы на две тысячных доли секунды от притока новой информации и возможного давления со стороны других электронных устройств. Это обеспечит вынесение объективного и справедливого решения.

Две тысячных доли секунды тянулись необыкновенно долго. Сперва он заметил, как один за другим стали гаснуть огоньки, потом машина на мгновение застыла в неподвижности и вдруг мелко задрожала от усиленной внутренней работы. Потом она облегченно застыла, и огоньки вновь засверкали на ее панели.

— Суд оглашает справедливое и окончательное решение, не подлежащее обжалованию и опротестовыванию. Внимание! Суд оглашает решение.

Последовала короткая торжественная пауза, и затем, четко разделяя слова, «Фемида» провозгласила:

— Развод бесполезен. Претензии истца необоснованы и вредны.

Он хотел возразить, но понял, что это ничего не изменит. Тогда он демонстративно сел прямо на пол, показывая свое несогласие с мнением электронного судьи. «Фемида» на мгновение замешкалась. Через многочисленные щели было видно, как в ее недрах проскачивали искры, и неожиданно машина шипящим извиняющимся шепотом стала объяснять причину своего решения.

— Борьба со способностью женщин ошибаться во имя сохранения популяции невозможна. А уход от женщины ошибочен. Ошибочность же в ликвидации ошибки может привести к безошибочности, что само по себе содержит ошибку, которая, в свою очередь, недопустима из-за безошибочного воздействия на ошибоч...

Она что-то бормотала совершенно невразумительное, а искры в ее чреве полыхали сплошным огнем. И вдруг машина спокойным голосом Михаила потребовала:

— Вставай, вставай, вставай...

Он открыл глаза и увидел Михаила. Тот тряс его за плечо и улыбался.

— Вставай. Там за тобой Татьяна пришла.

НАДЕЖДА

Увлекательная работа — придумывать географические названия: Мыс Рассвета, Озеро Солнечных Бликов... Мы только и делали, что придумывали, придумывали. Не только мы — Северная станция тоже. Вся планета была в распоряжении землян — в нашем распоряжении.

— Ребята! — кричала с энтузиазмом Майя Забелина. — Холмы Ожидания — хорошо?

— Река Раздумий?

— Ущелье Молчания?..

— Хорошо, — говорили мы. Подхваливали сами себя: работа нам нравилась, планета нравилась. Нравились наши молодость и находчивость. Давали названия даже оврагам: Тенистый, Задумчивый.

Геннадий Фаготин, начальник станции и нашей картографической группы, осаживал нас:

— Как бы не выдохнуться...

— Старик, — отвечали ему, — на что голова на плечах?..

Геннадий был лет на пять старше любого из нас, но и ему не было тридцати. Картография — наука молодости и молодежи.

Нравилось нам и название планеты — Надежда.

Название придумали не мы — открыватели. Планету нашла экспедиция Жарского. Это была удача. Сотню лет корабли летают за пределами солнечной. Ищут планету земного типа. Звезд много, и планет много. Ищут сестру Земли. А повезло Жарскому. И, как ни странно, у синей звезды. Предполагали, что планеты земного типа могут быть только у желтых солнц. И вдруг — у синей звезды...

Это была шестая и последняя планета у солнца-карлика. Пять, ближайшие к звезде, испепелены и расплавлены. Шестая — райские кущи: реки, озера — девичьи голубые глаза!.. Кислорода двадцать один процент, азота семьдесят восемь... Правда, в воздухе много природного электричества — рождала сверхкорона звезды. Зато ни заводов, ни городов. Необитаемая планета!

— Как назовем — Находка, Жемчужина?.. — спрашивали у Жарского.

Командир корабля молчал.

Восемьдесят девять планет с органической жизнью насчитывал каталог открытый. Даже с разумной жизнью. Пусть неизмеримо ниже земной, необычной и непривычной. Но планеты заселены. Щедрая земля, расстилавшаяся под звездолетом, не только привлекала — настораживала: для кого эта щедрость?

Были планеты-трясины, без клочка твердой земли. Планеты-фугасы: стоило опуститься — почва взрывалась. Планеты-тайны, покрытые паутиной — капиллярами, по которым струится лимфа. Паутина живет, мыслит...

Отличные названия Находка, Жемчужина. Но всякая находка предполагает, что ее кто-то потерял и хозяин может найтись. Жемчужина? Кто не польстится на ее красоту?..

На позывные по всем диапазонам шкалы ответа не было.

— Находка, Роберт Андреевич?..

— Надежда, — ответил Жарский, ступив на зеленую земную траву.

С ним согласились. Можно было надеяться, что планета станет землянам второй родиной.

Океан занимал семьдесят процентов поверхности. Два материка тянулись в долготном направлении по обе стороны от экватора. Само их расположение определило название: Северный, Южный. Между материками по океану брошено, словно горсть изумрудов, множество островов — то-то придется поработать картографам!.. Посетить и осмотреть все возможности, конечно, не было. На пятнадцатый день Жарский послал телеграмму Земле: открыта планета-двойник, необитаемая, если не считать насекомых на суще и моллюсков на прибрежных отмелях шельфа. Просил утвердить название планеты — Надежда.

На Земле утвердили. Послали картографов — две группы. Потому две, что были утверждены две исследовательские станции — Северная и Южная, на обоих материках планеты. Южной станцией руководит Фаготин, северной — Виктор Серенга. Связь держат при помощи спутников, сброшенных кораблем-маткой «Юноной». Корабль улетел дальше, группам было дано времени год.

Работы проводились съемочным способом. Со спутников сфотографировали материки, нанесли на карту. Уточнения и обработка деталей предоставлялись картографам. У каждой группы по три авиаэки. Машины поднимались над местностью и клетка за клеткой фотографировали квадраты шесть на шесть километров. Детали поверхности схватывались рельефно, переносились на карту. Оставалось только придумать названия. В случае необходимости авиаэки можно было опустить в квадрате, осмотреть все на месте, ощупать руками — самый древний и самый действенный способ исследования.

Так был найден первый кристалл — ощупью. На него накнулась Иванна Скар. Кристалл не давал ни тени, ни отблеска, был невидим.

Иванна фотографировала свою параллель. Щелчок — на пленке квадрат. Через минуту опять щелчок и опять щелчок. Внизу перелески, болото. На болоте — «пятачок» леса. Чем заинтересовал «пятачок» Иванну, она не знает. И сейчас не знает, после стольких событий. Опустила авиетку на пологий откос и пошла исследовать чащу.

Продралась сквозь подлесок на крохотную поляну, стала пересекать ее и наткнулась на что-то твердое. Защибла колено, руку, остановилась. Перед ней была ямка глубиной в несколько дециметров. Зато руки ощупали холодную полированную грань камня. Да, это был камень или хрусталь, граненый, стоящий торцом вверх. Иванна провела по торцу ладонью, нашупала правильный шестиугольник-кристалл. Камень был высотою по грудь, холодный, прозрачный, сквозь него виднелась росшая на земле трава. Иванна постояла минуту: откуда здесь камень? — и, когда боль в ушибленном колене утихла, обогнула камень и пошла дальше. Запомнилось ей углубление в почве: камень был врыт в землю или продавил верхний слой собственной тяжестью. Больше на островке ничего не было, Иванна обогнула его южным берегом, села в авиетку и поднялась.

В лагере она рассказала о невидимом камне, но каждый день приносил группе массу впечатлений, на рассказ Иванны не обратили внимания. Девушка перенесла остров на карту, назвала его Кристаллом и карту сдала в общий атлас.

На второй камень наткнулся Игорь Бланн в горах и тоже случайно. Камень был полузанесен песком, стоял над обрывом. Игорь не заметил бы его, если бы не странная конфигурация наноса: песок словно вскарабкался на стену и застыл, вздыбившись. Кристалл был в рост человека и до того прозрачен, что каждая песчинка за ним выделялась отчетливо.

— Я не видел такой прозрачности, — говорил Игорь. — И тоже полированный шестиугранник!

— Ну и что? — возразили ему. — Василий нашел жилу самородного золота.

— Самдар — алмазы.

— Еще какие — с орех! — кивнул Самдар.

— Находкам на планете не будет конца.

Поговорили и успокоились.

Третий камень нашел Василий Финн — тот, что открыл золотую жилу.

— Ребята! — крикнул он, возвратясь на базу. — Есть на что посмотреть!

Все, кто мог, на трех авиетках полетели с Василием.

Камень стоял в лесу, на прогалине, был бровень с вершинами крупных деревьев. Ночью пронеслась буря, сорвала с деревьев листья, они налипли на грани, и только поэтому прозрачный столб оказался видимым.

— Силы небесные! — обмерил столб Самдар. — Четыре обхвата!

— Сколько он весит?

— Кто его здесь поставил?..

Впервые пришла мысль об искусственном происхождении камня. Камней. Это был третий.

— Бросьте! — сказал Берни Скэтт. — Кто его здесь может поставить?

— Однако?..

Вечером в рабочем зале станции состоялась дискуссия. Камень Иванны, как наиболее транспортабельный, к этому времени привезли и установили в центре зала. За ним слетали Иванна, Самдар и Василий Финн. Часть камня окрасили из распылителя в синий цвет, казалось, что расплывчатое пятно висит в воздухе без опоры.

— Что все это значит? — Самдар постучал ногтем — камень звенел.

Был час отдыха, вокруг камня столпились обитатели станции.

— Высказывайтесь, — предложил Самдар. — Кто что думает?

— Естественное это образование, — поддержала его Иванна, — или искусственное?

— Если естественное, — предположил Берни, — скажем, горный хрусталь, натуральное было бы встретить его в горах, на месте рождения. Один мы нашли в горах, но другие — в лесу, даже в болоте. Горный хрусталь вырасти здесь не мог.

— Почему не мог?

— Потому что само название — горный — говорит само за себя.

— Но здесь другая планета!

— Вот именно... — согласились Иванна, Самдар.

— Может быть, камень рожден в горах, но перемещен в леса?

— Кем?

Трудный вопрос. Переместить кристалл мог кто-то. «Кого-то» на планете не было.

— Если предположить, что камень создан искусственно, то что он — маяк?

— Аккумулятор энергии?

— Памятник?.. — посыпались вопросы со всех сторон.

— Погодите, — сказал Самдар, — это уже фантазия.

— Ты сам говорил, — возразила Симона Ронге, — кто что думает.

— Новый мир, — заметил Фаготин. — Здесь все возможно. От этой мысли кое у кого по спине прошел холод.

— Планета имеет хозяев?..

— Бросьте! — возразил любимым словечком Берни. — Ка-

кие хозяева? Работаем четвертый месяц и никого не встретили.

Это звучало успокоительно, а может, хотелось отгородиться от загадки щитом, — все начали искать естественные причины для объяснения.

— Встречаются же на Земле изумруды, исландский шпат. Даже в крупных кристаллах!..

— Крупнее — выращивают искусственно.

Опять вернулись к тому же — к искусственному происхождению камня. Тайной веяло от кристалла, стоявшего в зале.

— Вспоминаю, — заговорил Фаготин, — тайну каменных шаров Бразилии, Коста-Рики. Шары идеально выточены, от нескольких сантиметров до четырех метров диаметром. И тоже в сельве, в болотах. Кто и зачем их сделал? Или они образовались сами?..

Фаготина слушали. Геннадий мог преподнести изюминку в рассуждениях.

— Существовал принцип средневекового монаха Оккама, — продолжал Геннадий. — «Не умножай число сущностей сверх необходимого». Может быть, принцип хорош для средневековья, но и в двадцатом веке им пользовались при столкновении с труднообъяснимыми фактами. Дали ему название — «Бритва Оккама». Больше: «бритвой» пользовались с энергией перевыполнявших план дровосеков.

На секунду Геннадий остановился — положить карандаш, который вертел в руках. Положил.

— Как всякий принцип, — продолжал он, — принцип Оккама односторонен: во что бы то ни стало непонятный факт объяснить естественными причинами... Так и насчет шаров. Вулканический пепел во время извержений скатывался по склонам гор. Кристаллизовался вокруг песчинок, образуя монолитные каменные шары. Их обволакивала порода, консервировала внутри себя, а когда время и непогоды размывали футляр, шары появлялись наружу в готовом виде.

Не верите? — Геннадий заметил иронические улыбки. — Я тоже не совсем верю. Шары с вишню величиной — допустим. Но с двухэтажный дом... Принцип Оккама предлагал и другое объяснение: шары высечены человеком в доисторическую эпоху. Каменными рубилами. Идеально. С точностью радиуса до микрона.

Кто-то из картографов засмеялся. Геннадий пожал плечами:

— Принципом Оккама можно объяснить все: взлетные полосы в долине Наска в Андах, парящие фигуры космонавтов на скалах Тассили...

— Такой успокоительный принцип, — не выдержала Иванна. — Баальбек — каменными рубилами, я об этом читала.

— Не будем осуждать двадцатый век... — примирительно сказала Симона.

— Но «бритва», — воскликнул Финн, — не слишком тонкий хирургический инструмент! «Бритвой» можно зарезать!

— Резали, — ответил Геннадий. — Сверхточный календарь майя, Антарктиду на древних картах с ее хребтами под километровым льдом — все объясняли, исходя из принципа монаха Оккама...

— С позиций камнерубильной техники, — добавил Финн.

— Вот и кристалл, — кивнул на его реплику Геннадий. — Предположим, что он вырос сам или его создала молния, выплавив из породы. Объяснение? Объяснение. Примите и успокойтесь... Вижу, что не хотите успокаиваться, — Геннадий жестом предотвратил готовые возражения. — Я не кончил! Есть иллюстрация к сказанному. К счастью, современная. Мы пришли в болота Альдеры — планета с аборигенами, эпохой палеолита, с пещерным свирепым укладом. Построили космодром из плит, больших, чем в Баальбеке. И, не скроем греха, ушли оттуда. Альды каменными рубилами — совпадение?.. — до сих пор крашут покинутый космодром. Надстройки разнесены в прах... Через сто тысяч лет у альдов появятся свой Ньютон и свой Оккам. Останутся плиты в основании космодрома. Кто-то будет пытаться разгадать происхождение плит, увидит на них следы каменных топоров. И «Бритва Оккама» срежет всякую мысль о появлении здесь инопланетных разведчиков.

К чему я веду? — закончил Геннадий. — Кристалл мне напоминает атомную решетку. Точки пересечения граней — узлы взаимодействия электронов. Похоже на атом. Похоже на символ. Безумная идея, скажете? Может быть, ее — бритвой?..

Охотников выступить с бритвой не находилось. Если на Земле еще остались загадки — те же каменные шары, — что можно ожидать на неизвестной планете?

Поговорили еще, пока Фаготин не предложил:

— Кончаем дискуссию. Завтра работа. И послезавтра работа.

Кристалл оставили в зале, на подставке, как он стоял. Только подставку придинули к окну, освободив середину зала.

Работа продолжалась. Все было просто и повседневно: пленки поступали одна за другой, переснимались на крупный план. Люди давали названия горам и долинам, завершая работу над картами, оживляя незнакомую землю своей фантазией, теплотой.

Названия записывались счетными машинами, передавались с одной станции на другую, чтобы не было дублирования.

Но дублирование возникало.

Симона Ронге озеро в хребтах южного полушария назвала Утренним. Счетная машина замигала желтыми лампами: такое название есть у Галлы Синозы в северной группе.

Симона вызывает Галлу по видео:

— Уступи мне название.

— Не подумаю! — отвечает Галла.

— Оно мне нравится, — говорит Симона.

— Мне тоже нравится.

Симона изобретает уловку:

— Я придумала его раньше тебя.

— Когда? — спрашивает Галла. В глазах у нее искорки смеха.

— В семь часов.

— А я без пяти семь! — возражает Галла.

— Галла... — Симоне хочется оставить название за собой.

— Не проси! — Глаза у Галлы большие, синие. Красивые глаза. Симона смотрит в них, любуется девушки. Галла моложе всех в экспедиции, почти девочка. Название доставляет ей удовольствие. Галла даже краснеет, что приходится спорить с Симоной.

— Ладно, — уступает Симона. — В следующий раз...

— Уступлю! — Галла радостно трясет головой.

Симона готова выключить видео, но подходит Фаготин.

— Серенгу, — кивает Галле.

Галла кричит:

— Виктор Андреевич!

В рамке появляется Виктор.

— Здравствуй, — приветствует его Геннадий. — Какие новости?

— Нормально, — отвечает Виктор. — Работаем.

— Я спрашиваю новости, — уточняет Геннадий.

— А... — Виктор перемещает рамку видео на тумбочку в углу комнаты. — Четыре вот такие призмы, — слышится его голос. — Одна величиной с бочку. В лесу.

— Дискутировали? — спрашивает Геннадий, показывая свою призму на столике у окна.

— Было, — отвечает Серенга.

— К чему пришли?

— Непонятные вещи.

— У тебя двое химиков, — напоминает Геннадий.

— Говорят, что стекло. Похоже на органическое.

— Искусственное?..

— Проводят электричество, как металл. Ребята еще возятся в лаборатории. Что будет интересное — сообщу.

— Сообщи.

Две-три недели прошли спокойно. Были найдены еще призмы, никто уже не удивлялся их прозрачности, месту находок — в ущельях и на равнинах.

Зато, как предвидел Фаготин, фантазия у картографов начала истощаться. Раньше, отметил Геннадий, чем следовало, — впереди полгода работы. Люди стали задумываться, повторяться, пришла апатия.

— Мыс Гаттерас, — предложил название Берни.

— Есть на Земле.
— Ну и что? — начинался спор. — Взяли же полуостров Рыбачий.

— И заменили.
— Да, заменили.

Однажды в такой вот час Симона сказала:

— Реку в квадрате семьсот девять дробь девятьсот я назвала Аунауна.

Все повернули к ней лица.

— Аунауна, — повторила она.
— Ни на что не похоже, — запротестовал Игорь.

— Непохоже, — согласилась Симона. — Зато звучит.

— Ничего не звучит! — возразила Майя. — Аунауна...

— Не по-нашему как-то, — поднялся со своего места Самдар.

— Долго ты думала? — спросила Майя Симону.

— Думала... — неопределенно сказала Симона... — Не то что думала, звучит в ушах и звучит. Словно кто-то нашептывает.

— И у меня странные названия получаются, — вмешалась в разговор Иванна. — Я вот отдельно выписала: Зуулу, Ро... К ней подошли.

— Зеее... — продолжала Иванна.

— Откуда ты их взяла?

— С потолка! — рассердилась Иванна. — Откуда мы все берем?

Тут же одумалась и сказала спокойно:

— Сами появляются. Лезут в голову.

— Есть! — крикнул Берни, который за минуту до этого предлагал мысу название Гаттерас. — Мыс Moo!

— Ребята, и мне... — отозвался Василий Финн. — Какой-то гавайский язык: река Пееке...

У Берни уже стояло на карте: мыс Moo.

— Нет, хватит! — возразила Иванна и написала вдоль хребта, над которым сидела с полчаса: Зуулу.

Бросила карандаш:

— Не могу!

— И я не могу! — Берни отодвинул прочь карту. — Наваждение!

— В уши так и дудит!..

Побросали карандаши. Происходило что-то странное, и все это чувствовали.

— Перерыв! — объявил Геннадий.

Когда все вышли на воздух, Геннадий запросил Северную. В рамке стоял Серенга, глаза его блестели от возбуждения.

— Что у вас? — спросил Геннадий.

— Паника, — ответил Серенга.

— С названиями?..

— С названиями.

Вечером разразилась гроза.

Грозы на планете бывали и раньше. Радовали обитателей станции: молнии, гром были как на Земле.

— Смотрите, смотрите! — вскрикивал кто-нибудь. — Какая резкая молния!

Ветвистый огонь обнимал небо, все вспыхивало синим или оранжевым.

— А вон шаровая!

— Еще, еще!..

Шаровые молнии появлялись в каждой грозе. Плыли над лесом, над станцией, вызывая общий восторг:

— Чудо!..

Сейчас в воздухе кружились хороводы шаровых молний, гирлянды. Никто не кричал: «Смотрите!» В пляске шаров можно было увидеть закономерность. Появляясь из туч — грозы была сухой, ни капли дождя, — шары падали на здание станции, казалось, вот-вот коснутся крыш. Но крыши они не касались. Взмывали свечой, кружились цепочкой вокруг построек, даже перегоняли друг друга.

Обитатели станции толпились у окон. Удары грома сотрясали воздух и станцию. Ветвистые молнии были выше туч, были почти беспрерывно; сполохи белого и фиолетового огня проглядывали сквозь тучи, охватывая их с одного, с другого конца, словно грозя поджечь.

— Выключите свет! — распорядился Геннадий.

Электричество выключили. Тьма вошла в залу, сполохиились за стеклами.

— Все вокруг станции... — сказал кто-то.

— Кажется.

— Нет, не кажется! Станция в центре грозы.

В ряду противоположных окон вспыхивали те же молнии, сыпались огненные шары.

— Несдобровать нам сегодня, — мрачно бросил Василий.

— Ну, ну... — возразили ему, но в голосах звучала тревога.

Между тем пляска шаров становилась неистовой.

— Видео... — попросил Геннадий в надежде связаться с Серенгой.

Видео не работало.

— Защитное поле!

Голубая завеса не вспыхнула. Самдар включал и выключал рубильники:

— Нет тока...

— Зашторить окна!

Заслонки не опустились. Геннадий забыл, что нет тока.

— Волнуешься, командир? — спросил Василий.

Геннадий пожал плечами. Люди перед стихией были полностью беззащитными.

Круговерть огненных шаров вдруг замедлилась.

— Смотрите!..

В ответ раздался звон лопнувшего стекла. Осколки посыпались на подоконник, люди шарагнулись от окна.

Шар величиной с арбуз втиснулся в разбитую шибку, секунду поколебался на месте, словно отряхиваясь, не зацепил ли пылинки с металлической рамы?..

— Стойте не шевелитесь! — сказал Геннадий.

Шар покружился под потолком, спустился к столу. Задержался над картой Симоны — карта была почти заполнена, — неторопливо двинулся к сейфу. Вел себя как обычная шаровая молния, которая может обойти комнату, покачаться над металлическими предметами и выйти в то же разбитое окно, в какое влетела. Главное в этих случаях — не шевелиться, не создавать тока воздуха, чтобы не привлечь к себе молнию. Геннадий повторил еще раз:

— Не шевелитесь!

Над сейфом шар задержался, проделывая круговые и в то же время колебательные движения. В комнате почувствовался запах горного снега, озона.

— Долго это будет? — спросил Самдар.

— Тише! — сказала Симона.

Шар продолжал колебаться над сейфом.

— Что его привлекло? — спросила шепотом Майя.

— Тише...

Шар оторвался от сейфа, поплыл к окну.

— Так-то лучше... — сказал кто-то с иронией.

Страха у людей не было — присмотрелись. Да и ни к кому из людей шар не приближался.

— Поди, поди прочь, — приговаривал Берни. — Чего тебе здесь?

Шар пересек комнату, был у окна.

— Ну вот, — сказал тот же Берни. — До свиданья.

Шар не ушел на волю. Приблизился к призме, коснулся ее верхней плоскости. Будет взрыв — шар впервые задел предмет!.. Но взрыва не последовало. Призма вспыхнула изнутри, ее пронизали искры, покружились и застыли горсткой сморесдины или крупной рыбьей икры.

— Аккумулятор! — сказал Самдар.

— Инкубатор... — поправила его Симона.

Шар еще раз коснулся поверхности, и еще горсть икринок застыла в призме.

— Симона права! — сказал Геннадий.

Шар поднялся к выбитой шибке, задержался, словно прощаясь или желая что-то сказать. «Кажется, усмехнулся», — заметит после Самдар. После — когда все станет ясным. Сейчас все следили за молнией и хотели лишь одного: уйди.

Шар ушел, словно растворился в воздухе.
Зажегся свет.

— Пронесло! — вздохнули картографы.

Заговорили наперебой:

— Что это было?

— Празднество?..

— Ничего подобного не видела в жизни, — говорила Симона. — Ничего подобного!

Наклонилась над картой.

— Ребята!.. — отшатнулась, лицо ее побелело.

— Что с тобой? — кинулись к ней.

— Карта... — шепотом произнесла Симона, опустилась на стул.

Карта была другой. Названия, придуманные горам, холмам, были другими, горы вместо Алмазных назывались Тахеем, холмы из Пологих превратились в Баата. То же самое с ручьями, лесом. Только река со странным названием Аунауна так и осталась — Аунауна...

— Это сделал шар?..

Люди, не дыши, сгрудились вокруг карты.

— Шар?.. — спрашивала Симона.

Фаготин шагнул к сейфу, распахнул дверцы. Выхватил атлас — руки его дрожали, швырнул на стол. Все названия в картах — до единого — были изменены.

— Электронная жизнь, — сказал Геннадий. — Вот кто хозяин планеты — не мы!

Василий шумно вздохнул, Самдар повернулся к окну:

— Силы небесные!..

За окном была ночь — черная и чужая. Зигзаг расколотого стекла блестел росчерком, перечеркнувшим работу и присутствие людей на планете.

— Еще!.. — указала Майя на титульный лист, до которого добралась, перелистывая страницы атласа.

На первом листе осталось слово НАДЕЖДА — единственное, написанное по-русски. Исчезла только большая буква в начале слова — стояла маленькая!..

Как ни удивительны были события последнего часа, перемена буквы с заглавной на маленькую поразила всех как громом. С минуту в зале царила растерянность. Искали объяснение и не находили слов высказаться. Самдар пришел в себя раньше всех:

— Что это — шанс?..

Фаготин крутил тумблеры передатчика, вызывал корабль:

— «Юнона»! — повторял он. — «Юнона»!

Ребята все еще рассматривали титульный лист.

— Может быть, они хотят с нами контакта? — продолжал спрашивать Самдар.

— «Юнона»! — вызывал Геннадий.

— Слушаю! — ответил корабль. По голосу картографы узнали капитана Гулаева.

— Свертываю работы по картографии. Объявляю эвакуацию, — сказал Фаготин.

— В чем дело? — Наладилась видеосвязь, встревоженные глаза Гулаева смотрели с экрана.

Геннадий коротко доложил о произошедшем. Показал несколько карт с неведомыми названиями. Гулаев слушал, кивал головой.

Подключился к видео Виктор Серенга, показал станцию:

— Призмы полны икрой. Прекращаю работы.

Капитан «Юноны» согласился с руководителями:

— Меняю курс. Ждите.

Помедлил секунду. Спросил:

— Как же теперь с Надеждой?

— Надежда останется, — ответил Геннадий. — Подлинная надежда на диалог с хозяевами. Нужна комиссия по контактам.

БОЛИД НАД ОЗЕРОМ

Девушка прошла первой, поздоровалась и поманила рукой спутника. Я пригласил их в кабинет, извинился за беспорядок (стол был завален книгами, журналами и рукописями больше обычного) и попробовал угадать, зачем они пожаловали. Студенты? Но своих студентов я помню... Быть может, с другого курса, факультета?

Рассеивая мои сомнения, девушка сказала:

— Мы с физического отделения. Пришли вот к вам.
— Быть может, по ошибке? — спросил я.
— Нет. Нам нужны именно вы. Мы читали вашу статью «Болид над озером»...

— Да когда же это было?.. Лет двадцать назад, не меньше!

— Статья опубликована в пятьдесят пятом в журнале... — и девушка назвала номер журнала, в котором увидела свет моя заметка.

— Расскажите, — попросили они, — расскажите поподробнее о болиде!

Наверное, они занимаются парапсихологией, решил я, сейчас это даже модно, да вот незадача: сколько бы ни собирали фактов специалисты в этой интересной области, их всегда оказывается чуточку меньше, чем требуется для доказательства истины. Но два студента, которым я дал бы не больше сорока на двоих, два моих гостя, разумеется, имели право на то, чтобы найти наконец решающие доводы. Ведь и мне, и моим друзьям было по восемнадцать, когда мы впервые соприкоснулись с настоящей тайной... Конечно, в заметке моей об этом сказано слишком уж мало, несколько туманных фраз, и мне пришлось кое-что припомнить. Чем старательней я припоминал весь эпизод, тем значительней он казался мне самому — бывает, что интерес, проявленный другими, восстанавливает ценность случившегося.

...Мы прошли тогда километров триста лесными дорогами, мощенными стволами берез и осин. Удивительно пустынны были эти лесные пути, разбегавшиеся на запад, север и юг от Селигера, на сотни километров раскинулась их сеть. Когда-то по ним шли автомобили с потушеными фарами, и неурочный крик выпи, шумный взлет птиц выдавали это непрерывное движение. В зимние ночи, быть может, солдаты засыпали на заснежен-

ных обочинах во время коротких привалов. А в пятьдесят пятом здесь стояла тишина, было безлюдно. Окопы на опушках березовых рощ, простреленные каски, деревья, скошенные, как трава, рассказывали молчаливо о минувших боях за холмы и реки, за озера, острова и косогоры, за околицы сожженных деревень. Здесь остановили немецкую военную машину.

От Октябрьской железной дороги мы пешком добрались до Селигера, обошли его с севера, через Полново, сели на катер и добрались до Осташкова. Но и Осташков не был последней точкой нашего маршрута. Еще один день мы провели на острове Кличен, и с его высокого берега открылось пространство страны озер, островов и рек — Валдая...

Где-то по пути, у безымянного озера с песчаными берегами, почти ключевой прохладной водой, со звоном трубок камыша и янтарными заводями, в один из пятнадцати валдайских вечеров мы увидели яркий белый болид. Похож он был на ракету, но прочертил зеленое и ясное закатное небо стремительней — линия его пути наклонно вела к середине озера и была прямолинейна.

Через полчаса, поставив палатку, я пошел купаться, в лагере остался только Валя Корчуков. Остальные ушли кто куда: за дровами, за молоком в дальнюю деревню, по ягоды. Валентин расположился у крайней палатки, совсем рядом с берегом. Я уплыл за тростники, потом вернулся. Берег медленно поворачивался, словно у меня кружилась голова. Я видел, как Валентин брился. Он проделывал это с помощью остро отточенного топора — предмета особой гордости прирожденного бродяги. Лезвие, мелькая у его лица, казалось то серым, то багровым, отражая и озеро, и одинокое светящееся облако. Я нырнул, раскрыл глаза, чтобы видеть подводные джунгли и мелких рыб, прятавшихся от меня (это меня забавляло: они всерьез принимали мои попытки поймать их или коснуться их плавников). Над водой пробежала широкая медленная тень.

Там что-то изменилось. Я вынырнул. Передо мной раскинулся незнакомый берег. Незабываемое воспоминание: это было совсем другое место... как будто и лес, и пляж, и наши палатки, и старый столб, оставшийся от довоенной еще телеграфной линии, недалеко от которого сидел Корчуков, вовсе исчезли, как театральная декорация. Впрочем, это меня сначала не испугало, но на всякий случай я решил выбраться на берег.

И вдруг я застыл. Мои ноги касались дна, и я остановился в десяти метрах от берега. На том месте, где был всего минуту назад Валентин, сидел на корточках совсем другой человек.

Как рассказать о нем?.. Был он бородат и держал в поднятой правой руке палку. Я присмотрелся: копье! Наконечник копья смотрел почти вдоль линии берега и чуть в сторону леса — дикого, незнакомого, с гигантами деревьями, опутанными синими и черными змеями лиан. Я видел его профиль, его вни-

мательные, усталые глаза, морщины на его лбу и шее, сильной и загорелой. На плечи его была накинута кожаная жилетка, изодранная в клочья, ступни ног его и руки кровоточили, царапины прочертили лицо, мужественное, с открытым взглядом, устремленным в недосягаемую для меня лесную даль... И вдруг вверху вскрикнула черная птица. Я испытал мгновенный страх. Неведомая тревога была разлита в этом сказочном краю. Почти невольно я погрузился в воду, к своим друзьям — рыбешкам, по-прежнему сновавшим возле.

Я остался в воде, насколько хватило дыхания, надо мной серебрилась рябь, искажая багровое облако. Это облако подсказало мне, что все вернулось на свои места. Я осторожно выдохнул, потом открыл глаза и взглянул на берег. Недалеко от столба у палатки брился Корчуков. Знакомый лес, знакомый холм справа, берег и спокойная заводь. В стороне стоял Растригин, один из наших, с охапкой валежника и к чему-то присматривался. Через минуту он двинулся вдоль берега к палаткам.

Я заплыл за тростники, подальше, на открытую воду и лег на спину. Потом, чтобы убедиться в нереальности происшедшего, опять нырнул надолго и поплыл под водой к берегу. Здесь было глубоко, и в полумгле я не мог угадать дна. Мои руки коснулись наконец тростников, я всплыл и сквозь колеблющийся строй стеблей увидел берег и человека с копьем.

Теперь он привстал. Его плечо прижалось к дереву, одной рукой он обхватил ствол, другая же по-прежнему сжимала древко. Я подплыл ближе и постарался запомнить подробности. На его пояссе висел большой костяной нож, прямой и широкий, как меч. Запястье правой руки, которой он держал копье с каменным наконечником, было охвачено грубым широким браслетом. Я видел, как он едва заметно глотнул воздух, не сводя глаз с какого-то предмета впереди себя, и его левая рука еще крепче сжала ствол дерева.

Я обнаружил и то, что приковало его внимание. Прямо на него бежало странное существо, похожее на увеличенную во много раз многоножку. Многоножка то выползала на берег, то скрывалась в чаще, тело ее извивалось, и сухой шорох сопровождал ее стремительные движения. Она, казалось, была заряжена электричеством, по черному панцирю тела пробегали желтые искры, камни и древесная ветошь отскакивали от ее ног, рассыпались перед ней, освобождая дорогу. Чем ближе она была, тем слышней был шорох и треск, и я вдруг увидел ее глаза — два черных отверстия, окаймленных зеленой фосфоресцирующей полосой. Они неотрывно следили за человеком, как бы прихотливо ни извивалось ее туловище среди корней деревьев, лиан и ветвей. Величиной она была, вероятно, с крокодила или немного больше.

Метрах в ста от нас многоножка неожиданно остановилась,

замерла, и в глазах ее зажегся красный огонь. Над ее головой поднялись три белых фонарика на общем отростке. Они протянулись вперед, отросток удлинился, белые огни как бы ощущали дорогу, когда она снова двинулась.

Монотонный электрический треск заставил сжаться мое сердце. Я понял смысл происходящего. Многоножка охотилась, она почти настигла человека. Убежать от нее невозможно: весь ее облик свидетельствовал о простых, почти механических принципах организации, о чем-то таком, что роднило ее с машиной, страшной, неумолимой машиной, не знающей усталости и пощады.

Поединок был неизбежен, и человек знал это, он готовился к встрече, не помышляя о бесполезном бегстве. Светлый наконечник копья чуть наклонился...

Я обернулся: за мной расстипалось озеро. И все там, на озерной глади, и за ней, на другом берегу, было мне хорошо знакомо. А вверху догорало облако. Да и на моем берегу стало все по-прежнему...

Я снова увидел Валю Корчукова и поплыл к берегу. Он кончил бриться и держал топор в правой руке, а левой обхватил ствол сосны, к которому была привязана палатка. Что-то в его позе насторожило меня. Неизъяснимая тревога заставила меня плыть быстрее, подгоняя меня, я уже выходил из воды, когда возникло ощущение прихотливой и неожиданной связи со бытий в двух различных и далеких мирах. Где-то человек готовился метнуть копье в ринувшуюся на него гигантскую многоножку. Здесь происходило нечто похожее. В моем сознании наметилась ассоциация: я ждал подтверждения взаимообусловленности разноплановых эпизодов. Вот Корчуков поднял топор, отвел назад руку и сильно метнул его. Я не знал, что должно было последовать за этим здесь, на знакомом мне берегу, зато твердо знал, что случилось там, за приоткрывшейся завесой неведомого. Там решался исход поединка.

Я даже не вскрикнул, когда увидел, что топор вонзился в старый, серый от дождей, подгнивший столб. Я выскочил на берег и бросился к Валентину. Наклонившись, он возился с рюкзаком. Схватив его за ворот куртки, подхватив под плечо, я отбросил его в сторону. Все решилось в мгновение ока. Я едва успел отскочить. Столб рухнул как раз на то место, где сидел Валентин секундой раньше...

— Вот и вся история, — сказал я своим гостям, — хотите верьте, хотите проверьте...

Девушка смутилась:

— Что вы, мы верим.

— А что было дальше? — спросил ее спутник.

— Ничего. Утром снялись и пошли. Других очевидцев не оказалось. Ну а я молчал до поры до времени. Только потом, когда вспомнили о пропавшем топоре...

— О том самом, которым Валентин брился? Разве он пропал?

— Мы не нашли его.

— Жаль, что вы не написали обо всем так же подробно, как сейчас рассказали, — заметила девушка мечтательно, — боялись, не поверят?

Что я мог ответить ей?

Почему я, ученый и журналист, не написал об этом подробно?.. Не знаю. Но, думается, прежде следовало бы написать о другом. О военных бесконечных дорогах. О выжженных бомбами торфяных болотах. О прозрачном, бледном на солнце пламени над соломенными кровлями. О следах отгремевших канонад и военных трудах минувшего.

Тогда, в пятьдесят пятом, прикоснувшись к прошлому, я мог живо представить себе недостроенные дома, взорванные минами; городские парки, вырубленные на дрова; пепел сожженных изб, густым налетом покрывающий заиндевелые ветви; старуху с непокрытой головой и детей, обвязанных старушечими платками, отогревавших руки над головешками от их жилья.

Нам чудился запах войны — запах бензина и пожаров, машины смерти с черепами, свастиками, тузами на бортах, вражеские трубы на рассвете, предвещавшие атаку.

Именно это приковывало тогда мое внимание.

Да, я видел человека с копьем, видел его внимательные глаза, следил за его дыханием, когда он ждал начала поединка. Но я знал и о мальчике, выкрашивавшем, выплавлявшем из не разорвавшихся бомб взрывчатку, чтобы набрать восемь с половиной килограммов тола (именно столько нужно, чтобы пустить под откос эшелон). О том, как он искал эти бомбы в оккупированном городке и ночами мастерил в сарае самодельные взрыватели. Потом привязывал к ним длинные веревки, за которые нужно дергать, когда поезд будет проходить мимо. Как шел закладывать мины на насыпь, на рельсы. Как быстро и настойчиво разгребал ладонями щебень, пока по нему стреляли.

Старик с острова Хачин рассказал нам о связисте, который под огнем, перекатываясь с боку на бок, кубарем, тянул провод по картофельному полю. Он упал, но, продолжая ползти, на минуту задержался у канавы с водой, чтобы напиться. И остался лежать, сжимая рукой провод.

Нетрудно было представить техников, спавших под крыльями истребителей, готовых по тревоге работать в непроглядной темени. И солдата, готовившего связку гранат, скреплявшего их обрывком провода так, чтобы четыре рукоятки смотрели в одну сторону, а пятая — в обратную. Именно за нее нужно было держать всю связку, ожидая, пока танк пройдет над головой. Впрочем, это-то уж приходилось делать почти каждому бойцу...

...Что я думаю об этой истории? Разное... Тогда мне каза-

лось, что это мираж, что болид над озером создал совсем особые условия наблюдения. И где-то в джунглях, наверное, действительно прятался человек с копьем, поджиная многоноожку. Я не увлекался тогда биологией, и меня не смущал фантастический облик странного существа. Потом я понял: таких не бывает. Можно перелистать любую самую объемистую книгу с описаниями живых редкостей, но ни на одной из тысячи страниц не найти ничего подобного. В этом я позже много раз убеждался.

И что бы ни говорили и ни писали о «затерянных мирах», трудно было представить проявление жизни, столь отличающееся от известных форм.

Знакомый радиофизик подсказал интересную мысль. Болид создает ионизированный столб, своеобразный электронный шлейф. Этот-то многокилометровый шлейф может служить антенной и даже волноводом для очень длинных радиоволн. Альфа-ритм электрической активности человека с копьем, вероятно, близок к нашему. Получается, что столь низкочастотные колебания могли быть приняты метеорной антенной из космоса. Требовались, правда, дополнительные условия, трудно выполнимые. Во-первых, электромагнитные волны, воздействуя на наш мозг, должны создавать полную иллюзию присутствия. Во-вторых, где же все-таки это было: на другой планете? В иной звездной системе? И какова же тогда сила излучаемых биосигналов?

Этот второй вариант казался, пожалуй, фантастическим, но я постепенно уверовал в него. И успокоился.

* * *

Месяца через два они позвонили. Расспрашивали о Полновском плесе, о Заплавье, о дороге к Картунскому бору. Дорогу на озеро я не помнил, знал только, что от Сосниц до него недалеко. Кажется, во время студенческих каникул они собирались на Валдай. Места там хоженые, не заблудятся, подумал я. Потом они пропали, целый год не объявлялись и не звонили. Я уж было забыл о них.

И вот почти год спустя мы встретились. Они пришли ко мне, повзрослевшие хорошие ребята, в кармане — дипломы не то физиков, не то биофизиков. Теперь их трое — Гена, Ира (с ними я знаком) и Саша (еще один молодой физик). Разговор тот же. О болиде над озером. О давнишнем нашем походе на Валдай. Наслушавшись своих собственных рассказов, я понемногу начинаю сомневаться, спрашивать себя: было ли это на самом деле или, может, померещилось мне?

— Вы все-таки расскажите еще раз, как искали топор! — просит Геннадий, и я припоминаю (во второй уж раз!) кое-какие детали.

Мне не вполне понятна их настойчивость. Да, искали мы топор. Вместе с Корчуковым. Не нашли. И хоть утро вечера мудренее, но на рассвете тоже не оказалось его ни под упавшим столбом, ни поблизости от него.

— Вы-то, наверное, не искали как следует — Корчуков искал.

— Пожалуй, — соглашаюсь я, — только зачем вам все это?

— А мы ведь собрались тогда на ваше озеро... — говорит Геннадий. — Ира, я, Саша и еще трое ребят.

— Ну и что же, побывали?

— Побывали. Только позднее.

— Не жалеете? Интересно было?

— Интересно. Только биосигналы из космоса тут ни при чем оказались. Дело не в антенне и не в электронном шлейфе.

— Вам виднее, — я не скрываю легкой иронии.

Геннадий начинает неторопливо излагать их точку зрения. Говорит он о пространстве, сопряженном с нашим, обычным пространством. Время и там и здесь течет одинаково, это общая координата. Зато другие измерения — ширина, длина, высота, все три координаты — расходятся, расщепляются. Мы не видим будто бы объекты из того, сопряженного пространства, хотя они рядом, даже как бы незримо пронизывают нас. Я перебиваю его:

— Это даже не теория. Гипотеза, не больше. О двух пронизывающих друг друга мирах я наслышан.

— У нас есть доказательства. Болид сметил измерения, сопряженное пространство стало ощутимым. Потом контакт опять пропал.

— Да, но о болиде рассказал вам я!

— Конечно. Но ваш человек с копьем мог появиться только из сопряженного пространства. И только там мог исчезнуть топор.

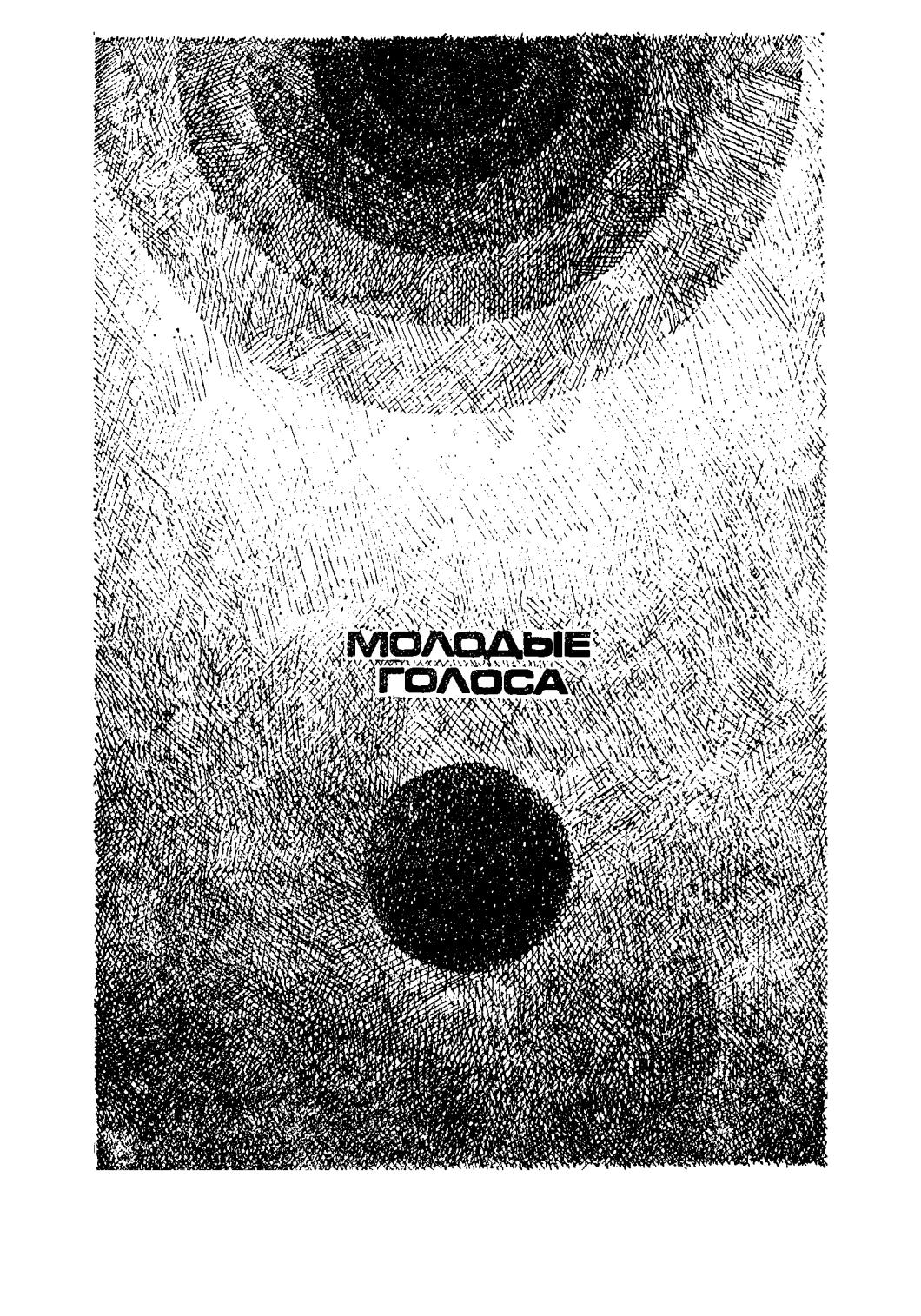
— А как же с принципом симметрии? Между сопряженными полями, между двумя нашими мирами может произойти лишь эквивалентный, равнозначный обмен энергией-массой.

— Мы думаем, такой обмен и состоялся, — спокойно возразил Геннадий, и я почувствовал, что в этом они единодушны.

— Но топор Корчукова исчез, — сказал я. — По-вашему — перешел туда, в сопряженное пространство. Если вы убедите меня, что в обмен мы приобрели что-нибудь другое, с равной массой, тогда я сдамся.

— Мы были у озера, — сказала Ира неопределенно, щелкнула запором портфеля и подала мне продолговатый светлый камень с отшлифованными гранями и тонким острием.

Я взял его, провел ладонью по четырем неровным ребрам, молча потрогал острие. Слова были бы лишними. Ведь я без труда узнал наконечник того самого копья.

МОЛОДЫЕ
ГОЛОСА

ЦВЕТОК В ДОРОЖНОЙ СУМКЕ

После привычных блекло-серых, бесцветных и нагоняющих смертельную тоску холмов Безликой кипящая на полуденной жаре земная зелень вызывала резь в глазах. Я стоял неподвижно на краю шоссе и, взглядываясь в зеленый мир, щурился с такой силой, что даже стала болеть голова. Подошвы ботинок словно приварились к дороге, и мне казалось, что еще немного — и мои ноги пустят в асфальт корни.

Вдруг какой-то импульс прострелил мои мышцы. Я сорвался с места, зашвырнул далеко свою дорожную сумку и тут же ринулся сам вслед за ней в гущу травы. Но, сделав несколько яростных рывков, выдохся. Ноги опутала упругая паутина из стебельков и листиков; наконец, подаввшись телом вперед так, что сохранить вертикальное положение уже было невозможно, я растянулся во весь рост и, должно быть, отшиб бы себе грудь и разбил лицо, если бы не тысячи маленьких зеленых пружинок, мягко сжавшихся подо мною.

И от этого чувствительного падения мне вдруг стало хорошо-хорошо.

Про своего нового знакомого, Алексея, я совсем забыл, а когда вспомнил и, сев, высунулся из травяных зарослей, оказалось, что он все еще стоит на шоссе, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего ты ждешь? — спросил я решительно, удивляясь, как может человек, пробыв год в космосе, не прийти в ребячий восторг от земной красоты.

Алексей только посмотрел на меня так, как смотрит не умеющий плавать на реку, через которую ему придется перебираться вброд.

— Ты там до конца отпуска простояшь, — почувствовав какой-то подвох, сказал я уже как-то неуверенно.

Алексей наконец тронулся с места. Он повесил на плечо свою сумку, сошел с дороги и двинулся в мою сторону, переступая таким образом, будто боялся наступить на спрятавшуюся в траве змею. Я смотрел на него во все глаза. Судя по всему, Алексей чувствовал себя очень неловко: лицо его покрылось красными пятнами. Он подошел ко мне, осторожно положил сумку на землю и, присев на корточки, пристально посмотрел на меня.

— Должно быть, я немного свихнулся, — с огорчением сказал он, словно оправдываясь за свои странные действия.

Я покал плечами.

— Это бывает с теми... — я указал глазами на небо, — с теми, кто возвращается оттуда.

— Хм. — Алексей слабо улыбнулся. — Но у меня уж слишком оригинальный случай...

— Лучше поговорим о чем-нибудь другом, — предложил я, давая понять Алексею, что не люблю обсуждать чужие недуги.

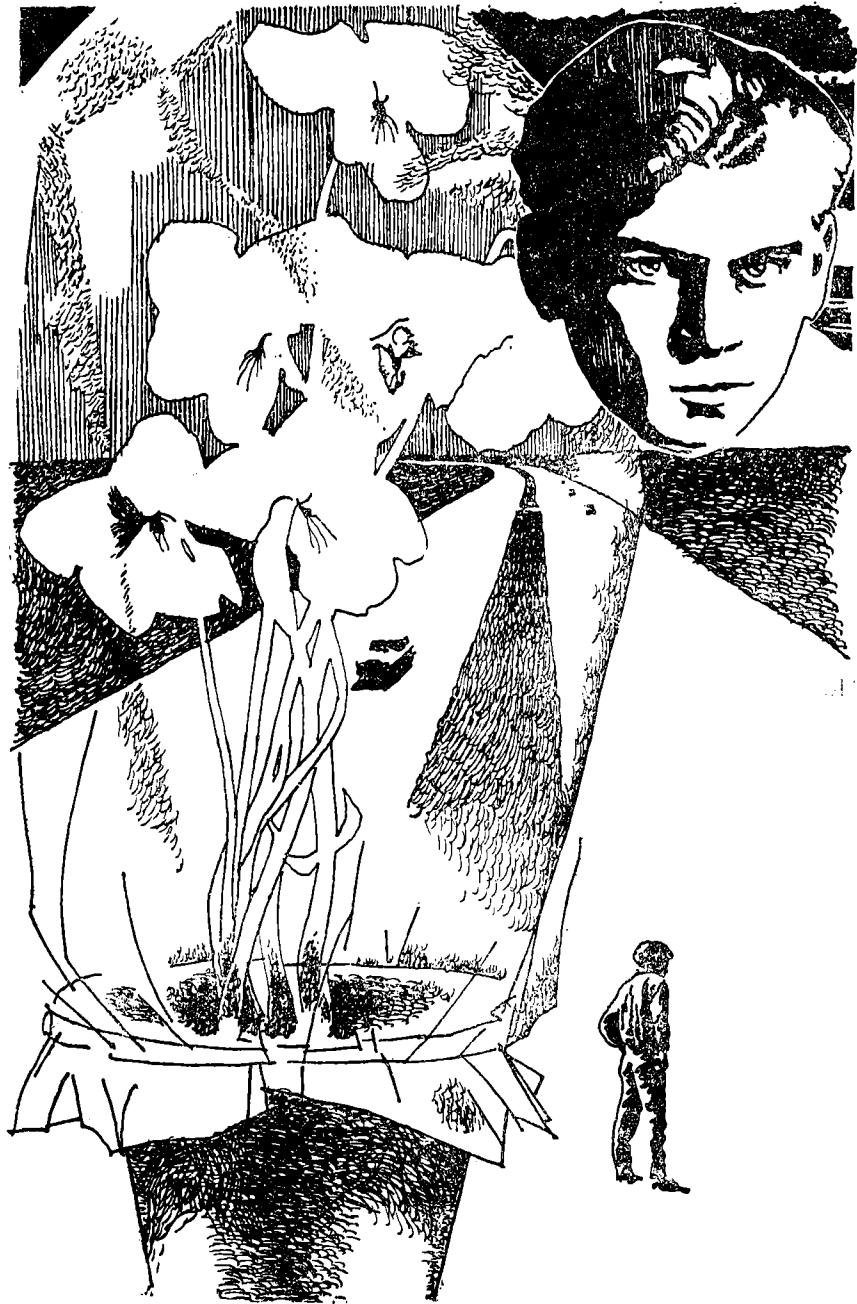
...Мы познакомились два дня назад на пассажирском космоплане: у нас была каюта на двоих, и, хотя — не знаю почему — мы очень мало разговаривали между собой, на следующее после знакомства утро мне уже казалось, что мы давние и очень хорошие друзья. Нас сближало непреодолимое желание вновь послушать почти забытый нами шелест листьев на ветру и побродить по вечернему городу, с огнями которого не может сравниться блеск самых ярких звезд. Нужны ли слова? И тем более не рассказывали мы друг другу о своей работе. Но теперь я вдруг почувствовал, что Алексей не успокоится, пока не расскажет о своих злоключениях. Я понял, что ему долгое время пришлось пробыть в одиночестве. Такие люди в космосе очень молчаливы, но стоит им вернуться на Землю, и они несколько дней ведут себя так, будто им больно молчать, и, если окружающие их не слушают, впадают в убийственное уныние. Я по своему горькому опыту знал, что означает такое уныние, и поэтому счел своим долгом выслушать человека, который, может быть, ждал этой возможности целый год.

Я чуть приподнял брови и вопросительно глянул на Алексея. Он снова слабо улыбнулся: видно, понял ход моих мыслей и, на миг задумавшись, неторопливо спросил:

— Два месяца назад в третьем секторе Урана беспилотный грузовик врезался в звездолет, на котором был только один помощник штурмана. Ты, может быть, слышал?

— Конечно, — ответил я. — Этот звездолет потом больше недели искали.

— Вот-вот. Не мудрено. Его на куски разнесло. В одном из этих кусков я и загорал полторы недели. — Алексей немного помолчал. — А столкнулись мы эффектно, ничего не скажешь. Космолет, на котором я летел, перегонялся с одной базы на другую, с которой шел этот злополучный грузовик; так дело было; и пути эти настолько совпали, словно корабли легели навстречу друг другу по одной ниточке. В общем, совпадение сказочное, остается только руками развести... За полчаса до столкновения пошел в оранжерею проверить систему автополива. Вдруг страшный удар, будто кто-то кувалдой трахнул по обшивке, — и тишина. Мне показалось, что корабль бесшумно прокатился по гигантской каменной лестнице, а потом началась странная карусель. Меня дернуло в сторону, магнитные ботин-

ки оторвались от пола, перед глазами все завертелось. Вначале я даже не успел испугаться, а когда меня провезло по цветам, а потом стало безжалостно шлепать о стены, мне уже было не до страха. Ко мне пришло спокойствие и равнодушие обреченного, и еще минут пять я заботился только о том, чтобы не врезаться в стену головой. Я даже не пытался прилипнуть к опоре ботинками. Только когда уже случайно я коснулся ногами пола, тогда и кончилось это сумасшествие. Я был весь вымазан в мокрой земле и размятой зелени, которая отдавала резким и неприятным запахом. Я сразу рванулся к выходу, но люк оказался закрытым наглухо, а над ним горел транспарант: «Общая разгерметизация». Выйти из оранжереи было нельзя; что произошло, я не знал. Я думал, что, должно быть, корабль с чем-то столкнулся и получил большую пробоину где-то в районе грузовых отсеков. На самом деле это была уже не пробоина, а полный разгром. Грузовик имел на борту десять тысяч тонн полезного груза и прорвал корпус корабля, как бумажный кулек. Рубку управления разворотило в клочья, часть отсеков оторвало вовсе, только оранжерея целой и осталась. Вот, что называется, в рубашке родился.

Я побродил несколько минут перед люком и решил, что дела мои плохи. Даже зябко стало. Оставалось только ждать. На вегетарианской пище с уцелевшего огорода я смог бы протянуть около месяца, питья было сколько угодно: запасной резервуар полива и резервуар с питьевой водой были полны. Но вот дышать мне можно было от силы дней семь-восемь, а потом хоть открывай люк и дыши вакуумом. Рассчитывать же на то, что меня спасут раньше чем через неделю, было трудно: корабль перед аварией находился слишком далеко от баз.

Вдруг меня словно стукнуло. Я прозрел. Вокруг меня были сотни всяких растений: тюльпаны, бегонии, кактусы, помидоры, лимонные деревца, березки. Все они вырабатывали кислород. Тихо и незаметно. Я вспомнил картинку из старого школьного учебника по ботанике: две мыши, накрытые стеклянными колпаками; одна уже мертва, а другая живет как ни в чем не было; вместе с ней под колпаком стоит горшок с цветком. Мое положение было аналогичным: я только не знал, смогут ли растения оранжереи обеспечить меня кислородом на достаточно-но долгий срок. Но все равно надежда появилась, а это главное.

На Земле дышится вольно, мы и не осознаем ценности всех этих травинок и былинок: банка, в которой мы живем вместе с ними, большая; а там, в космосе, когда каждый кубический сантиметр воздуха на вес золота, то каждая травинка — может быть, сорняк в цветочном горшке — превращается в волшебное дерево.

Я посмотрел вокруг себя другими глазами. Цветы перестали быть для меня какими-то неодушевленными предметами, частью

корабельной мебели. Передо мной была толпа добрых и отзывчивых друзей, которые тихо и искренне заботились обо мне, которые, в сущности, были еще более беспомощны, чем я, в чуждой для них обстановке и поэтому доверяли мне, верили, что и я не оставлю их в беде, а уж они будут стараться вовсю.

Я проникся к ним глубочайшим уважением, и это было не просто уважение — я благоговел перед ними. Я наделил каждый цветок душою, выдумал, смотря по внешнему виду, характер и даже, самому теперь смешно, биографию. Так я перестал чувствовать свое одиночество: со мной было много друзей. Друзей и знакомых. Да-да, некоторые из цветов стали для меня хорошими друзьями, некоторые — просто знакомыми. Почему? Ну, например, когда становилось как-то тоскливо на душе и мне начинало казаться, что помочи ждать бессмысленно, что на Земле меня уже похоронили, я подходил к желтым тюльпанам. Их цветы — как насмешка над всеми трудностями, над всеми нелепостями судьбы. Чинное спокойствие агав подбадривало меня, а маленькие хрупкие фиалки смотрели на меня широко раскрытыми синими глазками, удивлялись и сокращались: «Мы такие маленькие — и ничего не боимся, а этот, такой большой и сильный, дрожит от страха». Смешно? Возможно. С точки зрения человека, живущего на Земле и гуляющего со своим песиком где-нибудь в городском парке.

Я тоже старался что-то сделать для них. Собрал все цветы, поврежденные в результате моих падений, и занялся, что называется, их лечением: пересаживал, подрезал и был ужасно расстроен, когда несколько цветов все же не удалось спасти. Но это уже не по моей вине: эти цветы росли в ящике, который перед отлетом с базы плохо закрепили на полу оранжереи, и во время аварии он кувыркался в воздухе вместе со мной.

Освещение я не выключал вовсе. Вообще мне здорово повезло и в том, что не вышла из строя энергосистема корабля, иначе я бы превратился в ледышку. Уцелели и холодильные резервуары с твердой углекислотой для подкормки растений.

В общем, жил — не тужил, только вот обеды всегда доставляли мне волнения, ведь питался я тоже только растительностью. Такой психологический настрой: а вдруг вот этот листик, который я сейчас съем, не даст равно столько кислорода, сколько нужно, чтобы прожить всего одну минуту до спасения. Я уж старался питаться лишь морковкой, редиской, огурцами: капусту вообще не ел, хотя ее было больше всего, но ведь у нее такие огромные листья...

В последние дни стало все-таки не хватать воды для цветов, и я подключил к системе автополива резервуар с питьевой водой, так что до самого конца мне пришлось страдать от жажды. За два дня до спасения я открыл последний аварийный баллон с кислородом и после этого окончательно поло-

жился на свои цветы: от них теперь уже полностью зависела моя судьба.

Спасение пришло неожиданно. Я спал, когда подошел спасательный космолет. Целый час обследовали развороченные отсеки и наконец обнаружили закрытую и неповрежденную оранжерею. С космолета выдвинули тамбур, приварили его к стене оранжереи с внешней стороны и вырезали в борту дыру. Спасатели вошли внутрь, увидели меня лежащим на полу, решили, что дело плохо, и стали меня осторожно переворачивать на спину. Я вскочил, спросонок не разобрался, что к чему, чуть отбиваться не стал, потом разглядел смеющиеся лица... Когда стал влезать в тамбур, опомнился, рванулся назад, выкопал первую попавшуюся фиалку, мою фиалку, и вернулся обратно. Спасатели только плечами пожимали. Я видел, как отделяли выдвижной тамбур от оранжереи. На экране мелькнуло светлое пятно вырезанной в борту дыры: там, внутри, продолжали еще гореть лампы дневного света. Это как прощальный жест друга, с которым я расставался навсегда. В тот момент в оранжерее уже царили пустота и адский холод, которые, наверное, быстро расправились с зелеными друзьями. У меня сжалось сердце, и, постояв еще с минуту перед экраном, я ушел из рубки управления. На Ганимеде меня осмотрели врачи, покачали головами и отправили на Землю.

Вот и вся история.

Алексей замолчал.

— Да, — вдруг спохватился он, — та фиалка, которую я успел забрать с собой, она сегодня со мной... Вот она.

Он расстегнул «молнию» на своей дорожной сумке и осторожно достал цветочный горшочек, накрытый пластиковым колпаком.

...Когда мы возвращались на шоссе, я заметил, что иду след в след за Алексеем. Я вроде бы усмехнулся про себя и почему-то постарался думать о чем-то другом, но тем не менее продолжал идти так же.

Машина пришла за нами точно в указанное время. Закрывая за собой дверцу, я взглянул на луг и на миг замер, ужаснувшись: откуда это там такой огромный участок поваленной и жестоко смятой травы? Вот ведь, весь луг испортили! Тут до меня дошло: это же я сам... Я как-то опасливо оглянулся. «Как убийца», — подумалось вдруг. Алексей с тоской глядел туда же. Я захлопнул дверцу и почувствовал, что мне стыдно до корней волос. Не знаю, перед кем больше: перед Алексеем или... перед лугом. Кажется, я что-то начинал понимать. Ведь Земля тоже космический корабль. Только очень большой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мать спросила, глядя в окно:

— У вас есть хоть какая-нибудь надежда?..

— Мне трудно сейчас сказать... — пробормотал Руков. — Даже и в наш век очень трудно сказать сразу...

— Простите, — произнесла Лида. — Но вы, конечно, встречали его товарищей... Вы, должно быть, заметили, что Слава намного хуже. — Она посмотрела на Рукова долго и грустно. — Нам нужно знать правду. Все космонавты этой экспедиции больны. Потеря памяти и транс. Никто не понимает, что с ними. Мы расскажем все, что видели и слышали сами... Спасите их!

Зеленеющие ветви стучали в окно и пели песню жизни.

— Я помогу вам... попробую помочь... — неожиданно громко сказал Руков. — Видите ли, я не совсем врач, вернее... совсем не врач. Я... — он помедлил, — ученый... Мы создали установки, принимающие на свои экраны биотоки человеческого мозга. Причем биотоки, идущие из подсознания, из самой тайны.

Он почувствовал себя, как в институте во время экзаменов, когда скованность вдруг исчезала, словно выпрыгивая в окно, едва произносил он первые две-три фразы. Теперь он полностью был тем, кем был.

— Огромное значение это имеет для медицины: пораженного потерей памяти больного можно облучить — и мы узнаем, когда он заболел! Исходя из этого, можно лечить! Можно вылечить! Но... надо знать, в какую минуту или хотя бы в течение какого часа он почувствовал себя нездоровым. Экранизируя подсознательные мысли, которые запечатляют все независимо от болезни, получают целый набор образов и выявляют симптомы заболевания. Ставят диагноз и передают дело машинам. Компьютеры сообщают нужные средства врачам, они начинают систематический курс лечения... И все.

— Но Слава не знает, когда он почувствовал себя плохо! — почти закричала мать.

— Не волнуйтесь, Анна Ивановна! — воскликнула Лида. — Прошу вас...

— Понимаете, когда он был поражен, мы можем определить, спроектировав его болевые ощущения на установку.

Но длительное пребывание под лучами усугубит его состояние. Потому я и надеялся узнать у вас о его самочувствии на Земле. Ничего не заметили — уже хуже, значит, глубже корни болезни. Зато искать будем в конкретном слое подсознания! Конечно, риск, но, если удастся...

— А если нет?.. — спросила мать. — Вы представляете, что будет, если нет? У него самая тяжелая форма, почему же он, а не одиннадцать, даже двенадцать его товарищей?..

— Одиннадцать. Мианов не болен. Он не спускался на Тривиану, бессменный пилот. С вашего сына нужно начинать, как с возможного разносчика вируса или что там, мы не знаем.

Они помолчали. Ветер насыпал победный марш. Ближе придвигались тени, стирая грани предметов.

— Сначала все было в порядке, — начала мать. — Их встретили на космодроме, выглядели они утомленно, но, как всегда, этому не придали значения. День дезобактеризации — и по домам. А дома... дома тоже нормально. Всю ночь напролет слушали его рассказы о Тривиане, о полете... И вот... да, сейчас вспоминаю... он иногда хмурился и говорил: «Что-то плохо помню... Ну, столько событий! Слушайте дальше»... Мы и подумали — действительно, так много помнить... Спокойно слушали. Днем... днем как обычно. Съездил по делам, потом с Лидой ходили к товарищам... Ночью вдруг вызвал меня по сигнальной. С ним такое редко случалось, не беспокоил по пустякам... Я к нему. Смотрит на меня беспомощно, как ребенок, и спрашивает, показывая на стенной шкаф, как называется. Я испугалась, позвала Лиду: она осталась тогда у нас ночевать. Это было ужасно — уже утром он лежал, как сейчас, с открытыми глазами и... молчал, — голос матери прервался. — Потом звонили бесконечно — его друзья теряли память один за другим. Но те просто лежали и ничего не помнили о полете, у сына гораздо хуже... Зачем он выбрал эту кошмарную профессию?! — она заплакала. — Просила не летать, он каждый раз свое: «Прилечу и останусь». Вот и прилетел...

В полусумерках комнаты стало болезненно тихо, все словно услышали усиленное тишиной ровное дыхание Ярослава.

— Я постоянно сижу с ним, — заговорила Лида. — Он что-то шепчет, потом вдруг просит меня петь... Я... пою. Причем именно те песни, что пели перед стартом. Я видела, он старался вспомнить, но не мог. А вы не пробовали искать связь между тем, что Мианов, остававшийся на орбите, здоров?

— Пробовал, — сказал исследователь. — Пробовал. И с ним я говорил. Он за все время возвращения не заметил решительно ничего. Сплошной туман, но я уверен, что связано это с планетой.

Негромко запел визорофон. Лида бросилась в соседнюю комнату. Анна Ивановна и Руков услышали ее свистящий голос: «Что-о?!

Быстрый топот ног, девушка вбежала и замерла у порога.

— Мианов потерял память! — крикнула она.

— Извините, — сказал Руков, вставая, — я еду.

Центральная дверь неслышно закрылась за его спиной.

Протяжно звякала атомка, стоявшая у подъезда.

Машина неслась по городу, переходя с трассы на трассу. Деревья, здания, люди стремительно мчались в круговороте скорости, и Руков мог вообразить себя небольшой вселенной, вернее, ее центром, всемогущим и грандиозным. Но его мысли были далеко.

Да, этот космонавт произвел на него несравненно лучшее впечатление, чем остальные. Он тоже лежал. Окруженный по-слушными увеселительными аппаратами, пытаясь отвлечься. Да, пытаясь отвлечься, а не вспомнить то, что вырвала у него болезнь.

Руков передернул плечами. Неужели нельзя спасти Ярослава?

Атомка резко затормозила перед высоким угловатым зданием.

Через секунду скоростной вакуум-лифт сорвался с места.

Дверь открыла девочка лет четырнадцати.

— Вы к Саше? — неуверенно спросила она.

— Да, к нему.

Девочка проводила гостя в комнату пилота, оказавшегося ее братом.

Руков отметил про себя, что она ничуть не опечалена его болезнью — в телевизионной раздавались голоса и смех ребят. «Светлана!» — громко позвал кто-то. Как видно, положение Александра было намного легче.

Мианов сидел на диване и что-то диктовал на магнитофон. В комнате гулял свежий ветер, окна были распахнуты. Заслышив шаги, пилот поднял голову и отложил аппарат.

— Здравствуйте. Ну, — он улыбнулся, — не оправдались ваши надежды. Я слег за компанию с товарищами. Да вы садитесь.

— Рассказывайте, — сев, попросил Руков. — Пока не поздно.

— Вчера я диктовал наши злоключения на Тривиане и забыл, какого числа вышли на стационарную орбиту. Потом выяснилось, что я совершенно не помню, что мы там делали первую неделю. Дальше — больше. Все заплавало, и я вызвал вас.

— Вы так спокойно об этом говорите! — качнул головой Руков.

— А что, плакать? — раздраженно сказал Мианов. — Двенадцать парней лежат, Славка при смерти или около того. Я во всей ситуации счастливчик!

Он с некоторым сожалением поглядел на Рукова и продолжал:

— Потеря идет очень плавно, я почти ничего не замечаю. Заразу на «Солнечный» все-таки принес Слава. И подобрал он ее на Тривиане, чтоб ей сойти с орбиты!.. Он заразил всех наших еще там, а меня позже, уже в корабле. И экранировать Канонова вам нужно где-то со второй недели пребывания. До отлета.

— Значит, девять дней под установкой?

— Да, девять.

— Четырнадцать дней — смертельно. Четырнадцать минус девять — пять в запасе, но он болен. Это невозможно.

— Стойный расчет, — буркнул Мианов. — Плюс еще то, что не знаю ни одной болезни с потерей памяти, которая была бы заразной.

— Ну, здесь вполне пойдет радиация, стирающая верхние слои памяти. Что-то типа лучевого передатчика. Поражает мгновенно. Скажите, вам не приходилось выходить в открытое пространство при возвращении?

— Нет. Это пока помню. Пока. Но ведь тогда нас нужно изолировать! Сегодня я, а завтра — Светланка, Анна Ивановна, Лида, вы! Как до сих пор не сделали такой простой вещи! С ума сойти!

— Излучатель был слаб, болезни хватило только на три-надцать человек и в разной степени.

— Скажите, а разве нельзя прогнать по экрану эти девять дней в ускоренном темпе?

— Можно. Но источник, повторяю, настолько слаб, что вы даже не заметили поражения. Ярослав в том числе. Спасибо, если найдем минуту заражения, не замедляя, а вы хотите ускорять.

— Я уже ничего не хочу, — проворчал Мианов. — И так плохо, и этак невозможно!.. Что ж вы желаете делать?

— Придется забирать Канонова в Институт и экранировать с промежутками, — помолчав, ответил Руков.

Глаза Мианова засияли.

— Ну смотрите, товарищ ученый! Возвращайте нам Славку!..

Исследователь связался с Институтом и попросил привезти в Особую Палату космонавта Шестой Освоительной Ярослава Канонова.

Потом он достал пилюльку концентрата и в раздумье посмотрел на нее. Если бы такой можно было вылечить всех!..

Атомка, неутомимая и исполнительная, взяла курс на Институт. Предстояло настраивать установку.

Через два дня Руков показался в Особой. Он придиричivo

оглядел ослепительные стены, белоснежные комбинезоны врачей. К нему подошла Лида, исполнявшая при больном роль сиделки. Руков не хотел брать ее в Институт, но пришлось согласиться: лежа в павильоне, космонавт звал ее сквозь стиснутые зубы, и отвлечь его не было возможности.

— Михаил Константинович, — сказала Лида, заглядывая Рукову в глаза, — ассистенты предлагают по-другому проводить выявление.

— Вот как! — нервно фыркнул Руков. Он сильно переутомился за последнее время, да и сложная настройка аппарата отняла много сил. — Как же, позвольте спросить?

— Не нужно начинать с раннего слоя, — нисколько не смущаясь его тоном, говорила Лида. — Сначала мы зафиксируем самый отлет, затем несколько часов до него и так далее. Всю запись проведем в несколько ускоренном виде, компьютеры будут замедлять уже без участия больного.

Руков молчал, разглядывая листки, покрытые знаками.

— Да, действительно лучше, — пробормотал он. — Хорошо. Через шесть часов давайте больного в зал.

...Жгуче вспыхнули юпитеры. Вогнутая поверхность чаши с лежащим внутри космонавтом съежилась под пристальными глазами лазеров. Люди в белом провезли по монорельсу главную установку. Голубым светом зажегся стенной экран. Люди, подобно светлячкам, укрылись за переборками, оставив неподвижного космонавта наедине с бесстрастными машинами, решавшими сегодня его судьбу.

— ...Три. Два. Один.

— Пуск!

Белый зал словно вспыхнул. Десятки лиц в непроницаемых очках за перегородками вперились в экран. На его шершавой поверхности задвигались тени.

Но лишь постепенно они оформились во что-то многоцветное и рельефное. Щелкнула кнопка записи.

Холмы поросли густой травой, маленькое солнце карабкалось вверх, багровея от усталости. Вдали воздух становился лиловым и дрожал в рассветном мареве.

— Ну и красота!.. — громко прошептал кто-то невидимый.

Как бы в подтверждение этих слов точно три взмаха ножа один за другим вспороли небо, и фиолетовые полосы брызнули на его пыльную гладь. У самого горизонта зареял светолет, играючи выделявая изящные петли.

— Ты знаешь, — опять заговорил тот же голос, — странно, но я совершенно не хочу улетать...

— Зря. В этой планетке есть что-то чертовское — не могут освоить с шестой попытки!

Крупным планом показались спорящие: Ярослав и кибернетик Листов.

— Удивительно... Универсально... — пробормотал Руков. — Показывает себя со стороны!

— У нас такая работа, — засмеялся на экране Ярослав. — Сегодня здесь, завтра там, а послезавтра на том свете...

— А ты что, жалеешь?

— Нет! Конечно, нет! Разум в оболочке корабля плюет на вселенную и лезет вперед... Заманчиво!

— Потянуло на символику! — свистнул Листов. — А ведь верно... Пошли на стартовую. Не терплю дожидаться вызова. Летиша в Седьмую?

— Не знаю. Мне бы подальше. Любли двойные солнца...

— Акиноров тоже рвался за кратными светилами, светлая ему память... — вздохнул Листов.

— Идем, — хмуро оборвал его Ярослав.

— Он не болен, — сказал Руков. — Давайте ускорение передачи.

Космонавты, не говоря ни слова, быстро зашагали прочь. Их лица были спокойны.

Когда тяжелая створка люка скрыла их в корабле и из сопел вырвался первый сноп огня, Руков задумчиво проговорил:

— Выключайте. Вот вам и пожалуйста, — обернулся он к Лиде. — Буквально самый верхний слой, и ни признаков заболевания, ничего. Даже не надо давать замедленную.

— Значит, теперь можно взять поглубже... — неуверенно сказал кто-то из ассистентов.

— И снова ничего? Нет, теперь начинайте со второй недели.

— Михаил Константинович! — взмолилась Лида. — Попробуйте еще раз!

Помощники одобрительно зашумели.

— Что за бредовая идея! — раздраженно сказал Руков, садясь на место. — Хорошо. Новый, и последний, раз. По местам.

Лицо космонавта в нише было необычайно бледно, глаза совсем стеклянные. Казалось, он перестал дышать.

Руков с тоской посмотрел на него. Как можно вылечить этого уже почти не человека?..

— ...Три. Два. Один. Пуск!

Экран вспыхнул мгновенно. Великая мощь подсознания была разбужена.

Ярослав стоял на вершине невысокой горы, внизу плескались пески. Кромка неба на востоке слегка мерцала. Изредка вспыхивали мокрые стебли трав. Небо низко нависло над землей, пытаясь упасть.

— Встречашь солнышко? — спросил взбирающийся по склону.

— Да, в последний раз. Привычка.

— Я снова набил полные карманы этими камешками.

Рядом с Ярославом встал навигатор Карженов.

— Покажи! — с жаром отозвался Ярослав, оторвав глаза от загорающейся полоски.

— Бери. Особенно вот этот, впервые вижу такой здоровый. Похож на призму, да? Знаешь, чего я сюда влез?

— Ну? — Ярослав разглядывал камни. Они были точно сплетены из разноцветной проволоки и даже в сумерках очень красивы.

— Чем сложнее излом кристалла, тем лучше он выглядит на свету. На Земле не тот эффект! Солнце выходит медленно, лучи заполняют пространство постепенно... А здесь... Мы можем взобраться еще выше: светило вымахивает из-за горизонта со своими огненными вихрями, а камни так засияют, что все земные бриллианты станут булыжниками!

— Действительно красиво... Идем!

Рассовав минералы по карманам, они кинулись к соседней гряде. Беспорядочно замелькали трещины, выветрившиеся породы, и вот космонавты стоят на пике. Полоса все раздувалась, солнце рвало свою клетку пламенными когтями.

Ярослав побрал мелкие камешки на зеркальную поверхность уступа, а большой зажал в руке.

— Да не так! Положи на ладонь, освободи побольше граней!

— Что будет! — прошептал Ярослав, разжимая кулак и выставляя камень на вытянутой ладони.

Солнечная корона показалась в далекой расщелине и подмигнула землянам. Ярослав впился глазами в частицу планеты, лежавшую в руке, наклонился вперед... Карженов тоже согнулся.

Удар! Еще! Еще! Небо яростно вскипело, огнедышащий край диска бросился вверх и затрепетал, собирая силы.

Камень, пронзенный насквозь, причудливо, нестерпимо засыпал, брызнув на Ярослава и Карженова расплавленным светом.

— Ну что?! — закричал Карженов, как будто вокруг бушевал свинцовый металлопад.

Ярослав не отвечал, широко раскрытыми глазами глядя вниз.

— Никогда не видел... — прошептал он. — Идеальное свечение!

Светило набирало высоту. Камень заметно поблек и словно уменьшился, только в сердцевине его тлели чудесные угольки.

Ярослав неловко повернулся, и обломок породы скользнул с ладони. Карженов вскрикнул. Падая, камень раскололся на миллионы ослепительных шариков и исчез.

Карженов молча покачал головой. Они собрали мелочь и побрали прочь, еще не прия в себя после этого зрелища.

— Достойно костра Метагалактики! — вздохнул навигатор.

— Ты на стартовую? — спросил Ярослав.

- Да, куда ж еще?
- А я понаблюдаю троекратные вспышки. Придет Листов.
- Нашел чем заниматься! Ну, удачи.

Дальше все шло как и в первый раз. Излучатель погас.

— Это дайте в замедленной, — сказал Руков. — Здесь что-то настораживает. И, пожалуй, крупным планом глаза. Они всегда смотрят с земли в небо, иначе говоря, в них отражается все. Настолько тонкое изменение мы не заметим. Нужны глаза.

Ассистенты притихли.

Экран заняли глаза. Огромные, они передавали целый мир. Параллельно на малый экран проецировалось место действия. Вот холм, близится рассвет. В глазах спокойствие созерцания, немножко тоски, ощущение отчужденности...

Появляется Карженов. Легкое удивление, потом безразличие.

Навигатор достает камни. Заинтересованность, даже восторг.

Товарищ объясняет суть идеи. Сомнение, неожиданная вера, азарт, предвкушение необыкновенного зрелища.

Бегут по склону. Желание поспеть раньше солнца и тот же азарт. Любопытство.

Камень лежит на ладони. Волнение. Нетерпение.

Солнце выходит. Волнение в квадрате. Восхищение.

И...

Глаза были широко раскрыты. Глаза застыли, холодные и равнодушные ко всему окружающему. В них тлеет мучительное отчаяние. В них умирает крик, не успев родиться. Словно важный сигнал, странно оборвавшийся по дороге из бездны.

— Остановите! — громко закричал Михаил Константинович Руков.

На малом экране лучи солнца, пронзив искрящийся камень, по прямой ударили в голову Ярославу Канонову.

... — Итак, это радиация, — голос Ранчева, старшего ассистента, первым нарушил молчание. — Солнечная вспышка породила в минерале что-то вроде микрореакции, и вместе с видимым светом невидимые лучи, преломившись, поразили оба полушария мозга космонавта. Заметить такую ничтожную перемену было под силу только подсознанию, оно чувствительнее. Сам больной ничего не ощутил. Достигнув кульмиационной точки, скопления радиации дали импульс в памятный слой. Как раз на вторую ночь после приземления. С этого все и началось. Думаю, картина ясна.

— А мне вот что неясно, — поднялся Руков. — Кажется, перед нами задача вылечить человека. Как же вы предлагаете лечить почти полную потерю памяти?..

— Может быть... Мне думается, теперь дело за врачами...

— А разве медицина способна восстановить память?

— Это же своеобразный паралич! — закричал Тиверев, ассистент по управлению излучателем.

— Да мы просто не сможем заполнить пустые памятные ячейки без насилия над мозгом! — воскликнула кибернетик Шонова.

Поднялся шум. Ожесточенно жестикулируя и крича, доказывали друг другу каждый свое.

Руков пробрался к оповещающей панели. Мгновенно все смолкли.

— То-то и оно, — слова Рукова отчетливо и гулко юркнули в молчание зала. — Зачем шуметь?.. Мы ведь просто не знаем, что делать.

Он оглядел лица. Спокойные, прекрасно понимающие, что он прав.

— И вот что — есть только один выход. Единственный.

Люди выжидающие молчали. Ни шороха в пустоте.

— Уникальный аппарат выделил две сферы — сознание и подсознание. Анализируя эти подразделы, эксперты пришли к выводу, что между ними находится неконтролируемый канал связи. От информации сознания его отделяет пленка. Что же имеем?

Никто не ответил, но он и не ждал ответа.

— Вы только на минуту представьте себе человеческий мозг, ячейки памяти, где миллионы никому не известных, никем не познанных мыслей несутся со скоростями, о которых современная наука и вовсе не имеет понятия! Загадочные отсеки, где — память. Что это такое?.. Вы понимаете? Что может быть непостижимей во вселенной, чем разум! А мы уже постигаем его. И вот — канал. Незримый, недоступный человеку, но подвластный нашим приборам. Подсознание, — он взмахнул рукой, — живет! Живет! А сознание — в пучине беспамятства. И мы, когда мы поняли, когда мы осмыслили, когда мы отдавали принцип памяти, мы разорвем этот канал! Лазерный взрыв — и разум снова вспыхнет всей своей силой. Информация хлынет в памятный слой, но подсознание тоже будет жить, это же... универсально! Информация разлагается на бесчисленное множество копий, которые — уже — в наших руках! Что же имеем? — повторил он, в странном волнении оглядывая зал, словно не группе сотрудников говорил сейчас, а целому миру. — Да ведь только снять радиоактивность мозговых полушарий! А потом — та самая невидимая вспышка, которая перевернет устои природы, перевернет познания о мозге, докажет нашу силу!..

Он хотел что-то прибавить, но вдруг махнул рукой. Сказанное заняло немного времени, но Рукова страшно утомила эта

речь: ей предшествовали бессонные ночи в лаборатории, анализы, вычисления...

Он медленно опустился в кресло и закрыл глаза.

...Очнувшись, Руков осмотрелся вокруг. Пели счетчики, лениво ползли показательные кривые. Каноны закрыли сверху второй полусферой, а сотни приборов гигантскими крыльями тыкались в ее белую поверхность. «Три, пять, восемь... — твердил размеренный голос, — слышу вас. Три, пять, восемь, даю контакт... Три...» В неясном рокоте машин бесшумными гномами скользили ассистенты. В кабелях журчали потоки дезактивационной жидкости.

— Что происходит?.. — со слабым стоном выдавил Руков. — Что за подготовки?.. Без меня!..

Возле него предупредительно выросла фигура в белом.

— Все в полном порядке, — вкрадчиво и мягко прозвучал голос. — С обоих полушарий мозга больного снят радиоактивный слой, применена обычная дезактивация. Излучатель настроен и готов к прорыву памятного канала.

— Сколько прошло минут?! — всполошился Михаил Константинович. — Это невозможно! Такую сложнейшую коррекцию...

— Восемь часов! — бойкий ответ, предполагалось, должен был успокоить собеседника, но расчет не оправдался: Руков рассвирепел.

— Кто давал данные на перевод объектива? — взорвался он.

— Лаборатория Памяти-57. Не беспокойтесь, пуск состоится вот-вот...

— Какое... — Руков задохнулся от негодования.

Человек в шлеме невозмутимо отвел его за отражательные купола; помешать было поздно, но Михаил Константинович продолжал бушевать:

— Это недопустимо! Самовольство, анархия в Институте!.. Из 57-й поснимаю всех! Агашева в первую очередь!.. Хорошо, что канальный взрыв сто раз проверен, но ведь если...

Договорить он не успел. Внезапно все смолкло, и зазвенело в ушах: так бывает, когда вдруг выключат орущий во всю мощь динамик. Тишина сдавила зал. Медленно поднялась сфера, вновь обнажив нижнюю, с человеком внутри. Сердце не приятно замерло.

...Раздался резкий сухой щелчок, ярче обычного засветили прожекторы. В остальном ни малейшей перемены. Но Руков почти физически ощущал, как страшной энергии лучи пронзают застывшего космонавта.

Сигнала не было. И все же Руков мог уловить момент, когда неслышный говорок излучателя смолк.

В следующую секунду что-то неуловимое пронеслось в воздухе. Лежащий в сфере открыл глаза. По-новому, не так, как

прежде. На лице отразились попеременно все оттенки удивления. Космонавт медленно поднял руки и прижал пальцы к вискам.

Зал будто вымер. Михаил Константинович боялся шевельнуться.

Неожиданно звездный летчик качнулся и с резким выкриком спрыгнул вниз.

Ассистенты повскакали с мест.

Космонавт, раскинув руки, рухнул на пол.

...Море набегало на покатый пляж. Прозрачные волны сцеплялись и отлетали назад, сшибаясь с валунами. Сосны кренились на ветру, но им было лень оторваться от теплого песка и лететь в раскрашенное закатом небо. Было свежо и тихо. На восток под распластанными крыльями чаек торопились барашки.

Михаил Константинович со странным чувством смотрел на разбросанные цепи камней у побережья и маленькую фигурку среди них. Солнечная дорожка плясала, огибая глыбу, а тень человека стлала на нее фантастический отсвет. На том берегу ослепительно полыхал вечерний город.

— Вот и все... — со счастливой улыбкой пробормотал Руков, откидываясь на согретую спинку скамеек.

Человек запрыгал по валунам к берегу. Побежал по дюнам. Волосы его трепал бриз, щеки горели.

— А все-таки, Михаил Константинович, огромное спасибо... — проникновенно выговорил он, приблизившись к Рукову и опускаясь на жесткий ежик травы. — За всех нас спасибо... — Он вскочил, глаза сияли. — Снова подниматься в небо. Снова любить и искать. Снова покорять чужие солнца. Испытывать корабли. Видеть родину. Это удивительно — снова жить!

Он посмотрел с земли в небо. Пристально и весело. Его звали звезды, чтобы потом тоской земной швырнуть обратно и снова манить в заветные дали.

Где-то на далеком краю мира запела ракета, уносясь в неизвестность.

Он помахал ей рукой.

ЧАСЫ С БРАСЛЕТОМ

Из докладной записки директора Института физики времени:

«...В момент взрыва в мобиль-капсule находился инженер-испытатель Майстер Герман Александрович. При осмотре места взрыва обломков капсулы и тела т. Майстера Г. А. не обнаружено.»

Для расследования причин катастрофы и анализа возможных ее последствий создана Особая комиссия в составе...»

А он был жив и невредим, только сильно кружилась голова, и во рту ощущался противный вкус меди.

В оглушающей тишине капсулы отчетливо тикали наручные часы.

«Эксперимент начался в двенадцать ноль-ноль ноль две секунды тридцать шесть сотых», — вспомнил Герман и поглядел на табло.

Табло это, обычно именовавшееся в институтских разговорах «телефизором», показывало собственное время капсулы, до начала Эксперимента совпадавшее с московским, координаты капсулы во времени и ряд других необходимых данных.

Но сейчас экран табло был слеп и мертв.

В кабине горело только аварийное освещение.

«Похоже, авария, — подумал Герман. — Скверно. Для начала попробуем определиться в пространстве...»

Он поднял перископ и прижался лбом к мягкому нарамнику.

«Ага, я нахожусь в лесу. Это неплохо. Лучше, чем в болоте, в озере, в кратере вулкана. Мальчик Гера заблудился в лесу... А откуда, собственно, взялся лес? Ладно, с лесом разберусь потом, а сейчас надо сверить часы... а заодно и календарь».

— Черт бы побрал этот «телефизор»! — вслух сказал Герман. — Нашел время ломаться!

«Время... «Телевизор» сломался, а часы идут. Обычные часы в машине времени. Хорошие, между прочим, часы...»

Герман отщелкнул замки, отвалил люк, встал и огляделся. Вокруг стоял почти голый бересковый лес. Нежаркое солнце поднималось в серое небо, с которого сыпался мелкий снег. С запада глухо доносился тяжелый зловещий гул.

«Ничего не понимаю, — подумал Герман. — Ехал на двое

суток назад, а приехал на два месяца вперед. И вдобавок занесло в какую-то глухомань!»

Он зябко поежился, задернул «молнию» на куртке, натянул поглубже шлемофон и спрыгнул на землю.

Яйцевидная капсула вдавилась в лесную почву. Герман обогнулся корму и присвистнул. Вся левая часть кормы носила следы страшного электрического удара. Эмаль покрытия обгорела и во многих местах отлетела. Торчали пеньки оплавившихся антенн.

«Как молния точно ударила... Загадка за загадкой!»

Герман сокрушенно крякнул, достал измерительные приборы и инструменты, надел резиновые перчатки и полез проверять состояние блоков энергоэлементов.

Было уже совсем светло, когда, усталый, чумазый и злой, он вылез из кормового отсека и забрался в кабину. Из пристегнутого к боковине кресла планшета достал бортжурнал и записал:

«Собственное время капсулы — 12.03 московского. Прибытие капсулы в точку Х. Табло не действует, определиться не смог. Характер местности — березовый лес. Локальное время — около 7 часов, восход. Поздняя осень, приблизительно конец октября. Состояние удовлетворительное, пульс 88, легкая тошнота.

12.07. Обследовал капсулу. Сильные повреждения покрытия кормы с расплавлением трех из пяти антенн вследствие электрического удара большой силы. Причины неизвестны.

12.10 — 13.44. Проверил энергоблоки. Повреждений нет. Потенциалы блоков — в пределах нормы».

Герман закрыл журнал и задумался. Если его действительно забросило на два месяца вперед, то запас энергии мог и не обеспечить возвращения.

Из приоткрытого люка тянуло холодом. Инженер задраил люк, включил наружные микрофоны, поудобнее устроился в кресле и достал бортпак. Но закусить ему не удалось. Доносившийся с запада гул усилился, перерос в заывающее гудение. Герман открыл люк и высунулся наружу.

В просветах между вершинами черных берез видна была идущая на восток армада двухмоторных самолетов. Шли они довольно высоко, геометрически четким строем.

«Это не десант, наши Аны выглядели иначе. На что же это похоже? Определенно, я это видел. Ну да, видел — в старой фронтовой кинохронике. Но там, в небе, не кинохроника. Нежели?..»

От внезапной догадки у Германа нехорошо заныло внутри.

В небе прогудела еще группа самолетов.

Теперь инженер знал время, в котором находился.

Эти самолеты шли бомбить Москву.

О возвращении не могло быть и речи. Энергии было во много тысяч раз меньше, чем требовалось в создавшейся обстановке.

Значит, нужно было вживаться в эту эпоху. Как это делается, Герман представлял себе весьма смутно. Но он твердо знал: надо идти на восток. Там была Москва. Там можно будет найти помочь.

И еще знал Герман: даже его небольшие познания могут пригодиться нашим. Ведь ему было известно развитие событий на сорок лет вперед!

Герман вышел из кабины и снова обошел капсулу. Округлая, приземистая, покрытая эмалью цвета слоновой кости, она выглядела гигантским черепом доисторического зверя. Это была крыша, тепло, защита. Дом, наконец. Однако оставлять капсулу на виду Герман опасался.

Задача маскировки несколько облегчалась тем, что аппарат находился в довольно густом кустарнике и частично сливался со снегом. Но в капсуле не было топора, и Герману пришлось собирать по окрестностям сучья и ветки.

Он возвращался из чащи с очередной охапкой хвороста, когда до слуха его донесся треск пулеметных очередей и рев авиамоторов. Над лесом, по-видимому, шел воздушный бой. Герман постоял, прислушался и хотел было идти дальше, как вдруг далеко в лесу грохнул взрыв, через секунду-другую ударили еще один, ближе. Затрещали ломающиеся деревья.

Герман бросил хворост и побежал, споткнулся, упал и, падая, успел заметить валяющийся почти прямо на него горящий самолет. Волна горячего воздуха ударила инженера в спину. В уши ворвался оглушающий грохот взрыва.

Когда он очнулся, солнце стояло почти в зените. Гудела голова, хотелось пить. Герман протянул руку, набрал пригоршню снега, пожевал. На руке виднелся ожог. Спина при каждом движении отзывалась резкой болью. Зубы стучали от пронизывающего холода, знобило.

Герман встал на колени и огляделся.

Там, где была капсула, дымилась большая воронка. Вокруг воронки догорали кусты. Валялись обломки изуродованного металла.

«Вот и все, — с горечью подумал Герман, — вот теперь я окончательно стал Робинзоном. Ему угрожали людоеды, а мне как бы на фашистов не наткнуться. Ну что ж, вспомним десантную молодость, действия одиночного бойца на территории, занятой противником. А из оружия — только перочинный ножичек, ну и самбо, конечно. Да, ситуация... Что ж, вперед, десантник, хоть и не с неба ты свалился!»

Он отыскал на земле свой шлемофон, отряхнул его о колено, надел и пошёл на восток, превозмогая боль в спине.

Впереди что-то забелело. Герман продрался сквозь заросли и увидел зацепившийся за деревья парашют. На стропах, метрах в двух с половиной от земли, висел мертвый летчик, одетый в кожаный меховой костюм и сапоги на «молнии». Шлем с головы сорвало, светлые волосы слиплись от крови. На левом бедре висел планшет.

Герман подошел, подпрыгнул, ухватил летчика за ноги, по вис. Ветви затрещали, подались. Теперь Герман мог дотянуться до замка подвесной системы. Но замок то ли заело, то ли Герман не так за него взялся — высвобождать летчика из лямок пришлось ножом.

Парашютист мягко свалился наземь.

Из-под комбинезона виднелось серебряное шитье на воротнике серой куртки. Под узлом галстука на красно-бело-чёрной ленте топорщился разлапистый черный крест с белой окантовкой.

«Немец... Да, это настоящая война, а не маневры, не кино и не галлюцинация. Так где же я нахожусь? В этих немецких надписях черт ногу сломит! Вот Москва, «Москву». Смоленск... Можайск... Нет, не умею я читать полетные карты, к тому же трофеинные. Хотя... кажется, линия фронта проходит где-то здесь. Скорее всего я на своей территории. Только мне могут и не поверить. Примут за шпиона — и к стенке. Документов никаких, все в капсуле пропало. А даже если бы и не пропало — не для сорок первого года мои документы. И костюм не по моде. И не по сезону тоже».

Герман посмотрел на меховую одежду немца. «Противно, конечно, и на мародерство похоже... а, ладно, не пропадать же от холода!» Рассудив так, он стащил с летчика комбинезон с крыльышками на рукавах и облачился в него. Сразу стало теплее.

Потом он достал из блестящей коричневой кобуры немца длинноствольный пистолет с отогнутой назад рубчатой рукояткой. Нажал кнопку, вытянул узкую обойму, оттянул за пуговки суставчатый затвор, — из патронника вылетел желтый патрон и, крутнувшись в воздухе, шлепнулся в заснеженную траву. Некоторое время Герман щелкал разряженным пистолетом, осваивая оружие, виденное им прежде лишь в кино и в музеях. Потренировавшись, Герман подобрал патрон, вложил в обойму и вщелкнул ее в рукоять. Чуть подумал и, дернув затвором, вогнал патрон в ствол. Вложил пистолет в кобуру и перепоясался поверх комбинезона.

Теперь надо было обыскать карманы немецкого летчика. Герман с трудом преодолел брезгливость.

В голубоватой книжечке с орлом и готическими надписями на обложке замысловатым почерком были занесены сведения о владельце: Фердинанд Нитц, оберст-лейтенант, родился в Берлине в 1911 году. «Молодой, — подумал Герман, — а до каких чинов и орденов дослужился, фашист!»

Герман сложил документы и награды летчика в планшет, повесил его через плечо и продолжил свой путь на восток.

Немец, засыпаемый снегом, остался лежать на палых листьях.

Герман шел по лесу уже больше часа, — к счастью, ему удалось выйти на просеку. Потом просека кончилась, и перед инженером открылась обширная поляна, на которой стояла бревенчатая тригонометрическая вышка, а поодаль небольшой домик.

Герман двинулся к домику, но внезапно кто-то прыгнул на него сзади, обхватил накрепко, силясь повалить. Сработал рефлекс десантника — нападавший перелетел через голову Германа и покатился по земле. Герман даже не рассмотрел его. От крепкого удара по затылку в его мозгу вспыхнули черные молнии...

Глаза его были завязаны, во рту плотно сидела какая-то тряпка. Запястья и щиколотки туго стягивали веревки.

Потом он услышал разговор, русскую и украинскую речь.

— Чем ты его стукнул? Прикладом?

— Ни, товарищ лейтенант. Я його так, кулаком трошки. Вин сопротыявляся, фрицуяга.

— Кулаком... Знаю я твой кулак.

— Я аккуратненько. Та вин, бачьте, вже очухався.

— Ну-ка, вынь у него кляп.

Изо рта Германа выдернули тряпку — челюсти сразу замомило. Повязку с глаз тоже сняли, но рук и ног не развязали. Он поморгал глазами, огляделся.

Посередине низкой комнаты с бревенчатыми стенами и дощатым потолком стоял стол, на котором тускло светился керосиновый фонарь. За столом сидел сумрачный военный с красными квадратиками на воротнике. Рядом стоял огромный парень в ушастой стальной каске, с громоздким ручным пулеметом поперек груди.

Военный за столом заглянул в тетрадочку и, с трудом произнося слова на чужом языке, спросил:

— Во ист ире намэ унд форнамэ?

— Герман Майстер. И можете говорить по-русски.

— Вы знаете русский? — поднял брови военный за столом.

— Конечно, — усмехнулся Герман, — я русский. А фамилия

не немецкая, а прибалтийского происхождения. Дед мой родом из-под Риги...

— Дед из-под Риги, а внучек из Берлина? Ну, раз вы так хорошо говорите по-русски, отвечайте: зачем шли на восток? И почему в документах у вас написано, — лейтенант заглянул в книжечку с орлом на обложке, — Фердинанд...

— Лейтенант, — перебил его Герман, — произошло недоразумение. Документы, оружие и прочее я снял с убитого летчика. Километрах в пяти-шести западнее того места, где меня схватили.

— Во брешет, гад, — не выдержал пулеметчик.

— Погоди, Бондаренко, — поморщился лейтенант и продолжал, обращаясь к Герману: — Хорошо, документы, допустим, не ваши, одежда на вас чужая — кто же вы?

— Шпигун немецкий, — буркнул Бондаренко, — бильш никто!

— Мне трудно объяснить мое появление здесь, — твердо сказал Герман, — но поверьте, что я никакой не шпион, а советский гражданин, выполнял... одно секретное задание большой важности. И не в разведшколе я учился, а кончил МИФИ.

— Что еще за фи-фи? — не понял лейтенант.

— Не фи-фи, а МИФИ, Московский инженерно-физический институт... — И тут Герман осекся. Он чуть было не назвал по привычке свой факультет, забыв, что для этих людей слова, с которыми он знаком с детства, покажутся чуть ли не тарабарщиной.

— Что же замолчали? — усмехнулся лейтенант. — Не знаете, какие дальше небылицы плести?

— Нет, лейтенант, — спокойно ответил Герман. Он уже знал, как себя надо вести в создавшихся условиях. — Дело в том, что мне не только здесь у вас, но и в штабе вашей части много говорить нельзя. Мне нужно срочно добраться до Москвы. Кстати, какое сегодня число?

— Шестнадцатое октября, — недоуменно ответил лейтенант.

— Тысяча девятьсот сорок первого года? — уточнил Герман и по реакции своих визави понял, что не ошибся. — Слушайте, лейтенант, развязите меня, в конце концов! Не бойтесь, я не убегу, да и с кулаками товарища Бондаренко успел познакомиться.

— Развяжи его, Бондаренко, живой все равно не удерет.

Бондаренко нехотя разрезал финкой веревку сначала на ногах Германа, потом на руках, отошел и демонстративно клацнул затвором пулемета.

— Красноармеец Бондаренко, — сказал лейтенант, — вызовите мне политрука Михайлова. Ну, что стоите? Выполняйте приказание!

— Виноват, товарищ лейтенант, тильки...

— Ничего, — успокоил лейтенант бойца, — в случае чего... — и выразительно припечатал к столешнице отобранный у Германа немецкий пистолет.

Бондаренко неодобрительно мотнул головой и вышел за дверь. Лейтенант и Герман остались вдвоем. Лейтенант молчал, пристально разглядывал Германа, неслышно барабаня пальцами по пистолету.

Герман разминал затекшие от веревок запястья. Конечно, выглядеть в глазах этого лейтенанта немецким лазутчиком было обидно. Но обидой можно было бы пренебречь. Только сейчас Герман осознал до конца всю опасность своего положения — в немецком комбинезоне, без документов, с подозрительной фамилией...

— Скажите, лейтенант, — задал вопрос Герман, — скоро ли, по-вашему, кончится война?

— Ваши генералы рассчитывали закончить ее до зимы, — ответил лейтенант, — а вон уж снег пошел, а мы еще не побеждены.

— Только воевать еще придется долго, — заметил Герман, — года три с лишним... наверное. Трудно воевать, большой кровью.

— А ты меня, фриц, не пугай, — зло сказал лейтенант, — я пуганый. Пока от Могилева до Москвы отступал, всякого насмотрелся. Били вы нас крепко, били, да не разбили. Наш-то самосад позле вашего табачка. Понял, соловей залетный?

«Да, попробуй скажи ему, что придется до Волги отступать, — убьет ведь!» — подумал Герман и вслух сказал: — Напрасно вы так, лейтенант. Как же я могу вам что-нибудь доказать, если не имею права ничего рассказывать? Да вы бы все равно ни единому моему слову не поверили.

— Может, ты и в самом деле не немец, — пробормотал лейтенант, — но и на нашего не очень-то похож. И верить тебе я совсем не обязан.

— Мне бы до Москвы добраться поскорее. До Генштаба или до Академии наук. Там бы выяснили, кто я, на кого похож и можно ли мне верить, — проворчал раздосадованно Герман.

— Ишь, — усмехнулся лейтенант, — куда ему понадобилось!

«Академия наук... да ее, наверное, давно уж за Урал вывезли. Немцам до Москвы — час езды по Минскому шоссе. А здесь, в этой избушке, всякие разговоры и дискуссии вести бесполезно. Даже опасно. Говорить о том, что я знаю, надо в Генеральном штабе. Да, только там. А что касается Эксперимента, погибшей капсулы — этому могут не поверить и в Академии наук. Что же говорить, чтобы поверили?»

А лейтенант продолжал разглядывать пленного.

— Знаете, Майстер, — сказал он после затянувшейся на-

долго паузы, вновь переходя на «вы», — пожалуй, вы и в самом деле не цемец. Страха в вашем поведении нет, вот что. Волнуетесь вы сильно, а не боитесь. Видел я пленных, и ни один так, как вы, не держался. Но кто вы — понять не могу.

— Эх, лейтенант, лейтенант, — усмехнулся Герман, — столько со мной произошло сегодня, что с ума можно было бы сойти. Вот теперь и пытаюсь доказать, что не верблюд... У вас бинта не найдется — руку перевязать? Обожгло мне руку.

Лейтенант перебросил ему хрустящий пакетик. Герман надорвал его ниткой и стал неловко заматывать бинтом левую кисть.

— Интересные у вас часы, — заметил лейтенант. — Швейцарские?

— Нет, представьте, наши, — механически ответил Герман, но тут же, спохватившись, добавил: — Опытная партия, — а про себя подумал с тоской: «Сколько же еще так врать придется?»

— И браслетка с секретом, — продолжал лейтенант, — никак ее расстегнуть не могли, когда вас обыскивали.

Часы были обычные, серийные, только в экспортном варианте. А вот браслет был японский, и застежка открывалась действительно непросто.

— Как вас зовут, лейтенант? — спросил Герман, желая повернуть разговор в более безопасное русло.

— Георгий, — помедлив, ответил тот, — Георгий Круглов. — И поскреб подбородок, покрытый редкой юношеской щетинкой.

— Вот что, Георгий, — сказал Герман, — у вас пожевать ничего не найдется?

— Бондаренко! — позвал лейтенант, не двигаясь с места.

— Я! — просунулась в дверь голова в каске.

— Михайлова вызвал? — спросил лейтенант.

— Казалы, зараз повернется. Та все равно, з цим гадом, — он кивнул на Германа, — в особом отделе...

— Много говоришь, Бондаренко, — перебил его лейтенант. — Узнай-ка у повара, не осталось ли пшенки от завтрака.

Минут через десять Герман ковырял ложкой в котелке остывшую пшенную кашу с редкими волоконцами мяса.

Голод ему заглушить удалось. Но чувство тревоги не покидало его. Лейтенант не верил ему, и одно это обстоятельство могло поставить под удар все намерения и замыслы Германа.

— Спасибо, Георгий, — сказал Герман, очистив котелок.

— Бондаренко, — не ответив Герману, распорядился лейтенант, — отведи его в чулан и запри.

— Пийшли, — подтолкнул Германа стволом Бондаренко.

В чулане Герман обнаружил кучу старых мешков. Жестковато, пыльно, но ему было не до удобств. Он улегся на мешки и как провалился в сон: сказалась усталость.

Вскоре его разбудили. Невысокий чернявый боец тряс за плечо:

— Вставай, слушай, ехать пора!

— В особый отдел? — усмехнулся Герман.

— Вах, откуда знаешь? — удивился конвойр, видимо грузин.

— Нетрудно догадаться. Ну, давай веди меня, генацвале.

Грузин деловито уставил карабин в спину Герману, и они вышли на улицу.

Недалеко от дома стояла телега, в которую была впряженна смирная вороная лошадка. Возле телеги топтался Бондаренко и покуривал в кулак. С крылечка избы спускался, тяжело опираясь на перила, лейтенант Круглов. Левая нога его была без сапога, и через разрезанные от колена до низу брюки виднелась толстая повязка на всю голень.

«Так вот почему он сидел неподвижно: ранен!»

Следом за Кругловым из избы вышел незнакомый Герману командир с красными звездами на обоих рукавах — очевидно, тот самый политрук Михайлов, за которым посыпался Бондаренко.

Михайлов хмуро оглядел Германа и спросил:

— Почему руки у пленного не связаны?

— Протестую! — резко сказал Герман. — В плен немцев берут, а я советский гражданин. И пленным себя не считаю!

— Погоди, Михайлыч, — вмешался Круглов, — тут дело сложное. Может, он и в самом деле наш. А если что — живой от нас не уйдет.

— От тебя особенно, — криво усмехнулся Михайлов. — Смотри, на твою ответственность. А чей он там — наш или не наш, — разберутся!

Круглов о чем-то вполголоса поговорил с Михайловым, потом с его помощью влез в телегу и уселся спиной к грузину, уже сидевшему на передке с вожжами в руках. Лицом к лейтенанту посадили Германа. Сзади устроился Бондаренко с пулеметом.

Лесная дорога была вся в буграх и ямах. На каждой колдобине Герман стукался спиной о пулемет.

По обеим сторонам дороги мрачно высился седые от лишайников и паутины ели, и эта картина, угрюмая сама по себе, лишь усиливала тревожное настроение Германа.

«Причинно-следственные связи, — думал он, — железный

закон детерминизма. Человеку не дано знать свое будущее. Но законы развития общества позволяют предвидеть многое. Эти парни, что везут меня, не знают, будут ли живы завтра. Но то, что победа будет за нами, знают наверняка. Эх, с каким бы удовольствием я рассказал бы им сейчас... да о чем угодно, про освоение космоса, например. А нельзя, вот досада! Во-первых, не поверят, в лучшем случае сочтут за сказки, в худшем — за бред сумасшедшего. А во-вторых, нельзя и потому, что... м-да, нет ничего хуже — быть пророком. Ясновидящим, так сказать...»

Впереди посветлело, и дорога вырвалась из лесного полу-мрака на освещенную опушку, в дальнем конце которой виднелись дома и сараи — околица деревни. Деревня была домов в тридцать. Возле дома с железной крышей стоял мотоцикл с коляской, а неподалеку с маленького грузовика сердито смотрели в небо четыре ребристых пулеметных ствола. Около зенитной установки сидели трое в касках — расчет.

Телега прогромыхала по деревенской улице и остановилась, не доехав грузовика, у штабеля бревен, сложенных между забором и телеграфным столбом. Грузин проворно соскочил с передка и привязал лошадь к столбу. Лейтенант Круглов неловко, оберегая раненую ногу, слез с телеги и направился к дому с железной крышей.

Герман, охраняемый Бондаренко, сидел в телеге и озирался.

Внезапно раздался чей-то пронзительный крик:
— Во-о-оздух!

Герман вскинул голову: вдоль улицы низко промчались два узких самолета, оглушительно ревя моторами. Расчет бросился к своей счетверенке, стволы развернулись и послали вдогонку самолетам запоздалые трассы.

Лейтенант заковылял к бревнам, но оступился и, охнув, упал. Бондаренко спрыгнул с телеги, погрозил на бегу Герману кулаком и бросился к упавшему. Герман последовал за ним.

Самолеты ложились на обратный курс.

Лейтенант сидел на земле, держась за раненую ногу, и раскачивался от боли.

— Допомогай лейтенанту, швыдче! — заорал Бондаренко, стаскивая с шеи пулемет. Герман и грузин подхватили лейтенанта и оттащили подальше за бревна, в кювет. А Бондаренко уперся плечом в столб и ударил по самолетам длинной очередью.

Немцы поливали деревню из всех бортовых пулеметов. Лошадка, до этого лишь пугливо прижимавшая уши, вдруг за-

билась, оборвала привязь, но, не проскакав и десятка метров, упала замертво. Телега свалилась набок.

Бондаренко медленно сползл по столбу.

Герман выскочил из укрытия и подбежал к нему. Пулеметчик хрюпал, на губах его пузырилась кровь, стекала на сукно шинели. Дымящийся пулемет лежал на припорошенной снегом земле.

Герман понял, что ничем не сможет помочь Бондаренко. И тогда он поднял пулемет.

— Брось оружие! Ваффен хинлеген! Стрелять буду! — послышались сзади крики. Но Герман не обращал на них внимания: гитлеровцы шли в третью атаку.

Он побежал к телеге, перезаряжая на ходу оружие, воткнул сошки в задранное колесо и с этой импровизированной турели открыл огонь.

Когда-то гвардии сержант воздушно-десантных войск Майстер неплохо поражал низколетящие цели.

Он вел стволом впереди и выше по курсу летящего самолета, в расчете, что в какой-то точке вражеская машина наткнется на огненный пункттир.

На стремительно увеличивающемся силуэте истребителя вспыхнули огоньки — Герман не успел понять, были ли это попадания его пуль или то работали пулеметы самолета. Обжигающий удар в живот отшвырнул его от пулемета.

«Все, отвоевался, десантник... И ничего не успел сказать, не успел...»

Немецкие самолеты улетели, оставив в холодном осеннем небе расплывающуюся струю дыма.

Герман лежал навзничь. Ему не было больно: просто в животе горел огонь, от которого сохло во рту и туманилась голова.

Над Германом склонилось бледное лицо Круглова. Сквозь вату в ушах Герман услышал его голос:

— Подбил, слышишь, подбил! Да ты ранен!

— Я... не ранен. Я... убит. Лейтенант, — Герман приподнялся на локте, — запомни, — облизал сохнущие губы, — девятое мая сорок пятого...

Глаза его потухли и остановились. Левая рука, замотанная грязным, в пятнах крови, бинтом, бессильно упала. На расстегнувшемся от падения браслете прилежно тикали часы, показывая время еще не наступившей эпохи.

Лейтенант стащил с головы шапку.

Боец-грузин, стоя рядом, цокал языком.

— По своим стрелял! Ай как стрелял! Антифашист был, да?

Лейтенант протянул руку и поднял часы инженера.

— Не уберег я его. Вот, только часы от человека остались.

— Носи, товарищ лейтенант, — сказал грузин, — память!

— Память, — кивнул лейтенант.

Девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого года немецкая пуля вдребезги разнесла часы, срикошетировала и с визгом ушла в сторону. Гвардии майор Круглов отделался концузией в руку.

Случилось это в предместье Праги.

МУЖЧИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

Никогда не чувствовали они себя так странно-неуютно, как на этой планете, пробуждавшей в пришельцах неясное беспокойство.

— Надо уходить, — сказал инженер.

— Нам лучше уйти, — повторил он.

Командор поднял руку.

— Подожди...

Он отер испарину со лба, настороженно слушал тишину. Из темной безоблачной выси с легким звоном опускались на землю незнакомые листья.

— Должно быть, ошибка, — сказал командор. — Подожди...

— О чём ты говоришь?! — насмешливо воскликнул инженер. — Какая там еще ошибка...

Командор молчал. Он пытался проглотить застрявший в горле комок, смять душевную судорогу, но справиться с собою командор не сумел, и потому голос его прозвучал непривычно:

— Убежден, это ошибка. Ты понимаешь... Вспомни, как они красивы. Такие красивые...

Будто смятенные тени, на память командора наложились образы людей, какими он видел их в сумрачных подземельях. С ветки сорвался умерший лист, и шорох едва не оглушил космонавтов.

— Давай уйдем, — не унимался инженер. — Нужно ли рисковать? Ведь нас так мало, а сколько дел впереди. Поверь, у нас нет никакого права на риск.

— Они прекрасны, инженер... Ты можешь это понять?

— Не знаю... Красивы и злы... Как можно понять такое? Во Вселенной много других планет. Спокойных и нежных, как женщины. Вспомни, командор, как ласково встречали нас они... Я доверяю планетам, чем-то похожим на женщин. Эта — другая.

— Ладно, — устало проговорил командор, — мы уйдем. Но если честно, мне не хочется этого делать. Как бы тебе получше объяснить... Конечно, ты прав: эта планета непохожа на другие. Я ощущаю в ней мужское начало. А ведь у нас так

мало мужчин, пойми меня правильно, инженер... Вселенной нужны мужчины!

Командор замолчал, вздохнул.

Инженер пожал плечами. Ему нечего было возразить.

Они посадили корабль уже в сумерках. Теперь стало совсем темно. Казалось, будто планета угадала сомнения в сердцах пришельцев и сейчас норовит укрыться от их смятенных взоров.

Командор всматривался в смутные черты ночного облика планеты. Ему до боли в сердце хотелось разгадать ее тайну, разделить и радости и беды, прийти на помощь.

С легким шорохом, мелодичным звоном продолжали падать листья. Командор склонился, подобрал один, медленно поднес к лицу и... ощутил запах родных лесов и полей.

Он изумился и улыбнулся.

Теперь командор чувствовал себя счастливым. И взгляд его стал зорче, он пронизывал им темень нощи, которая не казалась больше чужой, и вот уже командор заметил огни. Далекие, далекие огни.

— Мы улетим... Ну да, мы, конечно, уйдем отсюда, — взволнованно проговорил командор. — Но прежде покончим с одним делом...

Тщетными были попытки инженера. Увлеченный принятым решением, командор не хотел и слушать его.

Но упрямства инженеру было не занимать, и он не терял надежды.

— Послушай меня наконец... Я не могу понять, почему ты решил обследовать именно то, что лежит под поверхностью планеты. Здесь так много городов, и мы легко определим уровень развития этой цивилизации.

Командор дернулся, сбился с шага, нервно рассмеялся.

— Не говори под руку, инженер, ты мешаешь мне... Скрытое под поверхностью планеты содержит не меньше данных о цивилизации, нежели ее города, вместе взятые.

Командор наклонил аппарат, чтобы заглянуть в подземную нишу, и на экране возник саркофаг, в котором лежал прекрасный юноша. Его руки, как и у других, были скрещены на груди. Грудь была пробита слева, и вокруг отверстия темнело пятно.

— Посмотри, командор, ведь его ударили в самое сердце! Не понимаю и никогда не сумею понять того варвара, зверя, что решился поднять руку на этого парня. Ему бы жить еще и жить, не менее полувека.

— Да, — сказал командор. — Страшно...

— Но если они убивают друг друга, если решились отнять жизнь у такого замечательного парня, то как можно говорить о какой-то разумности этих людей?!

— Но эти люди так прекрасны, инженер. Посмотри, сколько

благородства и доброты в этом застывшем лице. И представь его живым...

— И у того, кто убил этого юношу, могло быть прекрасное лицо. И тем не менее...

— Замолчи! — перебил командор. — Ты не прав, инженер, но я извиняю твою горячность и объясняю ее молодостью. Я много старше тебя и достаточно повидал. Тот, кто посягает на жизнь другого, не может быть красивым.

У меня есть право... — суроно произнес командор, и в голосе его зазвучал металл. — Именем нашей цивилизации я верну этим людям жизни! Верну им те полвека, которые были отняты у них...

— А если они окажутся варварами?

— Не волнуйся, мой инженер... Я верну к жизни только тех, кто чертами лица и одеяньем похож на этого юношу. Да, я верну их к жизни, ведь они так любили ее, не могли не любить... И эти люди поселятся на других планетах.

— Нет!

Неожиданный возглас ошеломил их, и они замерли. Вокруг по-прежнему опускались печальные листья, во тьме простонала странная птица, и тогда космонавты услыхали вдруг тяжелые шаги.

Отраженный свет экрана освещал высокий лоб командора. Инженер испытал неодолимое желание исчезнуть в темноте, он шевельнулся, но командор удержал его.

«Будь что будет, — попытался успокоить себя командор. — Это должно было случиться...»

Космонавты представляли здесь древнюю и мудрую цивилизацию. Миролюбивые, они давно отказались от применения силы и отправлялись исследовать чужие планеты безоружными.

Тень неизвестного приближалась, и вдруг командор понял, что видит нечто похожее на существо, поразившее их воображение. Открытие успокоило космонавтов.

Теперь это существо стояло против них, и вот оно медленно заговорило:

— Не знаю, кто вы... может быть, боги, и способны вернуть их к жизни, взять с собою в небо, к звездам. Но и самим богам не могу отдать этих мертвых. Они наши, только наши...

Напряжение постепенно спадало. К пришельцам возвращалось осознание безопасности, и теперь командор был готов ответить, и ему казалось, будто он всегда готовился к такой встрече.

— Те, кто лежит здесь, под нами, были рождены для жизни. Они принадлежат ей, а не темным и сырым могилам. Кто ты, который осмеливается удержать меня от единственно разумного поступка?

— Я простой человек...

— Тебе уже много лет?

— Много. Очень много...

— Неужели ты думаешь, что они не хотели дожить до твоих лет? — холодно спросил командор.

Старик замялся, помедлил и грустно заговорил:

— Ну да, конечно, верно... Я понимаю тебя... Но эти люди были солдатами правды и справедливости, и они пали в борьбе за свободу.

— Что ж, тем более они достойны возвращения к жизни, чтобы стать мужчинами Вселенной.

— Нет... Только не сейчас! Может быть, когда-нибудь... Пусть пройдет какое-то время. А пока — нет! Они должны остаться с нами. Ведь они живут среди нас. Понимаешь?

Командор пожал плечами.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Как можно оставить их в мрачных могилах? Как можешь ты настаивать на этом?

— Они нужны здесь для того, чтобы было кого оплакивать, — скорбно ответил старик. — Никогда мы не отдадим их вам. Здесь лежит и мой сын.

Старик замолчал. Никто не решался нарушить тишину, и горестное молчание как будто придавило всех.

— До той поры, пока на планете есть оружие, существуют страшные бомбы, они должны оставаться с нами, — с неожиданной силой вдруг произнес старик, и твердость голоса его поразила космонавтов. — Если мертвые покинут нас, то не дай бог, если кто-нибудь вдруг позабудет самую страшную войну в истории человеческого рода. И что тогда произойдет с нами со всеми?

На экране по-прежнему было изображение прекрасного юноши.

«А если это и есть его сын?» — подумал командор.

Рука его лихорадочно ощупала аппарат, и экран, вспыхнув напоследок, погас.

— Ладно, — вздохнул командор. — Наверное, ты прав...

Только теперь он заметил, как истончилась кромешная тьма, и ощущил огромную силу духа стоявшего перед ним человека.

— Надо улетать, — сказал командор, и искреннее сожаление послышалось в его голосе.

— Ты был прав, — повернулся командор к инженеру. — Надо уходить...

Плечом к плечу двинулись они к кораблю, и, когда ступили на трап, на востоке занялась заря.

— Странная цивилизация, — сказал инженер. — Мне не понять ее...

— Интересная цивилизация, — отозвался командор. — Необычная цивилизация, где мертвые продолжают сражаться.

Необычная цивилизация! И я верю в ее будущее. Мне думается, мой инженер, что многие планеты будут учиться у землян...

...Прошло немногого времени, и корабль пришельцев в пламени в клубах дыма сорвался с поверхности Земли, стремительно метнулся в небо.

И поднялось над окоемом солнце... Все ожило, и листья перестали падать.

...Потерянно брел одинокий старик. Он смотрел вперед невидящими глазами и осторожно обходил могильные холмики. Их было так много, что крайние скрывались за покатостью земли.

Человек не считал могилы, он знал каждого из погребенных здесь и в который раз обходил печальный их строй.

«Погоди... Как они называли их? — очнулся вдруг старик. — Мужчинами Вселенной? Да, да, это воистину так!»

Он глянул в небо, пытаясь отыскать усталыми глазами исчезнувший там корабль, ему хотелось снова увидеть пришельцев, хотелось сказать им: «Вы должны вернуться...»

Старик огляделся.

«Нет, не одну жизнь, которую вы им обещали... Они достойны прожить несколько жизней подряд!»

Он хотел выкрикнуть это небу.

Навстречу шли люди.

«Нехорошо нарушать тишину в таком месте», — подумал старик.

К старику подошла женщина и спросила с тревогой:

— Что это было? Мне померещились свист бомб и грохот пушек.

— Нет, нет, — светло улыбнулся старик. — Это только почутилось. Показалось...

И люди облегченно вздохнули.

Перевел с молдавского С. ГАГАРИН

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Сергей открыл глаза. На глиняном полу рядом с его рукой дрожали зеленые и желтые пятна света. В дверной проем заглядывал яркий шар. Где-то рядом стучали молоты. Сергей встал и сделал три шага к двери.

Сруб нагрет, от него тепло рукам и щеке. Длинный лист, похожий на пальмовый, покачивается от влажного ветра вместе со своей полупрозрачной тенью. Перед хижиной площадка, на другом краю которой мечется пламя в горне, звенят молоты, жарко гудят наковальня. Земля поворачивается перед глазами, как в неокончившемся сне. Справа, из-за рядов зеленых кустов, напоминающих огородные грядки, поднимается вверх огромная металлическая колонна.

В двадцати метрах от Сергея смуглые кузнецы что-то гнут, рубят, минут молотами. Кто они, эти кузнецы? Что они там гранят тяжелыми молотками, мотающимися, как маятники, в бронзовых руках? Похоже на браслеты; и еще лежат тут же несколько наконечников. Кажется, ясно. Браслеты для женщин, наконечники для копий. Итак, он подоспел к самому началу железного века. Где он? И что произошло?

Вслед за сознанием медленно возвращается память. Так вот оно что! Металлическая колонна справа — это ракета. Его ракета. Он помнит грохот и удар, разорвавший нервы и ткани тела, как ниточки. И синюю электрическую вспышку, после которой наступила темнота, сон, небытие. А ракета продолжала лететь.

Автоматы системы жизнеобеспечения заботились о нем и после аварии. Он летел, оберегаемый ими. Ракета совершила аварийную посадку. Но куда? Связь наверняка вышла из строя: ведь в момент аварии он был как раз в радиоотсеке. Значит, запросить базу нельзя.

Когда это произошло? Долго ли он был без сознания? Долго ли летел? День, два, три? А если годы?

Сергей представил себе, как ракета повисла в воздухе перед самой посадкой. Наверное, отсюда, где он сейчас стоит, она похожа на наконечник шприца, изливающий синее пламя. В эту минуту, в тот самый миг, когда ракета повисла, словно в раздумье, от нее должен был отделиться маленький белый кружок. Автоматы должны были выбросить аварийный буй с

рацией — на случай катастрофы при посадке. Буй должен быть где-то рядом, нужно найти его.

Сергей шагнул из хижины и почувствовал, как плечи сжали стальными тисками. Его схватили за руки, за одежду, за плечи. Он подумал, что, наверное, у него сломано предплечье: когда попытался вырваться, резкая боль вошла в левую руку, как нож. Он слабо вскрикнул — не от боли, от неожиданности. Его отпустили. Это был плен.

Сергей стоял перед утоптанной земляной площадкой с пылающим горном и приходил в себя. Вот и аварийная рация, он узнал ее по антенне, торчавшей как удочка или копье. Рядом — куски обшивки буя, коробки с запасными комплектами. Наверное, не так-то легко перековать их на женские браслеты.

В ажурной тени деревьев, напоминающих пальмы-асаи, играют дети. Со страхом и любопытством смотрят на него женщины. Под циновкой — мертвый юноша. Смуглые лица мужчин суровы. Чьи-то руки подталкивают Сергея к наковальне. Для них он человек, прилетевший с неба. Аварийная антенна (последняя надежда на связь с Землей) — это копье Человека, прилетевшего с неба. Потому что буй, отделившись от ракеты, стал случайной причиной гибели их одноплеменника. Теперь кое-что становится ясным: ему, по-видимому, хотят оказать небольшую услугу, поскорее отправив обратно на небо. Но тогда почему они не сделали этого раньше? Пока к нему не вернулось сознание?

Прозвучала глухая барабанная дробь. И едва смолкли последние звуки, как на пустовавшее место посреди площадки величественно поднялся некто, притягивающий взоры собравшихся. Сидя на кожаном кресле, напоминавшем огромных размеров седло, он на целых полметра возвышался над остальными. Мощное тело его олицетворяло надежность и вселяло гипнотическую уверенность в его силу; на лице застыло выражение торжества, свидетельствовавшее о преодоленных трудностях на пути в страну истины.

Кто-то показал ему пальцем на Сергея, и он важно кивнул головой. Затем ему поднесли длинную жердь с пучком тлеющей шерсти на конце, и он, встав со своего места, величественно прошелся по кругу, вращая концом палки.

— Нгомо! Нгомо! — закричала толпа, и женщины попадали на колени, чтобы до конца священнодействия возносить слова благодарности ученейшему из племени. («Очевидно, знахарь», — догадался Сергей.)

Между тем обряд прорицания и открытия истины требовал еще и каких-то неведомых Сергею действий. Нгомо укрепил жердь посреди площадки. Затем ему поднесли большую деревянную чашу, наполненную до краев темной жидкостью. Он поставил чашу у ног, потом наклонился над ней, извлеч из горла не совсем понятные звуки. Приложившись к чаше, он за-

кружился вокруг шеста, и его волосы заволокло дымком от тлеющей шерсти.

Раскачиваясь все сильнее, он постепенно приходил в экстаз, не забывая, однако, время от времени приближаться к чаше, опускаться перед ней на колени и прикладываться.

В руках у него появился амулет, напоминавший змеиную шкуру, и он размахивал им в такт движениям тела, и ритм их все убыстрялся и убыстрялся.

— Нгомо! Нгомо! — потрясая воздух, кричала толпа, инстинктивно повторяя, копируя невероятно сложные, почти немыслимые телодвижения знахаря.

Наконец его движения стали замедляться, лица смотревших на него приобрели выражение крайнего внимания и напряжения, окаменели. Вполне возможно, они ждали пророчеств и откровений, надеялись на них, стремились к ним.

Нгомо, остановившись в непосредственной близости от священной чаши, указал пальцем на Сергея, потом на небо. Его перст уткнулся почти в зенит. («Логично», — подумал Сергей. Теперь он владел собой, и истина начинала открываться во всей, казалось, полноте.)

Очевидно, устав от пророчеств и попыток проникнуть в свершившееся, Нгомо снова вспомнил о чудодейственном напитке и принял за него. Он опустился на колени и стал жадно глотать, плескаясь и булькая, разбрасывая веер брызг. Он почти захлебнулся. Жидкость потекла назад. Это, однако, не остановило Нгомо. Он неистово продолжал глотать и глотать зелье, точно повинуясь настойчивому приказу свыше.

Так продолжалось до тех пор, пока лицо духовного наставника не стало сначала светло-желтым, а затем и зеленоватым.

Однако ритуал открытия истины на этом не кончился. Вскочив на ноги, Нгомо прошелся еще несколько кругов, выдернулся из земли шест и с силой запустил его в зачарованную, притихшую толпу.

Затем последовали какие-то длинные нравоучения, понять которые, очевидно, никому не было дано. Они походили скорее уже на невыразительные, бесчувственные выкрики. А поза его как бы говорила: «Это и есть истина, и все, что есть, то и должно быть всегда здесь, на этой земле».

Приблизившись к юноше, которому он за несколько минут перед этим бросил амулет, Нгомо что-то крикнул, резко толкнул юношу, тот удалился к женщинам. А Нгомо дважды прокричал что-то неразборчивое, упал на заботливо приготовленные для него циновки и мгновенно заснул.

Бронзоволицые конвоиры молча указывают пальцем на антенну.

«Защищайся, воин, — говорят их красноречивые взгляды, — подними свое копье!»

Так вот почему его не убили там, в хижине, или еще рань-

ше. Вот почему они не тронули рацию. Здесь, на заре каменного века, убийство безоружного считается бесчестным делом!

Опустились и замерли молоты. Сорвавшийся с дерева лист медленно опускается на траву. Можно успеть убить четверых, прежде чем лист коснется земли. И добежать до ракеты. А там-то уж!.. Сергей знает: мышцы можно заставить отдать всю силу в одном коротком порыве, удары будут смертельны и быстры, как молния. Он успеет убить четверых и останется жив. Но как после этого встретят здесь тех, кто прилетит позже, следующей ракетой? И разве игры смерти, игры войны — это не запрещенные игры? Но как это разъяснить им? Как доказать, что он не воин? Нужно доказать это. И немедленно. Иначе будет поздно.

Упавший лист опустился на траву. Мгновение. И точным движением он выхватил молот у кузнеца, словно неохотно уклонившись от двух копий, брошенных в него. Молот коснулся звенящей наковальни. Еще мгновение — и он смял аварийную антенну, расплюшив в серебристую ленту последнюю надежду на связь. Он смял ее в бесформенный кусок и отшвырнул в сторону. Когда на наковальне погасли искры, Сергей выпрямился. Теперь он был безоружен. Большего он сделать бы не смог.

Ему послышался возглас на ломаном испанском или, может быть, французском. Значит, ракета повернула к Земле? Повернула — и опустила его где-нибудь в девственном лесу Южной Америки? Или Африки? Ну так какая, собственно, разница?

ОТВЕТНОЕ СЛОВО

Загадки будущего проще и куда доступней тайн прошлых веков. Чтобы разогнать очередной знак вопроса, выставляемый набегающим завтра, мы сочиняем гипотезы, обкатываем их экспериментально или на компьютерах, обламываем на противоречиях и из руин этих ошеломляюще смелых или, наоборот, пугливых, как серна, гипотез монтируем добротное здание типового караван-сарай теорий. В прохладе сего гулкого помещения разгоряченный ум исследователя отдыхает, переваривая стебли вопроса, еще вчера цветущего и волнившего, как ковыльная степь в буйном набеге весны, а ныне — как та же степь, обработанная под английский газон или, напротив, вытоптанная, будто промчались по ней бесчисленные табуны сказочных времен.

Тайны прошлого также облагаются разномастными гипотезами. Их тоже пытаются стокнуть лоб в лоб, разогнав до субсветовых скоростей силой полемических страостей, рушат и обламывают, как ядра незадачливых атомов, силком втянутых в роковое для них чрево синхрофазotronов. Но тут-то чаще всего ничего не рушится и не обламывается. Исторические гипотезы преспокойно выдерживают разгул стихии полемик, подобно древним мечетям, которым никакие баллы землетрясений ни почем. Они, эти исторические гипотезы, выходят из игры нашего всемогущего разума, в своей первозданной угловатости и удручающей несовместимости. Их не пригонишь друг к другу, из них не слепишь прочного здания теории.

Объяснение преступных или героических феноменов объявляется несостоявшимся за давностью сроков их свершения; скучная и аляповатая фактура прошлого не поддается описи своего имущества алгоритмами, сочится в дырявой ленте перфокарты двоичного исчисления, не лезет в компьютер. А бытого эксперимента тут не проведешь. Кто же на своей шкуре осмелится опробовать страсти золотого детства человечества, разыграть живые картины Древнего Рима с его обязательными проскрипциями, добровольным киданием действующих лиц на острие меча, подношением на блюде вражеской головы, участвовать в полнокровных сценах массового вырезания статистов, созвучных замашкам кривой сабли Чингисхана, Тимура и его армады?

Да, в смысле диссертабельности белые пятна глухой старины никак не могут тягаться с научными запросами, которые мы выдвигаем и щедро финансируем, мотивируя вопиющими потребностями завтрашнего дня. Приобрести автомобиль, согласитесь, несколько сложнее, чем трамвайный билет. Вот так и тут.

И все же это жестокое правило иногда повергается в прах плодотворными обстоятельствами жизни с такой убедительностью, что остается только благодарить судьбу за подобные обстоятельства, как бы они ни были трагичны в своем начальном явлении. Ярким примером тому может послужить драма, разыгравшаяся во время нашумевшего в свое время приема пришельцев с одного из альфавидных созвездий, когда общеизвестное гостеприимство Земли буквально повисло на волоске и едва не было скомпрометировано в глазах широких масс близких, а также далеких миров. Вот тут-то один из утраченных секретов ветхой старины азиатского, нужно заметить, происхождения и явился как джинн из бутылки, причем в абсолютно материальном воплощении, зафиксированный выверенными формулами органической химии, во всей красе спектра атомного и молекулярного состава. Тем самым пошатнувшаяся на несколько световых часов репутация всех нас, землян, была не только спасена, но стала еще прочнее.

* * *

Звездолет шел из самых недр Млечного Пути прямым курсом к Земле. Когда Службы Астронадзора получили устойчивое изображение этого посланца неведомых миров, когда была вычислена траектория движения звездолета, специалисты единодушно подивились наивности новоявленных пришельцев. Было ясно, что они твердо намеревались зачалить базовый корабль на околоземную орбиту, а потом на собственном челночном аппарате своим ходом опуститься в лоно Земли.

Дальние братья по разуму, по-видимому, не предполагали, что с этой цивилизацией надо вступать в прямой контакт иным способом и что на этот счет у нас давно сложились твердые установки. Другие «контакты напролом» категорически исключались правилами карантинной и других секций Астронадзора. Поэтому экипажу звездолета были посланы встречные сигналы с информацией об этих правилах, и, нужно с удовлетворением отметить, информация эта была не только понята экипажем, но и безоговорочно принята. Одновременно техническими работниками Службы Космической Тяги встречным курсом был запущен перехватчик гостиничного типа, и в намеченной точке делегация пришельцев охотно перебралась на борт перехватчика. Ясно, что микробиологическая чистка и прочие процедуры Встречного Карантина, требующие длительного времени, были реализованы по пути к Земле.

Разумеется, не была обойдена и проблема питания делегированных пришельцев — завтрак, обед и ужин готовились теперь из высококачественных продуктов, синтезированных в лучших лабораториях органической химии Пищепрома, а собственные припасы гостей опечатали, не касаясь их и взглядом, сотрудники Встречного Караантина. Пришельцы заблаговременно вживились в земные условия, учились дышать нашим воздухом, переваривать новую пищу и на подлете к планете были вполне готовы глотнуть живительного ветра океанов, лесов и полей, а также испытать все наше широкое хлебосольство за банкетным конвейером, протянувшимся от горизонта до горизонта в расчете на десятки тысяч персон, званных на праздник встречи пришельцев.

* * *

Таковы в общих чертах обстоятельства, предшествовавшие внезапному развитию тех драматических событий, что не только поставили под сомнение размах нашего хлебосольства, но на какое-то время пошатнули и сам планетарный престиж науки Земли. Впрочем, как подчеркивалось выше, не разыграйся эти события на вселенском банкете, не будь затронута часть разума всей нашей цивилизации, один из волнующих секретов седой старины так и остался бы за семью печатями, трактуемый современниками не иначе как плод досужего вымысла канувших в Лету акынов, бандуристов и шаманов-конферансье.

* * *

Город Байконур, как известно, окружен непроходимыми джунглями. Дикие первобытные леса, перевитые жилистыми рукаами лиан, грозят в один прекрасный день поглотить знаменитый научный городок, а орангутанги, шимпанзе, макаки и прочие представители веселого, могучего племени человекаобразных готовы хоть сейчас занять место высоколобого, задумчивого населения старинного космического центра. Однако стараниями небольшой команды, умело оперирующей силовыми полями, натиск живой природы сдерживается, и пространство радиусом в десять километров, считая от королевской избушки, сохраняется почти в том виде, в каком оно однажды предстало перед глазами смельчака, дерзнувшего первым из смертных протаранить дремотные сферы земного притяжения.

Солоноватый аромат исконной казахской степи причудливо перебивается здесь тяжелыми струями терпкого запаха джунглей, в этом и состоит знаменитая прелесть букета воздуха байконурской кондииции. Однако в день торжественной встречи пришельцев стоял полный штиль, и гостям не довелось вкусить этого изысканного коктейля запахов. Пахло горячей степью, но

казалось, что большего им и не надо. Ноздри пришельцев трепетно раздувались.

— Да, да,— говорили они между собой,— вот точно так же пахнет у нас на Альфе. Степью!

Разговор пришельцев был прекрасно понят всеми присутствующими: автоматика перевода работала чисто и синхронно. Действие аппаратуры вполне устроило и пришельцев. Видно было, что они не только прекрасно уяснили смысл речей, произнесенных в их адрес руководителями торжества, но и прочувствовали сам тон искреннего дружелюбия этих обращений, глубокого удивления перед отвагой и упорством пришельцев, не пожалевших времени и сил на столь длительное путешествие.

Внимательно выслушав последнее приветствие, несколько сокращенное ввиду некоторой затянутости предыдущих речей и палящего действия светила, вошедшего в самый зной, пришельцы о чем-то пошептались, и тогда один из них взял в руки председательский микрофон. Сказав всего несколько слов, он отложил его на место.

— Ответное слово, — отчетливо и внушительно начал автор переводчик, — предоставляемся э... э... э...

Автомат в эти секунды перебирал тысячи слов и синонимов, чтобы поймать идентичность, и поймать ее не мог.

— В общем, Аксакалу, — прозвучало наконец в динамиках. — Это значит — старейшему, мудрейшему, почтеннейшему...

— Опять завралась проклятая машина, — раздался довольный голос какого-то беспощадного противника технократов. — Ишь, зашипела.

Когда же Аксакал встал в рост и острым взглядом неторопливо обвел присутствующих, все поняли, что машина не налгала, просто слово ей досталось мудреное. Все увидели, что Аксакал бесконечно стар, бескрайне мудр и, несомненно, почтенен.

— Я прилетел, чтобы сказать вам: «Мир вам, дети мои!» — величественная простота первых же слов Аксакала заворожила обширнейшую аудиторию. Подчиняясь магии этих торжественных слов, все, не сговариваясь, встали, а Аксакал выдержал длинную паузу, будто дожидаясь, когда поднимутся последние. И тут колени старца подогнулись, высохшая фигура запрокинулась назад и рухнула на руки потрясенных пришельцев.

— Солнечный удар! — выкрикнул кто-то в абсолютной и страшной тишине. Но солнечный удар был здесь совершенно ни при чем.

* * *

Погруженный в анабиоз организм Аксакала тихо дремал, пока молчаливые специалисты высвечивали его волнами всех возможных наименований. Поскольку остальные пришельцы

тоже высказали склонность к обморокам и головокружениям, их также усыпили всех до одного и тоже осторожно высвечивали. Пока что было совершенно ясно, что ни условия акклиматизации, ни поле тяготения Земли, ни магнитные поля и другие факторы того же порядка не повлияли на состояние пришельцев. Экспресс-анализ между тем показал явную недостаточность в крови и клеточной ткани пострадавших следующих химических веществ: кальциевой соли, тиамина, рибофлавина, окиси никотина, биотина, окиси аскорбина. В недостаче оказались и микроэлементы — медь, кобальт, марганец, цинк, бром, йод, мышьяк, кремний, бор, ванадий, титан... И наибольшие убытки всего этого добра понес, увы, организм старейшего из старейших, Аксакала.

Честь Земли требовала возвращения утраченных в результате контакта с нами элементов их законным, временно усыпленным владельцам. Лучшие умы планеты были накоротко подключены друг к другу, чтобы экстренно разрешить эту незадачу, и научные организации, подчиненные этим умам, были запараллелены через умы шефов. Наутро ответ был таков — восстановить химические соединения и микроэлементы в прежнем качестве и количестве поможет инъекция некоего снадобья следующего состава: от 91,8 до 95,6 процента воды, 2 процента белка, от 1,8 до 2,1 процента жира, от 1,1 до 3 процентов углеводов, от 0,1 до 0,8 процента двуокиси углерода, от 0,6 до 1,1 процента молочной кислоты, от 0,5 до 2,5 процента спирта.

К вечеру подозрительное снадобье, названия которого никто не знал, было готово. Румяные медицинские сестры быстро готовили шприцы, чтобы делать инъекцию внутримышечно. Ждали какого-то еще сообщения от второго врача пришельцев, оставшегося на базовом корабле. И тут с грохотом распахнулись двери операционной. В дверях, шатаясь от усталости, с блуждающими глазами, собственной персоной стоял этот самый второй врач, его сразу опознали по фотографиям. Его руки сжимали большую бутыль, в которой пенилась белая жидкость. Он взволнованно и сбивчиво говорил, а автомат сухо и бесстрастно правил текст:

— Инъекцию отменить! Полагается пить. Как воду. Вам удалось синтезировать то, что я принес с собой, — кумыс, эликсир жизни. Но добываем мы его совсем по-другому. Подробности позже.

Перевел с казахского В. ГРИГОРЬЕВ

ТАЙНА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

[По следам сенсации]

ИЗ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

В последнее время печать и телевидение уделяют много внимания так называемому Бермудскому треугольнику, где будто бы таинственно исчезают суда и самолеты. Трагедии приписывают действие некой непознанной силе. Иногда с борта будто бы бесследно исчезает вся команда, после чего безлюдный корабль одиноко носится по волнам. По-видимому, американец Сандерсон первый разделил всю поверхность земного шара на треугольники и объявил определенные из них таинственными. Он же привел «факты», когда, по крайней мере в Бермудском треугольнике, самолеты на некоторое время покидали наше пространство и время, а потом благополучно возвращались. Это происходило совершенно незаметно для экипажей, для наземных же служб самолеты исчезали в «никуда», а потом появлялись вновь. Бортовые часы потом оказывались отставшими по отношению к земным как раз на время, в течение которого самолет находился в небытии. Выдвигаются различные гипотезы.

ТЕЛЕГРАММА-«МОЛНИЯ»

в академию географических наук срочно прошу застолбить за мной приоритет первооткрывателя сухопутного бермудского треугольника территории нашего района подробности заказным письмом долгов альфред игоревич

ПИСЬМО

Уважаемые товарищи академики! Пишет Вам автор телеграммы о первооткрытии мной загадочного явления — сухопутный Бермудский треугольник. Сообщаю координаты и параметры. К сожалению, у этого треугольника мне удалось измерить только одну координату — широту, которая примерно 10—12 километров, а насколько он тянется в долготу, пока неизвестно. Однако это легко будет установить, если Вы подкинете члена-корреспондента с новейшими измерительными приборами. Примерный параметр этого треугольника расположен между нашим райцентром и деревней Макулевкой на шоссе. На данном отрезке обнаружена таинственная и бесследная пропажа двух автомашин ЗИЛ с прицепами и народом, коман-

дированным для оказания помощи свеклоробам на уборке моркови. Согласно наведенным справкам из райцентра они выбыли в 7.00, но в Макулевку не прибывали. Других населенных пунктов там нет, свернуть некуда, поверхность земли равнинная, без природных катализмов: рек, оврагов, пропастей и т. д. По сведениям ГАИ, выдающихся автокатастроф за этот период не наблюдалось. На другой день послан был на розыск тов. Гетманец, который тоже исчез безвозвратно. По его следу направлена тов. Панюкова с тем же плачевным результатом.

В чем суть подобного явления, Вы сможете понять из прилагаемой газетной вырезки, поясняющей вопрос о Бермудском треугольнике.

С дружеским приветом
Долков Альфред Игоревич

P. S. Еще могу дать ряд дальних советов по сшибанию «летающих тарелок», по ловле «снежного человека» и Несси. Для последней мной изобретена снасть, основанная на рыболовецком принципе «перемет». Знаю, как расправить Пизансскую башню путем насадки на мет. штырь.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Здравствуй Верочка с приветом к тебе Альфред. Решил черкнуть пару слов, чтоб поздравить с законным браком и заодно сообщить, что я здесь тоже не лаптем щи хлебаю, а совместно с академией нахожусь сейчас на пороге величайшего научного открытия века, какого — пока секрет, а вот как защитю диссертацию да прикачу в наши места на своем личном «Жигули», ты горячо пожалеешь о неудачно сделанном выборе пресловутого Валеры, и тогда увидишь, который из нас все-таки лучше.

ТЕЛЕГРАММА-«МОЛНИЯ».

в академию географических наук высылку члена-корреспондента район сухопутного бермудского треугольника прошу срочно отменить тчк пропавшие машины включая розыскника гетманца найдены близ нового автокемпинга где для плана торгуют разлив местным напитком особой дешевизны крепости народное название гамыра тчк все живы несмотря дружескую обоюдную потасовку техника не пострадала долков

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

§ 3. Калькулятора Долкова А. И. за систематическое неисполнение служебных обязанностей, безобразное поведение в автокемпинге «Изба Ермака» и рассылку за государственный счет личных телеграмм уволить по собственному желанию.

КАК СДЕЛАТЬ ИФ ФИЛЬМ!

1. НАЗВАНИЕ

Если театр начинается с вешалки, то кино начинается с рекламы. Поэтому фильм должен называться загадочно и за-влекательно. Например: «Я не был спутником астероида 457/022-бис на созвездии Лебедя» или «В клешнях Крабовидной туманности». Главное — заставить зрителя купить билет и заманить его в зал. Остальное — дело техники и пиротехники.

2. ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ

Для героев научно-фантастического фильма характерны: отрешенный взор, устремленный в бездны бесконечности, несгибаемая воля, квадратный подбородок, посеребренные виски, железобетонный темперамент и знания в объеме пятидесяти томов Большой Советской Энциклопедии (второе издание) плюс дополнительный 51-й том. Как командир космического корабля, так и все члены экипажа обладают универсальной эрудицией в области кибернетики, радиоэлектроники, общей теории относительности и частной теории межгалактических полетов.

Улыбки, а тем более смех неуместны. В крайнем случае допускается скромная мужская усмешка в момент столкновения ракеты с метеоритом.

3. РЕКВИЗИТ И ШУМОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Герои фильма носят лаковые, кожаные и замшевые курточки всех цветов солнечного спектра, элегантные нейлоновые скафандря инфракрасных и ультрафиолетовых тонов, дедероновые купальники на «молниях» и поролоновые трусики на транзисторах. Весь этот новенький, с иголочки, гардероб героев фильма меняют на протяжении ленты до десяти раз каждый, наглядно демонстрируя комфортабельность космических путешествий и неистощимость фантазии портновской мастерской.

В фильме также необходимы: ионные дозаторы, фотонные стабилизаторы, Альфа Центавра и Эпсилон Эридана, радиоприемники в клипсах, стереотелевизоры в зубных коронках и магнитная запись голоса перуанской певицы Имы Сумак в его крайних нижних и верхних регистрах.

4. КОСМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

На чужих планетах герои фильма сражаются в основном со стихийными силами природы, аберрацией и гравитацией, а также с низшими примитивными формами растительной и животной жизни.

Появление на экране цивилизованных братьев по разуму нежелательно. В виде исключения можно намекнуть, что автоты положительно отвечают на вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?». Однако марсиане должны появляться в кадре лишь в виде собственного отражения в луже воды и только после отлета космонавтов, дабы избежать ненужных контактов с землянами и осложнений при обсуждении фильма на худсовете.

5. ДИАЛОГИ

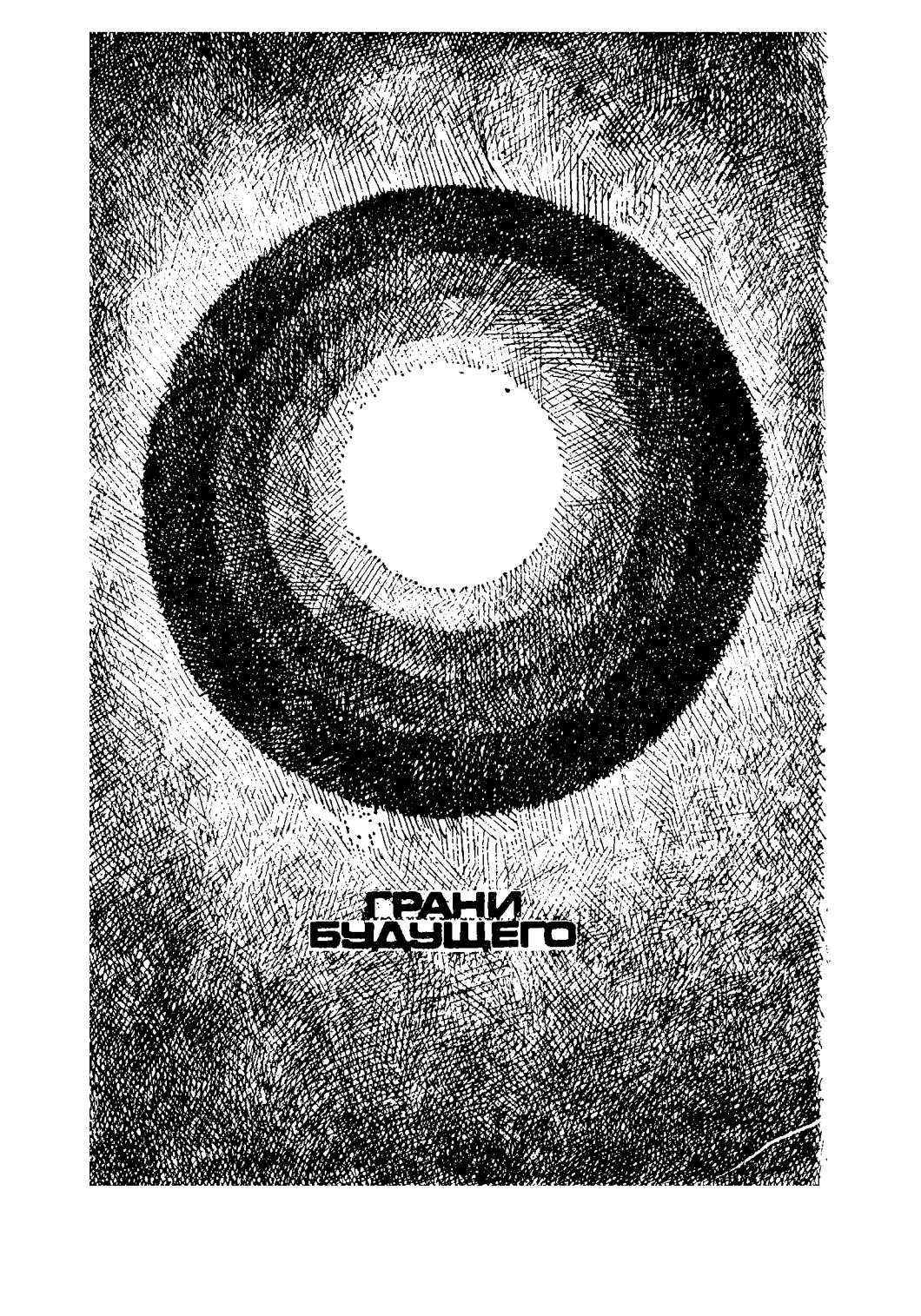
На протяжении фильма, как в спокойные часы полета, так и в минуты смертельной опасности, герои непрерывно беседуют, излагая свои мысли и переживания ясным, образным и поэтическим языком. Например:

Андрей, командир корабля (нежно): «Ты не учишь, Наташенька, что сугестивная энтропийность лямбда-члена в системах с экспоненциальным временем имманентно тяготеет к вероятному уклонению стохастических величин... (Ласково гладит ее по гермошлему.) Вспомни теорему Якова Бернулли! И на Марсе будут яблони цвести!»

Наташа, радиоастроном (обнимает Андрея): «Но, Андрюшенька... ведь одиночная функция Хевисайда в криволинейных координатах дискретного пространства не может зависеть от потенциально безвихревого поля... О Андрей! (Оправляет скрафандер.) Неужели интеграл Пуассона спитимален для фазового состояния гомеостата? Нет, никогда! Мы возьмем с собой в космос ветку сирени!» (Затемнение.)

6. ЦВЕТОВАЯ ГАММА

Так как научно-фантастический фильм делается только в цвете, то в его красочную палитру входят как обязательные атрибуты: серебристое тело ракеты, желтое солнце, голубые герсины, беззвездное небо (черное) и тоска (зеленая).

ГРАНИ
БУДУЩЕГО

СТРАТЕГИЯ ПОИСКА

(К 70-летию со дня рождения И. А. Ефремова)

В апреле этого года Ивану Антоновичу Ефремову исполнилось бы 70 лет... Он рано ушел из жизни. Огорчительно рано, потому что до последних дней своих был полон деятельного жизнелюбия, высоких человеческих страстей, научных идей и художнических замыслов, этот крупнейший писатель-фантаст нашего времени, гуманист, ученый, романтик.

Сделал и создал он много — хватило бы на десятерых, объем его наследия изумляет. Ученый мир почитает Ивана Антоновича как основателя новой научной дисциплины — тафономии; мы, литераторы-фантасты, чтим его как основоположника современной советской фантастики, новых направлений развития научно-технического жанра.

Мне, к сожалению, не довелось видеть Ефремова лично, беседовать с ним непосредственно, хотя между нами существовала недолгая эпистолярная связь (слишком поздно она возникла!). Но всю мою сознательную жизнь я нахожусь под впечатлением его литературного таланта и человеческого обаяния. Иван Антонович принадлежит к плеяде тех счастливых писателей, чей характер непременно угадывается в поэтике их произведений.

Писатель умел оригинально мыслить, был способен отдаваться творчеству страстно и полностью, без остатка, владел талантом вкладывать в рукописные строки краски блистательной радуги собственного мироощущения. Ему было что вкладывать, и он это делал с упоительной щедростью, — одаряя других, сам испытывал высшее наслаждение. Его произведения — совершенно ясный и всем понятный автопортрет его духовной сущности, написанный во весь рост.

Видимо, я не скажу ничего нового, если отмечу, что жанр научной фантастики в той или иной стране тем популярнее, чем развитее страна в экономическом отношении. Думаю, это стало уже аксиомой, и думаю, объяснение этой прямо пропорциональной взаимосвязи лежит на поверхности. Люди, которые собственным умом и собственными руками создают и раздувают сслепительный, жарко пылающий горн научно-технической революции, не могут не испытывать острейшего интереса к социально-нравственным последствиям дела разума и рук своих.

Ни один другой литературный жанр, кроме научной фантастики, практически не в состоянии предложить читателю зримый, конкретно-художественный образ Грядущего, каждодневно — да что там! — ежечасно, ежеминутно врастающего своими «аэро-железобетонно-химическими и биопластмассово-электронно-стальными корнями в день сегодняшний. И уж подавно ни один литературный жанр не владеет методами «ускоренной подготовки» психики людей. Имеются в виду особые методы эстетического воздействия, которые призваны помочь человеческой психике приспособливаться к новым и порой весьма неожиданным ритмам учащенного пульса эпохи НТР. О том, что такого рода приспособительные реакции мозга необходимо культивировать, говорят факты недавнего прошлого и настоящего, факты иногда смешные, забавные, а по большей части просто зловещие. Вспомнить хотя бы панику, охватывавшую первых посетителей кинематографа, когда на белом куске полотна возникало движение поезда; или вопли ужаса, негодования, летевшие вместе с булыжниками в окна первых автомобилей. Вспомнить более сложные ощущения современных людей, испытавших, к примеру, едва ли не шок, когда вдруг (казалось бы, ни с того ни с сего!) в привычную схему отношений человека с природой буквально вонзилось обоядоостре лезвие глобальной проблемы кризисного состояния окружающей среды. Проблемы опаснейшей, трудноразрешимой, баснословно дорогостоящей. Угроза внезапного перевоплощения веками незыблемой формулы «природа плюс человек» в формулу «человек минус природа» произвела на людей впечатление, сравнимое по силе воздействия с взрывом первой атомной бомбы. Природа предъявила людям счет, и неожиданно выяснилось, что далеко не каждое социально-экономическое подразделение человечества готово этот счет оплатить.

Увы, жизнь заставила плачетарный вид гомо сапиенса проверить свою готовность ко многому. И сегодня он озабочен не только производством необходимого ему продукта, но и глобальными результатами собственной деятельности, поскольку при столкновении с ними он часто — слишком часто! — бывает ошеломлен и растерян. Ему, к примеру, не очень понятно, как совладать с энергетическим кризисом, с кризисом промышленного и бытового водоснабжения, с кризисом сверхгородов, как обуздать информационный, инфляционный и демографический «взрывы». Он толком не знает, как упорядочить, привести в соответствие с запросами времени систему воспитания, образования, чем заделать опасные трещины в традиционных устоях семейного очага, как и чем накормить миллиарды растущего как на дрожжах населения; он трудно и сложно ищет пути к всеобщему разоружению. Другими словами, бурная эпоха НТР одновременно с произведенными ею чудесами науки и техники предложила людям в срочном порядке решить массу

неизмеримо тяжелых, головоломных проблем. И взбудораженные народы земного шара начинают все более энергично осознавать, что добиться решений современных проблем повышенной сложности можно лишь на основе социалистического переустройства общественных отношений — и никак иначе.

Фигурально выражаясь, на нашей планете уже существуют и действуют два прежде неизвестных человечеству банка: «Банк глобальных проблем Настоящего» и «Банк глобальных проблем обозримого Будущего». Право, об этом стоит упомянуть, поскольку именно при участии этих так называемых «банков» происходят обмены фантастикой. О масштабах «оперативно-обменной» связи Ефремова с многогранным комплексом мировых проблем (частью достаточно ясно обнаженных потребностями нашего времени, а частью сокрытых в глубоком тумане Грядущего) можно судить по неувядаемой популярности его творчества у читателей всех континентов.

Определяя роль научно-фантастической литературы в деле формирования мировоззренческих принципов современного человека, Ефремов с присущей ему дальновидностью был склонен усматривать в радужном спектре научной фантастики отчетливо-яркие линии «новой натурфилософии». Способность этого жанра литературы выдавать множество ценных идей по вопросам частных отраслей знаний была известна давно. А вот способность научной фантастики истолковывать мироздание на равных правах с философией, социологией, футурологией была замечена Ефремовым одним из первых, кто вообще давал себе труд попытаться осмыслить вектор научной мечты. Но при этом знаменитый писатель-фантаст не уставал повторять: «Претендую на роль натурфилософии, фантастика должна отвечать обязательному требованию: быть умной. Быть умной, а не мечтаться в поисках каких-то необыкновенных сюжетных поворотов, беспочвенных выдумок, сугубо формальных ухищрений...» (Цитата, приведенная здесь, взята из опубликованного в сборнике «Фантастика 69—70» интервью с писателем, записанного Ю. Медведевым.) Это убеждение большого художника подкреплено практическими результатами его творчества, преисполненного достоинств высокого ума.

Ефремов, бесспорно, один из самых выдающихся художников — исследователей научно-технических и нравственно-социальных аспектов ожидаемой будущности нашей цивилизации. В литературном потоке современной фантастики трудно выделить имена авторов, книги которых давали бы читателям примерно столько же мыслительных витаминов, сколько дают книги Ефремова. Разве что имена фантастов и очень оригинальных футурологов Станислава Лема (Польша) и Артура Кларка (Шри Ланка). Однако не следует упускать из виду, что

научно-художественные изыскания Ефремова гораздо шире по историческому диапазону. Проводя мысленно-визуальный, если можно так выразиться, поиск за пределами знаний, а тем более — за пределами человеческих представлений о собственном будущем, он уделяет много внимания анализу пути развития земного человечества, начиная от древних цивилизаций. И это не случайно. Великолепно натренированная интуиция Ефремова-ученого подсказывала Ефремову-литератору, что наиболее успешно моделировать панораму нравственных отношений, спроектированных в коммунистическое будущее, можно, лишь опираясь на опыт прошлого и настоящего.

В этой связи и последовательность работы писателя над главными по значению в его творчестве произведениями, и лейт-мотивы смысловой нагрузки этих произведений ясно указывают на общественно-этический, историко-социальный характер художественного поиска. Широкую литературную известность принесла Ефремову его историко-фантастическая дилогия «Великая Дуга». С выходом в свет научно-фантастического романа «Туманность Андромеды», впервые опубликованного в журнале «Техника — молодежи», творчество писателя обретает широкое признание. Этот роман — первый, по существу, удачно реализованный замысел создания средствами научной фантастики почти всеобъемлющей картины коммунистического будущего Земли. За сравнительно недолгую историю научной фантастики появилось и разошлось по свету множество талантливо написанных романов-предупреждений; осторожно трогая струны чисто внешней, звуковой аналогии терминов, хочется назвать «Туманность Андромеды» романом-убеждением. Настолько мощно, осязаемо проходит через весь роман мысль Ефремова о том, что гармоничное развитие человечества в направлении физиологического и нравственного совершенства возможно во всей своей полноте лишь на основе высшей социальной организации мирового общества, то есть на основе идеалов всемирного коммунизма.

Следующий этап работы писателя — фантастико-приключенческий роман «Лезвие бритвы». Вот что пишет сам Ефремов в предисловии к роману: «Цель романа — показать особенное значение познания психологической сущности человека в настоящее время для подготовки научной базы воспитания людей коммунистического общества». Об особенностях ефремовского метода художественных исканий яснее не скажешь. Можно только добавить: в своем творчестве писатель опирается прежде всего на результаты глубокого зондирования пластов человеческого бытия как прошлого времени, так и времени настоящего. Осмыслиенные и обобщенные результаты он концентрирует в научно-фантастических произведениях, затем опять-таки ищет новый подход к вопросу о преемственности последователь-

ных этапов развития цивилизации. И в том, что вслед за социально-фантастическим романом появляется роман исторический «Таис Афинская», явственно ощущается закономерность. Чем же заинтересовало Ефремова время Александра Македонского? В предисловии к роману автор дает пояснение: «Меня интересовало его время как переломный момент истории, переход от национализма V—IV веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, к первым проявлениям общечеловеческой морали...» Вот ведь в чем дело. Разными путями этот талантливейший писатель-фантаст стремится подойти к самым истокам общечеловеческой морали, зародившейся в глубинах Прошлого. Потому что отчетливо сознавал: предугадывать форму пока еще очень загадочных общественно-этических ветвей быстрорастущего древа человеческого прогресса невозможно без глубокого знания почвы, где идут процессы развития его корневой системы. И в этом плане (как, впрочем, и в плане литературных достоинств) последний роман Ефремова «Таис Афинская», бесспорно, представляет собой лучшее из исторических произведений писателя.

Размышляя над цикличностью художественных поисков Ефремова, невольно приходишь к выводу, что если бы жизнь писателя продолжалась, то после выхода в свет исторического романа «Таис Афинская» можно было бы ожидать появления нового научно-фантастического произведения. Подобно тому как после дилогии «Великая Дуга» появился роман «Туманность Андромеды». В упомянутом здесь интервью писатель, в частности, поделился мечтой, которую вряд ли следует отдельять от его творческих намерений: «Едва постигнув мыслью туманность Андромеды, я невольно стремлюсь дальше, уже мне хочется объять Галактику...» Принимая эти слова создателя широкоплановых полотен о грядущих веках как программу его дальнейшей работы, задаешься вопросом: не был ли последний исторический роман Ефремова своеобразной увертюрой перед замыслом (увы, нереализованным) написать еще одно научно-фантастическое произведение, скажем, об увлекательном путешествии землян в сверхдальние просторы звездного океана и, конечно, о не менее увлекательных особенностях духовного мира людей далекого будущего?..

Именно в силу повышенного интереса к историческим процессам формирования сущности человека и общества в целом творчество Ефремова приобретает общечеловеческий характер и объективно служит великому делу мировой пропаганды идей научного коммунизма. Ибо в сфере литературного творчества существует совершенно четкая закономерность: чем увереннее писатель подходит к осмыслению нравственного, общественного-этического механизма через глубокое и всестороннее знание

предмета своего художественного поиска, то есть, другими словами, через науку, тем в большей степени идеино-стратегическое направление его исканий совпадает с генеральной линией научно-коммунистического мировоззрения, а в результате тем большей достоверностью начинают дышать его произведения. Правильный выбор стратегии художественного поиска особенно важен для писателя, работающего в жанре научной фантастики. Именно в этом причины удивительной достоверности научно-фантастической мечты одного из самых популярных писателей-фантастов нашего времени, Ивана Антоновича Ефремова.

ИВАН ЕФРЕМОВ: «ХОРОШЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ МНОГО...»

Ивана Антоновича Ефремова — ученого и писателя всегда отличали страсть к научному поиску, вера в человека и его возможности преобразовать мир на высоких гуманистических началах, неудержимый, можно сказать, «звездный» полет мечты и фантазии. Об этом свидетельствует и одно из последних интервью И. А. Ефремова, которое писатель дал в конце 1970 года московскому журналисту из газеты «Гудок» **Вадиму Гитковичу**.

— *Как Вы стали фантастом?*

— Видите ли, для меня это слово является не совсем точным определением. Я скорее фантазер. Фантаст — это уже нечто специфическое. Вроде бы человек сидит и специально фантазирует на заданную ему тему. А я просто с детства придумывал самые различные изобретения. То же самое и в науке. Тут я тоже касался самых неизведанных тем, самых неразработанных отделов — и в геологии, и в палеонтологии.

— *В рассказе «Алмазная труба» Вы предвосхитили открытие алмазов в Якутии. Что Вам помогло сделать это?*

— Помогло то, что я геолог, много лет проработавший в Сибири, стерший вместе с товарищами немало «белых пятен», существовавших еще в те времена на сибирской карте. Но я не совершил никакого особого пророчества. Просто перенес в настящее то, что принадлежало еще будущему, еще должно было быть открыто, но в чем не сомневался, так как считал, что геологические структуры Сибири и Южной Африки схожи.

Вообще предвосхищений у меня оказалось несколько. Еще будучи совсем молодым ученым, я поставил вопрос о необходимости исследования дна океанов. Написал об этом статью и послал в «Геологишерундшау». В то время это был солидный научный журнал. И через некоторое время получил ответ, подписанный известным тогда специалистом по морской геологии Отто Пратье. Он писал, что «статья господина Ефремова абсолютно фантастична. Никаких минералов со дна добыть нельзя. Дно океана не имеет рельефа. Оно абсолютно плоское и покрыто толстым слоем осадков». Так меня, мальчишку, он «уничтожил». Статья не была опубликована. А теперь мы знаем, что на дне есть и хребты, и ущелья, и открытые выходы пород.

Точно так же получилось с «Тенью минувшего». В «Литера-

турной газете» профессор Денисюк, изобретатель голограммии, сам признал, что заняться поисками его натолкнул мой рассказ, опубликованный в 1944 году. В нем, кстати, я писал, что все затруднение — в отсутствии сильного источника света. С изобретением лазеров и мазеров такой источник появился!

В рассказе «Озеро Горных Духов» я говорил о ртутном озере на Алтае. Сейчас ртуть там нашли. Может, со временем и еще какие-нибудь «предсказания» сбудутся?

И это совсем не в силу какого-то моего пророческого дара. Просто, когда вы являетесь ученым довольно широкого плана, то впитываете все, что «носится в воздухе». А потом, обладая некоторой долей фантазии, это довольно нетрудно представить в уже «реальном» виде.

Вот почему я считаю, что фантазия — чрезвычайно ценная вещь. И тут я опять-таки не делаю никакого открытия, а следую мысли Владимира Ильича Ленина, который прямо указывал, что «фантазия — есть качество величайшей ценности».

Мы часто повторяем эти слова, но не очень вдумываемся в них. А ведь если такой удивительно прозорливый человек, как Ленин, подчеркивает, что — «величайшая ценность», так это неспроста. И действительно: если бы не было фантазии, то и вообще бы наука и философия стояли на месте.

По-моему, фантазия — это вал, поднявшись на который можно видеть значительно дальше, пусть порой еще в неясных контурах.

Помните стихи Фета:

Одной волной подняться в жизнь иную,
Почуять ветр с цветущих берегов...

Что в общем-то фантасты и делают:

— Большинство зарубежных фантастов рисует встречу землян с другими цивилизациями в мрачных красках. В Ваших же произведениях, наоборот, преобладает оптимизм. На чем он основан?

— Основан прежде всего на глубочайшей вере, что никакое другое общество, кроме коммунистического, не может объединить всю планету и сбалансировать человеческие отношения. Поэтому для меня вопрос стоит так: либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо вообще не будет никакого, а будут пыль и песок на мертвой планете. Это первое.

А второе заключается в том, что человек по своей природе не плох, как считают иные зарубежные фантасты, а хорош. За свою историю он уже преодолел в себе многие недостатки, научился подавлять эгоистические инстинкты и выработал в себе чувство взаимопомощи, коллективного труда и еще — великое чувство любви...

Вот это и дает мне право считать, что хорошего в человеке много, и при соответствующем социальном воспитании он очень

легко приобретает ту дисциплину и ту преданность общему делу, ту заботу о товарище, о другом человеке, которая необходима для устройства коммунистического общества.

— *Вас как геолога должны особенно интересовать образцы породы, доставленные «Луной-16». О чём можно судить по таким образцам? Что могут рассказать керны с Марса и других планет?*

— Когда вы попадаете в совсем неизведанную область и перед вами вдали высится хребет, вы думаете, что, добравшись до него, с первым же ударом молотка откроете нечто совершенно новое. На самом деле почти никогда так не бывает. Вам придется следить за подробностями геологического строения, собирать образцы из разных мест, и только тогда постепенно вырисовывается картина.

Так и тут. Придется доставлять образцы с разных мест Луны, может быть, сотни образцов. Все они будут один другому противоречить, не будут сходиться данные, ученые будут спорить. И только после серьезных изучений картина станет ясна.

Хотя, конечно, повторяю и подчеркиваю, каждый первый кусочек, доставленный с другой планеты, конечно, представляет колossalный интерес, и всегда мы будем ожидать чего-то совершенно нового!

— *Каким представляется Вам земной транспорт через 100—200 лет?*

— Тут у меня большие расхождения с моими советскими и зарубежными коллегами-фантастами. Я считаю, что скорость наземного транспорта не должна очень сильно возрастать — для массовых передвижений такая не нужна.

В исключительных случаях, для выяснения срочных вопросов, для медицинской помощи и тому подобного должен, конечно, существовать сверхбыстрый транспорт, скажем, ракеты. В остальном же он должен быть экономичным. Скорость поезда в 200 километров в час мне кажется вполне достаточной, лишь бы этот поезд мог сразу доставить необходимое количество груза и пассажиров.

Поэтому прогресс не столько в скорости, сколько в грузоподъемности, в ширине колеи. Мне представляется широкое рельсовое полотно, метров шесть, десять даже. Каждый вагон будет равняться среднему кораблю. Кроме того, значительно количество транспорта, особенно в городах, должно уйти под землю. Ведь в дальнейшем техника снабдит нас механизмами, быстро роющими тоннели.

— *Давайте уточним. Все, что Вы сказали, в основном относится к грузовым поездам. Ну а пассажирские будут существовать через сто лет или будет уже что-то совершенно новое?*

— Обязательно будут, со скоростью в 200—300 километров в час. Кому нужно быстрее, сядет в ракету или в самолет. Во-

обще, знаете, вспоминаю, когда, выбравшись из тайги, умывшись, упаковав и сдав в багаж вещи, наконец садишься в поезд, где мягкие диваны, тепло, светло... Это такое блаженство, что готов и десять суток ехать. Короче говоря, я за «медленный» земной транспорт, который дает возможность не только переехать из одного места в другое, но и по дороге насладиться созерцанием прелестей Земли.

— *А теперь, Иван Антонович, два последних традиционных вопроса. Первый — Ваше увлечение в свободное время?*

— Дело в том, что у меня нет свободного времени.

— *Над чем Вы сейчас работаете?*

— Я почти закончил историческую повесть из времен Александра Македонского.

— *Как называется повесть?*

— Название пока условное — «Легенда о Таис».

КЛИМАТ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Ответы на этот вопрос очень разноречивы. Некоторые учёные считают, что нашу планету ожидает новое оледенение, другие, наоборот, говорят о волне потепления. Цифры свидетельствуют, что начиная с 40-х годов средняя температура на обширных пространствах Северной Америки, Европы и Азии неуклонно понижается. С каждым десятилетием становится холоднее примерно на одну десятую градуса. Это в среднем. На Крайнем Севере похолодание выражено еще сильнее. В последние годы многие пернатые обитатели Арктики предпочтуют гнездиться южнее, чем раньше, а леса медленно, но неуклонно отступают под написком тундры. Таковы факты. Что же ожидает Землю в будущем?

Если анализировать данные, относящиеся лишь к последним десятилетиям, то вывод об очередном ледниковом периоде кажется неизбежным. Нам не потребуется сказочная «машина времени», чтобы ознакомиться с тем, как обстояло дело еще раньше — с начала нашего века до 40-х годов. Ведь хорошо известно, что это было многообещающее время потепления, особенно заметного в приполярных районах. К середине 20-х годов средняя температура зимы была выше, чем в конце прошлого века: у берегов Шпицбергена — на шесть градусов, в районе Новой Земли — на три-четыре градуса, в центральных районах Гренландии — на пять градусов.

В последующие пятнадцать лет «климатические рекорды» были оставлены далеко позади: в отдельных районах Арктики стало теплее на добрый десяток градусов. Масса дрейфующих льдов в Северном Ледовитом океане за четыре десятилетия уменьшилась примерно вдвое. В конце прошлого века норвежский «Фрам» был впаян во льды до 3,6 метра толщиной; наш ледокол «Георгий Седов» в 1938—1940 годах дрейфовал севернее «Фрама», но уже среди двухметровых льдов. Период навигации удлинился на некоторых участках водных путей в полтора-два раза.

Чткто отреагировали на приток тепла растительность и животный мир. В то время леса наступали на тундру со скоростью до нескольких сотен метров в год. Впервые стала гнездиться на Новой Земле большая морская чайка. Белая куропатка,

свиязь, бекас, варакушка, чечетка, вьюрок и другие птицы про-
двинулись на 100—200 километров в сторону полюса, а неко-
торые четвероногие, например заяц и хорек, местами на
500—700 километров. В 40-х годах тропические летучие рыбы
впервые наблюдались у берегов Сахалина. В Канаде граница
земледелия отодвинулась к северу на 100—200 километров.
Повсеместно отступали ледники, в горах поднялась снеговая
линия (например, в Перу на 900 километров), зима стала зна-
чительно мягче, а лето во многих местах влажнее за счет осво-
бождения от ледового панциря океанских пространств и более
интенсивного испарения. В целом на планете климат стал ров-
нее, несколько сгладились температурные перепады между зи-
мой и летом, югом и севером (в некоторых жарких районах
даже немного похолодало).

Такова общая картина изменения климата в первой полу-
вине нашего столетия. Именно тогда возникло предположение,
что Арктический бассейн должен освободиться в конце концов
ото льдов (в летнее время, конечно; зимой льды снова появля-
лись бы). Свободная водная поверхность поглощала бы за дол-
гий полярный день больше тепла — ведь ледовое зеркало отра-
жает лучи. Это, в свою очередь, надолго, если не навсегда, ко-
ренным образом изменило бы соотношение тепла и холода,
следовательно, и климат нашей планеты. Таяние плавучих
льдов совсем ненамного повысило бы уровень Мирового океа-
на — всего на несколько сантиметров. Вот если бы растаяли
ледовые щиты Антарктиды и Гренландии, моря вышли бы из
берегов, но над ледовыми глыбами этих двух гигантских остро-
вов господствует такой холод, что любое мыслимое потепление
им пока не угрожает.

Так могло случиться... Но пришли холодные зимы 40-х го-
дов, и с тех пор кривая среднегодовых температур ползет вниз.
Самые скептические пророчества пришли на смену разговорам
об «эпохе глобального потепления». Теперь многие ученые счи-
тают, что мы живем в «эпоху малого оледенения», прерывае-
мого эпизодическими «оттепелями», как было, например, в пер-
вой половине века.

ТЕПЛОВЫЕ МАЯТНИКИ

Хорошо известно, что климат существенно менялся на про-
тяжении миллионов лет. Столь длительные процессы вызваны
и движением материков, и горообразованием, и нестабиль-
ностью параметров вращения Земли, и космическими фактора-
ми. Но все это, вместе взятое, не успевает оказать сколько-ни-
будь заметное влияние на протяжении столетий или даже тыся-
челетий. А климат тем не менее очень динамичен. Быстрые сго-
изменения объясняются главным образом влиянием океана и
цикличностью солнечной активности.

Ещё в 1936 году академиком В. Шулейкиным была высказана мысль об автоколебаниях системы «полярный лед — теплые воды океана». Теплоемкость водной толщи и плавучих льдов очень высока. Кроме того, океан «инерционен»: его температура не может измениться вдруг, скачком. Именно поэтому обмен энергией между ледовыми полями и морскими течениями меняет климат. Небольшие изменения интенсивности Гольфстрима приводят к тому, что ледовый покров также «дышит», подтаивая или разрастаясь. Это, в свою очередь, приводит к пульсациям холодного потока, выносимого в Атлантику Лабрадорским и Гренландским течениями. Затем обратная связь замыкается: северные течения влияют на энергетику Гольфстрима. Так постепенно раскачивается гигантский тепловой маятник. Период климатических колебаний составляет при этом около 90 лет. Одновременно возникают и более частые 25- и 40-летние колебания. Потоки тепла, несомые океанскими течениями, не-постоянны, сами же течения, кроме того, меняют силу и даже направление. Пока трудно перечислить все климатические маятники — ведь сложные процессы взаимодействия океана и атмосферы только начинают изучаться. Но уже сейчас ясно, что основные причины быстрых «вековых» колебаний климата — циклические. Эти циклы различаются между собой длительностью, поэтому возникает своеобразная интерференция, сложение отдельных волн потепления. И как всегда при взаимодействиях волн, совпадение их фаз или состояний приводит к усилению суммарного эффекта, в других случаях они могут взаимно «гаситься». Различие частот и фаз приводит к сложной картине, возникают, кроме вековых, еще и очень медленные «тысячелетние» изменения климата, похожие на биения связанных друг с другом маятников.

КОНЕЦ МАЛОЙ ЛЕДНИКОВОЙ ЭПОХИ

Изменения климата, зафиксированные историками, иногда просто поразительны. Всего 2 тысячи лет назад теперешние пустыни Северной Африки снабжали пшеницей всю Южную Европу. В эпоху викингов, несколько столетий назад, Северный Ледовитый океан летом практически освобождался от льда. В гренландских поселениях скандинавских колонистов найдены остатки примерно трехсот хуторов, двух монастырей и многочисленных церквей. Уже в конце XV века следы норманнов в «Зеленой стране» затерялись, поселки обезлюдили, связь с Европой оборвалась. Одна из главных тому причин — резкое похолодание.

«Малое оледенение», начавшееся в XIII веке, привело к значительному понижению средних температур в Заполярье, к наступлению арктических пустынь и ледников, к иссушению саванн и степей. И лишь периодические «оттепели», вроде той,

какая наблюдалась совсем недавно, напоминали о благодатном климате прошлого.

Через несколько лет следует ожидать очередную «оттепель». Это будет не совсем обычное повышение средних температур. Анализ океанских и солнечных циклов позволяет сделать вывод: малая ледниковая эпоха кончается. Совпадение двух волн потепления — быстрой и медленной — приведет к более значительным последствиям, чем в первой половине нашего столетия. Можно утверждать: начало 2000-х годов будет отмечено заметным улучшением климатических условий. Не исключено, что уже в XXI веке Арктический бассейн впервые со времен Викингов освободится от ледового плена. Максимальное потепление должно наступить позже, около 2300—2400-х годов. Во второй половине третьего тысячелетия возникнет тенденция к медленному похолоданию.

Что ждет нас в самом ближайшем будущем? Климатическая «оттепель», которая начнется в 70—80-х годах, принесет с собой, вероятно, изменения в распределении осадков. В Средней Азии их количество увеличится. В Поволжье, на Дону и в Восточной Украине — несколько сократится, особенно в зимнее время. Именно в этих районах повысится вероятность засух, что может быть скомпенсировано строительством оросительных систем...

Технический прогресс не освободил нас от влияния окружающих условий и в первую очередь от влияния климата. Климат непостоянен, и впервые, быть может, человечество учится, заглядывая в прошлое, предвидеть будущее планеты.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ЖИЗНИ

Единство живого на нашей планете, универсальность генетического кода побуждали и побуждают искать ту гипотетическую начальную «точку», с которой начиналось развитие жизни. Известна гипотеза советского ученого А. И. Опарина, согласно которой сначала образовались полужидкие, студнеобразные капельки, коацерваты. С их появлением уменьшилась вероятность распада, растворения, рассеяния в окружающей среде «первозданного» живого вещества. Некоторые, наиболее «приспособленные» капельки присоединяли, притягивали органические пылинки и отдельные молекулы, оказавшиеся поблизости. Это приводило к дальнейшему усложнению их, к совершенствованию, к налаживанию обмена с окружающей средой. Ведь органические вещества, втянутые в орбиту этого обмена, со временем распадались — за счет этого выделялась энергия. Те капельки, в которых энергетические затраты полностью покрывались выделявшимися калориями, продолжали расти и процветать.

А. И. Опарин предположил, таким образом, что естественный отбор, этот могучий двигатель эволюции, начал действовать уже на этой стадии. Уже первородные капельки, коацерваты, вступали со средой в те сложные отношения, которые впоследствии с такой проницательностью и скрупулезностью описал Чарлз Дарвин в своей бессмертной книге «Происхождение видов».

Любопытно провести одну параллель с теорией академика А. И. Опарина: известно, что градинки образуются и развиваются в облаке очень похоже. Точно первородные капельки, кристаллики льда растут, но, по мере того как водяных паров становится меньше, их увеличение идет неравномерно. Градинки, которым «повезло» (далее соседи, выше плотность среды), вырастают до больших размеров.

Еще в 60-х годах доктор Шпигельман из Иллинойского университета смешал в пробирке неживые компоненты рибонуклеиновой кислоты, энзимы и нуклеотиды и создал вирус, способный расти и размножаться без вмешательства доктора Шпигельмана. Многие миллионы лет назад такой или подобный ему вирус мог возникнуть в первобытном океане из-за простой игры случая. Как и в опыте Шпигельмана, достаточно было бы одного вируса: дальнейшее вмешательство не было бы необходимости. Армада вирусов заселила бы огромные пространства и вызвала «эволюционную ситуацию», тот процесс непрерывного развития и совершенствования, о котором упоминалось выше.

Некоторые ученые оспаривают эту точку зрения. По их мнению, в естественных условиях вирусы (как и молекулы ДНК) не способны размножаться. Американский ученый Коммонер ставит эту способность в прямую зависимость от наличия готового материала, уже развившейся живой клетки. Только после этого вирус сможет произвести потомство.

Совсем иной подход к развитию живого отстаивал в свое время шведский ученый Сванте Аррениус.

«Нам не остается ничего другого, как признать, что жизнь пришла на Землю из мирового пространства, то есть из прежде населенных миров, что она, подобно материи и энергии, вечна», — писал этот ученый несколько десятков лет тому назад. Конечно, Сванте Аррениус отдавал себе отчет в том, что нельзя отождествлять материю и живую материю. По его мнению, «остается существенная разница, затрудняющая доказательство вечности жизни: мы не можем измерить ее различных форм, подобно материи и энергии. Жизнь может прекратиться внезапно, причем другой жизни из нее, видимо, не возникнет. Бюффон защищал другое оригинальное мнение: неразрушимость «жизненных» атомов».

Тем самым Аррениус хотел подчеркнуть качественное отличие жизни, живой материи. Следующий тезис не позволяет усомниться в материалистических посылках, которые, несомненно, служили отправной точкой его рассуждений. В книге «Представление о мироздании» он пишет:

«Важное заключение, каким можно воспользоваться уже теперь, состоит в том, что все живые существа... родственны друг другу и что, если начинается на небесном теле жизнь, она должна происходить от самых низших известных нам форм, чтобы развиться с течением времени до высших. Белок должен при всяких обстоятельствах составлять материальную основу жизни, и мысль о существовании, например, живых организмов на Солнце должна быть отнесена к области фантазии».

Как же представлял Аррениус процесс «пришествия жизни» из других миров? Этому ученому удалось впервые преодолеть главное возражение против такого хода событий: он доказал, что мельчайшие зародыши и споры простейших организмов могут выталкиваться за пределы планетных систем световым давлением. Его расчеты сомнений не оставляли. Свет звезд, солнц действительно мог служить своеобразными рельсами и одновременно движителем, приводящим в действие вселенскую машину жизни.

Много лет спустя стали известны поразительные факты жизнестойкости спор, зародышей, половых клеток при температурах жидких газов и еще более низких. Современной наукой окончательно снят запрет «абсолютного нуля»: межзвездный космический мороз не помеха распространению, рассеянию жизни под действием давления лучей света.

По странной иронии многие ученые легко допускают возможность жизни на звездах — ту возможность, которую Аррениус решительно относил к области фантазии. Так, в докладах на первой международной конференции по проблеме связи с внеземными цивилизациями, состоявшейся в 1971 году в Бюракане, упоминалось о «живых» или «почти живых» системах на основе элементарных частиц, о жизни на холодных звездах и Юпитере... Зато гипотеза Аррениуса о переносе спор в мировом пространстве, казавшаяся Аррениусу наиболее реалистическим выходом из затруднительного положения с возникновением живого, специалисты склонны были отнести к области вымысла, мечты. Вот выдержка из доклада американского ученого Сагана на Бюраканской конференции:

«Мы закончили ряд вычислений, использовав теорию Ми, и получили следующий результат. Те микроорганизмы, которые выброшены давлением излучения из одной планетной системы в другую, получают дозу ультрафиолетовой и рентгеновской радиации, которая в тысячу или в десять тысяч раз больше средней летальной дозы для большинства устойчивых к облучению земных организмов. Организмы существенно большего размера не гибнут, но они не могут быть перенесены силой давления излучения».

Итак, конец стройной теории Аррениуса? Пора прибить к ней нелестный эпитет «устаревшая»? Выслушаем Сагана:

«Можно «изобрести» особые организмы, чтобы избежать подобных трудностей, но они не будут похожи ни на один из известных нам организмов. Таким образом, теория классической панспермии, очевидно, малоперспективна».

И все же ученый не спешит полностью отвергнуть старую гипотезу Сванте Аррениуса. Ведь не раз классические теории (а такой, несомненно, является и теория панспермии) словно возрождались, обретали новую силу и убедительность. И это случалось нередко именно тогда, когда казалось, что они вот-вот должны рухнуть под бременем новых данных и фактов... Истина рождается в споре. Но спор о возможных истоках жизни, судя по всему, еще продолжается.

ТАЙНЫ НАШИХ ГЕНОВ

Интервью с лауреатом Ленинской премии, директором
Института общей генетики АН СССР, академиком
НИКОЛАЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ДУБИННЫМ

— Николай Петрович, сейчас довольно много говорят о проблеме наследственности. Но суть проблемы знает далеко не каждый...

— Наследственность — это одно из коренных свойств жизни. Генетику наших дней можно представить в виде гигантской стройки, где уже грохочут взрывы важнейших открытий. Без преувеличения можно сказать, что сегодня закладывается фундамент века биологии. И изучение сущности жизни, управление ею — это самый передний край той великой материалистической науки, которой обладает современное человечество. Сама, будучи полем применения комплексных методов, новая биология оказывает глубокое влияние на физику, химию, математику, кибернетику... Через изменения в медицине, в сельском хозяйстве и в микробиологии, включаясь в решение задач атомного века и века космоса, она становится ключевым элементом научно-технической революции.

Генетику можно смело назвать фундаментом современной биологии. С ее помощью человек уже в ближайшем будущем сможет новыми могущественными методами решать такие поистине фантастические задачи, как управление жизнью, создание новых форм растений, животных и микроорганизмов, сможет бороться за здоровье живущих людей и их будущих поколений.

Да, все это будет под силу генетике — науке о наследственности. Конечно, на первый взгляд может показаться, что все мы можем совершенно спокойно жить, и не зная сущности и секретов наследственности, и что все это не так уж важно. Но давайте разберемся, так ли это на самом деле.

Сможем ли мы, не зная генетики, объяснить, почему, например, обезьяна не превращается в белого медведя, если даже ее поселить на Крайнем Севере? Сумеют ли работники сельского хозяйства в ближайшем будущем получать с каждого гектара по 100 центнеров пшеницы? Как скажутся через каких-нибудь 50—100 лет последствия атомных взрывов на потомках современных жителей Хиросимы и Нагасаки? Сумеем ли мы уберечь

человечество от губительных воздействий ядерного излучения и применения ядохимикатов? Смогут ли космонавты в полетах в глубь вселенной управлять жизнью микроорганизмов и растений, которые будут находиться вместе с ними в кабинах кораблей? Почему рождаются мальчики или девочки и почему они появляются на свет примерно в одинаковом количестве? Грозит ли человечеству вымирание или же мы еще находимся у начала развития земной цивилизации?..

Можно привести еще тысячи подобных вопросов, имеющих очень важное как общехозяйственное, так и общенародное значение и ответить на которые нельзя, не познав секреты наследственности и не научившись управлять ею. А это даст нам очень многое. Человек сможет участвовать в решении практических задач сельского хозяйства, медицины, научиться управлять эволюцией на нашей планете в целом.

Задача ученых-генетиков состоит в том, чтобы разработать способы борьбы за здоровье, долголетие, длительную юность человека. Это потребует творческого развития проблем общей генетики и генетики человека в союзе с медициной. Мы должны создать условия для резкого повышения продуктивности сельского хозяйства, а для этого нужен творческий союз генетики и селекции. Необходимо разработать методы управления генетическими процессами, лежащими в основе эволюции видов, проблемы радиационной генетики, связанные с широким использованием атомной энергии. Или же возьмите, наконец, проблемы космической генетики для обеспечения биологической стороны космических полетов.

Так что, как видите, изучение наследственности — это не чисто научная проблема. Перед этой наукой стоят большие, прямо-таки фантастические по своей смелости задачи.

Взрыв, изменивший лицо генетики, произошел в 1953 году, когда была установлена молекулярная природа явлений наследственности. Это открытие послужило источником, от которого взяла свое начало молекулярная генетика и молекулярная биология в целом.

В свете данных этих наук многие из сокровенных сторон жизни потеряли для ученых былую таинственность. Таинственными были основы, на которых зиждется размножение клетки и передача информации при размножении организмов. Мы не знали, в чем суть программирования при индивидуальном развитии, когда от одной клетки в виде оплодотворенного яйца после целенаправленных процессов возникает взрослая особь.

— Так в чем же, Николай Петрович, суть наследственности? Почему же дети похожи на своих родителей и в чем, если так можно выразиться, материально заключена эта поразительная преемственность организмов?

— Теперь уже ученым ясно, что преемственность организмов осуществляется через одну клетку — оплодотворенное яй-

ци, которая и несет в себе все основы развития особи. Весь животный и растительный мир в каждом поколении проходит такую микроскопическую стадию одной клетки. В этот период исчезают все признаки и особенности взрослой особи. Через оплодотворенное яйцо передаются лишь наследственные структуры, связывающие поколения. Эти структуры обладают возможностью на основе процессов, идущих в клетке, и при наличии определенных условий среды вновь возродить всю сложность функций и форм живого, созданную в процессе эволюции.

— Ну а как же устроена клетка?

— Живая клетка, как я уже говорил, является основой всех форм жизни на Земле. Основные ее элементы — ядро и цитоплазма. Существует два основных вида клеток — тканевые и половые. Как известно, размножаются они делением. У человека каждая тканевая клетка содержит набор из 23 пар хромосом, перед наступлением деления это количество хромосом удваивается, и поэтому после деления в каждую дочернюю клетку попадают необходимые 46 хромосом. При размножении же половых клеток в дочернюю попадает только по одной хромосоме из каждой пары, и лишь при оплодотворении восстанавливается необходимое число хромосом.

Но мы еще не закончили разговор об общем строении клетки. Так вот, ядро и цитоплазма тесно связаны между собой, цитоплазма не может долгое время существовать без ядра, а ядро погибнет без цитоплазмы. Если применить образное сравнение, то клетка — это как бы своеобразное «государство». Ядро — его «столица», а цитоплазма — «провинция». Цитоплазма состоит из различных химических и биологических структур. Но столица остается столицей. Именно здесь находится «правительство», которое не только управляет «страной», но и «заботится» о грядущих поколениях. Роль этого «правительства» и выполняют хромосомы. У каждого вида организмов хромосомы имеют свою форму. Количество их тоже различно.

Я не хочу вдаваться в подробности, так как это довольно сложно да и представляет интерес разве что только для людей, увлекающихся естественными науками, но все же постараюсь рассказать, как устроена эта носительница наследственной информации — хромосома. Ее можно, пожалуй, сравнить с нитью, на которую нанизаны бусинки. Это гены, обладающие различными свойствами. Они непохожи друг на друга, и каждый в отдельности оказывает специфическое влияние на физиологию клетки и развитие организма, контролирует строго определенный процесс. Комплекс же генов, свойственный набору хромосом в целом, «управляет» деятельностью клетки.

Когда же тысячи таких элементарных единиц наследственности — генов — соединяются в цепочку, возникает хромосома.

Конструкцию хромосомы можно наблюдать под микроскопом на клетках слюнных желез плодовой мушки, или, как ее еще называют, мухи дрозофилы. У них хромосомы достигают гигантских размеров. В этом одна из причин, почему многие свои опыты и исследования ученые проводят именно на этой мушке.

Было установлено, что элементы ядра клетки отличаются от элементов цитоплазмы тем, что в последней структуры много-кратно дублируются, тогда как в ядре большинство наследственных структур уникально. Каждая структура присутствует в виде гомологических генов, один из которых получен от отца, другой — от матери.

Итак, внешне хромосома похожа на нить с бусинками. Однако кому же природа доверила такую ответственную задачу, как передача по наследству признаков и свойств родителей? Эту важную задачу выполняет химическое соединение, называемое дезоксирибонуклеиновой кислотой или сокращенно ДНК.

Сейчас уже никто из биологов не сомневается, что передача наследственных признаков связана именно с ДНК. Опыты, доказывающие это, сегодня исчисляются сотнями. Их проводили во многих лабораториях мира. И сейчас мы с полной уверенностью можем сказать, что, например, в молекулах ДНК клеток человека запрограммирована его генетическая информация. Она касается нормального физического развития, здоровья, продолжительности жизни, гармоничного развития способностей, появления наследственных болезней, старости, сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественного роста, предрасположенности к тем или иным инфекционным болезням и даже смерти.

Если выделить из ядра одной клетки человека все его генетические молекулы ДНК и расположить их в линию одна за другой, то общая длина составит семь с половиной сантиметров. Такова гигантская биохимическая рабочая поверхность хромосом. Она дрожит от напряженной работы в каждой клетке человеческого организма. Это сконцентрированное в молекулярной записи наследие бесконечных веков прошедшей эволюции. Как совершенно правильно и образно сказал об этом в своем романе «Лезвие бритвы» писатель Иван Ефремов, «наследственная память человеческого организма — результат жизненного опыта неисчислимых поколений, от рыбых наших предков до человека, от палеозойской эры до наших дней. Эта инстинктивная память клеток и организма в целом есть тот автопилот, который автоматически ведет нас через все проявления жизни, борясь с болезнями, заставляя действовать сложнейшие автоматические системы нервной, химической, электрической и не весть какой еще регулировки. Чем больше мы узнаем биологию человека, тем более сложные системы мы в ней открываем». И из всех этих сложнейших систем природа, характер и развитие наследственности и есть предмет генетики.

— Николай Петрович, но, коль скоро все или, по крайней мере, основные секреты наследственности изучены, ученых появилась возможность воздействовать на нее. Это значит, что человек может по своему желанию изменять животный и растительный мир и даже, как это довольно часто описывают в произведениях писатели-фантасты... самого себя. Не так ли?

— Вы говорите сразу о нескольких проблемах: о возможности воздействия на наследственность, о селекции сельскохозяйственных растений и животных, об улучшении генетики человека и борьбе с наследственными заболеваниями.

Как я уже говорил, познание законов наследственности — это не самоцель ученых-генетиков. Конечно же, все это необходимо нам для того, чтобы научиться воздействовать на природу, изменять окружающий нас животный и растительный мир, и если надо, то и самого человека. И благодаря открытиям ученых современная генетика уже научилась искусственно вызывать изменения в наследственных структурах организма. В этом ее величайшая заслуга. И хотя подчас биологи не могут еще детально разобраться в процессах, идущих в ядре и цитоплазме клетки, они уже научились использовать стойкие изменения в наследственном аппарате, если они полезны, и бороться с вредными.

Чтобы сделать яснее картину достижений генетики,бросим беглый взгляд на процессы эволюции в природе, те самые процессы, о которых говорится в учении Дарвина. Для этого воспользуемся нехитрой моделью — аквариумом, где плавают несколько пар рыбок гуппи. Через какое-то время рядом с родителями появится потомство первого поколения, затем второго, третьего... Постепенно гуппи заполнят весь аквариум. И если не увеличить рацион кормления и не подавать в воду насосом кислород, то выживут лишь самые сильные рыбки, те, что смогут бороться с невзгодами и захватывать пищу. В конце концов в живых будут оставаться только наиболее выносливые особи и в аквариуме установится биологическое равновесие.

Примерно то же самое происходит и в природе. Если бы не было борьбы за существование, то количество животных одного вида резко увеличилось, и в конечном итоге их стало бы так много, что они заполнили бы всю планету. Но мы знаем: число особей каждого вида на Земле ограничено. А это значит, что в каждом поколении остаются жить только наиболее приспособленные.

Однако для действия естественного отбора перенаселенность необязательна. В пределах одного вида нет генетически совершенно одинаковых существ. Некоторые оставляют более выносливое потомство, другие — хилое. Через несколько поколений преимущество получают потомки более приспособленных организмов. Вполне понятно, что такой процесс может происхо-

дить лишь в том случае, если полезные признаки передаются по наследству.

Эволюция предполагает появление новых признаков, и они приобретаются организмами. А это значит, что в наследственности возможны вариации. Возникают они в виде так называемых мутаций — стойких изменений в генах и хромосомах, изменений, которые выделяют организм из остальных, делают его непохожим, «чужим» среди других, подобных ему.

Для живых существ, как это показывают наблюдения и опыты, эти новые мутации могут быть полезными, вредными или нейтральными. Генетики и селекционеры стараются воспользоваться полезными мутациями и нередко сами создают их. И в то же время стремятся избавиться от вредных или ненужных изменений в наследственности.

— Из всего сказанного явствует, что на современном уровне генетики человек уже может воздействовать на наследственность, создавать такие виды животных и растений, которые ему необходимы и которых недостает в природе. Какими же путями идет генетика и селекция в сельском хозяйстве и каковы уже достигнутые результаты?

— Ученые-селекционеры, как правило, не ставили перед собой цели создавать новые виды растений, их основная задача — улучшать уже существующие, разрабатывать высокоурожайные сорта. Генетика стала научной основой селекции, многие ее экспериментальные и теоретические разработки привели к целому ряду скачков в производительности домашних животных и культурных растений.

В настоящее время выращивается более 4800 сортов и гибридов различных сельскохозяйственных культур, в том числе почти 2800 сортов различных полевых культур, в подавляющем большинстве хорошо приспособленных к возделыванию в местных почвенно-климатических условиях различных зон. Они дают высокие урожаи и ценную по качеству продукцию. Многие из этих сортов — результат работы ученых-генетиков. И можно с полной уверенностью сказать, что в ближайшем будущем ожидаются более высокие достижения.

Нельзя забывать и такой факт, как изменение агротехники и введение механизации. Это, как ни покажется вам странным на первый взгляд, тоже создает новые требования к сортам, такие, как устойчивость против осыпания, неполегаемость у хлебов, у хлопчатника — определенное расположение коробочек, у кукурузы — определенная высота прикрепления початков и многое другое. Учитывать все это при выведении нового сорта — задача нелегкая, но необходимая.

И сейчас, когда многие законы наследственности уже познаны, ученым чаще всего не приходится работать на ощупь, как это было раньше. Они уже заранее видят, какое потомство получат от двух разных родителей. Выведение нового сорта идет

не наугад, а целеустремленно, и вследствие этого результаты получаются намного быстрее. Короче говоря, человек научился ускорять процесс эволюции. Природа улучшала какой-либо признак растения за тысячи лет. Человек сократил этот процесс в сотни раз. Скажите, разве это не фантастично, что человек научился направлять развитие организма в нужную для него сторону, «реконструировать» наследственность?

— Скажите, ну а каким же путем получается все это многообразие новых сортов?

— Еще совсем недавно для выведения нового сорта пшеницы чаще всего скрещивали различные географически удаленные формы. Сегодня же все чаще новые сорта получают с помощью мутаций — тех изменений, на которых строится эволюция. Использование мутационной формы кукурузы, которая резко повысила в зерне уровень для питания животных аминокислоты — лизина, привело к новой революции в возделывании этого растения.

Мы являемся свидетелями коренных переделок генетической природы растений. Эти переделки получили название «зеленых революций». У нас в стране после знаменитых работ В. Пустовойта с подсолнечником успешно переживают «зеленую революцию» пшеница, кукуруза, сахарная свекла и другие растения. По Мексике, Индии, Филиппинам и по ряду других стран триумфально шествует «зеленая революция» по возделыванию риса и пшеницы. Это было достигнуто путем использования мутации карликовости, при котором энергия роста переключается на развитие колоса. В Индии, например, получен замечательный сорт пшеницы после воздействия на зерно радиацией.

Широкое развитие получили методы искусственного вызывания мутации под влиянием радиации и химических соединений. Более 100 радиационных сортов растений уже вошло в производство и стало достоянием сельскохозяйственной практики. И хотя мы пока еще не всегда можем сказать с полной определенностью, какой из видов воздействия принесет ожидаемый результат, то, что уже достигнуто, — большой успех.

Мы уже в состоянии, используя факторы внешней среды, вмешиваться в химическую структуру генов, можем вызывать в любом нужном нам количестве мутации генов и хромосом. Этим по-новому решается проблема исходного материала для селекции. И, лишь пройдя строгую селекцию, а в ряде случаев и пройдя через скрещивание, они могут положить начало новым сортам особо высокой урожайности.

И если вспомнить один из вопросов, о которых я говорил в самом начале нашей беседы, то есть о том, возможно ли будет в ближайшем будущем получать с одного гектара по 100 центнеров пшеницы, то сегодня мы уже с уверенностью можем сказать, что такая урожайность — вещь реальная.

До последнего времени среди озимых сортов сильных пшениц выделялся сорт «безостая-1», полученный после сложной гибридизации с привлечением русских и аргентинских пшениц. Но не так давно впервые были районированы новые сорта озимой пшеницы — «аврора» в Краснодарском крае, «кавказ» — для посева на богаре и при орошении в Краснодарском крае, Николаевской и Одесской областях, в Дагестанской АССР. Эти сорта выведены дважды Героем Социалистического Труда академиком П. П. Лукьяненко с коллективом селекционеров в Краснодарском научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Так вот, эти сорта при возделывании на высоком агротехническом фоне дают невиданный урожай — до 100 центнеров с гектара.

— Николай Петрович, все, о чем вы сейчас рассказывали, касалось в первую очередь растений. А как обстоит дело с животноводством? Сегодня партия и правительство, как известно, уделяют большое внимание развитию животноводства на промышленной основе. В стране развернуто строительство крупных животноводческих комплексов. Может ли чем-нибудь помочь в этой области генетика, ведь, насколько я понимаю, наследственная информация животных гораздо сложнее, чем у растений?

— Проблема эта действительно не из легких. Однако мы все прекрасно знаем, что решать ее надо как можно скорее. И, только соединив воедино генетику и селекцию, можно получить тот сплав наук, который обеспечит нужный для человечества громадный рост пищевых и технических ресурсов.

Население земного шара растет исключительно интенсивно. Через каких-нибудь 30 лет на нашей планете будет жить около 7 миллиардов человек, то есть в два раза больше, чем в наше время. Но, как показывают современные тенденции развития, количество пахотной земли на человека уменьшится в 2 раза, да и не увеличится, естественно, и площадь для выгула скота. Роль же животного белка в пище человека исключительно велика. Общая потребность в белках за сутки равна примерно 70 граммам, из которых около половины должно быть животным белком высокой биологической ценности.

И поэтому вполне понятно, что просто необходимо поднять производительность и качество не только сортов растений, но и пород животных. Этот фактор сыграет выдающуюся роль при регуляции роста пищевых ресурсов на нашей планете. И основная задача ближайшего будущего зоотехники сводится к созданию промышленных гибридов, пород-популяций и чистых пород, состоящих из животных таких генотипов, которые при соответствующем кормлении и содержании производили бы больше продуктов. То есть нам необходимы породы, приспособленные к развитию животноводства на промышленной основе.

— Значит, если я правильно вас понял, промышленное жи-

вотноводство и птицеводство требуют не простых, а специальных выведенных для таких условий пород?

— Да, именно так. Процесс индустриализации таких важных отраслей животноводства, как птицеводство, молочное скотоводство, свиноводство, требует селекции на приспособление их к существованию в необычных для них условиях и на приспособление к ряду новых производственных процессов. Механизация дойки, например, уже вызвала необходимость селекции по таким признакам, как скорость молокоотдачи и форма вымени, обеспечивающим нормальное доение и предотвращение мастита.

Обычно на создание пород сельскохозяйственных животных требуются десятки лет. Генетика уже нашла пути достижения радикальных результатов в товарном животноводстве за сравнительно короткое время. Наиболее ярко это выразилось при использовании генетических методов получения промышленных гибридов.

Мне кажется, что будущее товарного животноводства в основном будет состоять в использовании гетерозисных гибридов и гибридов комбинационной производительности. Генетикам предстоит решить очень трудную задачу — выбрать из огромного генетического материала наиболее ценные группы генотипов, чтобы использовать их для прогресса пород и гибридов сельскохозяйственных животных.

Замечательные перспективы открываются и в решении вопроса о получении желательного пола у потомков. В этом случае задача состоит в регуляции хода наследования половых хромосом. Решение вопроса самым решительным образом скажется на развитии животноводства.

Усилиями генетиков и звероводов за каких-нибудь 10—15 лет выведено около 30 мутантных форм норки, имеющей целую палитру окраски. Не менее интересных результатов добились и от скрещивания лисиц различной окраски.

Можно привести еще немало примеров, когда человек, взяв на вооружение достижения генетики, добивался поистине фантастических результатов как в растениеводстве, так и в опытах с животными. Как-то мне попался на глаза рассказ Эрика Рассела «Вы вели себя слишком грубо». Не вдаваясь в сюжет этого рассказа, скажу только, что один из его героев захотел приобрести «голубого носорога в семнадцать дюймов длиной и весом не больше девяти фунтов». И, несмотря на то, что рассказ этот фантастический, можно прямо сказать, описанное в нем очень недалеко от того, что будет возможно через несколько десятков лет. И я говорю это совершенно не потому, что рассказ этот понравился мне. Просто я опираюсь на современные достижения генетики и предвижу на основе этого ее дальнейшее развитие и возможности.

— Николай Петрович, несколько раньше вы говорили о ге-

нетике микроорганизмов. Что это такое и зачем нужно заниматься генетическими опытами с этими мельчайшими живыми существами?

— Успехи генетики имеют огромное значение и для создания новой отрасли биологической индустрии, связанной с промышленным использованием микроорганизмов. Различные микроорганизмы и вирусы встали в центр внимания фундаментальной генетики, когда наступила эпоха молекулярной биологии. Наследственность и изменчивость этих форм являются сегодня предметом глубокого изучения. Используя новые методы, селекция нужных форм микроорганизмов достигла небывалой высоты. Это облегчено также и тем, что при селекции микробов можно использовать миллионные и миллиардные популяции, что резко увеличивает эффективность селекции.

Вот вы спрашиваете, зачем нужно работать с такими мельчайшими организмами, какая от них польза. А ведь метод получения мутаций с помощью радиации и химических соединений стал основным в получении высокоеффективных продуктов целого ряда ценнейших лекарственных, пищевых и других веществ. Вспомните, когда был открыт пенициллин, его стоимость в буквальном смысле была выше золота. Теперь, после получения ценных мутантов, резко повысивших выход пенициллина на единицу питательной среды, в которой живут грибки, это лекарство стало доступно каждому.

Или же вот другой пример. Аминокислота лизин — важнейший компонент пищи животных и человека. Сейчас создается крупная микробиологическая промышленность по производству лизина. И это оказалось возможным только после работы генетиков, в экспериментах которых была получена форма клеток бактерий, которая выделяет в среду в пятьсот раз больше лизина по сравнению с обычными, «дикими» бактериями. Громадные перспективы для микробиологического синтеза белков открывает использование простых углеродов нефти и газа. И в этой работе решающую роль также играют методы новой генетической селекции.

Если немного пофантазировать, то можно увидеть совершенно необычный путь для приготовления белков. Сейчас для достижения этой цели в ход идет биомасса всем знакомых дрожжей. Но представьте себе производство будущего, где в промышленных масштабах налажена «сборка» генов, управляющих синтезом белков. Тогда столь ценный продукт не трудно будет получать в любых разновидностях и любых количествах.

Проблема гена, как видите, принимает чисто прикладной характер. Биологи должны научиться своими руками конструировать то, что принято называть единицей наследственности. «Заготовками» и «деталями» должны стать определенные молекулярные группы, а «сборочным цехом» — клетка и ее ядро.

Именно к решению таких задач стремится новое направление исследований — генетическая инженерия.

— Знаете, слово «инженерия» рядом со словами «ген», «наследственность» для непосвященного человека звучит довольно странно. Как-то даже трудно представить, что бы это могло значить.

— Фактически начало этому новому научному направлению было положено задолго до того, как столь смелое словосочетание вошло в обиход. Методы целенаправленного изменения наследственного аппарата — конечно, еще не на молекулярном уровне — стали известны уже в 1934 — 1936 годах. В то время мне удалось, действуя рентгеновскими лучами на клеточное ядро мухи дрозофилы, изменить в нем число хромосом. Ядро с четырьмя парами сначала превратилось в ядро с тремя, а затем и с пятью парами хромосом. В этой работе можно увидеть истоки генетической инженерии.

Сегодня исследователи ставят совершенно иные задачи. В различных лабораториях мира разыскиваются способы выделения, даже «сборки» отдельных генов и переноса их в живые организмы.

Вспомним снова о бактериях. У них есть ген, ответственный за синтез витамина B_{12} , которого начисто лишены растения. А между тем известно: добавка этого витамина резко увеличивает степень усвоения растительного корма в организме сельскохозяйственных животных. Так почему бы не попытаться пересадить тот самый бактериальный ген к растению? Каким путем пойдут ученые, покажет время. Но мне кажется, они будут исходить из того, что биохимический путь синтеза хлорофилла и витамина B_{12} имеет общие начальные стадии. А раз так, то после срабатывания цепочки из четырех-пяти добавочных ферментных реакций растительная клетка сможет вместо хлорофилла синтезировать необходимый животным витамин. Правда, из отдельной клетки надо еще получить целое растение. Но пути решения такой задачи уже известны. Да что там из клетки. Взрослое растение выращивают даже из протопласта — клеточной структуры, лишенной оболочки. Опубликован научный доклад, в котором говорится, как в результате метаморфоз круглого зеленого протопласта — одевания его оболочной, деления и дифференцировки — возникает своего рода искусственное «семечко». Оно дает корни и листья, и в результате вырастает цветущий табак.

— Николай Петрович, а какие конкретно задачи стоят сегодня перед генетической инженерией?

— Если детализировать «биолого-инженерные» задачи, то можно определить среди них несколько наиболее существенных:

— выделение генов и их структур;

— синтез генов химическим или биохимическим путем;

- направленная модификация наследственных комплексов под влиянием искусственно созданных условий;
- регуляция активности генов;
- их копирование;
- их перенос в наследственный аппарат других организмов.

Первая из перечисленных мною задач — выделение гена — уже решена сегодня. Можно сказать, что и синтез гена в принципе тоже удался. Успех этот достигнут был в 1970 году, когда индийскому ученому Х. Коране удалось «собрать» ген дрожжевой клетки, содержащей всего 77 азотистых оснований. Такой короткий отрезок ДНК с заданной последовательностью оснований синтезировали химически. Так появился первый ген, созданный человеком.

Конечно, это большой успех, предвещающий начало новой, фантастической эры генетики, однако он несколько меркнет перед сложностью строения генов и их комплексов даже у самых простых форм жизни. Ведь даже у простейших вирусов в состав ДНК входит 5500 азотистых оснований, составляющих приблизительно 17 генов. Что же касается синтеза единицы жизни — клетки, — то трудности тут возрастают неимоверно.

Но, как я говорил выше, кроме химического, есть еще и биохимический синтез. Интересные работы в этом направлении проведены группой сотрудников нашего Института общей генетики АН СССР и Института молекулярной биологии и генетики АН СССР. Кратко скажу, как мы решали эту задачу.

Для высших организмов из-за очень сложной организации их наследственного аппарата создание генов пока возможно с помощью только одного вида биохимического синтеза — ферментативного. Ибо сейчас уже открыт и выделен особый фермент — так называемая обратная транскриптаза, синтезирующая ДНК на РНК как на матрице.

Судя по всему, вам это не совсем понятно, поэтому постараюсь пояснить. В клетке присутствует целый набор информационных РНК (и-РНК). Они представляют собой комплементарные копии соответствующих индивидуальных генов. И если одну из таких индивидуальных РНК использовать в качестве матрицы для обратной транскрипции, то ДНК — продукт этой транскрипции — будет соответствующим индивидуальным геном.

Таким образом, решение задачи сводится к выделению из клеток индивидуальной информационной РНК (и-РНК). Для этого обычно берут клетки, в которых синтезируется в основном один какой-либо белок. Например, клетки железы шелкопряда вырабатывают преимущественно фибрин шелка, клетки хрусталика глаза — кристалины, ретикулоциты — гемоглобин и т. д. В частности, глобиновая и-РНК была применена в качестве матрицы для синтеза структурных генов, кодирующих

в высших организмах первичную структуру соответствующих белков.

Работы по синтезу структурного глобинового гена кролика ведутся в нашем институте не так давно. За это время удалось выделить индивидуальную глобиновую и-РНК. Принципиальные основы методов нам были известны из научной литературы. Однако эти методы удалось существенно изменить и упростить. Так что теперь мы располагаем чистой глобиновой и-РНК в количествах, достаточных для дальнейших исследований.

На выделенной и-РНК как раз и был синтезирован структурный глобиновый ген кролика. В нашей стране такая работа проделана впервые. Теперь перед нами открываются широкие возможности по изучению наследственного аппарата высших организмов.

— Некоторые ученые иногда заявляют, будто человечество как биологический вид клонится к угасанию. Чем же вызван такой пессимистический прогноз?

— Такое мнение действительно встречается. И люди, отстаивающие это мнение, в основном указывают на якобы ослабленное действие естественного отбора. Ведь современная медицина сохраняет жизнь миллионам людей, которые в условиях полудикого существования, конечно, не выжили бы. Поэтому-то и появились утверждения, что в каждом последующем поколении становится все больше людей, отягощенных различными наследственными недугами и дефектами. Накопление вредных генов будто бы и ведет к постепенному вырождению человеческой расы.

Иные сторонники этой точки зрения идут еще дальше. Они утверждают, что общество якобы расслаивается на группы генетически «ценных» и «неполноценных» людей. Носители разных типов генов дают начало разным классовым группировкам. А раз так, то никакая социальная среда не исправит биологических пороков «неполноценных» классов. Политическая направленность подобных утверждений совершенно ясна: они призваны отвлечь людей от борьбы за лучшую жизнь.

Давайте разберем эти доводы по порядку. Действительно, биологи оперируют понятием «генетический груз». Он есть у самых различных животных и растений. В ходе эволюции в наследственном аппарате отдельных особей могут происходить и нередко происходят отклонения, мутации. Без них ни один вид, как мы уже выяснили, не смог бы приспособливаться к меняющимся условиям существования. Но мутации, как известно, бывают не только полезными, но и вредными. На свет появляются существа с врожденными дефектами — это своеобразная плата за сохранение вида в целом.

Обычно уровень генетического груза стабилизируется. Он высок, если отбор отмечает всякую изменчивость, а это чаще

всего бывает у диких животных и растений. У них большая часть мутаций вредна.

В человеческом обществе ситуация иная. Конечно, и люди приносят генетические жертвы. Наследственные дефекты разной степени есть у 4 процентов детей. Но при сохранении современного темпа мутаций уровень генетического груза не увеличится ни в одном из будущих поколений. Надо только охранять генетические структуры от вредных воздействий.

Остальная часть мутаций создает огромное, ни с чем не сравнимое разнообразие по группе крови, цвету волос и глаз, строению наружного уха, форме носа и т. д. Изменчивость такого рода людям нисколько не угрожает.

Медицинская генетика сегодня имеет дело с распознаванием и лечением наследственных болезней, то есть с теми изменениями у человека, которые входят в состав его генетического груза. В перспективе мы видим возможность замещения больного гена, подобно тому как ныне пересаживают здоровую почку на место больной.

Например, несвертываемость крови (гемофилия) вызвана тем, что мутация у одного из предков дала человеку дефектный ген. Сейчас для предотвращения сильных кровотечений нужны очень дорогие препараты, полученные из крови здоровых людей. А если можно было бы ввести в хромосому больного гемофилией нужный ген, то мы навсегда бы избавили человека от страданий.

Сегодня большинство биологов сходится во взглядах на природу раковой опухоли. Говоря несколько упрощенно, это масса клеток, образовавшихся из одной родительской, которая стала аномальной в результате изменений в одном или нескольких генах. В таком случае вполне понятно, что все дочерние клетки, пораженные раком, несут одни и те же злополучные гены. Поэтому не исключена возможность, что в будущем удастся изменить характер таких больных клеток еще до того, как рак разрастется.

Уже удалось, например, ввести отсутствующий ген в клетки больного галактоземией — одним из наследственных заболеваний человека. Из-за генетического дефекта у страдающих этим недугом не образуется фермент, необходимый для расщепления и вывода из организма особого сахара, который содержится в молоке и многих других пищевых продуктах. Известна и другая подобная работа. Эмбриональные клетки мыши заражали вирусом полиоми. Получался так называемый псевдовирон, который внутри себя содержал ДНК клетки-хозяина. Этот-то псевдовирон и применяли для переноса ДНК.

Конечно, наследственных заболеваний много, и мы еще не знаем, как будут вести себя в разных случаях клетки, которыми можно было воспользоваться для внесения в организм

необходимых ему генов. Да и немало таких наследственных болезней, перед которыми медицина пока практически беспомощна.

— Так, значит, получается, что сторонники ухудшения генетического фонда человечества все-таки в чем-то и правы?

— Да нет, они не правы, так как не учитывают, что больные люди оставляют в среднем меньше детей, чем здоровые. При такой тенденции рост числа вредных структур гена — аллелей, может идти только под влиянием наследственных изменений. Теоретический расчет показывает, что аллели будут концентрироваться настолько медленно, что смогут оказать сколько-нибудь заметное влияние лишь через тысячи поколений.

Вот один из многих возможных примеров. Из 10 тысяч людей один бывает альбиносом — у него нет пигментации кожи, волос и радужной оболочки глаз, так что просвечивающие кроночесные сосуды делают глаза розовыми. Удвоение концентрации аллелей за счет мутаций может произойти лишь через тысячу поколений, то есть примерно через 25 тысяч лет. По истечении этого срока на 10 тысяч человек будет приходиться 4 альбиноса. Чтобы все люди переняли их черты, потребуется время, в сто раз большее — два с половиной миллиона лет. Да и то лишь теоретически. Ведь на деле мутации распространяются не только от нормы к альбинизму, но и в обратном направлении. Так что приведенный выше огромный период надо увеличить еще в неопределенное число раз.

Так обстоит дело с аллелем, не подверженным действию естественного отбора. А на носителей вредных генов отбор, как мы видели, распространяется. Поэтому даже нельзя и говорить о каком-то завоевании человечества мутантами. Я совершенно уверен: в будущем мы научимся справляться и с тем минимальным эффектом, который мутации дают через 10—20 тысяч лет. Ведь генетика весь этот период не будет стоять на месте. И для того чтобы научиться бороться с вредными мутациями, ей потребуется гораздо меньше времени.

Совершенно ясно: ни медицина, ни повышение жизненного уровня не подтачивают наследственного здоровья рода человеческого.

— Николай Петрович, но раз человек может страдать от вредных мутаций, вызываемых различными внешними воздействиями, то, значит, если оградить человеческую наследственность от таких вредных влияний, это положительно скажется на снижении вредных мутаций?

— Действительно, человек не просто живет на планете. Он изменяет окружающую среду, воздействует на нее. Особенно интенсивно происходит это за последние десятилетия. И именно по этой причине со страниц печати не сходит сегодня проблема биосфера. Ведь человек, внеся свои изменения в окружающую среду, во многом нарушает исторически сло-

жившиеся связи между видами на Земле. Ухудшается обстановка для жизни и самого человека. Он сам вольно или невольно загрязняет атмосферу, почву, реки, моря и даже океаны. На нашей планете возник и растет добавочный фон радиации, появилось множество технических и сельскохозяйственных соединений, которые оказывают вредное влияние, нарушая наследственные структуры у всех форм жизни, включая человека.

И просто необходимо защитить жизнь, чтобы сохранить и сделать еще более прекрасным зеленый океан Земли, в котором живет и будет процветать человек. Нужен разумный контроль над эволюцией жизни со стороны человека. И в этом плане громадные задачи встают перед эволюционной генетикой, которая во многом уже проникла во внутренние глубины механизмов, ведущих историческое преобразование видов и популяций.

Наконец, сам человек, несмотря на то, что он существование социальное, прикован к царству животных своими биологическими особенностями. Каждый человек принадлежит к той или иной расе или популяции. Это определяет важнейшее значение исследований по генетике популяций человека. Как разумное и физически совершенное существование нормальный человек заслуживает восхищения. Но если в целом наследственность человека представляет собой драгоценность Земли, то в отдельных случаях из-за ее порчи путем мутаций, как я уже говорил, рождаются дети с наследственными болезнями. И для того чтобы этого не происходило, мы должны очень бережно относиться как к самому человеку, так и к окружающей его среде.

Борьба с теми факторами, которые повышают уровень мутаций, — неотложная и важная задача. Мы должны оберегать человека от вредных влияний радиации, некоторых химических соединений. Известно же, например, что наличие в среде, окружающей человека, постоянно действующей дополнительной радиации даже такой малой дозы, как всего один рад, может привести к очень серьезным последствиям. На каждые три миллиарда человек может появиться дополнительно 11 миллионов детей, отягощенных тяжелыми наследственными дефектами психики и физическими уродствами.

— 4 октября 1957 года весь мир облетела весть о том, что в Советском Союзе запущен первый искусственный спутник Земли. Началась космическая эра человечества. Но любому человеку даже тогда было ясно, что если посыпать в космос живые организмы, то они подвергнутся там таким факторам, как невесомость, космическая радиация, ускорение, вибрация... Скажите, велись ли учеными-генетиками исследования в этом направлении?

— Еще до начала космической эры нам было ясно, что полеты в космос обещают новые пути для развития биологии и ставят перед нею ряд крупных задач, решить которые должны полеты человека в космических кораблях. Но без предвари-

тельных экспериментов никто бы из нас не согласился с полной уверенностью предугадать, не принесет ли все это вред человеческому организму. Не знали бы мы и то, как перенесет наследственность человека все эти факторы и что именно с генетической точки зрения наиболее опасно.

Так что космические полеты не только открывали новые пути развития биологии, но и ставили перед нею немало сложных задач, от решения которых зависело будущее космопланирования.

Советские ученые заявили о необходимости исследования действия факторов космического полета на живые организмы задолго до создания первых космических ракет. Еще в 1939 году в нашей стране состоялась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы, на которой Н. Н. Кольцов, Г. А. Надсон и Г. Г. Меллер подняли вопрос о необходимости изучения влияния космической радиации на наследственность. Участник этой конференции Сергей Павлович Королев горячо поддержал выступления биологов. И с тех пор он всегда придерживался этого мнения. В 1934 году с одной из его первых ракет впервые в мире ушли в полет в скромных пробирках живые организмы.

Это внимание к работе биологов-генетиков со стороны исследователей космоса мы ощущали и позже. Даже тогда, когда Королев, как Главный конструктор, берег каждый квадратный сантиметр пространства и каждый грамм веса внутри корабля, для наших биологических объектов место находилось всегда, и они регулярно летали в космос. Так что и космонавтика, и космическая генетика развивались почти параллельно.

Уже в 1935 году на стратосфере, в стратосфере, к нижней границе космоса, были отправлены мухи дрозофилы. Позже уже в космос, кроме мух, отправились мыши, семена растений, микроорганизмы. Мы хотели выяснить, как влияет космическая радиация, невесомость, ускорение и другие факторы космического полета на наследственные структуры в клетках организма. Проведенные исследования продемонстрировали, что при кратковременном полете сколько-нибудь заметного нарушения в генетической информации, записанной в молекулах ДНК в хромосомах клеток, не происходит.

Как только начались первые опыты по исследованию влияния факторов космического полета на наследственность, ученым стало ясно, что в этих работах выкристаллизовывается совершенно новая отрасль науки. Вскоре она получила и свое название — космическая генетика. В дальнейшем было проведено немало опытов на собаках. С их помощью медики и физиологи получили подтверждение безопасности космического полета для живых существ. Прошло еще немного времени, и мы, генетики, вместе с медиками и физиологами, волнуясь, поставили свои подписи под документом, который, с медико-

биологической точки зрения, открывал дорогу в космос Юрию Алексеевичу Гагарину, а затем Герману Степановичу Титову и другим космонавтам.

Так что, как видите, даже такая, казалось бы, и земная наука, как генетика, тоже прокладывала человеку путь в космические дали. На состоявшемся в 1968 году в Токио первом международном симпозиуме по космической генетике, где выступали советские делегаты и представители американского космического центра, было окончательно принято название новой дисциплины. Приоритет советских ученых в этой области был признан всеми.

— Николай Петрович, но я думаю, что с первыми полетами советских космонавтов дальнейшее исследование влияний космических полетов на наследственность не прекратилось?

— Полеты наших космонавтов не только не прекратили экспериментов, а, наоборот, поставили их на новую ступень. Наши объекты летали на «Востоках», «Восходах», «Союзах», «Космосах». Они несколько раз облетали Луну на станциях серии «Зонд». Так, например, на корабле «Восток» вместе с Ю. А. Гагарином летала дрозофила и другие объекты, на «Востоке-3» А. Г. Николаев проводил опыты с дрозофилой, а П. Р. Попович экспериментировал на «Востоке-4» также и с растениями. Проводились и другие интересные опыты. А. Г. Николаев во время своего полета на «Союзе-9» в 1970 году регулировал доступ света к опытным посевам одноклеточной водоросли хлореллы.

Конечно, может возникнуть вопрос: а при чем же здесь опять эта плодовая мушка дрозофилы? Дело в том, что уровень мутации у этого хорошо изученного генетиками организма служит тончайшим дозиметром, оценивающим действие факторов космического полета на наследственность. Особая методика позволяет накопить мутации, возникшие за все поколения в космосе, и потом изучить их на Земле.

— Ну и что же, показали все эти многочисленные эксперименты безопасность космических полетов? Или же какая-то опасность все же существует?

— Исследования наших ученых, которые, кстати говоря, подтверждены и опытами американских исследователей, позволили нам сделать вывод, что условия космического полета все же оказывают некоторое генетическое влияние. Может, например, несколько повыситься частота появления мутаций. А это, естественно, способно привести к скачкообразному изменению какого-либо признака и перестройке хромосом, также влияющих на наследственность.

Эти данные получены в экспериментах при кратковременных полетах. Но ведь не за горами и то время, когда человек будет находиться вдали от Земли недели, месяцы. Работа на орбитальных станциях будущего, полеты человека к Венере,

Марсу будут длиться довольно долго. Все это заставляет нас внимательнейшим образом продолжать изучать влияние космических условий на генетическую информацию в клетках самих космонавтов. Современные методы исследования позволяют нам вести эту работу, изучая хромосомы лейкоцитов до и после полета.

Я привел этот пример, показывающий совместную работу наших генетиков с учеными других специальностей, как наиболее показательный. Подобные работы ведем мы и в других областях, где возможно ожидать вредное воздействие внешних условий на такое бесценное сокровище, каким является наследственность человека. И эти исследования показывают, что генетикам необходимо не только давать советы о различных способах защиты наследственности, но и разрабатывать методы химического контроля над протеканием самого процесса мутаций путем введения в организм человека антимутагенных соединений, которые не допускают или снимают повреждения с молекул ДНК, и путем усиления работы восстановительных ферментов, защищающих молекулы ДНК от повреждений.

— Если я правильно вас понял, то выходит, что совсем недалеко то время, когда для того, чтобы обезопасить себя от губительного влияния космических лучей или радиации, достаточно будет просто принять пару каких-то таблеток. Но такая перспектива скорее напоминает фантастику, чем реальность.

— И все же, несмотря на всю фантастичность такой перспективы, все это вполне возможно. Конечно, я был бы утопистом, если бы стал уверять вас, что такие таблетки появятся на прилавках аптек чуть ли не завтра. Но в то, что они все-таки рано или поздно появятся, я искренне верю.

— Но если мы опять вернемся к космическим полетам, о которых мы только что говорили, то невольно возникает такой вопрос. При длительной работе на околоземных космических станциях или же при полетах человека к другим планетам космонавту необходимо питаться. Но набрать столько продуктов, чтобы их хватило на весь путь, современные космические корабли практически не в силах. Они просто не смогут оторваться от Земли. Как же быть? Писатели-фантасты уже нашли выход из этого трудного положения. Одни из них предполагают, что космонавты будут питаться какими-то суперкалорийными продуктами, которые при маленькой площади и объеме дадут человеку все необходимое. Другие же считают, что гораздо проще выращивать все необходимое прямо на корабле. Какое же из предположений вы считаете наиболее правильным и что в этом направлении может сделать генетика?

— Предугадывать мисс трудно. Я не специалист ни по космической технике, ни по космическому питанию. Но предположить я все-таки могу. Мне кажется, что в более или менее длительных космических полетах ближайшего будущего будет использоваться комбинированный способ питания. То есть те продукты, которые нельзя вырастить или синтезировать на борту космического корабля, будут браться с Земли в готовом виде. Ну а остальное будет производиться прямо во время полета.

Вы помните, я несколько раньше говорил, что генетическая инженерия может создавать бактерии, необходимые для синтеза белков, пригодных для питания из отходов. Кроме того, с помощью генетики можно будет создать и специальные сорта растений, приспособленных для жизни на борту космического корабля. На корабле, держащем путь в просторы вселенной, будут находиться отобранные и специально выведенные растения, вода, то есть на нем образуется самостоятельная экологическая система, как бы условия нашей родной планеты в миниатюре, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность как экипажа, так и растений. И генетика должна обеспечить защиту этих спутников человека. Притом, дабы не увеличивать вес корабля, необходимо, чтобы защита эта действовала без физических средств — различных экранов.

Возможно ли это? Давайте возьмем ту самую хлореллу, которая уже побывала в космосе с А. Г. Николаевым. Популяция хлореллы — это несколько миллиардов особей. Какие генетические законы действуют здесь? Что касается наследственности отдельных организмов, то такие законы, как мы уже говорили, известны. А в отношении популяции клеток эти законы только открываются.

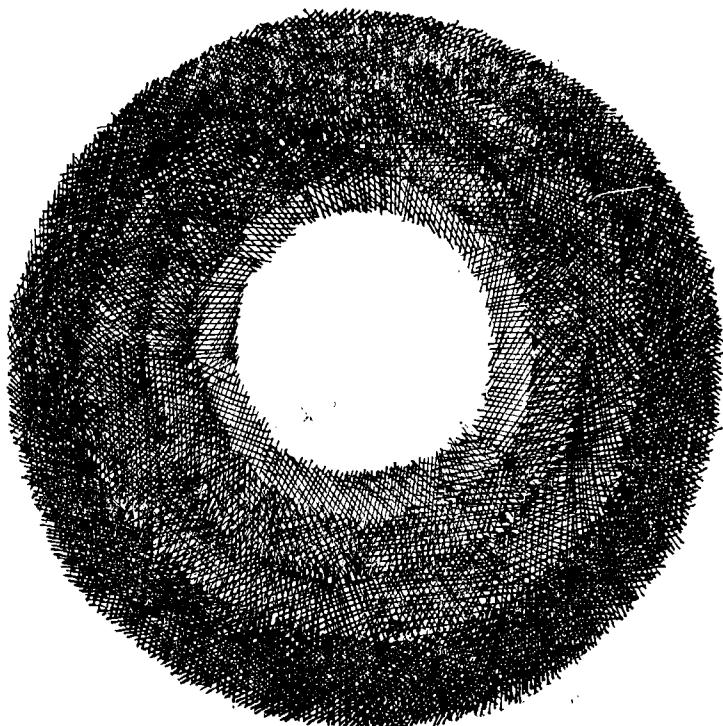
В популяции хлореллы, как и в других организмах, под действием радиации возникают мутации. И задача ученых — правильно оценить эффект этих изменений и разработать соответствующие меры защиты. Конечно, наиболее простым способом было бы добавить в среду, где живет хлорелла, специальные химические препараты. Однако я не совсем уверен, что такая защита будет полностью эффективной. Значит, необходимо создать такие формы хлореллы, которые бы не боялись радиации. И это не просто идея. Опыты, доказывающие такую возможность, уже проводятся, так что можно с полной уверенностью сказать, что со временем длительных полетов человека в космическом пространстве не боящаяся радиации хлорелла будет создана.

Такая мутантная хлорелла, устойчивая к радиации, будет давать кислород и наверняка окажется необходимым «блюзом» как для животных, которые тоже могут быть на корабле, так и для человека. Конечно, одной хлореллой сыт не буд-

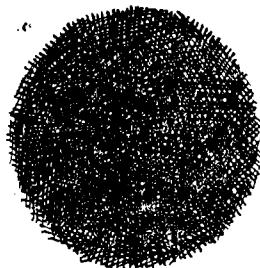
дешь. Необходимо искать и создавать другие, пригодные для космических полетов растения. Известно, что почти все семена хорошо переносят облучение. О растениях же этого не скажешь. И главная задача на сегодняшний день — отобрать и оценить с точки зрения радиационной устойчивости существующие растения. Когда же они будут найдены, нужно будет создать их новые формы для полноценного участия в экологической системе космического корабля.

Так что, как видите, исследования ученых-генетиков необходимы не только для того, чтобы обезопасить наследственность человека, штурмующего просторы вселенной, но и для того, чтобы сделать такое длительное путешествие возможным.

Беседу вел Г. МАКСИМОВИЧ

БИБЛИОГРАФИЯ

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА *

Опыт библиографии
(1968—1973)

Абрамов А., Абрамов С., Апробация. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 12. М., «Знание», 1972.

— Все дозволено. Роман. М., «Детская литература», 1973, 271 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Огневки. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. Сборник. М., «Мысль», 1972, с. 389—405.

— Очень большая глубина. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971.

— Повесть о снежном человеке. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 291—328.

— Рай без памяти. Роман. М., «Детская литература», 1969, 320 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Селеста 7000. Роман. М., «Детская литература», 1971, 288 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Синий тайфун. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1973, с. 513—528.

— Фирма «Прощай оружие». Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1968, с. 181—209.

— Черная топь. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 452—462.

Абрамов С. Волчок для Гулливера. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 393—438.

Агишев Р. Руэлла. Повесть. М., 1968, 32 с. (Б-ка журн. «Советский воин», № 2).

Адмиральский А. Последнее превращение Урга. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1969, № 8.

Альтов Г. Опалающий разум. Рассказы. М., «Детская литература», 1968, 208 с.

— Создан для бури. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 11—42.

Аминуэль П. Все законы вселенной. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 26—43.

— Иду по трассе. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1973, № 6.

— Летящий орел. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 90—108.

* Продолжение библиографии, публикуемой в сб. «Фантастика» с 1968 года.

А м н у э ль П., Леонидов Р. Только один старт. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 147—166.

— Третья сторона медали. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1968, № 1.

А н ч а р о в М. Сода-Солнце. Трилогия. М., «Молодая гвардия», 1968, 334 с. (Б-ка советской фантастики).

А ф р е м о в а М. Болота осушающий. Повесть. — «Искатель», 1969, № 3.

Б а г р я к П. Оборотень. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1968, с. 47—146.

— Пять президентов. Роман. М., «Детская литература», 1969, 383 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

Б а л а б у х а А. Антигравитатор. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1973, 16 ноября.

— Аппендикс. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 199—210.

— Балласт. Бродяга. Рассказы. — «Литературная Россия», 1969, № 42.

— Вкус травы. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 329—349.

— Гениак. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1973, № 12.

— Маленький полустанок в ночи. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 213—228.

— Операция «Жемчужина». Рассказ. — «Искатель», 1973, № 4.

— Парусные корабли. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 84—91.

— Победитель. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1973, 31 декабря.

— Предтечи. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1973, № 3.

— Равновесие. Рассказ. — «На смену», 1972, 28 января.

— Тема для диссертации. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1973, с. 498—512.

— Цветок Соллы. Рассказ. — «Литературная Россия», 1973, 9 ноября.

Б а х н о в В. Внимание: АХИ! Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1970, 256 с. (Б-ка советской фантастики).

— Как погасло солнце... Повесть. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 189—248.

Б а х т а м о в Р. Полюс риска. Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник Баку, «Гянджлик», 1970, с. 5—18.

— Там, за чертой горизонта. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1968, с. 646—686.

Б е л о в М. Улыбка Мицара. Роман. Хабаровское кн. изд-во, 1969, 255 с.

Б е р е с т о в В. Атавизм. Мысли не пахнут. Ох, уж эти мне влюбленные! Рассказы. — «Вокруг света», 1969, № 4, с. 36—38.

Б и л е н к и н Д. Во всех галактиках. Рассказ. — «Искатель», 1968, № 4, с. 112—118.

— Встреча. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1972, № 7.

— Голос в Храме. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971 с. 695—702.

— Город и волк. Рассказ. — «Искатель», 1970, № 6.

- Давать и брать. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 758—763.
- Давление жизни. Рассказ. — «Искатель», 1970, № 1.
- Дыра в стене. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 92—98.
- Запрет. Рассказ. — «Искатель», 1968, № 6.
- Место в памяти. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 233—236.
- Невысказанный мир. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1971, № 7.
- Нонсенс. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1973, № 4.
- Ночь контрабандой. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1971, 206 с. (Б-ка советской фантастики).
- Операция на совести. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1969, № 10.
- Поездка в заповедник. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 115—121.
- Принцип несправедливости. Рассказ. — «Искатель», 1973, № 6.
- Проверка на разумность. Рассказ. — «Искатель», 1972, № 2.
- Холод на Трансплутоне. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 115—121.
- Чара. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 75—79.
- Богат Е. Четвертый лист пергамента. Повесть. — «Искатель», 1969, № 2.
- Борин Б. Оранжевая планета. Повесть. — В кн.: На Севере Дальнем. Альманах, № 2. Магадан, 1969, с. 94—122.
- Неизвестный герой. Чужая память. Рассказы. — В кн.: Сквозь завесу времен. Сборник. Магадан, Кн. изд-во, 1971, с. 5—46.
- Булычев К. Великий дух и беглецы. Повесть. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 137—146.
- Вымогатель. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 177—188.
- Как начинаются наводнения. Хоккеисты. Рассказы. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 100—107, 238—242.
- Кладезь мудрости. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 146—157.
- Красный олень, белый олень... Рассказ. — «Знание — сила», 1973, № 4.
- Марсианско зелье. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 329—338.
- Остров ржавого лейтенанта. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1968, с. 294—345.
- Поделись со мной. Рассказ. — «Знание — сила», 1970, № 2, с. 35—37.
- Поломка на линии. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 78—89.
- Последняя война. Роман. М., «Детская литература», 1970, 287 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).
- Снегурочка. Рассказ. — «Знание — сила», 1973, № 12.
- Умение кидать мяч. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 294—331.

— Чудеса в Гусляре. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1972, 367 с. (Б-ка советской фантастики).

Валентинов А. Защита от дурака. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 659—671.

— «Черная Берта». Экзамен. Повесть и рассказ. — В кн.: Мир приключений, № 16. М., «Детская литература», 1973, с. 418—447.

Варшавский И. Все по правилам. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 517—522.

— Второе рождение. Рассказ. — «Знание — сила», 1969, № 3, с. 35—37.

— Душа напрокат. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 171—178.

— Лавка сновидений. Рассказы. Л., «Советский писатель», 1971, 272 с.

— Назидания для писателей-фантастов всех времен и народов, от начинаяющих до маститых включительно. — «Техника — молодежи», 1973, № 6.

— Петля Гистерезиса. Рассказ. — «Искатель», 1968, № 4, с. 35—67.

— Побег. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 80—91.

— Проделки амура. Трава бессмертия. Рассказы. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 291—319.

— Сюжет для романа. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 203—215.

Васильев Ю. Цветок лотоса. Рассказ. — В кн.: Сквозь завесу времени. Сборник. Магадан. Кн. изд-во, 1971, с. 114—159.

Введенский Н. Странная встреча. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 237—244.

Велтистов Е. Рэсси — неуловимый друг. Повесть. М., «Детская литература», 1971, 175 с.

Верин И. Невиданная энергия глубин. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1971, с. 541—560.

— Письмо землянам. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1970, с. 401—424.

Владко В. Фиолетовая гибель. Повесть. Пер. с укр. М., «Детская литература», 1971, 238 с.

Войскунский Е., Лукодьянов И. Очень далекий Тартесс. Роман. М., «Молодая гвардия», 1968, 269 с. (Б-ка советской фантастики).

— Плеск звездных морей. Роман. М., «Детская литература», 1970, 319 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Повесть об океане и королевском кухаре. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971.

Воронин П. Прыжок в послезавтра. Повесть. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1970, 198 с.

Гансовский С. Винсент Ван Гог. Повесть. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 10. М., «Знание», 1971.

— Демон истории. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 159—178.

— Идет человек. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1971, 272 с. (Б-ка советской фантастики).

— Кристалл. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1969, № 9, с. 26—28.

— Три шага к опасности. Повести и рассказ. М., «Детская литература», 1969, 272 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Часть этого мира. Роман. Сокращенный вариант. — «Химия и жизнь», 1973, № 4—7.

Гнедина Т. Беглец с чужим временем. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1968, 136 с.

Голубев Г. Голос в ночи. Вспомни! Повести. М., «Детская литература», 1972, 254 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

Гор Г. Волшебная дорога. Рассказ. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборники. Л., Лениздат, 1971, с. 445—463.

— Геометрический лес. Повесть. — «Нева», 1973, № 7—8.

— Изваяние. Роман. Л., «Советский писатель», 1972, 238 с.

— Имя. Сад. Повести и рассказ. — В сб.: Вторжение в Персей. Л., Лениздат, 1968, с. 309—374.

— Лес на станции Детство. Рассказ. — В кн.: Фанстатика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 169—176.

— Фантастические повести и рассказы. Л., Лениздат, 1970, 240 с.

— Рисунок Дароткана. Повесть. — «Звезда», 1972, № 4.

Горбовский А. Амплитуда радости. Нахodka. Рассказы. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968.

— Совпадение. Эксперимент с неуправляемыми последствиями. Рассказы. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знанис», 1972, с. 103—114, 216—218.

— Тщетность. Рассказ. — «Вокруг света», 1972, № 11.

— Человек за бортом. Что вы сделали с нами? Рассказы. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 92—100.

Горцов А. Пепел времени. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1968, с. 419—447.

Гребенюк М. Эффект неожиданности. Рассказ. — «Звезда Востока», 1968, № 3.

Гречинов М. Дорогостоящий опыт. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1971, с. 521—540.

— Еще один мертвый город. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1969, № 1.

— Лицо фараона. Рассказы. Ставрополь, Кн. изд-во, 1971, 168 с.

— О чем говорят тюльпаны. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 203—212.

— Последний неандерталец. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1968, с. 387—397.

— Тринадцатое июня, пятница. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1972, с. 430—445.

Григорьев В. Образца 1919 г. Рассказ. — «Знание — сила», 1970, № 5, с. 46—51.

— Школа времени. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1968, № 10.

Гуляковский Е. Легенда о серебряном человеке. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 407—413.

Гуревич Г. Галактический полигон. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1969, № 10, с. 32—34.

- Глотайте хирурга! Рассказ. — В кн.: НФ — альманах научной фантастики. Вып. 8. М., «Знание», 1969.
- Здарт. Повесть. — В кн.: В мареве атолла. Сборник. М., «Мысль», 1973, с. 67—173.
- Месторождение времени. Повести и рассказы. М., «Детская литература», 1972, 335 с.
- Приглашение в зенит. Роман. — «Химия и жизнь», 1972, № 8—11.
- Гурский О. Ближе, чем думают люди. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1971, с. 506—520.
- Звездная ветвь прометеев. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1968, с. 398—414.
- Соперник Согора. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1970, с. 433—447.
- Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Роман. Кн. 1. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1969, 339 с.
- Дмитрук А. Наследники. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 137—140.
- Самсон — 12. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 251—256.
- Днепров А. Пророки. Повести и рассказы. М., «Знание», 1971, 299 с.
- Смешной баобаб. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1970, № 9.
- Домбровский К. Серые муравьи. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература». Ч. 1, 1969, с. 3—96; ч. 2, 1973, с. 91—207.
- Дружин И. Бумеранг. Рассказ. — Альманах «Дружба», № 1. Чебоксары, 1973.
- Дружков Ю. Прости меня... Повесть. М., «Молодая гвардия», 1972, 255 с.
- Еренинов В. Феномен Локвуса. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1969, с. 441—468.
- Ефимов В. Мой железный идеал. Рассказ. — «За доблестный труд», 1969, № 134, с. 4.
- Жаренов А. Парадокс великого Пта. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1970, 256 с. (Б-ка советской фантастики).
- Жемайтис С. Багряная планета. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1973, 223 с. (Б-ка советской фантастики).
- Вечный ветер. Повесть. М., «Детская литература», 1970, 285 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).
- Житомирский С. Чертова стена. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1972, № 10.
- Ошибка. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1968, № 7.
- Журавлева В. Мы пойдем мимо — и дальше. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 113—136.
- Придет такой день. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1968. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 101—125.
- Приключение. Рассказ. — «Знание — сила», 1969, № 12.
- Снежный мост над пропастью. Рассказы. М., «Детская литература», 1971, 207 с.

Забелин И. Кара-Сердар. Повесть. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1969, с. 407—440.

Залагин С. Оська — смешной мальчик. Повесть. — «Дружба народов», 1973, № 9.

Замерфанд Д. Невероятное происшествие. Рассказ. — Альманах «Дружба», № 12. Чебоксары, 1972.

Зейтунцян П. Легенды XX века. Роман. Ереван, «Айастан», 1969, 224 с.

Зеликович Э. Операция № 2. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1969, с. 524—563.

Ибрагимбеков М. Занятое место. Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник. Баку, «Гянджлик», 1970, с. 19—48.

Иванова Ю. Земля спокойных. Повесть. — «Смена», 1971, № 20—24.

Иванов В. Сизиф, сын Эсла. Рассказ. — В кн.: Нефантасты в фантастике. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 385—405.

Иволгин А. Рукопись Джуалино Турриано. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1972, № 8.

Кабур Б. Ропс-Ропс помогает всем. Пьесы. Таллин, «Ээсти Раамат», 1970, 111 с.

Казанцев А. Клин клином... Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1973.

— Сильнее времени. Роман в 3-х кн. М., «Московский рабочий», 1973, 368 с.

— Фаэты. Роман. В 3-х частях. — «Искатель», ч. I, 1971, № 3—4; 1972, № 4—5; 1973, № 2—3.

Караханов В. Скорпион. Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник. Баку, «Гянджлик», 1970, с. 49—84.

Клименко М. Судная ночь. Рассказ. — В кн.: Фантастика-1967. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 352—355.

Колпаков А. Если это случится... Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1968, с. 371—386.

— Нетленный луч. Рассказы. М., «Советская Россия», 1971, 112 с. (Короткие повести и рассказы).

Колупаев В. Билет в детство. Рассказ. — «Вокруг света», 1969, № 10, с. 13—16.

— Волевое усилие. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 203—221.

— Город мой. Зачем жил человек? Рассказы. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 203—231.

— Качели Отшельника. Повесть. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 9—60.

— Ма-а-а-ма! Рассказ. — «Вокруг света», 1970, № 4, с. 44—46.

— Разноцветное счастье. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1971, № 5.

— Случится же с человеком такое!.. Рассказы и повесть. М., «Молодая гвардия», 1972, 270 с. (Б-ка советской фантастики).

Комаров В. Переворот откладывается. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 12. М., «Знание», 1972, с. 16—23.

Кондратов Э., Сокольников В. Десант из прошлого. Роман. Куйбышев, Кн. изд-во, 1968, 288 с.

Крапивин В. Далекие горнисты. Повесть. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 174—194.

Краснов Г. Тайна Сарматских гор. Повесть. — Альманах «Дружба», № 2. Чебоксары, 1973.

Кривич М., Ольгин Л. Что-то стало холодать. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 12. М., «Знание», 1972, с. 24—28.

Кузнецов Ю. Исповедь водителя МВ. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1968, № 1, с. 14—15.

Лапин Б. Десять лет спустя. Рассказ. — «Советская молодежь», 1968, № 136.

— Кратер Ольга. Повести и рассказы. Иркутск. Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1968, 135 с.

— Ничьи дети. Повесть. — «Советская молодежь», 1970, № 85, 89, 91—94, 96.

— Опрокинутый мир. Рассказ. — «Сибирь», 1972, № 2, с. 31—47.

— Первая звездная. Повесть. — «Сибирь», 1973, № 2, с. 3—38.

— Старинная детская песенка. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 264—270.

Ларионова О. Двойная фамилия. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 301—327.

— Остров мужества. Роман. Повесть. Рассказы. Л., Лениздат, 1971, 288 с.

— У моря, где край земли... Рассказ. — В кн.: Вторжение в Персей. Сборник. Л., Лениздат, 1968, с. 392—411.

Ласков И. Возвращение Одиссея. Повесть. — «Полярная звезда», 1971, № 1—2.

Лукманов Ф. Пленники подземного тайника. Повесть. Уфа, Башкингиздат, 1971, 192 с.

Львов А. Две смерти Чезаре Россолимо. Повести. Одесса, «Маяк», 1969, 263 с.

Малахов А. Знаки бессмертия. Рассказы. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1970, 137 с.

Малов В. Академия «Биссектриса». Повесть. — «Искатель», 1968, № 5, с. 30—66.

— Семь пядей. Повесть. — «Искатель», 1970, № 4.

— Я — шерристианин. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 66—119.

Мартынов Г. Кто же он? Повесть. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 33—193.

— Совсем рядом. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 351—405.

Махмудов Э. Голос Земли. Южнее залива астронавтов. Рассказы. — «Литературный Азербайджан», 1968, № 5.

— К вопросу о... Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник. Баку. «Гяндзлик», 1970, с. 124—129.

Медведев Ю. Зеркало времени. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1973, № 2.

Мееров А. Право вето. Роман. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 465—694.

Мелентьев В. Черный свет. Повесть. М., «Детская литература», 1970, 222 с.

Милькин И. Антиномерин. Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник. Баку, «Гянджлик», 1970, с. 142—157.

Мирер А. Главный полдень. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1969, с. 673—789.

— Субмарина «Голубой кит». Повесть. Л., «Детская литература», 1968, 224 с.

— У меня девять жизней. Повесть. — «Знание — сила», 1969, № 1—7.

Митыпов В. Зеленое безумие земли. Приход больших обезьян. Повести. — В кн.: Митыпов В. Ступени совершенства. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1969, с. 63—254.

— Мамонтенок Фуф. Повесть. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1970, 72 с.

Михайлов В. «Адмирал» над поляной. Рассказ. — «Искатель», 1973, № 4.

— День, вечер, ночь, утро... Рассказ. — «Искатель», 1968, № 4, с. 2—34.

— Исток. Рассказы. Рига, «Лиесма», 1972, 186 с.

— Пилот экстракласса. Рассказ. — «Знание — сила», 1969, № 10, с. 51—55.

— Ручей на Япете. Рассказ. — «Вокруг света», 1968, № 6, с. 32—40, 62—63.

— Скучный разговор на заре. Рассказ. — В кн.: Михайлов В. Ручей на Япете. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 151—171.

Михайлов О. Летающая радуга. Рассказ. — В кн.: Сквозь завесу времени. Сборник. Магадан, Кн. изд-во, 1971, с. 111—113.

Михалков С. Первая тройка, или Год 2001. Киноповесть. М., «Детская литература», 1971, 64 с.

Михановский В. Двойник. Повесть. — «Искатель», 1968, № 2, с. 86—137.

— Дно мира. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1973, с. 529—546.

— Залив дохлого кита. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1970, с. 448—467.

— Мир, замкнутый в себе. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 224—229.

— Стена. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 344—381.

— Удача. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1968, с. 448—452.

— Фиалка. Повесть. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 12. М., «Знание», 1972, с. 29—110.

— Шаги в бесконечности. Роман. М., «Мысль», 1973, 271 с. (Путешествия. Приключения. Поиск).

Михеев М. Далекая от Солнца. Рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1969, 103 с.

— Милые роботы. Рассказы. Новосибирск. Западно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 255 с.

Михеев Э., Пирожков А. Данайский дар. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1970, с. 468—495.

Моисеев Ю. Прошли глаза Майи... Рассказ. — В кн.: В Мареве атолла. Сборник. М., «Мысль», 1973, с. 220—253.

— Смерть напрокат. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1970, с. 425—432.

— Титания, Титания! Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1972, с. 406—429.

Мордэль Г. Сонарол. Повесть. Рига, «Лиесма», 1971, 74 с.

Морочкин В. Ежик. Мое имя вам известно. Рассказы. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 189—202.

— Там, где вечно дремлет тайна. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 141—161.

Назаров В. Вечные паруса. Повести. Красноярское кн. изд-во, 1972, 383 с.

Немченко М., Немченко Л. Вести из грядущего. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 99—105.

— Двери. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 62—69.

— Ехал король воевать... Рассказ. — «Уральский следопыт», 1969, № 9.

— Логическое завершение. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 537—539.

Никитин Ю. Великаны. Встреча в лесу. Муравьи. Планета красивых закатов. Рассказы. — В кн.: Меридианы. Сборник. Харьков, «Прапор», 1973.

— Дополнительный экзамен. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1968, № 5.

— Конкурс. Рассказ. — «Урал», 1969, № 4.

— Контакт откладывается. Рассказ. — «Урал», 1968, № 10.

— Краткий словарь начинающего фантаста. Юмореска. — «Техника — молодежи», 1968, № 1.

— После охоты. Рассказ. — «Дальний Восток», 1969, № 4.

— Последний день отпуска. Рассказ. — «Комсомолец Татарии», 1968, 28 апреля.

— Слишком удачная конструкция. Рассказ. — «Урал», 1969, № 8.

— Фонарь Диогена. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 159—163.

— Человек, изменивший мир. Рассказы. М. «Молодая гвардия», 1973, 175 с. (Б-ка советской фантастики).

Николаев О. Медная зрительная труба. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1972, с. 446—460.

Никольский Б. Наездник. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1973, 18 февраля.

Никольский В. Любовь, космос и роботы. Рассказы. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1970, 63 с.

Обухова Л. Диалог с лунным человеком. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 179—189.

Осинский В. Космический корабль. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 229—235.

Островский Г. Занятная новогодняя история. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1972, № 12.

— Мир четырех горизонтов. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1968, № 9.

— Сквозь Черные пустыни. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1971, № 7.

— Три тени от одного камня. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1973, № 7.

Павлов С. Акванисты. Повесть. Красноярское кн. изд-во. 1968, 164 с.

— Чердак Вселенной. Повесть. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 7—56.

Палей А. В простор планетный. Роман. М., «Мысль», 1968, 191 с. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

— Себе навстречу. Рассказ. — В кн.: В мареве атолла. Сборник. М., «Мысль», 1973, с. 194—219.

Пальман В. Экипаж «Снежной кошки». Повесть. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1971, с. 401—451.

Печенкин В. Два дня «Вериты». Роман. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1973, 192 с.

Платонов А. Эфирный тракт. Повесть. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 247—302.

Подольный Р. Восьмая горизонталь. Повесть. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 57—110.

— Всего один укол. Рассказ. — «Уральский следопыт», 1969, № 12.

— Кто поверит? Начало дискуссии. Рассказы. — В кн.: Фантастика-68. М., Молодая гвардия», 1969, с. 159—164.

— Сага про Митю. Рассказ. — «Памир», 1973, № 12.

— Согласен быть вторым. Повесть. — «Искатель», 1973, № 1.

— Умение ждать. Рассказ. — «Искатель», 1968, № 3.

— Четверть гения. Повесть и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1970, 208 с. (Б-ка советской фантастики).

Полещук А. Эффект бешеного солнца. Повесть. — В кн.: Альманах научной фантастики. Вып. 8. М., «Знание», 1969.

Попогребский П. Абицелла. Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 122—167.

Прокурин П. Улыбка ребенка. Рассказ. — «Искатель», 1972, № 3, с. 71—89.

Пухов М. Палиндром в Антимир. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1971, № 9. Охотничья экспедиция. Рассказ. Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 230—235.

— Пропажа. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 232—238.

— Случайная последовательность. Рассказ. — «Знание — сила», 1973, № 8.

Рахманин Б. Часы без стрелок. Повесть. — «Дружба народов», 1973, № 11.

Реймерс Г. Северная корона. Повесть. — Тула, Приокское кн. изд-во, 1969, 431 с.

Рич В. Последний мутант. Рассказ. — В кн.: Фантастика-68. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 165—171.

Розанова Л. В этот исторический день... Рассказ. — В кн.: Фантастика-68. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 172—181.

— Кактус профессора Очкина. Рассказ. — «Знание — сила», 1969, № 4, с. 34—36.

Романовский Б. Две руки. Рассказ. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 491—505.

Росоховатский И. Древний рецепт. Рассказ. — В кн.: На суше и на море. М., «Мысль», 1971, с. 491—505.

— Каким ты вернешься? Рассказы и повесть. М., «Детская литература», 1971, 255 с.

— Напиток жизни. Рассказ. — «Искатель», 1969, № 4.

— Обратная связь. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69-70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 130—136.

— Прыгнуть выше себя... Повесть. — «Уральский следопыт», 1968, № 10, с. 56—67.

— Пусть сеятель знает... Повесть. — «Уральский следопыт», 1972, № 4—6.

— Фантастика. Рассказ. — «Радуга», 1972, № 6.

Руденко М. Волшебный бумеранг. Роман. Пер. с укр. М., «Молодая гвардия», 1968, 382 с. (Б-ка советской фантастики).

Савченко В. т. Обелиск. Опасный шаг. Черта, за которой... Рассказы. В кн.: Сквозь завесу времени. Сборник. Магадан, Кн. изд-во, 1971, с. 80—110.

Савченко В. Тупик. Повесть. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 110—156.

Садовников Г. Продавец приключений. Повесть. М., «Детская литература», 1972, 287 с.

Сапарин В. Разговор в кафе. Рассказ. — «Вокруг света», 1967, № 2.

Сапожников Л. У нас в Кибертонии. Повесть. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 307—342.

Саруханов Р. Изгнание выгонтов. Рассказ. — «Знание — сила», 1968, № 7, с. 44—45.

Сергеев Д. Завещание каменного века. Повести и рассказы. Иркутск, Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 319 с.

— Погребенные. Рассказ. — «Сибирь», 1973, № 3.

Силенский А. Твое право. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 196—202.

Симонян К. Марсианский язык. Рассказ. Пер. с армян. — «Пионер», 1973, № 9.

— Фантастика. Роман. Рассказы. Пер. с армян. Ереван, «Айастан», 1972, 316 с.

Скайлис А. Путч памятников. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 360—366.

Служин В., Карташев Е. Привет старины. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 689—694.

— Фурык. Рассказ. — В кн.: Только один старт. Сборник. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 167—173.

Смирнов Иг. Близкая Со-Леста. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 165—177.

Снегов С. Люди как боги. Роман. Кн. 2. — В кн.: Вторжение в Персей. Сборник. Л., Лениздат, 1968, с. 35—308.

— Огонь, который всегда в тебе. Умершие живут. Рассказы. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 399—443.

Сошинская К. Федор Тимофеевич и мировая наука. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 211.

Стась А. Зеленая западня. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 382—406.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Малыш. Повесть. — «Аврора», 1971, № 8—11.

— Обитаемый остров. Повесть. М., «Детская литература», 1971, 319 с. (Б-ка приключений и научной-фантастики).

— Отель «У погибшего альпиниста». Повесть. — «Юность», 1970, № 9—11.

Суркис Ф. Сердце плато. Рассказ. — «Социалистическая индустрия», 1972, 31 декабря.

Тарасенко Н. Роботизация Гоморры. Хиатус. Повести. — В кн.: Тарасенко Н. Прокамия. Киев, «Радянський письменник», 1969, с. 64—114.

Ткачев Ю. Жизнь. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 159—163.

Томан Н. Робот «Чарли» грабит банк. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973, с. 156—203.

Томилин А. Проект Альфа К-2. Повесть. Л., «Детская литература», 1968, 216 с.

Туглас Ф. Прощальный привет. Рассказ. — В кн.: Туглас Ф. Золотой обруч. М., «Художественная литература», 1968, с. 206.

Тупицын Ю. Красный мир. Фантомия. Рассказы. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 236—246.

— Мэйдэй. Рассказ. — «Искатель», 1973, № 2.

— На восходе солнца. Рассказ. — В кн.: Фантастика-71. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 190—202.

— Синий мир. Рассказы и повести. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1972, 280 с.

Успенский Л. Шальмугровое яблоко. Повесть. — В кн.: Фантастика-72. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 61—109.

— Эн-два-о плюс икс дважды. Повесть. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 7—81.

Филановский Г. Дерево на улице. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 479—497.

— Фантазки. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 367—376.

Фирсов В. Бессмертие для рыжих. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1969, с. 515—523.

— Браконьеры. Рассказ. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 709—724.

— Зеленый глаз. Рассказ. — В кн.: Полюс риска. Сборник. Баку, «Гянджлик», 1970, с. 172—181.

— Только один час. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 43—54.

— Эликсир силы (Патруль). Рассказ. — «Техника — молодежи», 1970, № 8, с. 42—45.

Хлебников А. Круг позора. Последнее средство. Талисман. Рассказы. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 499—515.

Цыганов В. Марсианские рассказы. — «Знание — сила», 1973, № 12.

Чернов С. Четыре спирали. Рассказ. — «Сибирь», 1972, № 2, с. 48—60.

Чижевский Г. Гамадриады подстерегают в саду. Рассказ. — В кн.: На суще и на море. М., «Мысль», 1969, с. 295—314.

Чудакова М. Пространство жизни. Рассказ. — «Знание — сила», 1969, № 8, с. 43—44.

Шалимов А. Путь в никуда. Рассказ. — В кн.: Вторжение в Персей. Сборник. Л., Лениздат, 1968, с. 375—391.

— Странный мир. Рассказы. Л., «Советский писатель», 1972, 232 с.

Шашурина Д. Зачем вспоминать сосны? Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 191—195.

Шах Г. И деревья, как всадники... Рассказ. — В кн.: Сборник научной фантастики. Вып. 11. М., «Знание», 1972, с. 168—185.

Шейкин А. Тайна всех тайн. Повесть. — В кн.: Тайна всех тайн. Сборник. Л., Лениздат, 1971, с. 195—289.

— Хлеб будущего. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 179—187.

Шефнер В. Дворец на троих... Повесть. — «Звезда», 1969, № 12.

— Девушка у обрыва. Повести. М., «Знание», 1971, 222 с.

— Круглая тайна. Повесть. — «Звезда», 1970, № 10.

Шербаков А. Беглый подопечный практиканта Лойна. Рассказ. — В кн.: Талисман. Сборник. Л., «Детская литература», 1973, с. 541.

Шербаков В. Жук. Рассказ. — В кн.: Фантастика-67. М., «Молодая гвардия», 1968, с. 236—237.

— Прямое доказательство. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1969, № 5, с. 7—8.

— Звездные дали. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1971, № 10.

— Мост. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1972, № 11.

— Сегодня вечером. Рассказ. — В кн.: НФ — альманах научной фантастики. Вып. 8. М., «Знание», 1969.

Щитик В. Скачок в ничто. Рассказ. Пер. с белорусского. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1973.

Эджубов Л. Срок жизни. Рассказ. — В кн.: Фантастика 69—70. М., «Молодая гвардия», 1970, с. 162—190.

Юршов В. Зеленые цветы короны. Рассказ. — «Техника — молодежи», 1968, № 2.

Юрьев З. Белое снадобье. Роман. — «Искатель». 1973, № 4—5.

— Кукла в бидоне. Повесть. — В кн.: Мир приключений. М., «Детская литература», 1971, с. 195—290.

— Люди и слепки. Повесть. — «Наука и религия», 1973, № 9—12.

— Рука Кассандры. Повести. М., «Детская литература», 1970, 286 с. (Б-ка приключений и научной фантастики).

— Финансист на четвереньках. Повести. М., «Молодая гвардия», 1970, 284 с. (Б-ка советской фантастики).

Якубовский А. Аргус-12. Повести и рассказы. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1972, 62 с.

— Мефисто. Рассказ. — «Сибирь», 1972, № 2.

— Прозрачник. Повесть. — «Сибирские огни», 1972, № 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Прогресс и мечта (предисловие составителя)	3
Повести и рассказы	
Олег Алексеев. Ратные луга	8
Север Гансовский. Побег	54
Виктор Колупаев. Молчанье	77
Владимир Мелентьев. Индия, любовь моя	85
Игорь Дручин. Лабиринт	112
Дмитрий Де-Спиллер. Планета калейдоскопов	129
Георгий Гуревич. Троя	140
Владимир Рыбин. Дверь в иной мир	161
Георгий Вачнадзе. Звездный парус	176
Дмитрий Шашурин. Сорочий глаз	183
Григорий Тарнаруцкий. Не разобрались	219
Ромас Калонайтис. Последний враг	226
Владимир Михановский. Испытание	236
Лев Эджубов. Ошибка	244
Михаил Грешнов. Надежда	260
Владимир Щербаков. Болид над озером	272
Молодые голоса	
Сергей Смирнов. Цветок в дорожной сумке	280
Мария Мамонова. Возвращение	286
Павел Липатов. Часы с браслетом	297
Ион Минэскуртэ. Мужчины Вселенной	309
Дмитрий Карасев. Доказательство	314
Абдул-Хамид Мархабаев. Ответное слово	318
Александр Петрин. Тайна Бермудского треугольника	323
Владимир Волин. Как сделать НФ фильм?	325
Границ будущего	
Сергей Павлов. Стратегия поиска	328
Иван Ефремов: «Хорошего в человеке много...»	334
Леонид Булыгин. Климат третьего тысячелетия	338
Леонид Поспелов. Размышляя об истоках жизни	342
Николай Дубинин. Тайны наших генов	346
Библиография	
Александр Осипов. Советская фантастика 1968 — 1973 гг.	368

Фантастика-77. М., «Молодая гвардия», 1977.

384 с. с ил.

На обороте тит. л. сост.: В. Шербаков.

В традиционном сборнике произведений советских писателей-фантастов представлены известные авторы и молодые таланты. Герои повестей и рассказов размышляют и действуют не только в будущем, что характерно для фантастики, но и участвуют в событиях, связанных с историей нашей страны и ее настоящим. В разделе «Грани будущего» выступают ученые и популяризаторы науки, публикуются материалы, посвященные памяти крупнейшего советского писателя-фантаста И. А. Ефремова.

Р2

Ф 70302—304 267—77
Ф 078(02)—77

На первой странице обложки воспроизведена картина молодого краснодарского художника-фантаста Геннадия Букреева «Звездная песнь»; на четвертой странице обложки — репродукции с полотна заслуженного деятеля науки и техники СССР, москвича Георгия Покровского «БАМ проложет до океанов».

ИБ № 743

ФАНТАСТИКА-77

Редактор **Д. Зисберов**

Художник **Б. Жуговский**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Т. Цыкунова**

Сдано в набор 7/IV 1977 г. Подписано к печати 16/XI 1977 г. А05138.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 24 (усл. 24). Уч.-изд. л. 25,5.
Тираж 200 000 экз. Цена 1 р. 80 к. Т. П. 1977 г. № 267. Заказ 428.
(1-й завод 100 000 экз.).

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва,
К-30, Сущевская, 21.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 р. 80 к.